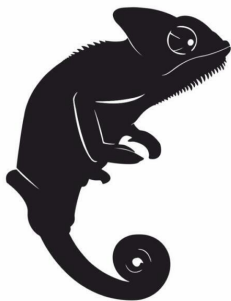

ПЕТР ЕЛИЗАРОВ

ОДНАЖДЫ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

II

ЧРЕЗМЕРНОЕ
УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ВАШЕЙ
МУЗДОРОВЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Петр Анатольевич Елизаров

Однажды в Челябинске.

Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69012865

SelfPub; 2023

Аннотация

Хоккеисты, послушавшись тренера, все же устроили вечеринку, которая немного вышла из-под контроля. В итоге молодые ребята натворили дел. Однако решить возникшие проблемы и уберечь перспективных спортсменов от местных бандитов и полиции вызывается эксцентричный помощник тренера. И его Челябинск готов проверить на прочность. Или наоборот? В книге представлены: третья часть романа и эпилог.

Содержание

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ДИЖЕСТИВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ»	5
История двадцать пятая. «На пожарной лестнице»	5
История двадцать шестая. «Таксист»	25
История двадцать седьмая. «Досмотр»	43
История двадцать восьмая. «Нет ничего страшнее обиженной женщины»	55
История двадцать девятая. «Заправка»	85
История тридцатая. «Холод, страх и нажива»	111
История тридцать первая. «На посту»	149
История тридцать вторая. «Грязь и чистота»	201
История тридцать третья. «По горячим следам»	224
История тридцать четвертая. «Заложники»	296
История тридцать пятая. «Освобождение»	332
История тридцать шестая. «Погоня»	427
История тридцать седьмая. «Пистолет, бита и мостик»	466
История тридцать восьмая. «Мама»	510
История тридцать девятая. «Хозяин»	542
История сороковая. «Построение»	564
ЭПИЛОГ	619

«Справедливый обмен»	619
«Противодействие коррупции»	647
«Его глаза напротив»	659
«Окончательный диагноз»	669
«1999»	675
«На «Меридиане»	721
ПОСВЯЩЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ	741
СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ	743

Петр Елизаров
Однажды в Челябинске.
Книга вторая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ДИЖЕСТИВ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ»

История двадцать пятая.
«На пожарной лестнице»

– Доброй ночи, девушка. Я хотел бы заказать машину.

Я как следует утеплился: кофта, куртка, шапка, шарф, варежки. И не зря.

– Где вы находитесь? – сонным голосом спросила оператор.

– На крыше, – ляпнул я, оглядывая окрестности.

Хорошо, что девушка на том конце провода оказалась с юмором и не прервала связь. Полно ведь всяких неадекватных личностей – мало ли кто подсядет к таксисту ночью. Затаскают потом показания давать.

– Простите, наше единственное летающее такси в данный

момент на ремонте... года так до 2050-го. Поэтому спускайтесь, пожалуйста, на землю и назовите точный адрес, откуда вас забрать.

– Улица Комсомольская, дом 18, – затем я обозначил и пункт назначения, расположенный где-то посередине челябинской неизвестности. – Мне не придется ждать до утра?

– Не переживайте. Как раз недалеко от вас есть машина. Серебристый «Мерседес». Скоро приедет к вам.

– А номер машины?

– Да зачем он нужен? – бесцеремонно зевнула оператор. – Как часто вы видите на улицах старенький «Мерседес Бенц Е500»?

– Тоже верно. Благодарю.

– Ожидайте.

Неудобно говорить по телефону, когда ты в варежках и в шапке и когда на улице 20-градусный мороз – оголишь на минутку какой-нибудь участок тела и не отогреешься.

Я приблизился к краю крыши в месте, где закреплены закругленные перила отвесной лестницы. Глянув вниз, прямоком в зияющую пустоту, я отошел от спуска. Неужто я могу сойти с дистанции на первом же этапе? А не проще разбудить вахтера на первом этаже и выйти через главный вход? Нет, о несанкционированной ночной вылазке никто не должен знать.

Собрав волю в кулак, я снова подошел к краю бетонного обрыва. Кто ж еще сможет разобраться в этой заварушке

кроме меня? Звучит все просто: найти машину в точке А, вернуть в точку Б. И еще я не умею водить. Подумаешь...

«Что же я делаю? – размышлял я. – Ради чего я это делаю? Ради кого? Ради себя? Ради Арсения? Ради негодяев, к которым я проникся за эти месяцы больше, чем к кому-либо ранее? Вот он, самый необдуманый и спонтанный поступок в моей жизни!»

Я встал на парапет, развернулся и опустил правую ногу в поиске ближайшей опоры. Крепко ухватившись за перила, я стал спускаться по холодной металлической лестнице, стараясь не смотреть вниз и по сторонам. Стоит потерять концентрацию и...

Ботинок соскользнул и словно якорь потянул меня вниз. Большой бок обожгло болью. Пальцы разжались. Одна варежка даже на ступеньке осталась, будто намертво примерзла. Я полетел вниз.

Правда, в состоянии свободного падения я находился чуть более метра и приземлился на решетчатый пол первой горизонтальной площадки, машинально вскочил и от испуга прижался вплотную к белой стене здания, дабы не перекувыркнуться уже в настоящую пропасть. Так и просидел с минуту, ухватившись за прутья ограды и опасно поглядывая на следующую площадку, пологую и не отвесную. Хотя и на таких в мороз можно знатно навернуться.

Времени прохлаждаться нет. Координацию и выдержку терять непозволительно. Отдышавшись и сняв варежку с

лестницы, я продолжил путь – стальные конструкции брэнчали под ногами, порывы редкого ветерка посвистывали меж прутьями.

Уверовав в собственные силы и оступившись в первые же минуты, я стал смотреть на вещи трезво. Не слишком ли все это серьезно для 16-летних: «Люди в таком возрасте думают, что у них есть мозги, а на деле их нет. Совсем. Только жажда риска, самонадеянность, непоколебимая уверенность, что они контролируют ситуацию. А по факту ни того, ни другого», – думал я, преодолевая пролет за пролетом.

«Я не такой, как остальные мои сверстники», – минуту назад считал я. Выходит, что такой. У меня явно есть знания, но нет умений, нет должного опыта. А как еще набираться опыта, не набивая синяков и ссадин? Теперь я понимаю, что имел в виду Арс, когда говорил, что хочет жить на полную катушку. Сидя дома за учебниками, я, получается, приобретаю меньше, чем теряю, так? Тогда для чего же я пролез в хоккейную школу, если не для...

– Ты куда лезешь, паршивец?! – раздался старческий голос из окна выше. Я припал к лестнице. – Оставь ее в покое, козел! Она не хочет с тобой говорить, слышишь?! Уходи, а то я сброшу что-нибудь тяжелое на твою башку!

– Не надо. Я ухожу, ухожу.

– Вот же народ пошел. Ни страха, ни совести, – подключился второй голос – теперь откуда-то снизу. – Только и лезут: траву покурить да потрахаться.

– Не тронь девочку! Все у нее хорошо.

– Опять эти наркоши?! Я сейчас спущусь, – объявил третий голос.

– Ради всего святого! Дайте же людям поспать! – выкрикнул в форточку четвертый голос.

Действительно, подумалось мне, чего никто не спит? Ночь на дворе.

– Спи! Кто тебе не дает? – сказал некто пятый.

– Мне-то как раз дают, а вот тебе...

Я решил тихо устраниваться из словесной перепалки и поскорее спуститься вниз.

Как раз на уровне нашего этажа сквозь замерзшее стекло я рассмотрел сидящую в комнате парочку, которая страстно целовалась: миловидная блондинка с миниатюрным личиком и темноволосый широкоплечий бугай, правая рука которого забинтована и зафиксирована на груди, что не мешает ему прижимать к себе спутницу свободной лапой. Они буквально пожирают друг друга, а не целуются.

«Вот, кажется, и ваша девчонка. И да, у нее точно все хорошо», – ухмыльнулся я и продолжил спуск. Однако вскоре до меня дошло, что с этой девчонкой я разговаривал о хоккеистах. Да-да, это она и есть. Света – ее ведь так зовут? Теперь я мог быть спокоен, ибо у Светланки точно есть ухажер.

***

Света не имела ни малейшего представления, сколько вре-

мени она проплакала с тех самых пор, как запустила коробкой конфет в Зеленцова. После столь оригинального объяснения она залетела в свою комнату и принялась рыдать. После Светочка умудрилась проспять несколько часов, не отрывая лица от подушки – сейчас она боялась шелохнуться: ей казалось, что перед кроватью в очередь выстроилась целая хоккейная команда, которая ее тотчас же изнасилует. Либо все банальнее: ее пробуждения дожидается вернувшийся из небытия Витя, дабы завершить начатое.

На деле правда в том, что Свету, женственную и ранимую, абсолютно некому защитить. Стоило сделать один опрометчивый шаг, поддаться соблазну, как весь ее привычный мир покрылся трещинами. Может, чего быть, того не миновать? Может, стоит довольствоваться тем, что имеешь? Не идти на радикальные меры, дабы добыть то, что и так (заслуженно или нет) к тебе придет? Амуре тоже стоило бы усвоить этот урок. Света, кажется, уже усвоила.

Мужики – страшные, похотливые и беспощадные нелюди, которым только дай почувствовать запах свежего мяса невинной самочки, как они тут же теряют самоконтроль и готовы уничтожить все, что препятствует сиюминутному совокуплению. А чем, собственно, Света была недовольна изначально? Хоть Витек и не мужчина мечты (плюс проблем с ним выше крыши), Света как-никак любит его – с ним жизнь не такая уж никчемная и разорванная, какой кажется сейчас. Хочется все бросить, отчислиться и вернуться к родите-

лям в Коркино, ибо только они способны по-настоящему понять и успокоить дочурку, которая совершенно запуталась в том, чего хочет. Мир жесток, мужской мир жесток. Она всего лишь разменная монета в большой мужской игре – ее не считают особо ценным экземпляром, им плевать на ее чувства. Остается либо повышать свою ценность, либо перетерпеть и идти проторенной дорожкой с тем, кто ошибается, но тем не менее любит и ценит.

Волосы Светочки, длинные и шелковистые, распластались по подушке. Наволочка все еще влажная от слез; лицо покраснело, а веки припухли. Света поднялась с постели и осмотрелась – в комнате тихо и пусто. Значит, весь кошмар позади. Светкин видок соответствует состоянию ее души. Девушка поежилась от прохлады. Она ощущает себя еще не оперившимся птенцом, который остался в гнезде один. Теперь ему придется горевать в одиночестве и думать, что же делать дальше. Или птеник не одинок?

В окно постучали. Сердце Светы еще не успело вернуться на место, как вновь упало в пятки. Отодвинуть занавеску и взглянуть в глаза своему страху стало для студентки серьезным испытанием. Набравшись смелости, она резко одернула штору и увидела, что за окном, на пожарной лестнице, на корточках сидит Витек. Его правая рука загипсована, под глазом красуется здоровенный фингал, на щеке не успел зарубцеваться свежий кровоподтек, шапка набекрень, а куртка распорота в нескольких местах.

Света в страхе отпрянула от окна, словно обожглась, закрыла рот ладонью, вся задрожала и отвернулась от Вити, пытаясь унять подступающий ко рту вопль. Слезы, которые она вроде бы выплакала все, вновь хлынули из глаз. Однако девчонка успела заметить в молодом человеке главное – Витя уже не источает ту непредсказуемую животную ненависть, которая недавно в нем бурлила. На лице паренька уныние, глубочайшее сожаление и... надежда.

Девушка считала, что Витя помешался: он сейчас вломится в комнату и выбьет из нее всю дурь за попытку сходить налево. Однако Витя молчит и с сожалением глядит даже не на Свету, а куда-то внутрь себя, прекрасно понимая, что перешел все мыслимые и немыслимые границы. Видно, что он тоже мучается: в первую очередь от непонимания, как он повелся на слова младшего брата, который в итоге еще и кинул его. Предательство явно не сойдет Глебу с рук. Если же идти на поводу у своих примитивных представлений, Витя устроил бы брату семейную сцену с матюгами и мордобоем, несмотря на гипс. Но вместо этого Виктор понял простую истину: он смертельно оскорбил ту единственную, которая принимает его таким, какой он есть – он виноват перед ней и первым делом обязан явиться к Светланке на порог и встать на колени.

Решение мужлана вернуться в общагу (вместо исчезновения на неделю) удивило даму Витинового сердца. В кой-то веке настоящий мужской поступок. На самом деле все банальнее

некуда: после нехилой потасовки вернуться и начать душевный разговор может только человек, которому не о чем сожалеть и нечем думать – таков весь Виктор. Он бы давно затерялся среди сотен тысяч мелких уголовников, если б не умел вовремя и ловко пустить пыль в глаза, причем с таким усердием, что сам порой удивлялся, как все забывают про его взбалмошный характер, как за ним идут люди, как ему одалживают крупные суммы денег. Минус в том, что Виктор сует ложь куда ни попадая, совершенно не запоминая, что и кому обещает. И если его брат Глеб умеет выкручиваться из передраг так, что должны отныне ему, то Витя копит ворох долгов, обещаний и проблем. Свете же приходится делить с ним такую жизнь. Девчонка, кажется, окончательно осознала свою судьбу – последние события стали жирнейшим намеком свыше. Выражение Витино лица за окном напомнило Свете момент, когда она впервые спасла его от избиения. Именно тогда меж ними и промелькнула та неведомая искра. И вот теперь Светланка окончательно готова пойти у него на поводу, невзирая на последствия. Попытка отыскать замену Вите окончилась провалом. Вот так случайности и сводят людей, а намеренные шаги, напротив, частенько отдаляют их друг от друга.

Витя не знал, что можно еще сделать, кроме как каяться перед Светой и просить прощения. Готов ли он меняться, пойдет ли он на такие жертвы? Нынче Витьку по-настоящему хочется лишь одного – чтобы Света открыла окно и

впустила его внутрь. Он прекрасно знает, что ее трепетное сердце не позволит дать ему от ворот поворот – он ведь так виноват, так жалок и беспомощен, что девчонка обязательно клюнет. Света – его единственный шанс. Кто ж еще сможет принять и понять такого растяпу и неудачника, как он? Витек мог бы и дальше лежать на лавке и стонать от боли в плече, но он пришел сюда напрямик из травмпункта (с парой «незначительных» остановок), дабы объясниться.

Его сердце колотится об ребра как птичка в клетке – он не представляет, что будет делать, если сейчас его пошлют куда подальше. Еще бы, он ведь столько успел наговорить своей любимой.

– Света, – начал Виктор, прислонившись к стеклу, – сладкая моя. Умоляю, прости меня. Я... я не знаю, что на меня нашло. Я... я вел себя как придурок полный. Да как я вообще мог? – он театрально смотрел в сторону, качал головой, сжимал губы и морщил лоб. – Мне такой лапши на уши навешали, что... я... я не знал, что делать, куда деваться. Наворотил дел, короче. Но только потому, что очень боялся потерять тебя.

Светочка залезла на стол и поставила обе руки на подоконник, чтобы рассмотреть Витю поближе.

– Как и я тебя, – с придыханием призналась она. Ее глаза сверкали от слез. – Это я во всем виновата, Витя, – всхлипывала она.

– Нет, родная, ты ни в чем не виновата. Это я... не имел

права так себя вести... и причинять тебе боль. Клянусь, что никогда не подниму на тебя руку. Буду оберегать и защищать тебя, всегда буду рядом... даже если ты не простишь меня. Можешь послать меня – я этого заслуживаю целиком и полностью – я уйду и слова не скажу.

– Нет, не уходи. Я не хочу расставаться с тобой. Мне... мне страшно без тебя.

– Пока что я так себе защитник, – кивнул на повязку Витя.

– Для меня ты все равно самый лучший, самый сильный, – мурлыкала Света. – Кто ж не ошибается?

– Но сил в такой мороз явно не хватает, – натужно произнес он, теряя терпение. Странно, как он еще не заработал обморожения?

– Ах, вот я дура, – Света кинулась дергать за створки старого окна.

И вот «рыцарь без страха и упрека» оказался в теплой комнате и обнял Свету. Та припала к груди гордого, но поверженного дуэлянта.

– Господи, ты весь дрожишь.

– Пустяки, – ответил он, хотя еле как сдерживал мышцы челюсти, чтобы зубы предательски не застучали в столь ответственный момент.

– Нет-нет, садись, – засуетилась Светочка, принявшись укутывать паренька покрывалами и всем, что попадает под руку.

Именно от такой бескорыстной заботы Витя и кайфует.

Как же от нее отказаться?

– Свет, я...

– Я сейчас чайник поставлю, – Света залезла в тумбочку и достала оттуда электрочайник, строго-настрого запрещенный к использованию в комнатах общаги.

Светочка хотела сбегать на кухню и налить в него воды, как Витек схватил ее за руку. Девушка вздрогнула, но вскоре поняла, что бояться нечего, ибо Витя, не спуская с нее глаз, принялся нежно поглаживать пальцами ее увлажненное кремами запястье.

– Долго я не решался подняться к тебе. Боялся как школьник. Солидно затянул с решением, что охранник снизу уже не пустил, поэтому пришлось...

– Синяки и ссадины оттуда? – предвосхитила ход разговора Света, глянув в сторону пожарной лестницы. – И зачем ты только со своей рукой туда полез?

– У меня не было выбора. Я не мог допустить, чтобы ты страдала. Я и так достаточно проштрафился. А синяки... Они от тех, кто не хотел, чтобы я покидал незаконный бизнес, – будто бы нехотя вещал он.

– Господи, они еще и били тебя?

– Я оборонялся. И отвечал им.

– Дикость, – произнесла Света, подсев к Вите.

– Туда так легко попасть, но очень тяжело выбраться. Но я решил вопрос. Теперь все будет по-другому.

– Ты сделал это ради меня?

– Я понял, что больше не могу рисковать тобой и твоими чувствами, что хватит уже ходить вокруг да около. Отныне, любимая, ни одна слезинка не выкатится из твоих прекрасных глаз... если только от счастья. Ну ты чего?! Не вздумай плакать.

– Я так рада, что ты покончил с этим. Я всегда так переживала: как ты там, где ты там... и вообще, для чего это нужно все...

– Теперь уж точно не буду ввязываться в криминал. Так и посадить могут. Знаешь, я ведь должен был пойти сегодня на дело. Оно помогло бы поднять денег, закрыть мои долги и... В общем, – ему тяжело говорить – сказались предательство брата и травма руки, – я хотел совершить большую ошибку: мы с братвой планировали угнать автомобиль и продать его, а вырученные деньги поделить поровну. Но мне хотелось большего: кинуть пацанов, забрать все деньги и... Короче, все пошло наперекосяк, – пенял на руку Витек, – но это лишь на первый взгляд. Если пораскинуть мозгами, то эти хоккеры, особенно дылда кудрявый, который хотел с тобой...

– Не хочу вспоминать.

– Нет, послушай. Они испортили всю поляну, не спору. Но не будь здесь этих козлов, непонятно, чем бы закончилось для меня ночное дело. А еще я понял, что в моей жизни действительно важно и правильно, а что просто мусор. Я понял, что без тебя я никто. Понял, что должен завязать с

делянками, оклематься, найти нормальную работу... Стать лучше, одним словом... Для тебя, Света.

– Так давно я хотела это услышать, – с придыханием произнесла она.

– Я идиот полнейший, что раньше не просек. Поначалу мое занятие казалось забавным. Теперь-то мне не до шуток, ведь если я продолжу, то потеряю тебя. А я не хочу этого. Не встань мудаки-хоккеисты на нашем пути, мы бы так ничего и не поняли. Своим счастьем мы им в кой-то мере обязаны... Но теперь тебя никто не посмеет тронуть.

– Я не сомневаюсь. Хватит проверок и испытаний. Мы уже все друг другу доказали.

– Что за ночь...

– Началась как самая ужасная, – Света обняла Витю, – зато кончилась как самая лучшая.

– Ты ведь не боишься меня, правда?

– Нет, – улыбнулась она.

– Эх, Светка, заживем так заживем. Вот увидишь.

– Что же делать с долгами, Витя?

– Я с ними разберусь – теперь меня ничего не будет отвлекать. Ах, точно, – оживился он. Стоило переходить к запланированной кульминации. – Я не говорил тебе, почему в долги залез?

– Мне казалось, – озадачилась Света, – все из-за карт или...

– Нет, глупышка, не угадала.

– Что же тогда, Вить? Пожалуйста, не пугай меня.

– Я же сказал, что со страхом покончено, ладно?

– Ладно.

– Закрой глаза, пожалуйста.

– Витя?

– Давай-давай, ничего не хочу слышать. Не бойся.

– Я, честно, даже не знаю, – сомневалась Светланка.

Влюбленные сидели друг напротив друга. Света закрыла глаза.

– Да, я выгляжу как чухан для такого торжественного момента, но оттягивать его не могу, – Витя вытащил из куртки небольшой футлярчик синего цвета.

– Ты о чем?

– Свет?

– Что?

– Выходи за меня.

Открыв глаза, Света увидела обручальное колечко и лишилась дара речи.

– Это сон?

– Нет, дорогая, все реально, – как можно нежнее произнес Витек.

В таком поломанном, потрепанном виде он не похож на адекватного парня, решившегося сделать девушке предложение. Особенно царапина на лице. А этот грандиозный фингал. Однако Света будто и не замечала всей «красоты» молодого человека. Она просто не могла поверить – распла-

калась и закивала головой.

– Мне же только 17...

– Через несколько месяцев проблема уйдет сама собой.

– Не знаю даже, что говорить. Я... растеряна... Я...

– Да ничего не говори. Просто иди ко мне.

Девушка обняла Витю так, что тот чуть не выронил футлярчик с кольцом. Парочка слилась в страстном поцелуе. Если бы не загипсованная рука Вити, Светочка уже давно бы завалила его на кровать.

Они так поглощены друг другом, что не замечают, как за ними снова подглядывают из окна. Нет, не Глеб. Невольный свидетель примирения не плел антисемейных интриг, а лишь спешил по другим важным делам.

– Витя, ты... ты на кольцо занимал деньги?

– Почти.

– Стоило ли так...

– Ты достойна большего.

– Мне так неловко...

– Ты чего, красавица? Я же люблю тебя, – произнес довольный Виктор. Поцелуй немного щипал ему губы и щеки. – Прекрати уже плакать.

Настойчивый стук в дверь прервал идиллию.

– Я упаду в обморок, если там батюшка из храма и наши родители, – произнесла Света, переоценивая возможности ухажера.

– Не все сразу, – умерил аппетиты невесты Витек.

– Открыть?

– Попробуй, – Виктор сжал в кулак пальцы на здоровой руке.

Света направилась к двери, а Витя остался на кровати и опасливо глядел в ту сторону: сегодня ничего хорошего из коридора не поступало. Неужели пришли по его душу?

Из дверей прямо к Свете на руки упала бухая Амира. Косяк с дружбаном хорошенько напоили гостью из Средней Азии. А Глеб так к ней и не вернулся.

– Что с тобой?! – удивленно спросила подругу Светлана.

– А что, не видно?! – развязно ответила та.

– Вот и первый свидетель! – решил неуместно пошутить Витя, отложив в сторону чайник, которым собирался атаковать соперников, если они снова решат наведаться к Свете.

– Привет, Витюша, – улыбнулась Амира. – О-о-й, знали бы вы, какие эти двое на самом деле здоровские пацаны! – горланила она. – И почему я не замечала их раньше?

– Что с ней? Обкурилась, что ли?

– Нет, не могла, – покачала головой Света.

– Лучше за себя говори, сударыня. И завязывай уже правильной быть, – упрекнула подругу Амира. – Скажи, занятно же было?

– Нет, все эти игры, хоккеисты... не по мне.

– Зря, – не стеснялась Амира. – Нужно хоть иногда меня слушать. Вот скажи мне, скажи: почему... почему любовь постоянно мимо меня проходит?! Проходит и другим доста-

ется, а не мне?!

– Я вот сегодня поняла, Амира, что всему свое время. Не расстраивайся. Твой час еще настанет. Мой вот настал, – Света улыбнулась счастливому Витьку.

– Во-о-о-т! И мой час тоже настал, – еле передвигала ногами Амира, практически не помогая Свете подтаскивать себя к кровати.

– Два нарика? – уточнил Виктор. – Амира, смотрю, прям отчаялась.

– Нет, там еще третий был. Я даже переспала с ним, представь себе, – Амира размахивала руками, не давая положить себя на койку.

– Ты пьяна, дорогуша. Поговорим об этом завтра. Не при мужиках.

– Света, запомни. Его Глеб зовут. Г-л-е-б!

– Мой подонок-брат?! – опешил Витя.

– Он самый, – хвастливо отметила Амира.

Светлана растерянно взглянула на Витю, понимая, что это самая неподходящая партия для Амиры – ну прям очень.

– Только я пальчиком поманила, и он пришел ко мне.

– На него не похоже. У меня что-то не сходится.

– Боюсь, Амира, разочаровать тебя... – начал было Витя, желая во всех подробностях рассказать подноготную брата, однако его прервал звериный выкрик Светиной подружки.

– Да я люблю его!!! Ох, я слегка перепила от счастья, – объявила она и без чувств шлепнулась на кровать.

***

Что же ждет Светлану и Витю дальше?

Итак, Светочка закрыла глаза на омерзительный поступок Витька, растаяла от его слов и приняла заветное колечко, которое, кстати, оказалось несколько ей велико. Счастливая и беззаботная жизнь, реализация грандиозных планов, исполнение всех без исключения желаний? Или колечко – это приговор для девушки на несчастья и страдания от рецидива мужа, который рано или поздно произойдет?

Витек ведь толком ничего не умеет. Разве что вскрывать замки и попадать в неприятности. Завяжет ли он? Вряд ли. Человека, главные инструменты которого лом и вранье, не исправить. А Светочке еще многое предстоит узнать. Сейчас ее интересует свадьба и все с ней связанное. Время покажет.

Вот вам к размышлению отрывок из стенограммы завтрашних местных новостей: *«...А теперь криминальная хроника. Минувшей ночью в центре Челябинска совершено ограбление салона ювелирных украшений. Судя по записям с камер видеонаблюдения, преступник не стал церемониться с замками и просто-напросто разбил стекло на входной двери. Проникнув в торговый зал под звуки сигнализации, злоумышленник взял несколько обручальных колец, после чего спешно скрылся до приезда полиции и сотрудников частного охранного предприятия. Называем особые приметы вора: мужчина, 25-30 лет, крупного телосложения, шрам на ле-*

вой щеке, поскольку при выходе налетчик наткнулся на острые кромки разбитого стекла, а также гипсовая повязка на правой руке, что вызывает еще больше вопросов к возможным мотивам преступления. Полиция разыскивает грабителя и надеется на помощь бдительных челябинцев. К другим новостям... Той же ночью печально известный в городе ночной клуб «Хамелеон»...»

История двадцать шестая. «Таксист»

До сугробов оставалось всего ничего – пара метров, даже меньше. Именно на такое расстояние лестница не доходит до земли. На обратном пути за нее нужно ухватиться как за турник – подпрыгнуть и подтянуться. Не очень, скажу я вам, любимая мной физкультурная дисциплина – впрочем, как и вся остальная физкультура. Да и состоится ли вообще обратный путь? Как я туда допрыгну с моей травмой? На мне же бинты разойдутся.

Сосчитав до пяти, я аккуратно спрыгнул в сугроб. Он изрешечен следами – народная тропа к лестнице никогда не зарастет. Отряхнувшись от снега, я вышел из-за угла общаги – такси уже на месте. Старый серебристый «Мерседес» с тусклым желтым колпаком.

Внутри будто храм всех мировых религий, увешанный декоративными украшениями. На в меру мягкие, но потрепанные сиденья брошены накидки, вырезанные словно из старых ковров – узоры на них подходящие. За подголовниками установлены колонки от древнего музыкального центра – антиквариат подключался к магнитоле. Приборная панель вплоть до лобового стекла заставлена иконками, с которыми соседствуют игрушки вроде псов с кивающими мордами, фигурки всяческих китайских и индийских царьков и божеств, меж которыми лежат четки, обереги и миниатюрные тоте-

мы, в том числе и камешки от сглаза. К зеркалу заднего вида пристегнуто такое невероятное число вонючек, что оно вот-вот упадет от их тяжести. Естественно, обилие ароматизаторов создает неповторимый запах, который проникнет в волокна одежды пассажира так, что вывести его можно только посредством сжигания шмоток. В потолке установлен люк. Впереди горит примитивная подсветка. Позади темень – наверное, из-за тонированных стекол.

В дверях моей головы коснулось нечто – оказалось, что это кисточки, состриженные то ли со штор, то ли с иной материи. Они крепились к каждой из дверей и над лобовым стеклом, будто в кабине фуры. Оценив антураж салона, который, видимо, жизненно необходим хозяину, я поприветствовал шефа, оттряхнул ноги от снега и уселся назад, тихонечко прикрыв за собой дверь.

Бомбила невысокого роста, худошав. Подстрижен коротко, что выдает неправильную форму его черепа. На бледном лице виднеются: трехдневная щетина, пухлые губы, нос картошкой, подбородок с двумя бугорками. И узкие темные очки с прямоугольными стеклами, необходимость которых в самый разгар ночи мне непонятна. Водиле на вид около 30-ти лет, одет он в потертые джинсы, футболку и кожанку. Парень вальяжно развалился на кресле с массажным чехлом и, повернувшись в мою сторону и приспустив очки на край носа, оглядел меня серыми, как дождливый осенний день, глазами.

«Возомнил себя крутым, – подумал я. – Ни слова не скажет всю дорогу. Это даже к лучшему». Как же я ошибался...

Тронулись в путь.

На бардачке наклеена потрепанная водительская карточка с древней фотографией – таксиста зовут Роман.

– Хотел бы выразить устную благодарность, – начал Рома. Говорил он вроде бы с дружелюбным посылом, однако повседневный тембр его голоса таков, что незнакомым людям он может показаться надменным, вызывающим, хамоватым, недовольным – одним словом, раздражающим.

– За что? – насторожился я – не хотелось бы привлекать лишнего внимания к своей персоне.

– Впервые за год пассажир оттряхнул ноги от снега, прежде чем тащить их на чистый коврик.

– Я всегда так делаю. Это правило хорошего тона.

– Похвально. Хоть кто-то воспитанный попался. Жаль, что вы не из наших краев. Судя по говору и уровню культурного развития, вы из Москвы. Нет, из Питера. Угадал? – у водилы загорелись глаза – он, судя по всему, хотел сразить меня наповал своей догадливостью.

– Нет, не угадали.

– Жаль, а откуда вы?

– С Урала, – не стал уточнять я, зная нелюбовь челябинцев ко всему магнитогорскому.

– М-м-м, – Роман немного расстроился и призадумался, – ладно, есть еще надежда на земляков – не все еще спились

и на заводах сгинули.

– Зачем же вы так? По мне, у нас не так все плохо.

– На основании того, что лично я каждый день наблюдаю, люди пошли некультурные и эгоистичные, – завел шарманку таксист. – О других совершенно не думают. А кто такие таксисты? Никто. Низшая каста. Их можно материть, жаловаться на них, резать ножом со спины, справлять нужду на заднем сиденье...

– Занятно, – из вежливости подал голос я.

– Не говори. Можно на «ты»?

– Можно, если осторожно, – сдержанно кивнул я.

– Мало кто обращает внимание на водителей такси. Кроме случаев с экстремальным вождением и блатным музоном на весь салон. А вот мы видим многое...

«Значит, этот храм на колесах – твой способ привлечь внимание?» – не стал вслух уточнять я. Однако Роман будто прочитал мои мысли:

– Как тебе машина? – он взглянул на меня в зеркало заднего вида.

– У меня в детстве была такая же. Только игрушечная.

– Вот как? Легендарная машина.

– Точно. Э-э-м, прошу прощения, я очень устал, в голове много мыслей и планов – давайте немного помолчим, – попросил я, пытаясь сосредоточиться на том, что мне предстоит сделать.

Романа хватило ровно на пять секунд.

– Машина не только легендарная, но и надежная, – восторженно продолжил он. – Почти четверть века бегают. И проблем с ней особо нет. Конечно, заезжаем в сервис периодически, но в основном не подводит. Таких сейчас уже не производят...

– Я же попросил вас, – возмутился я.

– Да ладно тебе. Думающие люди в такой поздний час дома спят, а не по городу разъезжают. В такое время всюду лишь те, кто что-то темное замышляет либо домой после тусы едет... тишины просит, если, конечно, не совсем в стельку. Либо такие кадры, наоборот, на тусу направляются, с которой уже свалили все слабенькие. Ты вот к какой группе относишься?

– Это имеет значение?

– Чисто из любопытства.

– Ни к какой. Вы снова не угадали.

– Мне как-то неловко. Мы разве не условились на «ты»?

– Я решил увеличить моральное расстояние между нами.

– Странно. Сколько я за рулем, промахиваюсь редко. Такой уж я проницательный.

«Сам себя не похвалишь – никто не похвалит», – подумал я.

– И разборчивый? А таксуете так, для души, получается? – решил подловить таксиста я.

– Именно так и начиналось, а потом... Бессонница у меня, хотя к мозгоправу ходил – вроде здоров, – почесал нос

Роман. – Я одного только не пойму: ты, кажется, нормальный человек...

– А были сомнения? – усмехнулся я.

– Вот что странно. Ночью с пятницы на субботу я таких не встречал ни разу. Не скрываешь ли ты чего? – вылупился на меня Ромка.

Сердечко у меня екнуло, хотя я и не горел желанием оправдываться. Шофер начинал раздражать.

– Что же ты так напрягся, друг? Я же шучу, – признался таксист, но взгляд у гада как был подозрительным, так и остался. Вот ведь свезло мне – водила явно ушлый.

– Хорошо, поступим по-другому, – начал я. – Видимо, вам прежде не попадались люди, которые просили вас молчать во время поездки. Поэтому я стану первым и еще раз повторю, что хотел бы тишины.

Перерыв растянулся аж на 12 секунд.

– Ты уверен, что тебе вообще туда нужно? Скверный райончик, особенно ночью.

– А вам что за дело?!

– Не хочу потом лишний раз по судам и следакам ошиваться. И без того приключений по ночам хватает. Что ты вообще там забыл?

– Для таксиста вы чересчур любознательны, вам не кажется?!

– Думаешь, я просто так это делаю? Разговоры по душам очень помогают. Особенно когда тебя вызывают в ментовку

свидетелем побыть – мол, «вы видели его последним, а потом он без вести пропал». Всякое же бывает, – шофер начал нагонять жути. – А я хоть немного буду осведомлен и органам помогу в случае чего, – подмигнул он.

– Как-то мне ни с того ни с сего захотелось выброситься из машины, – признался я.

– Намекаешь, что первое подозрение всегда падает на меня? – весь разговор явно забавляет таксиста.

– Я вообще молчу. И вас бы попросил оказать мне ту же...

– Это лишний раз доказывает, что при выборе между статным богачом и неопрятным бедняком в преступлении обвинят последнего. Сколько ж раз я примечал моменты, когда можно пожить, но не пользовался возможностью, ведь не хочу грех на душу брать, – вновь почесал нос водила. – Но все равно в первую очередь всегда думают на меня.

– Мы можем поехать молча?

– Можем-можем, – постукивал по рулю Роман. – Но почему-то никто даже не задумывается о том, что после 24-х часов за баранкой в тишине можно свихнуться на раз-два.

– Вас никто не заставляет работать так долго.

– Государство! – громко отчеканил таксист. – Государство заставляет. Я лишусь крыши над головой и сдохну, если не буду работать. Государство не смогло бы залезть в мой карман только в том случае, если б я и вовсе не родился. Эта карательно-денежная машина для обогащения кучки олигархов настроена разорить тебя, загнать в долги. И будешь ты

до конца жизни пахать, пока те, кто придумал всю нашу систему, жируют. Чем беднее мы будем и чем больше будем нуждаться, тем больше будет стоить наша жизнь, тем больше нужно батрачить, брать сверхурочные, занимать, подписываться на кредиты, еще больше уставать и не думать о том, что вообще творится в стране и как мы довели ее до такого состояния. Рабы в демократическом обществе. Самые настоящие.

– Вы не правы. Помолчите лучше. Я пытаюсь думать.

– А смысл? Ум простых людей занят мыслями, как бы выжить, а не о том, что следует поменять, чтобы жить лучше и достойнее, – излагал Роман.

– Молчите, иначе я вам не заплачу, – пригрозил я. Мне здесь еще политики не хватало.

Роман только-только вошел в раш – я будто открыл ящик Пандоры.

– Тогда я просто не выпущу тебя из машины. И заберу у тебя все, что есть... до последней ниточки. И я иду на это не из-за шалости или игры, а из-за того, что меня вынудили. Меня это конкретно достало. Я вкалываю в основном по ночам. И чего я только не насмотрелся. Проще всего, наверное, с наркоманами – заказы всегда с возвращением туда, откуда уезжали. Они ребята ответственные – всегда рассчитываются на месте. Немного неприятно, правда. Всякие пьянчуги – ох, сколько ж раз они разносили мне салон. Или засыпали, что хрен их разбудишь. И из машины таких не так-то просто

вытолкнуть. Салон после таких нужно проветривать, а коврики с чехлами в химчистку сразу же сдавать. Иные, бывает, сидят так стеснительно и неловко, плачутся, извиняются. И это мужики. А вот пьяненькие бабенки... либо дерутся, либо целоваться лезут. Кавказцы – вот это отдельная песня. Даже вспоминать не хочу... А вот был случай: садится, значит, ко мне парочка – важный такой паренек, а с ним девочка... на поводке и с ошейником. Мол, собачка моя, пояснил пацанчик. Адекватные вроде, но странновато это, как по мне... Истории с тех районов, между прочим, – тем временем за окнами проплывали дома, перекрестки, мосты и эстакады, одни за другими мелькали яркие огни на столбах, и абсолютно никого на пустых улицах, в редких окнах проглядывал свет, один неон и безвкусная новогодняя иллюминация всюду резали глаз. – А вот когда мажорики садятся – в таком случае молчать мне не хочется. Мы всей страной сидим и молчим. Только сейчас вот ветерком свободы повеяло. И то ненадолго. Ситуацию замнут, возмутителей спокойствия посадят, кризисом или какой-нибудь новой болезнью нас отвлекут, и все продолжится дальше: пока они воруют наши кровно заработанные, разбазаривают несметные богатства нашей Родины, мы травимся их бургерами, за гроши пашем на их заводах, получаем там инвалидность, занимаем наши же налоговые деньги в банках и отдыхать выезжаем на грязную лужу за городом с кучей мусора на берегу. А они в Швейцарию на частных самолетах летают отдыхать;

завтракают в Москве, обедают в Париже, а ужинают в Риме. Миллионами тонн добывают нефть, газ, древесину – продают за бесценок всем кому ни попадя... кроме самих россиян.

– Что ж вы сидите тогда?! – решил прервать тираду Романа я. – Идите и присоединяйтесь к элите. Получайте образование, устраивайтесь в солидную компанию, открывайте бизнес, придумывайте, изобретайте нечто прорывное или по головам идите, плетите интриги, обманывайте. Тогда и получите то, чего хотите.

– Так кто ж мне даст?! Кто же нас туда подпустит?! А деньги сейчас очень нужны. Они же эти кризисы сами придумали. Все взяли и поделили, чтобы глотки друг другу не перегрызть. Вместо междоусобиц решили у нас все забрать – загнали народ в угол, унизили и растоптали, головы поднять не дают, кормят завтраками и показывают гнивающий Запад из всех дыр, а сами все разрушили и разворовали у нас под носом. Посмотри вокруг! Челябинск весь в дыму и в разрухе. Его обобрали и обмазали грязью, а потом еще хотят, что мы за них проголосовали. И сидят там, в мягких креслах, кнопки нажимают и миллионы получают. Их отпрыски тут рожи остальным строят. Они не только родной город – они всю Россию продали! И все жрут да никак не нажрут, пьют без остановки и долбят наркоту, сидя на горбе простого люда. Недавно вон подобрал девку одну полураздетую на остановке со здешней Рублевки. Повез ее, а она, понимаешь, странная какая-то: заплаканная, взъерошенная. И чего они

там только в своих особняках употребляют?! И что ты думаешь? Она у меня взяла и вырубилась на заднем сиденье. Вот тогда я струхнул конкретно. Битый час не мог ее разбудить. О чем только думает наша молодежь, когда такие эксперименты над собой ставит? Все потому, что за океан много смотрит, ведь безнадега повсюду. Сильные мира сего будто прямой мост построили в умы нового поколения, чтобы все дерьмо американское нашим детям сливать. Страшно подумать, на кого державу оставляем? Куда только несет девчонки и ребят? Развалят они нас, ой, развалят. Вот до тебя отвозил целую ораву пацанов – кстати, примерно оттуда же, куда и тебя везу. Вроде прикольные такие пацаны – веселые, спортивные. А от них за версту несет алко...

– Что за пацаны? – насторожился я.

– Ты же вроде не хотел общаться?

– Я осознал свою ошибку, – я стал понимать, о ком идет речь и что я, вероятнее всего, попал именно к тому шоферу, что и вез хоккеистов. Но удача ли это?

– Верное решение. Но только зачем ты меня перебил?

– Я перебил?

– А кто ж еще?! – обиженно выдал таксист. – Занял меня разговором на всю дорогу, – Роман резко переменялся, что очень меня удивило – он наблюдается в психоневрологическом как минимум.

– Что хоть были за ребята? – переспросил я как можно добрее.

– Да эти... как их... хоккеисты, – после услышанного я чуть вперед не вылез, чтобы узнать детали поездки. Я еле сдержался и вцепился в кресла обеими руками. – Спортсмены, а квасят как бывалые алкаши. А ты, кстати, болеешь за кого?

– Как раз за хоккей. Болею так, что голова раскалывается. Что ж они так нажрались? Может, говорили чего?

– Да я толком ничего не разобрал. Больше думал, как они вшестером у меня уместились тут. Амортизаторы сзади слабые.

– Шестеро – это многовато.

– Не то слово. Причем сначала их было трое, а потом мы забрали еще столько же. Поездка им вообще за гроши выдалась, если раскидать на каждого. Сидели друг у друга на головах. Вон, даже карточки с игроками подарили. Один Магнитогорск, правда, – он показал карточки с изображениями хоккеистов из основного состава «Металлурга» (Ахонен, Кайгородов, Федоров, Мозякин, Ролинек). – Шумные такие...

– О чем хоть шумели-то? – я повторил вопрос в надежде, что со второй попытки удастся что-нибудь выведать.

– Да о чем могут трепаться молодые пацаны: машины, девчонки, клубы, выпивка, спорт. Говорю же, толком и не разобрал.

«Только и всего?» – разочаровался я, упав на спинку кресла и устало закрыв глаза. Я ожидал объем рассказа, сопоста-

вимый тому, который выслушал в дороге. Пока что ничего особенного, никакой зацепки. Только теории и догадки таксиста. А для Ромы наклеивалось интересное дельце, которое с лихвой окупит недостаток досуга этой ночью. Столь точные совпадения адресов нынешнего и прошлых пассажиров явно неслучайны.

– А ты, наверное, с ними знаком?

– С чего вы взяли?

– Подумал, что живете по соседству, может быть. Здесь или на Комсомольской, – предположил Роман.

– Трудно не заметить шумную ораву хоккеистов. Но я не встречал таких в последнее время, – я решил отвести от себя подозрения в сговоре с предыдущими клиентами Романа – вышло не совсем убедительно.

Затем я решил сыграть полное безразличие и безучастность, а водила намертво захлопнул пасть, будто что-то прикидывал. Я насторожился и стал припоминать, что важного выдал о себе – вроде бы ничего такого, за что можно зацепиться.

Мы уже давно заехали в какую-то безжизненную глухомань, свернув с центральных улиц. Всюду одни заборы, заросли, поваленные строения. И единственная узкая дорожка с колеями вдоль бесконечного бетонного забора. На обочине впереди показался брошенный автомобиль – «BMW X5» – явно тот самый, из-за которого ведущие игроки «Магнитки-95» рисковали свободой.

Напряжение в такси нарастает. В округе никого, таксист явно страдает психическим расстройством и что-то задумал (молчит уже больше трех минут), а мне пора выходить и что-то делать с машиной и ненужным свидетелем. Еще и ушиб заныл некстати. Что ж, если не кулаками, так хитростью – лишь бы между мной и нужным адресом было как можно меньше связи.

– Прошу вас остановить здесь – дальше я дойду пешком, – я усмотрел вдали несколько обитаемых домишек – якобы пойду туда, а не к «BMW».

Вид я старался сохранить уверенный, даже воинственный. Попутно размышлял, что стану делать, если меня сейчас начнут грабить или убивать. А может, я драматизирую? Когда же наконец во мне проснется помощник тренера, дерзкий и непреступный? Самое время.

– Неужели такой фанат тишины и умиротворения, как ты, выйдет здесь и попрется пешком. Вряд ли по пути будет что-то другое кроме пары арматурин в голову. Глядишь, поломают чего-нибудь или присунут куда, – пугал таксист.

Чего он добивается? Хочет вывести меня на чистую воду? С какой это стати? «Пусть сначала догонят», – мысленно ответил я.

– Надо же, – продолжил Роман. – До сих пор она стоит. И кого только занесло сюда на «Бэхе»? Райончик и время подходящие, чтобы убивать и насиловать, – Ромка, похоже, сам упивается от той жути, которую описывает.

– Это уже мое дело, – отчеканил я. – Разберусь как-нибудь. В первые секунды дам понять недоброжелателям, что не на того напали.

Водила повернулся ко мне:

– Я же серьезно.

– Правда? А я думал, вы шутите, как всегда, – подловил его я.

Роману оказался не по душе мой тон.

– Ради твоей же безопасности я мог бы подождать здесь. Да и мне спокойнее будет. А то столько людей вожу и отпускаю, а потом мучаюсь с мыслями, мол, вот я их бросил – мало ли что с ними приключилось...

– Знаете, что я вам скажу, Роман? Во-первых, я смогу постоять за себя. Во-вторых, любой, кто покидает вашу машину, испытывает огромное облегчение, ибо перемещается в куда более спокойное место, чем рядом с вами. Всего доброго! – я опустил ему в ладонь плату за проезд и покинул такси, очутившись на нечищенной обочине. Передвигаться по ней чертовски трудно, но мне очевидно, что шофер не спускает с меня глаз и я должен выглядеть достойно, посему продолжаю элегантно вышагивать по глубокому снегу, выпрямив спину как на дефиле и гордо приподняв подбородок.

«Угораздило же меня позвонить именно в это такси, – думал я. – Еще и точное место ему известно. И тачку он запомнил. Ослы конкретно все заporоли – даже машину нормально угнать не смогли. Хоккеисты, блин! Хоть бы этот бакла-

жаноголовый свалил отсюда поскорее. Хм, может, еще раз набрать оператору и вызвать его куда-нибудь подальше отсюда? – шагал по сугробам я. – Пусть подавится этой грязной купюрой», – улыбнулся я, ибо насолил Роману: дал запачканную купюру, которую отобрал у Абдуллина.

Именно ее и мял сейчас в своих пальцах таксист. Его сумасшедшие теории подтвердились.

– А говоришь, что не знаешь хоккеистов, мудила, – произнес сквозь зубы Роман.

Отданную мной купюру номиналом в 100 рублей Роме чуть более часа назад пришлось сдать хоккеистам, оплатившим дорогу косарем. Таксисту не очень хотелось так делать, ибо смятая грязная бумажка ему дорога. Правда, он постоянно путается в трех версиях ее происхождения. Первая версия гласит, что именно сторублевкой Рома пытался остановить кровь, когда его отоварили по носу за первую неосторожную попытку совершить кражу у пассажира. Вторая является версией более драматичной: якобы красные следы – это отметины от помады одной знойной пассажирки, которой приглянулся Роман и на которого она прыгнула в конце пути с целью изнасиловать. Третья версия повествует о том, что шматок купюр он спер у маляра-штукатура в отместку за то, что работяга замарал ему кресла.

Роман прятал памятную добычу от тайной деятельности, совмещенной с вождением, в бардачке. Он обращал внимание на пассажиров в состоянии опьянения, пассажиров рас-

сеянных и невнимательных: у них всегда можно умыкнуть что-нибудь, либо они сами забудут вещи в салоне. Что-то Рома продавал, обменивал, сдавал в ломбард, а что-то оставлял себе в качестве талисмана, чтобы добыча продолжала притягиваться. А он продолжит усыплять бдительность разговорами или убранством авто – кто-нибудь обязательно зазевается, отвлечется, забудет, а уж проворности Роме не занимать. Вот и сейчас он заглянул в бардачок и широко улыбнулся – словно Кощей Бессмертный, который чахнет над златом, таксист упивается трофеями и тем, что уже долгое время остается незамеченным и безнаказанным. При этом сам страдает тягой к разоблачению себе подобных проходимцев, отчего сует нос куда ни попадая, обожая всяческие загадки.

С каждым разом удовлетворения все меньше – приходится выдумывать схемы сложнее и изощреннее, красть что-то побольше и помасштабнее. А недавно и вовсе появилось желание перейти с краж на нечто более цепляющее и кровавое – направленное в первую очередь против тех, кого Роман сильно ненавидит (о ком с пеной у рта поведал помощнику тренера «Магнитки-95»).

Сию же минуту ему вспомнилась та спящая красавица, о которой он упомянул. Вначале таксист действительно хотел помочь бедняжке, однако вскоре усмотрел в ее бессознательном состоянии соблазнительную беспомощность, которой решил гадко воспользоваться (к тому же он долгое время ни с кем не спал). Только он приспустил штаны и с тру-

дом привел в боевое состояние детородный орган, как девчонка очухалась. Она и не поняла, что в тот злополучный вечер проснулась в такси, которое на всех парах несло из безлюдной лесополосы в город, а таксист так и не застегнул ширинку.

В бардачке у Романа валяется всякая всячина, которая вряд ли может ему пригодиться: авиаторские солнцезащитные очки, чехол с перьевой ручкой, пластиковая детская диадема, опустошенный кожаный клатч от «Gucci», пара-тройка сережек, колечек, цепочек, позолоченная печатка, которую в качестве платы за проезд снял с себя очередной торчок, какие-то советские значки, охапка «Чупа-чупсов», несколько мобильных телефонов разной степени изношенности. Рома схватил карточки с магнитогорскими хоккеистами и швырнул их в хранилище. Туда же отправилась и заветная сторублевая бумажка.

Таксист чувствовал очередной крупный улов в округе. Из того же импровизированного схрона он извлек пачку весьма дорогих сигарет – их тоже кто-то оставил в машине. Он вынул оттуда сигаретку и щелкнул коллекционной зажигалкой, которую свистнул из пальто какого-то мужика, когда помогал тому доставать чемодан из багажника.

Через пару тяжелых, но уверенных шагов прочь от серебристого «Мерседеса» я остановился и обернулся. Такси не сдвинулось с места.

История двадцать седьмая. «Досмотр»

Я сделал еще несколько шагов вперед в надежде, что любопытная Варвара удалится. Обернулся – воз и ныне там. И даже больше: таксист вылез из машины покурить и не сводит с меня глаз. «Вероятно, я задел его за живое, – подумалось мне. – Нет, я бы ему хорошенько врезал, чтобы задеть его за живое по-настоящему!» Время неумолимо шло вперед, что не могло не выводить меня из себя. В здешних местах я ориентировался слабо – непонятно, в какую сторону нестись, чтобы встретить хоть одну живую душу.

Воинственно развернувшись в сторону такси, я недовольно рявкнул:

– Чего вы стоите над душой?! Уезжайте отсюда! Займитесь делом! – я грозно жестикулировал, что вызвало у Романа усмешку. Он продолжил пялиться на меня, не без удовольствия посасывая сигаретку. – Ах так?! – решил перейти в наступление я и зачерпнул в варежки охапку снега. Выпал он совсем недавно, поэтому был рассыпчатым и в снежки не утрамбовывался. Пришлось швыряться в таксиста тем, что было. – Клянусь, я сейчас настоящий камень откопаю!

Выпустив заключительную струю дыма изо рта и ноздрей, таксист откинул сигаретку в сторону – в тот момент отголоски летящего с моей стороны снега легонечко отполировали

его залысину. Он поспешил запрыгнуть в машину. Я продолжал яростно засыпать снегом капот и лобовое стекло «Мерседеса».

Такси понеслось вперед по дороге, визжа покрышками и заставив меня отпрыгнуть на обочину. Я яростно пнул по сугробу – фонтан снега взметнулся вслед древнему «Мерседесу». Как хорошо, что я больше не увижу этого ишака и его барахолку на колесах.

Я вздохнул с облегчением, посмотрев на «BMW». Теперь ничего не мешает подойти ближе и рассмотреть угнанный автомобиль: «Столько проходимцев вокруг. И как тебя еще не угнали? Хотя я заблуждаюсь – тебя уже угнали. А снаряд в одну и ту же воронку дважды не падает. К тому же до ближайших людей тут топать и топать», – прикинул я. Чем ближе я подходил к «BMW», тем сильнее колотилось сердце.

Я и не догадывался, что серебристый «Мерседес» свернул на первом же повороте и сделал что-то вроде петли по здешним пустошам. Воспаленное воображение водителя уже успело родить множество разнообразных версий происходящего. Точное попадание в истину не является конечной целью Романа. Его интересуют только непередаваемые ощущения драйва и причастности к чему-то необычному, что с лихвой скрашивает его бесцветную повседневную жизнь. Сначала таксист посчитал, что его пассажир каким-то образом нейтрализовал и ограбил бухих спортсменов, после чего прознал про машину, которую те оставили здесь, и решил

ею завладеть. Конечно же, тихий школьник-интеллигент не должен привлекать особого внимания. Правда, за непродолжительное время изначальная версия успела несколько раз видоизмениться: мол, ночные пассажиры Ромы – это звенья одной цепи, в которой хоккеисты натворили скверных дел (Роман пытался припомнить, о чем те вели разговоры), а теперь в деле вторая сторона, которая выезжает замести следы, словно мистер Вульф из «Криминального чтива». Но патологическая мания таксиста додумывать и преувеличивать полетела дальше. Вскоре Петр стал лицом, пострадавшим от действий банды спортсменов, и его цель – вернуть свое имущество и отомстить.

Шоферу кажется, что он обладает ценнейшей информацией, которой нужно срочно поделиться. Но с кем? Вряд ли правоохранительные органы и кто-либо еще сможет по достоинству оценить его детективный талант. Фантазия Ромы продолжала делать из отличника и внештатного помощника тренера команды «Магнитка-95» то первоклассного киллера, то террориста, то наркодилера, то фальшивомонетчика, то надзирателя из психоневрологического диспансера, приставленного к Роману.

Таксист знал каждый закоулок Тракторозаводского района (в детстве то и дело шлялся там), поэтому, выключив фары, как можно ближе подобрался к Петру. За зарослями у дороги, на обочине которой бросили «BMW», прячется несколько одноподъездных домов для сноса. Рядом с

ними бесшумно припарковалось такси. Предвкушая слежку из укрытия, Роман чуть ли не вытанцовывал от возбуждения. Он играючи открыл багажник, откуда достал очередной трофей – тяжелый охотничий бинокль, который позволял наблюдать за Елизаровым с приличного расстояния даже сквозь голые острые ветки, что Роман и принялся делать, ерзая на кресле от удовольствия и невольно приоткрыв рот. В окулярах бинокля я как раз опасно приближался к «BMW».

Зазвонил мобильник. Ромка от неожиданности подлетел на кресле и чуть не ударился головой об потолок. Бинокль выскочил из рук и больно врезал таксисту по причинному месту.

– Рома, пиши адрес, – вещала оператор. Таксист уже забыл, что он водила, а не частный детектив.

– Не могу пока, – прошептал он, будто из засады.

– Ты еще со старым заказом не закончил, что ли?

– И да, и нет.

– Не говори загадками. У меня люди на Руставели мерзнут.

– Плевать на них. У меня тут так-о-о-е...

– Неужели опять, Рома?! Тебя же по-русски просили ни во что не ввязываться.

– На этот раз все очень серьезно. Скажи, ты же принимала мой последний заказ?

– Представь себе. Я батрачу тут одна всю ночь. А ты там

себе шоу устроил.

– Говоришь так, будто тебе завидно.

– И не мечтай.

– Кто точно звонил?

– Парень какой-то.

– Что сказал?

– Да все как обычно.

– Точно?

Оператор задумалась, хотя прекрасно знала, что заскоки Романа – это норма. Обычно они ни к чему серьезному не приводят. Ей казалось, что водитель скучает или просто фанатеет от дешевых криминальных книжонок.

– Постой, он хотел вызвать такси на крышу. Вернее, с крыши.

– С какой еще крыши?

– Мне откуда знать? Откуда ты там его забирал, наверное?

– Наверняка на крыше он что-то прятал.

– Кто он?

– Тебе звонил не простой человек, определенно. Он что-то замышляет.

– Рома, опомнись! Ты довез его? Если да, то забудь.

– Он носит очки? Он не был пьян?

– Откуда я знаю, в очках он или нет – я с ним по трубке общалась. Так, я не поняла: ты берешь пассажиров или нет?

– На сегодня я пас. Если позвоню, тут же бери трубку и готовься вызывать ментов.

– Рома, ты... – связь прервалась. – Идиот! Кого только понабрали?! – выругалась оператор.

Следом раздался еще один звонок. По определителю номера девушка поняла, что звонят клиенты с улицы Руставели, явно недовольные тем, что авто еще не подано.

Рома вернулся к слежке. Вряд ли через бинокль передаются волнение и трепет. Их я испытывал сполна...

«BMW X5» в двух шагах от меня. Я вновь хорошенько обматерил хоккеров. Спали бы сейчас в тепле и без забот, а не пересекали бы по чужому городу на чужом авто. Диву даешься, как столь уважаемая машина оказалась такой незащищенной. Я обследовал машину снаружи, передвигаясь словно по минному полю. Внешне повреждений нет – хоть на том спасибо. Но за непродолжительное время гораздо проще загадить все внутри. Двигатель не шумит, дым из двух глушителей не идет, некоторые стекла немного запотели.

А если в тачке не окажется ключей – что тогда? Я глубоко вздохнул, решив искать выход только из подтвердившихся проблем. Кажется, что может быть проще – вернуть авто на место. Главное, чтобы внутри все оставалось в первоначальном виде. И чтобы хозяин не заявил. Вновь я не уверен ни в том, ни другом. На секунду показалось, что тачка мне знакома – конечно, сколько еще таких по городу бегают? Не будем отвлекаться. Программа «минимум» – уничтожить все улики, которые хоть малейшим образом могут вывести на

похитителей. Получается, я теперь полноценный соучастник преступления. Дожили.

Я схватился за ручку водительской двери и долго не решался потянуть за нее, считая, что в салоне меня ожидают лишь разочарование и ужас. Мне не впервой сталкиваться с бесчинствами хоккеистов и их последствиями, однако нынешний инцидент переплюнул все. Благо, что ничего сверхъестественного они не совершили. Постойте-ка. Откуда я могу это знать наверняка? Только с их слов. Мне вдруг поплохело от осознания того, что угон – это, вероятно, только вершина айсберга. Ладонки в варежках покрылись испариной, в грудь больно кольнуло. В этот момент я и заметил, как криво стоит личинка замка на ручке. Вот так пацаны и попали в машину. А если я сейчас потяну за ручку и сработает сигнализация? Или машина будет заперта? Остается только бежать изо всех сил. Но подождите-ка. Я благородно вызвался все исправить, проделал такой путь и не могу теперь сладить с самим собой. Неужели меня выбила из колеи столь неординарная ситуация? Да быть такого не может! «Соберись, тряпка, и действуй!» Я вообразил, как сигану отсюда, если почую неладное.

Я легонечко потянул ручку на себя. Дверца предсказуемо поддалась, визга сигнализации не последовало. Я опасливо заглянул в неосвещенный салон, почуяв, что нечто приземлилось на снег рядом со мной. Я опустил голову и увидел личинку замка – держится она на добром слове. Вставив

ее обратно в отверстие, я забрался в темный салон и прикрыл дверь. Машина показалась мне достаточно просторной. Сидеть с левой (водительской) стороны мне непривычно – предпочитаю роль пассажира. Погодите, я ж водить не умею. Кажется, я уже вспоминал об этом. Знаю, как и что в теории, а вот на практике... Интересно, можно ли вести машину, опираясь на одну только интуицию? Вот и проверим.

Сиденье холодное. Я уселся на него с должной степенью аккуратности и схватился за руль, чтобы прочувствовать то, с чем предстоит работать. Ноги дотянулись до педалей – они словно в километре от кресла располагаются. Надеюсь, в темноте не спрятан медвежий капкан – иначе мне несдобровать. Я заметил, что машина еще не успела толком остыть: «Просто чудо, что ты здесь». Обратил внимание на коробку передач – автомат, слава богу, что облегчает задачу. Справа от руля в зажигание воткнул ключ: «Хоть в чем-то мне везет», – подумал я, но двигатель не работал. Все перечисленное кажется простым, но когда от совокупности простых действий зависит многое, то дар речи можно потерять. Как-то даже страшновато – я пытался свикнуться с обстановкой, прежде чем стараться сдвинуть с места эту махину.

С правой стороны что-то поблескивало темно-зеленым светом. Я протянул руку в сторону коврика у пассажирского кресла и достал оттуда пустую бутылку из-под шампанского. Ощувив запах игристого на доньшке, я поморщился: «Знатоно погуляли! Во избежание сюрпризов нужно все здесь обыс-

кать. Место тихое, поэтому сойдет, – я отворил дверь и сбросил бутылку в снег, заметив в дверном кармашке отвертку. – А вот и ключ от машины, – заключил я, осмотрев инструмент. – Страшно даже вообразить, что еще здесь спрятано».

Перво-наперво я решил зажечь свет, чтобы оценить масштаб работ, ожидая множество сюрпризов. При свете на поверхность всплыли детали, на основе которых можно заключить, какие именно бесчинства творились в салоне. Шестерых дурачков, благодаря таким мелочам, могут вычислить в два счета.

Я повернулся в сторону второго ряда сидений и замер так, как никогда в жизни не замирал. Даже не знал, что делать: свалить или... Что вообще нужно делать при виде такой картины? Точно могу сказать одно: после этой ночи мое сердечко не будет бояться даже самых сильных разрядов электрического тока.

Я не мог оторвать глаз от изящного стана блондинки, что свернулась практически калачиком на задних креслах, не издавая при этом ни звука. Спит? Притворяется? Потеряла сознание? Мертва? Какого лешего она вообще тут лежит?! Я терялся в догадках и не осмеливался даже воздух сотрясать. В голове пролетала уйма воображаемых сцен на тему, как данная особа здесь очутилась и с какой целью понадобилась хоккеистам. Больше вопросов, чем ответов. «Что вы еще скрыли от меня, подонки?! – думал я, не представляя, что ожидает меня впереди. – Твою ж мать! Ну почему?! По-

чему я так и думал?! Побег явно не может обойтись без баб. На что я надеялся? На целомудренный званый ужин? Или что мне все расскажут как на духу? Не удивлюсь, если машина заминирована, а их разыскивают как грабителей банка, черт! – я тяжело вздохнул – вновь появилось сильное желание не погружаться в эту клоаку. – Ну и кто же ты такая, подруга?» – кажется, девушка дышала, а в воздухе витал легкий душок перегара и дамских духов. Надеюсь, ничего здесь не запачкали, хотя...

Пора с этим кончать. Только спокойствие и выдержка помогут мне – нужно зависить планку удивления и никак не реагировать, даже если в багажнике будет лежать огромный питон прямиком из африканских джунглей. Ясно одно: пацаны на славу постарались. Я решил разделаться с уликами, пока бабенка видит сны – даже натянул длинный ворот кофты почти до носа, чтобы меня не опознали. Правда, стали запотевать очки. Я дотронулся до пассажирки: кожные покровы теплые, сердце бьется, от каждого вдоха ее груди немного приподнимаются.

Заглядываться на нее времени нет. А ведь мне – любителю пикантных подробностей чьей-либо личной жизни – невтерпеж разузнать об этой ветреной челябинской девице побольше, поэтому я не удержался и поднял с пола ее сумочку. Внутри стандартный набор: телефон, косметичка, зеркальце, чеки, салфетки, кошелек, записная книжка, таблеточки, пачка контрацептивов (почти пустая), флеш-карта, газовый бал-

лончик (явно использовался), ключи, пилочка для ногтей, пачка сигарет, а также полуразорванный пакетик с остатками белого порошка неизвестного происхождения. Впрочем, я сразу же понял, что это за вещество, поэтому мигом откинул сумку назад и тщательно оттряхнул руки. Вопросы накопились такого плана: с кем дама использовала презервативы, с кем – баллончик, а с кем – наркоту (наверняка из-за нее девушка в отключке)? Пора бы уже заняться делом.

Сначала я открыл дверь сбоку и подозрительно навис над симпатичной мордашкой девушки, пытаюсь сообразить, что с ней сделать: с одной стороны, она свидетель, ненужный и одновременно полезный; с другой стороны, особа явно непредсказуемая – глядишь, очнется и прирежет тебя пилочкой для ногтей. На мороз ее выкидывать негуманно; вдобавок с ней ведь что-то не то творится – с чего вдруг она так сладко спит и не реагирует на идущий с улицы холод. Да уж, алкоголь, сигареты и смеси различного рода точно до добра не доведут.

Махнув рукой на барышню, я сначала избавился от всего пластикового и стеклянного в салоне. Содержимое бутылок я беспощадно вылил в ближайший сугроб. Дальше я как матерый пограничный пес, разыскивающий запрещенку, излазил все закутки автомобиля, кое-где даже рыская на ощупь. Добыл я приличное количество вещей, по которым можно с легкостью идентифицировать хозяев: шапки, наушники, Пашкин кошелек, кольцо, монетки, прочая всячина из кар-

манов. Под одним из ковриков меня ждала важная находка – цепочка с крестом, принадлежавшая Митяеву. Чтобы точно не потерять драгоценность, я надел ее себе на шею и продолжил поиски, поднимая коврики, заглядывая в карманы и выгребая оттуда мусор – кто-то даже умудрился кинуть туда окурок и снюс. Ну и мерзость! Рядом валялся и коробок от спичек с нарисованным золотым хамелеоном, который я с интересом рассмотрел. Открыл багажник – в нем ничего толкового, отчего я сделал вывод, что тачка почти новая. Еще там валяется шубка спящей красавицы. Ну... как шубка – возьмите настоящую шубу и оставьте от нее лишь четверть, которая укроет плечи, грудь и спину чуть ниже лопаток. Меня-то, утепленного в такую погоду, и то озноб берет. В конце я обнаружил еще и чью-то перчатку. Дальше оставалось только начать вспарывать обивку, вскрывать двери, снимать кресла – так я вошел во вкус, хотя похотливые неуправляемые бараны вряд ли добрались до этих мест.

В целом вид у авто достойный – проветри, убери полудохлую девку и можно гнать в салон. Прodelанной работой я удовлетворен: «Да что б вы без меня делали, бездари?!» – уши у спящих ребят наверняка горят адским пламенем. Самое время вернуть машину назад, а там уже действовать по обстановке.

История двадцать восьмая. «Нет ничего страшнее обиженной женщины»

И вновь я оказался за баранкой, опасливо поглядывая на Лизу. Хоть бы она не ожила в самый неподходящий момент. И так, передо мной руль с логотипом «BMW», циферблаты с лежащими на нулях стрелками, возвещающими о скорости, оборотах, бензине. Справа расположился рычаг коробки передач, стоящий в нейтральном режиме... нет, в режиме парковки, да, точно... парковки. Я уже в ступоре! Так, ключ в зажигании. Хорошо, стоит его повернуть, и движок оживет. Нет, надо ведь еще на педаль надавить, кажется, чтоб не дернуло вперед – явно на тормоз, а не на газ, правильно? Да, ту, что слева – ага, вот так. Ключ на месте, но не вертится – блокировка какая-нибудь антиугонная? Где же ты до этого была? А туда ли я верчу? А вот и нет. Есть кнопка справа от руля – «START/STOP». Я положил палец на нее, будто приготавливаясь к поездке на смертоносном аттракционе.

– Давай, родная, не подведи, – прошептал я.

Я нажал на круглую кнопку стартера. После двух-трех глухих стуков под капотом вновь воцарилась тишина. Последующая попытка успехом не увенчалась. «BMW» не заводится, хотя всеми силами тужится. Я стал упорно тарашиться

на стрелки, огоньки и значки на приборной панели, чтобы уловить любой сигнал, любое изменение. В чем же причина? Свечи? Стартер? Аккумулятор? Топливный насос? Я думал, что эта машина неистово ревет как лев, а она еле кашляет, словно престарелый курильщик. От замешательства пришлось сложить руки на груди. Кто ж говорил, что будет легко? Пока что застреваем на самом простом. Я не сдавался и попробовал завести тачку в третий раз, перебрав в голове всевозможные варианты, которые мог знать:

– Неужто мороз? Угораздило нас родиться в этом промозглом краю. Как-то пешеходы об этом и не думают – ноги ведь всегда заводятся, если, конечно, с вечера горло горячительным не промочил.

Я снова взглянул на стрелки и циферблаты и понял, в чем дело:

– Бензина нет, – указатель топлива даже не шелохнулся, но индикатор пустого бака почему-то не пищал в отличие от звуков, оповещающих, что водитель не пристегнут. Вскоре стала ясна и причина отсутствия топлива. – Чего ж я сразу не допер? Я обнаружил машину со вставленными ключами. Внутри более-менее тепло. Она просто работала на холодных, печка прогревала салон, чтобы тело сзади не замерзло, ведь герои-любовники давно свалили. Видимо, изначально бензина было негусто. Либо они так много наездили, что он закончился.

Я опустил на спинку кресла, раздумывая над тем, что

делать теперь: плюнуть на машину и уйти с уликами восвояси или найти бензин и вернуть машину туда, где ее взяли, чтобы ни у кого не смог сложиться общий маршрут ее следования, как-то затрагивающий хоккеистов, если свидетели их бесчинств все-таки объявятся (парочка уже есть). Если думать долго, то точно сцапают. Или замерзнешь. Топать далеко уж точно не вариант – нужно выбираться отсюда на колесах.

Подъезжая сюда на такси, я заметил старый дорожный знак «Автозаправочная станция» – явно она не слишком далеко: «Только туда мне и дорога, – определился я. – И обратно тоже, учитывая, что я наполовину перебинтован поперек груди и тяжести таскать мне нежелательно. А канистр для бензина в багажнике нет. Здесь еще и спящая красавица. Надеюсь, дорогуша, к моему возвращению ты очнешься и покинешь машину на своих двоих – возиться с тобой нет ни сил, ни времени. Треклятые мальчишки, не могли спокойно в клубе отсидеться? По гроб жизни мне должны будете, – я вытащил ключ из зажигания. Для него еле нашлось место в моих карманах, по которым я растолкал все утерянное беглецами добро. – Что ж, машинка, никуда не уходи. А нам пора в путь-дорогу», – я не знал, сколько топать до заправки и есть ли она вообще. Управиться бы со всем до рассвета. А что же потом? Вождение? А я суммарно за всю жизнь за рулем провел минут 15. Но сначала бензин.

И вновь я на заснеженной обочине. Поправив верхнюю

одежду, я аккуратно захлопнул водительскую дверь и мерным солдатским шагом отправился по забытой коммунальщиками дороге навстречу топливу. А каким бензином, кстати, такие машины заправляют? Да уж, в этом деле я профан.

Темно и никого – самое время для прогулки. Если же мне по дороге встретятся недоброжелатели, о которых так настойчиво предупреждал таксист, то мне крышка. Если только обороняться отверткой и спрашивать Господа Бога, за какие грехи он шлет мне такую кару. Хотя, учитывая события прошедших нескольких месяцев, я знаю ответ на этот вопрос.

***

Прошагав несколько сотен метров, я обернулся. Пейзаж вокруг не изменился: та же дорога, тот же забор, те же заросли. Шоссе продолжает плавно сворачивать, огибая промзону с трубами и ангарами. Такие виды когда-нибудь кончатся? Или весь Челябинск состоит из подобных пейзажей?

Где-то позади стал нарастать звук летящей на приличной скорости машины. И кто только в столь позднее время забурился в эти дебри и гоняет? За доли секунды до того, как из-за угла вылетел автомобиль, в моей голове промелькнуло, что это могут быть: «BMW», в который залили бензин те, кто обнаружил его раньше, или «Мерседес» с таксистом, на которого я уж точно наброшусь, даже если поединок будет неравным.

Не судьба.

По шоссе, вздымая встолохи свежого снега, летел бежевый «Порше». Непривычно видеть элитную машину в таком сеттинге. Не знаю, что меня дернуло, но я решил проголо-совать, вытянув руку в сторону и отойдя на обочину, а то еще подхватят на капот ненароком. «Порше» пролетел мимо, обдав меня порывом ветра вперемешку со снегом, однако дал по тормозам и остановился в нескольких метрах впе-реди. Я вопросительно взглянул в сторону автомобиля, ко-торый сдал назад и подъехал ко мне. «Порше» по размеру, кажется, еще больше «BMW» – я смотрел в тонированные стекла, которые вот-вот должны опуститься: надеюсь, выгля-жу я не как плут, который недостоин роскошной попутки.

Стекло опустилось. Я с интересом посмотрел в салон. За рулем блондинка – слишком много блондинок на мою голо-ву (только за сегодня). Нынешняя блонда явно чем-то рас-строена: ее волосы растрепаны, макияж размазан по лицу, глаза красные от слез, одежда измята, а взгляд до такой степени печален, что вызывает лишь жалость. Невооружен-ным взглядом видно, что дамочка недавно закончила реветь. Время от времени всхлипывала, а на меня смотрела как-то безынтересно и обыденно, явно ожидая первого шага с моей стороны, мол, чего меня остановил, говори уже.

– Здравствуйте! – галантно начал я. – Я тут застрял непо-далеку – мне бы...

– Залезай уже, – тонким, почти писклявым голосом при-

гласила она.

– Мне бы... до заправки доехать.

– Чего стоишь? Садись, – ей, по всей видимости, все равно, даже если случайный попутчик начнет ее убивать в дороге.

Стало неловко, но я без лишних слов подчинился. Не успел я толком усесться на переднее сиденье, чтобы стряхнуть снег с ботинок (людям это нравится), как меня буквально отбросило на спинку кресла, ибо «Порше» стремительно тронулся в путь – аж дверь захлопнулась сама по себе. Я тут же нащупал ремень безопасности и понадежнее пристегнулся.

С первых секунд выяснилось, что поездочка обещает быть веселой. Важно не проглядеть заправочную станцию, но что-то мне подсказывает, что выбраться из «Порше» будет проблематично. Не миновало и десятка секунд, как мы прилично разогнались. Окрестности пролетают за окнами так быстро, будто их засасывает в черную дыру. Причем саму автоледи такой распорядок дел нисколько не смущает – она безэмоционально поглядывает на дорогу, лишь слегка касаясь руля. Одно неверное движение, и нас выбросит на обочину. Увязнуть в снегу – это наилучший вариант. Может и из колеи выкинуть – привет, столб, забор, отбойник. Или рекорд по количеству кувырков на машине. От таких перспектив мне стало не по себе – абстрагироваться от возможности плачевного исхода невозможно.

Знаю, что некоторые женщины водят безбашенно, но чтоб настолько... Самое время вспомнить молитвы или придумать новые. Вероятно, дни наши на брэнной земле сочтены, а ей хоть бы хны. Она ведет машину вперед, постоянно отвлекаясь на салфетки, платки, зеркало заднего вида в салоне, мобильник, сумочку на заднем сиденье. В такие моменты мое сердце останавливалось, а кровь застывала в жилах. Я ухватился за что угодно и чем угодно. Подобной прижимной силы я никогда прежде не ощущал. Бывало, конечно, Митяев, когда я сидел рядом, в качестве невинной шутки прибавлял скоростей на прямом участке широкого проспекта. Так вот, заявляю официально, что там были цветочки, ибо «Приора» столько сдюжить не может.

«Боже мой! Куда же я попал?!» – крутилось в голове. Лентяй, лучше б пошел пешком. А то тебя сейчас доставят прямиком в ад, причем без очереди. Перспектива угодить на небо девушку нисколько не смущала. Я должен любыми средствами заставить ее остановиться. Но если заговорить, то можно ненароком отвлечь ее, и тогда она совсем на дороге глядеть не станет, как и за руль держаться.

Язык пристал к небу. Руки вот-вот вырвут подлокотники у кресла. А ведь мы в пути от силы 15 секунд. Отче наш, сущий на небесах...

– Вы... вы так водите. Вы прежде не попадали в аварии?

– Я за рулем третью неделю.

Я резко почувствовал себя плохо.

– Прошу прощения, не могли бы вы... – я прервался, ибо понял, что вещаю шепотом – девушка, одетая, кстати, весьма дорого, меня не...

– Ты что-то сказал? – спросила она.

– Остановите машину. Я сойду! – испуганно выдал я.

– Уверен?

– Уверен.

– А я вот не уверена, – заявила она. – Если я уеду, то следующую попутку ты будешь ждать до ишачьей пасхи.

– Как я жалею, что ввязался в это.

– Чего говоришь?

– Говорю, что... Осторожно! Поворот!

Девушка резко крутанула руль вправо, и мы просто чудом свернули на другую улицу.

– Куда мы так летим?! Это же безумие!

– Я тороплюсь, – коротко прокомментировала она.

– Куда?! Куда можно торопиться глубокой ночью?!

– Я убегая.

– Черт возьми, от кого?!

– От себя, – на серьезных щах объявила она и лишь прибавила скорость, будучи непристегнутой. Благо встречных машин не было.

– Что ты себе придумала такое?! – не врубался я, начиная соображать, как бы ее вырубить и при этом оставить машину на безопасном курсе.

– Я... я просто ищу способ быстрее со всем покончить.

«Дело – дрянь!» – подумал я.

– Хочешь сказать, что ты...

– Да! Да! Да-а-а! Мне жить надоело! Все это терпеть надоело!

– Зачем?! Почему?! Ты нормальная вообще?!

– Может, и ненормальная. Но меня сегодня унизили, растоптали, убили. С меня хватит!

Гаражи. Гаражи. Гаражи. Молниеносно пролетали за окнами.

– Подожди ты. Плохое событие в жизни – это еще не повод...

– Откуда тебе знать?! – рявкнула она.

– Я тоже был в таком состоянии.

– Тебя тоже парень кинул?

– Какой... Нет! Просто подростковый кризис.

– Тогда замолчи! Ты ничего не понимаешь!

– Расставание и обида – все равно не повод делать из себя котлету и идти во все тяжкие.

– Да что ты знаешь...

– Я вижу, – общался с истеричкой я. – Ты же такая молодая, симпатичная, очаровательная девушка, – я боялся ее как огня, – хрупкая, но в таком большом автомобиле. Ты наверняка достойна большего, чем бесчинствовать за рулем и гробить себя.

– Все вы так говорите. В итоге все равно обманываете!

– Во всем можно разобраться, поверь мне! – она устави-

лась на меня. – Надо только успокоиться, выговориться. И все встанет на свои места, не будет таким уж никчемным и бессмысленным, как ты думаешь сейчас.

– Правда?! – спросила она, словно заплаканная четырехлетняя избалованная девочка, которой все-таки купили сладость после того, как она устроила родителям грандиозный концерт в магазине.

– Разве ты никогда не пробовала так делать? А не с плеча сразу рубить? Очень помогает. Я вот...

Деревья вдоль дороги расступились. Мы как раз пролетаем мимо нужной мне заправки – указатель не врал. Пора махать ручкой неуравновешенной девахе, которая с минуты на минуту себя угробит.

– Вот! Моя заправка! Мне сюда нужно, – рискнул отстегнуть ремень безопасности я, но совершил одну роковую ошибку – подарил надежду. – Давай, тормози.

– Ага! Как бы не так! – объявила она и резко перестроилась на встречную полосу, уводя машину все дальше от нужного мне места.

Ситуация настолько безвыходная, что я уж хотел десантироваться из «Порше» на скорости, но не рискнул, ибо понимал, что при столкновении с землей я раскрошусь как конструктор. Кажется, меня взяли в заложники. Не террористы, а простая русская девушка.

– Ты что делаешь?!

– Я тебя не отпускала!

– Ты рехнулась?! – постучал по башке я, все же склоняясь к решению выпрыгнуть из тачки, а там будь что будет.

– Куда ты собрался?

– На волю! – ответил я, как вдруг понял, что дама вцепилась в меня руками. – Руль! Дура! Держи руль! – истерично взмолился я.

– Без тебя мне не жить!

– Отпусти! Я не твой мужик!

– Помоги мне! Выслушай меня!

– Ты чокнутая!

Блондинка схватила руль – сделала это как раз за пару мгновений до лобового столкновения с мусоровозом. И чего он тут забыл? Благо мы вернулись в свою полосу.

– Выпусти меня, бестия! – вскрикнул я. – И иди со своими подругами проблемы обсуждай.

– У меня нет подруг, – созналась девушка, зажмурив глаза, чтобы выцедить из них очередные слезы.

«Порше» под ее управлением явно везет нас обратно в город.

– Думаешь, что я сгожусь тебе в качестве подруги?! Вот еще! И вообще: у меня важные дела на той заправке, черт побери! Угораздило же меня, – ругался я. – На кой хрен я вообще тебе сдался, женщина?! Я так-то несовершеннолетний, а вся ситуация тянет на похищение... – я подумал и добавил, – с целью изнасилования!

– Ага, размечтался, мальчик. Ты сам сел ко мне в машину,

забыл?

– Ничего это не значит. И где вас только таких выращивают?

Мне показалось, что на ее лице проскочило что-то вроде улыбки, но только на мгновение. Сама она погружена в глубочайшее уныние. Может, мне пора вспомнить, что любой мужчина, как это принято в цивилизованном обществе, должен уважительно, снисходительно относиться к любой женщине вне зависимости от ее возраста и социального положения. А как же равноправие, во-первых? А во-вторых, скорость она так и не сбавила. В-третьих, я здесь появился не по душам разговаривать – она же сейчас завезет меня черт знает куда. Очень опрометчивое решение выезжать в город из безлюдных дебрей – тем более с таким-то скверным настроением.

– За что мне такое наказание?

– Изъясняешься как старый дед. А говоришь, что несовершеннолетний.

– Так и есть. У меня, между прочим, полно своих дел и времени в обрез. Чего тебе надо?! – возмутился я.

Она задумчиво взглянула вдаль, продолжая вести автомобиль на прежней скорости:

– Потому что ты первый за долгое время, кто сказал мне, что выход есть.

Я истерически захохотал – от абсурдности аргумента по большей части.

– Мне кажется, это дежурная фраза для всех, кто огорчен. Тебе ее каждый скажет: когда реально хочет помочь и когда желает вокруг пальца обвести.

– Ты был искренним...

«Вот так штука!» – подумал я.

– Перед лицом угрозы нанесения тяжкого вреда здоровью...

– Знал бы ты, как мне плохо... – понурила голову она, затем принялась искать что-то у кресла – вскоре она схватила за горлышко полупустую бутылочку вина и отпила из нее пару глотков, невзирая на мой ошарашенный взгляд.

– Мне кажется, что тебе как раз-таки очень хорошо. Ты попиваешь винишко в новеньком «Порше», на тебе брендовые шмотки, маникюр, цацки. А сумочка так вообще как весь мой гардероб стоит, а то и больше. Почему бы тебе попросту не расслабиться? Не париться, как делают все твои, а?!

– Все это чушь и притворство, – выдала она. – Смотри! – она схватила свою сумочку, ловко достала из нее тушь с помадой, разрисовала ими кожаный аксессуар, опустила стекло и швырнула вещь на дорогу.

– Зашибись! – отреагировал я. – Что же тогда ты хочешь услышать от меня? Я не психолог. Я... я даже школу еще не закончил.

– Ты сможешь меня выслушать.

– Не в обиду тебе, но ты почти вдвое меня старше. Вряд

ли я сделаю правильные выводы.

– Не зря мне попался именно ты. Я рассчитывала, что разобьюсь раньше.

– Что?!

– Что слышал.

– Можно при мне не заводить подобных разговоров, а то я и так уже на грани.

– Если ты убедишь меня, что ничего подобного творить не стоит, то ничего тебе не угрожает.

– Хватит уже! Я тебе не Шахерезада Степановна. Насколько ж надо отчаяться, чтобы себя жизни лишить?!

– О, ты еще не знаешь, что сотворили со мной люди, которым я верила.

– Личико у тебя вроде бы на месте. Руки, ноги тоже. Остальное, как говорится, ерунда! – заявил я.

– Душевные раны не под стать физическим...

– Как я могу помочь тебе чем-то дельным, если даже не в курсе того, что с тобой приключилось? Кроме того, что я сейчас наблюдаю. А на основании последних пяти минут я убедился, что ты невротичка.

– Я не хотела, честно. Это все от горя, – девушка вновь захлюздила – я заметил, что на протяжении всего разговора ее бросает то в жар, то в холод, то в нюни, то в неистовую ярость.

– Раз не хотела, то давай останавливайся, – мы, кстати, уже всю летим по жилым микрорайонам, – и поговорим с

тобой спокойно. Мне это очень поможет.

– Ты убежишь, стоит мне остановиться.

– С чего ты взяла?! – уловка не сработала. Благо мозгов у автоледи не хватает двери заблокировать.

– Потому что все вы, мужики, похожи друг на друга. Сначала наговорите всего, а потом...

– Я не привык размышлять в машине, которая несется по городу со скоростью 150 км/ч!

– А это специально, чтобы меньше времени было на раздумья, прежде чем...

Ежу понятно, к чему она клонит. Прямо-таки адский огонек загорелся в ее глазах. Я пропал.

– А вот вы, женщины, всегда склонны все преувеличивать и драматизировать, а потом срываться на мужиках. А причина, блин, в том, что у вас с утра ноготь сломался.

– А у вас, мужиков, всегда проблемы вселенского масштаба, вопросы государственной важности. И пускай остальные подождут. Пускай весь мир подождет! Девушек, прикрываясь этим, значит, можно динамить, обманывать, использовать или того проще – ни во что не ставить, упиваясь своим величием и превосходством, которые ничегошеньки не стоят. Но вы же всемогущие мужики! Куда нам до вас! А мы ведь тоже живые существа, а не интимные игрушки и груши для битья. Вы никогда не признаете, что мужики без баб ничего дельного собой не представляют.

– Ха-ха, содомиты бы с тобой не согласились.

– Кто?

– Осторожно!!! – крикнул я, ибо на проспекте девчонка уверенно правила «Порше» в колонну снегоуборщиков.

Еле вырулили. Ушли бы в занос и вместо лобовухи перевернулись бы. Но девчушка скоростей не сбавила. Отличная презентация всех прелестей дамского вождения.

– Мужланы вечно кашу заварят, а потом на девушек все валят. Почему ты не предупредил, что впереди техника?!

– Я не предупредил?! Ты у нас за рулем, дорогуша! Вообще на своей волне! Умоляю, прекращай эти бесчинства – мне уже нехорошо.

– И не подумая. Вы, мужики, у меня за все ответите, – она рулила дальше, прокладывая одной ей известный маршрут. До его финала мне край нужно выбраться из этой адской машины для убийств.

– Я... я-то здесь при чем?! – до меня начала доходить самая суть истории хозяйки «Порше» – ее здорово предал любимый мужчина. Своего предателя она, кажется, усмотрела во мне, поэтому хочет без промедления раскромсать его... то есть меня. – Ты можешь спокойно объяснить, кто тебя обидел, и выплескивать всю злость на него, а не на меня!

– Он уже получил свое.

– И это повод ненавидеть других мужиков?!

– Шикарный повод. Так бы и поотрезала ваши проклятые яйца, которыми вы хвалитесь налево и направо.

«Дело – мрак!» – паниковал я. Крышу у меня начало се-

рздно сдувать, когда она принялась шариться в тайничке под подлокотником – я уже подумал, что там у нее припрятаны острые ножницы, с помощью которых она сделает меня евнухом. А я ведь еще так молод и толком не успел понастоящему полюбить. От скорости и неотвратимости наказания за все мужские грехи я зажмурил глаза.

– Алло! Алло! Мама! Мамочка! – кричала в трубку девушка. – Ты меня слышишь?! Это дочка твоя, Таня, маленькая и глупая... Уже поздно. Но ты же выслушаешь меня, да? Душенька моя, я так страдаю. Мне так больно. Моя жизнь разрушена, а я ведь только сегодня днем была на седьмом небе от счастья, мама. А сейчас я не хочу жить... Меня все предали, все подставили. Я поняла теперь, что я никчемная дура, мама! Почему ты мне никогда не говорила об этом?! Почему я всегда для тебя была красавицей-принцессой? Не будь я слепой идиоткой, может, я бы сразу все поняла и не наделала бы столько ошибок?! Нынче слишком поздно – я не могу этого выносить и что-нибудь с собой сотворю... Здесь, думаю, моих никчемных мозгов хватит. Меня выкинули на помойку, мам! Но... прежде чем ты увидишь меня в завтрашних новостях, я не дам ему жить... и его старой-новой потаскухе! Я буду после смерти являться к нему во снах, возьму с собой голодных-преголодных крыс и заставлю их жрать его мужское хозяйство. Урод заслужил! Да! Ты все правильно поняла! Что?! Угу, естественно, свадьбы не будет. Да, мама, он... он во всем виноват, он все испортил! Его зо-

вут Артур, мама! Надеюсь, он получит по заслугам. Если я переборю свою боль, то сожгу ему хату и порешу всех его продажных шлюх! Спокойной ночи, мама! Не звони мне – буду занята. Пока, мам! Люблю тебя.

Я надеялся, что ее мать даже не подняла трубку. На ее месте я бы сию секунду свалился с сердечным приступом (после таких-то слов). Однако брошенка взглянула на экран сотового телефона, и ее чуть не разорвало от крика и рыдания. Из-за одной лишь заставки. Истошно крича, она будто в конвульсиях билась в попытках раскрошить трубку обо все, что видела.

– Прекрати!

– А-а-а! Ненавижу! Ненавижу его! – бесновалась она. – А-а-а! – вызывайте, мать его, экзорциста!

– Таня! Успокойся! Таня! – я пытался вразумить ее, но она не слышала.

Дошло до того, что она пыталась разбить телефон об внешнее зеркало заднего вида. Битва закончилась вничью: пострадала трубка, и зеркалу досталось. Я хотел ухватить Таню за пальто, но она огрызнулась и крутанула руль так, что меня откинуло к пассажирской двери.

Мы вылетели на какую-то площадь и подпрыгнули на трамвайных рельсах как на стиральной доске.

– Ты нас угробишь, кретинка!

– Туда нам и дорога!

– За себя говори! – конечно, я сделал много чего плохого,

в том числе и по отношению к хоккеистам. Но я же встал на путь исправления. Все же в итоге во благо. Правда, люди снова меня не поняли (они вообще редко меня понимают) – просто я скрыл от них свои истинные чувства и, кажется, разучился любить. После таких вот форс-мажоров я готов признать, что поступаю неверно.

Танюша впервые после всех выкрутасов на «Порше» неаккуратно вписалась в поворот – вообще неясно, как мы еще в космос не улетели. Мы по касательной покарябали крылья «Порше» об заборчик на перекрестке.

– Это зашло слишком далеко! – набрался смелости я, чтобы напасть на Таню и попытаться нейтрализовать ее. Она оказалась не из робких: чуть не откусила мне ухо, ударила меня по больному месту, а в другой бок больно уткнулся рычаг коробки передач.

Я вновь отлетел на свое место – в довесок на голову приземлился расколотый, но все еще функционирующий мобильник Тани. Рикошет отправил его прямым мне в руки. Сдаваться я не хотел, желая атаковать бабенку повторно, однако мигом замер на месте – взъерошенная дурилка пригрозила мне шокером. Машина неслась сама по себе. И это в центре столицы Южного Урала! Да где хотя бы один гаишник?! Безобразия!

Уже в который раз Строймилова заплакала. Я сжимал в руках ее телефон – отжав кнопку блокировки экрана, я увидел заставку: счастливая парочка стоит в обнимку, слева –

явно Таня (убери потеки от туши и помады, и она очень даже ничего), справа – в меру высокий молодой человек презентабельного вида с несколько надменным взглядом, в костюме, смугловатый, с козлиной бородкой и усами.

– Это он? – спросил я в упор, демонстрируя фотографию сошедшей с ума от горя блондинке. – Из-за него весь сыр-бор?!

Татьяна отвернулась от меня. Слезы водопадом хлынули на ее одежду, а рука с электрошокером опустилась, словно обессилела. Я аккуратно подхватил ее, нежно разжал пальцы и отобрал опасный приборчик.

– Следи лучше за дорогой. Хватит реветь, – говорил я. 60 км/ч казались черепашьей скоростью. – А теперь расскажи мне, что произошло, – Таня еле заметно покачала головой. – Понимаю, что трудно, но гарантирую, что тебе полегчает. Давай, ну? Кто он? Что он наделал?

– Он... козел! – выдала она.

– Это я уже понял, – разглядывал фотографию я. – Вот, говорят ведь, что мужчина и женщина – это две половинки одного целого.

– Нет! – громко высморкалась Татьяна. – Две половинки одного целого – это жопа!

– Тебе, смотрю, уже легче, – я удивился ее остроумию. – Рассказывай.

За окнами – подсвеченный иллюминацией центр города. Где-то здесь и местный Арбат – улица Кирова.

Прежде я не встречал столь бурной реакции девушки на какое-либо событие. На моей голове точно появилась парочка седых волос.

– С утра я думала, что день станет самым лучшим днем в моей жизни...

– Жив, здоров – значит, это уже самый лучший день в твоей жизни.

– Я узнала, что беременна...

– О, вот как? Поздравляю, – неуверенно выдал я, пытаюсь прикинуть: неужели гормоны бьют бабам по голове так сильно, что те способны на такие рискованные и необдуманные поступки, тем более в таком интересном положении?

– Когда я узнала, что беременна, то сползла по стенке на пол и не помню даже, сколько прорыдала. До сих пор не могу определиться, что это за слезы: радости или отчаяния?

– Радости, конечно, – безоговорочно ответил я.

– Сначала я тоже так думала, поэтому захотела поделиться радостью с отцом ребенка – Артуром. Я специально приехала в «Хамелеон» – клуб, где он работает. Ждала, что он обрадуется, на руках будет меня носить. Захожу, а он...

– Что он?

– Он обжимается с другой. Наверняка до этого они...

– Не нужно плакать, Таня! Возьми себя в руки, пожалуйста.

– Это же, по-твоему, слезы радости, да? – с претензией спросила она.

– Конечно. Потому что ушла от засранца.

– Только я могла залететь от изменника, который против этого ребенка... Но он еще за все ответит, – Таня дрожала от злости. – Он меня на всю жизнь запомнит, – я почувствовал, как «Порше» покатился резвее. Когда же кончится бензин?! – Я... я вены себе перережу! Нет! Он хотел меня этой машиной подкупить, так я возьму и разобью ее прямо сейчас всмятку вместе с собой! Всех похороню: себя, кого он якобы любил, и наследника его, которым он меня наградил. Вот тогда-то он поймет... Все поймет... Многое потеряет... многое... Нельзя... нельзя так поступать с матерью своего ребенка!

Адреналин сковал мое тело.

– А о невинных жертвах ты не подумала? – обреченно напомнил о себе я.

– Я ведь шла все ему рассказать. Порадовать его, импотента поганого...

– Послушай, Тань: во-первых, вряд ли импотент смог бы тебя обрюхатить; во-вторых, он ведь не знал, что ты залетела, когда спалился. Может, он не стал бы так делать, если б...

– Не оправдывай его! Нечего мне тут мужскую солидарность показывать.

– Ты только не горячись.

– Ничего бы не случилось, если бы не эта мочалка Лиза из клуба. Она все подстроила.

– Соперница?

– До сих пор не может смириться, что Артур выбрал меня. Вот и соблазнила его, гадина. Сделала мне больно – добилась своего.

– Можно как-нибудь взглянуть на эту Лизу?

«Если, конечно, выберешь отсюда в целости и сохранности», – мысленно добавил я.

– Зайди в «Фото». Там подписано, – велела Татьяна, указывая на телефон. – Только мне не показывай. Видеть ее не могу. Я бы сейчас проехала колесами по ее роже.

– Ладно, – я проделал все, как сказала Таня, и обнаружил нужные фотографии. Видимо, прежде девушек объединяла работа помимо любви к Артуру, который, судя по всему, был их шефом в... модельном агентстве или что-то около того.

Приглядевшись к Елизавете получше, я впал в замешательство (очередное). Меня осенило – это же она валяется без сознания в «BMW». Явно малолетние проходимцы подобрали ее в «Хамелеоне». Там они, выходит, и отдыхали. Бывают ли такие совпадения?

– Понравилась, да? – спросила Таня.

– Нет, – отрезал я во избежание последствий, – не особо.

– Скажи, что страшная, да?

Я решил поддакивать:

– И что Артур в ней нашел? – отложил в сторону полуразбитый телефон я. – Слушай, Тань, – мы продолжали колесить по Челябинску. Надеюсь, девушка не разыскивает подходящее место для грандиозной аварии, – если твой жених

оказался таким редкостным гадом, то пусть подавится. Ты не думала, что можешь стать отличной матерью для своего ребенка и одна?

– Ты шутишь?

– Никаких шуток. Твои упорство и решительность сделают из ребенка супергероя.

– И в супергерое я до конца жизни буду угадывать черты Артура...

Я промолчал.

– Я же ничего не смогу без него. Я никто и звать меня никак, – расклеилась она.

– Впервые в жизни встречаю женщину, которая так говорит. Обычно у вас все наоборот. Ты сама что мне вначале сказала?! Это он... он без тебя жить не сможет. Где ты посеяла свою гордость?! Сколько женщин в одиночку детей подняли...

– У него деньги, власть и связи. Он полностью меня обеспечивал. Я практически ни дня нормально не работала... если только под его началом... Как он меня подобрал, так и бросил... Бросил и другую шалаву нашел – круг замкнулся, – я понял, что версия с модельным агентством отпадает в пользу более пошлой версии. – Я думала, у нас с ним серьез. Мы съехались, любили друг друга, – Таниными слезами можно было хоть всю Африку напоить. – Он же такой... нежный, внимательный, усидчивый, галантный... был.

– Да всплыл.

– Дерьмовые все же существа эти мужики. Жадные мрази. Жонглируют девушками только ради престижа и потрахушек.

– Ой, прям уж вся твоя жизнь завязана на одном только Артуре, – я пытался подбодрить ее, а то дело пахнет керосином. – После расставания такие возможности открываются! Сама сейчас прикидываешься никчемной, когда, по твоим же словам, такими должны быть мужики.

– На этом и моя жизнь должна закончиться.

– Больно ты категорична, дорогуша, – нужно всеми способами, правдами и неправдами отвлекать ее от суицидальных настроений. – Наверняка у тебя есть хобби, таланты, навыки, стремления, мечты...

– Находить ненадежных мужиков и залетать от них – вот мой талант!

– Уверен, что такая красотка, как ты, без работы не останется.

– Ага, на паперти. Или на панели.

– Почему сразу так?

– Как мне сегодня сказали прямо в лицо, я никчемная и ни на что не способная потаскуха. И теперь я поняла, что всю жизнь летала в облаках.

– Это не повод убивать себя и меня, – тихо произнес я.

Таня молчала – только гнала машину вперед, будто рубится в гонки на компьютере. Мы пролетели перекресток на красный свет и выбрались на широкополосную эстакаду.

– У тебя огромное преимущество перед гнусной парочкой любовников – это твой ребенок и отцовские чувства Артура, – я уже не знал, чем ее отвлечь. – Идеальная месть – обставить Артура, заставить его завидовать тебе, волосы на себе рвать. Глядишь, и сам приползет. Вон, первоначальный капитал есть – можно продать машину. Глядишь, родители чем-нибудь помогут...

– Я сама каждую неделю маме деньги высылаю, – холодно ответила Татьяна.

– Ты вот столько всего наговорила своей маме – даже представить не могу, каково ей сейчас. Но как бы трудно ни было, настоящая мать не может стать убийцей. В противном случае она не мать, а исчадие ада – нет таким прощения, – я рассчитывал, что удастся надавить на Таню с этой стороны. – Твоя мама позволила тебе появиться на свет – вряд ли ей было легче, чем тебе сейчас. То же можно сказать и про мою маму и миллионы других мам – их всех объединяет одно решение, единственное и верное. И неважно, были ли у них сейф с золотом, скважина с бездонными запасами нефти или полбуханки хлеба на всю неделю. Твое разбитое сердце меркнет по сравнению с той ответственностью, которую тебе даровала природа. Остальные справились – люди выросли разные, тут уж кто как старался. А ты просто не дашь ребенку шанса! Какое ты вообще имеешь право решать – ты не Господь Бог! Если он не умертвил тебя раньше, то радуйся – он дал тебе испытание, ибо знает, что ты должна

с ним справиться, прорваться, научиться... А убится – самый легкий, самый трусливый способ! Ты и твой ребенок не заслужили смерти из-за ошибок какого-то там Артура из клуба «Дикобраз»...

– «Хамелеон».

– Ха, будто есть разница! Себя жалеть – последнее дело, – «Порше» резко свернул на Троицкий мост через реку Миасс. – Опомнись, Таня! Хочешь пойти легким путем? Вперед! Но умрешь ты тупой и трусливой эгоисткой. И это не все. За собой ты угробишь собственную мать. И Артура тоже не все равно будет, поверь. А я вижу, что ты через «не хочу», но любишь его. А еще ты убьешь меня – просто так, ни за что... потому что под руку попался, но всеми силами хотел переубедить тебя. Зачем мне такая кара? Ты представить себе не можешь, сколько держится на мне. Шестеро пацанов-хоккеистов надеются, что я вытащу их из крутого пике, в которое они угодили. Каждого из них ждут любовь, семья, дети, слава. У каждого может сложиться блестящая карьера, но российский спорт не досчитается парочки звезд. И виновата будешь ты! А я... я ничего больше не увижу в этой жизни. Я только-только вышел из зоны комфорта, понял, что нужно делать – точно не в книжки всю жизнь втыкать, – мы набрали приличную скорость на прямой. – И еще один человек погибнет сегодня. Погибнет незаслуженно... Я не знаю, кем бы он мог стать: может, гениальным музыкантом, художником, программистом, президентом, криминальным гени-

ем. Но вместе с ним...

«Порше» вильнул вправо и ловко запрыгнул на бордюр. Послышался металлический скрежет; во все стороны полетели искры. Авто кренилось и прыгало как лошадь на конуре. Таню будто парализовало. Впереди – чугунная ограда моста, за которой зияет пустота. А дальше тонкий лед да грязная вода.

– ...Погибнет твое будущее, Таня...

«Если бы не твоя дурость, все бы жили...» – что же ты наделала, Таня?

Визг тормозов. Я встретился лицом с бардачком.

На скользком тротуаре машину занесло. «Порше» остановился в сантиметре от чугунной решетки Троицкого моста.

Вид ночного города бесподобен. Он завораживает.

Удивительно, но Татьяна не проронила ни слезинки. Лишь бесчувственно глядела перед собой, словно робот. Может, и поняла чего?

– Татьяна, – объявил я, удостоверившись, что не обмочился, – прошу вернуть меня к заправке.

***

Потрепанный и покоцанный «Порше» остановился напротив заправки, к которой я так стремился. Никто в машине на всем протяжении обратной дороги не проронил ни слова.

– Вот, значит, чем ты занимаешься – жизни спасаешь. И хоккеем любишь.

Кажется, Таню так колбасит внутри, что она уже не верит в реальность происходящего.

– Что-то вроде того, – ответил я. – Надеюсь, что у меня получилось убедить тебя не совершать глупостей. Езжай к маме.

– Я... реально такая дура иногда. Мне так стыдно.

– Главное, вовремя принять правильное решение, – приоткрыл дверь я.

– Как хоть тебя зовут?

– Обязательно говорить? Может, я хочу остаться в твоей памяти таинственным голосом, фантомом, волшебником, который спас от гибели аиста, который принесет тебе первенца. Хорошая, кстати, сказочка на ночь, – под бинтом немного нарывает.

– И все-таки.

Я застенчиво улыбнулся:

– Петя.

– Что, правда? – хихикнула Таня.

– Мама очень переживала, что мне не понравится имя. Я же считаю его самым лучшим на свете.

– Передавай привет своей маме.

– И ты своей. Поезжай, Таня, и никуда не сворачивай.

– Петь.

– Что? – шагнул на обочину я.

– Спасибо.

Я махнул рукой, мол, не за что. Таня улыбнулась.

«Порше» развернулся и исчез за поворотом. Надо же, я еще не реализовал первоначальный план, а уже засветился в истории.

Я почувствовал спазм в животе – меня скрутило и смачно вырвало. Видать, укачало.

Зачерпнув чистого снега в ладони, я умыл лицо и даже испил немного талой водицы, дабы во рту пропал неприятный привкус кислоты. «В жизни есть две загадки: как родился – не помню, как умру – не знаю!» – подумалось мне.

Я обернулся – заправка через дорогу. Мне необходим бензин. Меня ждет «BMW».

История двадцать девятая. «Заправка»

Местная автозаправочная станция не такая уж и большая, под крупным брендом не значится, однако доблестно работает круглосуточно. Четыре неказистые колонки да мини-маркет с панорамными стеклами, из которых льется свет, ярко освещающий округу, будто маяк в бескрайнем море.

В ночь с пятницы на субботу заправка отдана в распоряжение высокому чернявому пареньку, имя которого на бейдже постоянно привлекает внимание посетителей – Давид. Ныне клиентов негусто, поэтому Давид не может места себе найти: плохо, что нет посетителей, а если они все же забредают, тоже плохо, ибо надо поднимать пятую точку и обслуживать их. Хотя ночью можно и деньгу с товаром прикарманить, и залпом глянуть какой-нибудь сериальчик, и все в таком духе. Но сегодня занятие нашлось – по поручению начальства (по совместительству родного дяди Давида) необходимо прошерстить полки на предмет просрочки и выставить новые товары. Давид, закатив рукава клетчатой рубашки, неохотно принялся за дело.

В разгар ночи неподалеку от бензоколонки объявилась молодая особа. По району она шагала быстро и уверенно, чтобы отбить желание какого-нибудь неадекватного сесть ей на хвост. Перед самой заправкой она расстегнула пальто,

небрежно распотрошила кудрявые локоны, достала из-за пазухи бутылку вина, сделала глоток для храбрости, вылила четвертинку содержимого в сугроб. Далее замерзшими руками еле-еле выудила горсть таблеток слабительного из коробочки и высыпала их в бутылку. Сосредоточившись на образе немного пьяненькой и доступной дамочки, девушка шаткой походочкой побрела к магазинчику на заправке, небрежно размахивая сумочкой.

– Ба! – воскликнул Давид, заметив посетительницу. – Какие люди! Вика.

Перед продавцом стояла девушка невысокого роста, с исконно русскими мясистыми чертами лица, светлыми волосами, со слегка размазанным, но все равно вызывающим макияжем, который несколько увеличивал ее тонкие губки, подчеркивал румяные щечки, покрасневшие то ли от холода, то ли от вина.

– Шалом, Додик!

Приятное удивление Давида от столь внезапного визита Виктории вскоре выразилось самодовольной миной. Еще бы, ведь его бывшая ни с того ни с сего забрела к нему ночью одна и с винишком наперевес. Давид молниеносно оценил ситуацию. Она же могла пойти, куда угодно, но пришла к бывшему. Следовательно, это что-то о ней говорит, что-то она все-таки чувствует.

– Вот кого я точно не ожидал сегодня увидеть.

«Даже не надейся, говнюк!» – мысленно противилась Ви-

ка, но вида отвращения не подавала. Ни одна складочка на ее лице не дрогнула. Давид, конечно, бдительный, но женские чары легко его усыпят – нужно лишь намекать, хвалить и восторгаться. Виктория мысленно повторяла про себя, что «все для дела и ради мести».

– Что же привело тебя сюда, Викуся, в столь поздний час? – уперся локтем об полку Давид. – И почему ты одна?

– Тебя действительно интересует этот вопрос?

– Конечно! Я же тебя знаю. Хоть ты и бунтарка, просто так ты не придешь к...

«Да кого ты знаешь?! – думала Вика. – Окстись, придурок!»

– Была по близости просто, – Вика стала с интересом рассматривать товары на полках и вертеть некоторые в руках. Давид не спускал с нее своих мелких глазенок. Та делала вид, что не замечает его нетерпеливой физиономии. Чтобы клюнул и ничего не заподозрил, она должна вести себя как можно развязнее и неадекватнее. – Вспомнила, что ты здесь трудись. Вот и решила зайти поздороваться, – подмигнула она.

«Хорошо она винца бухнула, – размышлял Давид. – Трезвой ее сюда не загонишь. Надо пользоваться моментом».

– Все равно на тебя не похоже. Особенно, если учитывать некоторые... обстоятельства, что произошли между нами.

– Во-о-от, – протянула Вика. Оба зондировали почву. – Именно за этим я к тебе и пришла, Дуду.

– Ты специально? Ты же знаешь, что я не переносу, когда меня так называют. Меня только бабушка имеет право так звать. И то...

– Забыла, прости, – положила руку на сердце Виктория, невольно расстегнув блузку под пальто и приоткрыв в меру пышные груди в соблазнительном бюстгальтере, что мигом приковало внимание Давида.

На самом деле она прекрасно знает, что для Дуду упоминание прозвища равносильно боли от окурка, который тушат об руку. Сегодня Вика планирует затушить об Давида целую пачку сигарет.

«Никакого спуска бессовестному козлу! Он лицемер и пройдоха, коего свет не видывал – жутко неприятный тип. И как я только могла с ним спать?! Да ладно спать – как я могла его в губы целовать?!» – именно так начала бы свой рассказ Виктория, если б ее попросили поведать о Давиде.

Вика ненавидит этого бесстыдника. Хорошо, что он не носит еврейскую кипу на своей маленькой головушке. Иначе девушка не удержалась и смахнула бы ее. Без этого головного убора он вполне смахивает на татарина. А вот с кипой он вылитый молодой раввин. Трудится нынче на заправке в ночную – вряд ли здесь вообще кто-то появляется по ночам. Лафа, получается.

Давид, конечно, еще не достиг того уровня, чтобы утащить всю заправку целиком, однако зарабатывал следующим образом: часто здесь заправляются поддатые водители, вы-

езжая с колонки то влево, то вправо, поэтому в зависимости от направления он стучит о нарушителях знакомым гайцам, которые периодически шабашат неподалеку. Выручку делят пополам. По-скотски, скажете вы? А нечего садиться за руль нетрезвыми. И нечего спрашивать дорогу на заправке и не заливать при этом бензин. Много о человеке говорит, не правда ли? Боже, а как же он любит рисоваться. Словами не описать. Вика разглядела его истинную личину только тогда, когда любовная чушь после его поступков слезла с глаз девушки.

«Первый мой роман был непродолжительным, и был он с Глебом. С самого начала судьба решила провести меня по увлекательной и одновременно невыносимой выставке омерзительных отношений. После первого раза я еще верила в любовь, верила мужикам, их рассказням, внешнему виду, слухам, витавшим вокруг них. Успокоения от разрыва с Глебом я хотела найти с Давидом. Однако он и его скверный характер уверили меня, – то и дело вспоминает девушка, – что лучше не летать в облаках и быть реалисткой. Отношения с Глебом и Давидом сделали меня закрытой и нелюдимой бунтаркой. Научили меня не доверять, остерегаться и скалить зубы.

Но Андрей – совсем другое дело. С ним я добра и нежна, с ним я не жду подвоха. Он настоящий, и я чувствую это. И неважно, какой ты на вид, сколько у тебя бабла, чем ты занят и кого из себя строишь. В случае с Глебом и Давидом все

наоборот. У Андрея, может, и не все в порядке в семье, но в моих силах подарить ему любовь, в которой он нуждается. И ответ будет взаимным. Вместе мы можем быть самими собой. И плевать, что думают остальные.

Как-то раз Давид, заведев Андрея в коридоре, выкрикнул ему вслед: «А ты знаешь, что она ушла к тебе, чтобы насолить мне и Глебу?! Чтобы нам типа было плохо, чтобы мы типа мучились? Знаешь, что это значит? Да откуда тебе знать, мразота! Ей срать, понимаешь – она с тобой только из-за нас. Хотя Глебу тоже плевать, по сути... Короче: она с тобой только из-за меня. Ждет моей реакции, моего решения. Ждет и терпит, потому что понимает, кого потеряла. Продолжительность ваших обнимашек от меня зависит, слышишь?!» Даже не представляю, каково было Андрею от слов Давида.

Не в моем стиле церемониться: рука у меня тяжелая. Когда я услышала первые такие разговорчики от Давида, то подарила ему смачную пощечину. А когда он очухался, плюнула ему в морду. Если Дуду может лить только словесную грязь, с Глебом сложнее, поскольку он ненавидит Андрея давно: его ярость, когда мы с Андрюшей сошлись, только возросла. Я пыталась повлиять на бывшего – дьявола воплотить, который держит в страхе весь колледж. Он со злобной ухмылочкой обещал прекратить, но я чувствовала, что Андрей продолжает страдать... из-за моих ошибок... ради нашей любви.

Спустя некоторое время опомнился и Давид. Я заявляла всем вокруг, что Додик – паршивая партия. И кому он только мог нравиться? Он в отместку выдал мою якобы подноготную, отчего все стали сторониться меня, будто я прокаженная, что духовно и объединило меня с Андреем. Давид даже придумал байку, что у меня нарушен менструальный цикл на фоне гормонального расстройства, что приносило ему море неудобств в постели. Тем не менее я не сидела сложа руки и рассказала всем желающим правду: к примеру, заявила, что Давид, как бы ни пыхтел в постели и как бы ни хвалился перед друзьями, слыл импотентом, а иногда и вовсе прерывался, ибо в глазах темнело. При этом нельзя произносить ни слова, лишь покорно ждать, когда горе-любовник настроится. А еще его комната по всему периметру увешана зеркалами. Сначала я думала, что для самолюбования, но вскоре поняла, что проблема намного глубже: зеркала служат ему экранами (даже на потолке). В них он видит себя, партнершу и весь секс со стороны, что помогает ему поддерживать необходимый уровень возбуждения. Я слышала, что обрезанные менее чувствительны в той самой зоне, но чтоб настолько...

Еще после Глеба, который вообще не воспринимал меня всерьез, я считала, что Давид пыжится исключительно по моей вине, мол, я недостаточно стройная, некрасивая и в должной степени не возбуждаю его. Позже, когда наши отношения стали стремительно холодеть, я поняла, что проблемы-то как раз у Давида, а у меня все очень даже на уровне,

что бы там ни судачили.

Ничего так не задевает популярных в шараге или в школе парней, как дела постельные. А мне есть что рассказать местным сплетницам. Хотя поначалу не хотелось позориться из-за того, что повелась на такого прохвоста. «Чем докажешь, дефективная?!» – кричали в мою сторону приятели Давида, ибо принимали фантастические рассказы друга за чистую монету и никак не могли поверить слухам. Я же хлестко отвечала: «Ну так переспите с ним. Вот и узнаете!» При чем позже, эти же самые еврейские друзья, когда я порвала с Давидом, выстроились в очередь за мной. Вот тебе и крепкая мужская дружба.

А еще Давид умудрился мне изменить, что в принципе было хорошей новостью. Пускай теперь другая терпит этого хвастливого и наглого прохиндея, который ни во что не ставит своих спутниц. Стоило взять за яйца одного из прохвостней Дуду, как стало известно: Додик старался начать со мной встречаться только потому, что поспорил с безмозглыми корешами, мол, сможет покорить бывшую девчонку Глеба. Да, умудрился ведь извернуться. Наверное, устроил друзьям прямую трансляцию нашего первого раза.

Разве можно так делать? Давид просто иссушил мне душу, лишил истинной любви и нежности, которые я так хотела попробовать на вкус после Глеба. Додик довел меня так, что я не могла уйти, просто хлопнув дверью. И вот кто-то глупее меня привлек его внимание. Эх, сколько же разочарова-

ния во вкусе этой еврейской конфетки, ежели только обертка слегка привлекательна: высокий, черноволосый, смугловатый, томный взгляд из глаз светло-болотного цвета, точечное лицо... лишенный крайней плоти член... Обидно, что твой молодой человек ходит налево, а в случае Давида это прекрасно. Только я убедилась, что он засобирился к новой пассии, то плеснула ему в кружку с чаем слабительного. Медикаментов я, конечно же, не принимала, но облегчение наступило конкретное. В тот же день я собрала вещи и ушла. Поговаривали, что новая избранница Давида еще долго отмывала коридор и уборную после визита паренька. А испорченные простыни и одеяла пришлось выбросить.

После разрыва я особо унывать не стала. Ведь в мире почти четыре миллиарда мужчин – своего точно найду. Им оказался Андрей. И с этим пареньком, поначалу впечатленным водоворотом нахлынувших ощущений, я испытала то самое теплое чувство любви, такое долгожданное и приятное. Давидом и Глебом я тяготилась, чувствовала себя не в своей тарелке, злилась, ждала подвоха, терпела черствость и токсичность. Время, проведенное с Андреем, нежным, невинным, честным, одиноким, наученным жизнью, лечило меня. Мы могли просто молчать и любоваться друг другом ночи напролет. Я часто жалела его, ведь он не щадил себя и терпел выходки родителей, ради которых жил и трудился, веря в светлое будущее. В нем столько человеческого, сколько нет во всех скотах, с которыми я пыталась играть в любовь. Це-

ловать Давида, например, подобно поцелую с морским ежом. А Андрей стеснялся и отнекивался от этого до последнего, трясся как на морозе. Только я усадила его и приказала расслабиться, он закрыл глаза – не успела я и лифчик снять, как он вскочил и убежал. А когда все же созрел... О, это была лучшая ночь в моей жизни – занятие именно любовью, а не тупое забивание свай. Исчадие ада Глеб и высокомерный баран Давид считали, что крутой секс автоматически делает из них лучших любовников. По дурости я с ними связалась, по неопытности. Ничего так не учит человека, как собственные ошибки, но и они дают шанс на последующий успех, на исправление. Такой шанс начать все заново выпал и мне. Его зовут Андрей».

Вот и сегодня трюк со слабительным Виктория намерена с успехом повторить на Давиде – человеке, который хорошенько подпортил ей жизнь. Она желает получить несказанное удовольствие посредством столь действенного метода, обезвредить засранца, закрыв его в толчке, взять все, что плохо лежит, и убежать вместе с Андреем из города. На крыльях любви.

Когда возлюбленный предложил ей побег, она мгновенно согласилась. Чем не отличное доказательство любви, ради которой можно решиться на такое. Отчаянности челябинским Бонни и Клайду не занимать. Варианты поднять денег на побег им посланы с одной лишь целью – показать, что этого делать не нужно.

***

Вика осмотрелась. Увидела, где и что расположено: кассовый аппарат, черный выход, подсобка, туалет.

– Не думаешь ли ты, что между нами осталась какая-то недо... недосказанность? – поинтересовалась Виктория, нарочно запинаясь.

– Ты отлично дала мне понять, что между нами все кончено, – Давид не забыл их словесные перепалки в коридорах колледжа и поморщился.

– Ты не прав, – вознесла указательный палец Виктория. – Не понимаешь ты женщин, Давид, или не пытаешься понять... У нас ведь все непостоянно. Мне вот сейчас кажется, что мы с тобой не закончили... Да чего ты так напрягся?

– Я просто внимательно слушаю, – Давид сложил руки на груди.

– Я лишь хочу сказать, что... В общем, не поторопились ли мы? Не было ли все это как-то скоро... скоропалительно? Меня это беспокоит. Вот и пришла.

«Наверное, я заснул в подсобке, и мне все это снится, – подумал Давид. С момента их разлада Вика, как ему кажется, стала еще прекраснее и сексуальнее. Он не против возобновить отношения, но нанесенное ему оскорбление аукается до сих пор. Давиду хочется напоследок проучить бывшую, чтобы оба стали квиты. К тому же у парня в данный момент есть преимущество. Неплохо б сделать Андрюше новогод-

ний подарочек, отжарив Вику (как минимум) и отобрав ее у незадачливого изгоя (как максимум). – Обаяние на полную, Дуду!»

– Знаешь, я тоже хотел бы все уладить, – лгал он, одновременно выпрямив спину, поправив рубашку и пригладив шелюру. – Не по-мужски расставаться с дамой на столь неуважительной ноте. Я много думал о нашем разрыве. Мы оба в чем-то неправы, где-то поспешили...

«Вот ведь хамелеон сраный! За секунду переобулся», – мысленно возмущалась Вика.

– Сегодня как раз подходящая обстановка, чтобы расставить все точки над «i», – заявила ночная гостья.

Давид же раздумывал, насколько мягок диванчик в подсобке, есть ли там зеркало и хватит ли пары бутылок, чтобы довести Вику до состояния невменяемости.

«Мечтай дальше!» – ответила бы Вика, если б могла читать мысли.

– Как скажешь, – согласился Давид.

Вика принялась неторопливо стаскивать с себя пальто. Она остолбенела, когда этот грубиян поухаживал за ней, приняв пальтишко. Под ним прятался такой соблазнительный наряд, что Дуду ослепило, словно от электросварки. Блеск прерывали татуировки то тут, то там.

– И когда только ты этому научился?

– Чего говоришь? – крикнул из-за кассы Давид, определив пальто на вешалку и раздумывая, что из продуктов спереть

с полок и по-быстрому организовать романтический ужин.

– У нас ведь есть, что вспомнить, о чем поговорить, – конечно же, девушка так не думала. – Давно не виделись.

«В гробу я тебя видела! – удивлялась собственному вранью она. – Лишь бы случайно не испить винца, а он пускай пьет до дна».

– Что будем пить? – изучал прилавок Давид.

«Если бы ты, когда мы встречались, хоть немного интересовался моими вкусами, то не спрашивал бы», – мысленно возмутилась Виктория.

– Думаю, моей бутылки будет достаточно.

– Уверена? Бутылка ж почти пустая.

Вика решила вновь обратить внимание на свое состояние:

– Я не могла так много выпить. Ты же знаешь, алкоголь плохо влияет на мои ноги.

– Подкашиваются?

– Нет, раздвигаются.

Дуду взглянул на выставленные по цвету пачки презервативов.

– Намек понял, – прошептал он, воспылав желанием взять бывшую на абордаж. – Можем выпить в подсобке.

«Тебя явно надолго не хватит, если, конечно, там не зеркальная комната», – сказала себе Виктория.

– Фу, как стремно, – фыркнула Вика. – Нет места лучше?

– Всюду камеры, понимаешь.

– Так выруби их. Чего тебе стоит?

– Раз девушка просит...

Приторные заигрывания – серьезное испытание для Вики, но она держится молодцом, отважно скрывая отвращение к Давиду. Мощной мотивацией оприходовать бывшую заразился и Дуду, суетившийся вокруг Вики как подстреленный: «Поняла наконец-то, дуреха, с кем лучше», – считал он.

Ночной продавец завел гостью в подсобку, усадил на диванчик, поставил рядом раскладной столик, куда она поставила бутылку принесенного с собой вина. Натужно обходительный Давид помчался в торговый зал и прежде всего тихонечко запер входную дверь, а уже потом принялся искать пластиковые стаканчики и закуски. Повод безотлагательный, поэтому приглянувшиеся продукты он сметал с прилавков и не скупился: не ему же платить, спишет как просрочку. Виктория поймала себя на мысли, что угодила в песню про «два кусочка колбаски».

– Действительно, женщины у нас сейчас самостоятельные и непостоянные, – вещал из зала Давид. Вика тем временем искала глазами предметы поувесистее, чтобы, если все пойдет не по плану, утихомирить явно намекающего на интим еврейского мальчика. – И как же доверять вам принятие государственных решений?

«Тебя не спросили, козлина!»

– В этом и есть вся прелесть, Давид, – добродушно откликнулась из подсобки она. – А вообще... настроение у ме-

ня сегодня такое, понимаешь? Хочется выпить, поговорить, расслабиться.

«А когда говнюка хорошенько прижмет, запереть его в сортире», – продолжила она в уме и сдержанно улыбнулась.

Ее фразы убедили Дуду окончательно – он взял с полки пачку презервативов с повышенной чувствительностью (подороже). Он хочет прочувствовать каждую секунду своей победы над бывшей, Глебом и Андреем: «И почему бывшие рано или поздно возвращаются?» Как преступники на место преступления, Давид.

На поднос с закусками (а-ля «под водочку») Вика отреагировала театрально, подумав при этом, что из Давида просто никакущий резчик сыра, колбасы и фруктов. Про кулинарные навыки и говорить нет смысла. Он в былые времена даже порывался поиграть пальчиками меж ее ног – она не позволила и правильно сделала. Также у Давида сегодня из рук вон плохо выходило не быть занудой. Вике, впрочем, особо сказать нечего, поэтому пусть разглагольствует – ей остается кивать, улыбаться, строить глазки, поддакивать, усыплять его бдительность, поить вином и терпеливо ждать, не зевая и не засыпая.

– Ты права. У нас с тобой море воспоминаний, – начал Давид и примостился поближе к Вике. Она в свою очередь не помнила ни одного положительного момента их взаимоотношений. – Помнишь ту ночь? – Давид запрокинул руку и как бы невзначай положил ее Вике на плечи. Парень принял-

ся испытывать на прочность ее терпение самыми ужасными обрывками их «любви». И как он запомнил так много?

Рассказ Дуду плавно перетек в размашистый доклад об успехах себя любимого. Набивать себе цену он умеет. Затем он стал нести ахиною про все и про всех, упиваясь собственной якобы крутизной так, что слюна периодически выходила из берегов. Одновременно он с противным причмокиванием глушил ее винишко – это единственное, что радовало Вику по-настоящему.

– ...И заправка тоже будет моя, – объявил он.

Здесь Вика решила прервать его пространный рассказ.

– Так выпьем же за это! – подняла стаканчик она.

«Вот хлебнешь достаточно, я с тобой по-другому заговорю, высокомерный ты ишак, – думала она. – А теперь, если у тебя осталось хоть какое-то подобие яиц, ты должен предложить другой тост – за меня. Или хотя бы за всех женщин».

– С удовольствием! – салютовал Давид, который уже порядком утомился фантазировать и вспомнил, что пора бы уже оприходовать Вику. – Что же ты так мало пьешь-то? Давай, дорогая, на брудершафт выпьем.

Вика растерялась: употреблять эту адскую смесь ей никак нельзя. До этого она лишь смачивала винишком внешнюю часть губ – внутрь не угодило ни капельки, а сейчас он ведь глаз с нее не спустит. Что же делать?

Вдруг на весь магазин раздался громкий стук во входную дверь – такой, что аж стекла на витринах зазвенели.

– Твою дивизию! Кому не спится в ночь глухую? – Давид с недовольством опрокинул в себя очередной стаканчик и приготовил традиционную мину для неожиданных посетителей – озлобленно-безразличную. Сейчас она особенно актуальна, ибо Давида никто не смеет отвлекать от ответственного дела – он только хотел признаться Вике, что «самым лучшим моментом в отношениях с ней считает секс, который он желал бы немедленно повторить» (придуманная фраза казалась ему удачной). – Пойду посмотрю. Вик, не светись, пожалуйста, ладно? Вдруг это дядька. А то еще подумает, что ты проститутка, – вышел в зал он.

От бесцеремонной фразы Вика впала в ступор: «И как такое можно говорить?!» – ей захотелось поквитаться с ним еще сильнее. Отравленное вино из своего стаканчика она вылила назад в бутылку.

***

Через несколько минут Давид вернулся:

– Ну и клиентура пошла, – паренек сбросил куртку и шапку на тумбу.

– Чего хотели?

– Бензина. Чего ж еще хотят на заправках.

– Я тут выглядывала и что-то не увидела машины.

– В том-то и дело! У нас бензин только в бензобаки, а этот и без машины, и даже без канистры, – возмутился Давид. – Еще и тупые вопросы задает. И знаешь, чего он сделал? Ку-

пил пятилитровки обычной воды, вылил воду у входа и потребовал налить бензин в бутылки.

– Ты же заливаешь бензин только в бак? – подловила его Вика.

– Пришлось подыграть. Уж больно глаза у него бешеные.

– Вот и пусть идет лесом. Попей вот винца, я налила тебе еще.

– Во, отлично!

Лишь бы подействовало, приговаривала про себя Вика. А неприличие в свой адрес она как-нибудь переживет.

Дабы согреться с мороза, Давид откупорил новую бутылку: налил винца только себе, выпил и закинул за щеку кусочек сыра.

– Это еще цветочки. Тут по ночам такие особи ошиваются. Эх, поднять бы побольше бабла и свалить отсюда. Пусть другие стерегут эти развалины, – он расселся на диванчике и самодовольно взглянул на Вику, словно у него на банковском счету миллиард долларов и все должны боготворить его.

Наконец-таки он догадался предложить Вике алкоголь – та согласилась. Из закупоренной тары можно испить, дабы унять небольшой мандраж, если, конечно, он с его еврейским дядей не паленку продают.

Давид завел старую пластинку:

– Постой-ка. До этого придурка я же тебе что-то рассказывал. Напомни, на чем я остановился?

От одной только мысли, что эта тягомотина продолжится,

Вику передернуло.

– Лучше расскажи, как у тебя на личном, – предложила она, выжидая, когда наступит ее черед действовать. Тогда-то она ему выскажет.

– Странно, что ты интересуешься.

– Мне интересно. У тебя же такие амбиции, столько планов, – несколько фальшиво говорила девушка. – Ты вообще завидный жених – долго свободным оставаться не должен.

Дуду выслушивал лесть с упоением. Но далее последовал достаточно нестандартный ответ:

– Я, конечно, не жалею, но... – он опустил глаза, будто бы от смущения. – За время нашей разлуки я понял, что настоящие чувства испытывал только с тобой, – сказанное Давид считал весомым и достаточным, чтобы полезть к Вике целоваться, но та бдительности не теряла. До его забега в туалет ей нужно выкручиваться изо всех сил.

– Воу-воу, – отстранилась она, едва удержавшись от фирменной пощечины, которая автоматически вывела бы ее из образа подпитой девчушки. Она все равно не позволила бы себе с ним лизаться, даже пьяная в хлам. Одной ошибки в жизни ей хватило. – Тормозни-ка! А что ты называешь настоящими чувствами? То, как прилюдно меня унизил?!

– Разочарование и горечь потери – самые искренние из всех чувств, что я испытал. Тогда их невозможно было сдерживать, – с придыханием вещал Давид. Вике казалось, что он словно цитирует фразы из дешевого любовного романа. –

Мне было больно, Вика! Я же страдал... от предательства... от неразделенной...

– А давай-ка без МХАТа, – Виктория оборвала его чувственный порыв.

«Между нами ничего и быть не может!» – мысленно отчеканила она.

– Ты всегда умела обламывать кайф.

«С тобой я его ни разу не испытывала. Долбанная малолетка – повелась на старшекурсника», – Вика готовилась бить себя ушами по щекам.

– Я ведь знал, я верил, что когда-нибудь ты обязательно вернешься, – заладил он в надежде, что Вика ответит взаимностью.

– Раз ты так страдал, чего ж сам не пришел? – задала закономерный вопрос она.

Начался чемпионат по сказочного масштаба лжи.

– Ждал, пока ты перебесишься с этим нищим недоразумением. После него вернуться ко мне станет логичным решением – глотком, так сказать, свежего воздуха, – Давид невольно принялся к себе. Его слова не на шутку задели Вику, и она решила пойти ва-банк в надежде, что самоуверенного мудака через несколько минут скрутит в три погибели. – Давай по-честному? Ты же за этим пришла? Наконец-то бросила своего шпендика?

– С чего это он шпендик? Или ты про Глеба?

Давид испугался.

– Я про карлика Андрея! А как таких еще называть? С ними только отбитые водиться могут.

– Ха! – вскрикнула своенравная Вика. – Это ты про меня?! Давид только сейчас понял, что сморозил:

– Прости, я не это имел в виду.

– А теперь-ка ты меня послушай. Может, я люблю его. Люблю, понял? А с тобой я мучилась. Я тебя терпела. Бес попутал к тебе прийти. А с Андреем я как вновь зажила. Он хороший человек. И отличный любовник.

– Что-о-о?! – жесточайший хохот за доли секунды подкатился ко рту Давида. – Кто он?! Ха-ха-ха-ха-ха! Любовник?! Ва-ха-ха-ха, пиздец! Вик... ха-ха-ха... у него... хе-хе-хе... член-то есть вообще?! Слышал, что у низкорослых с этим беда.

– Да он в сотню раз лучше тебя!

– Кто, Андрюшкин член?! Ва-ха-ха-ха!

– Ты только вспомни, как ты вел себя со мной. У тебя еще хватает совести говорить о любви?!

Он активно поедал порезанный кружочками апельсинчик.

– У нас тут вечер примирения или взаимных упреков, я что-то не догоняю?

– А когда ты вообще догонял, а?! – взорвалась Виктория. Тупое и бесчувственное лицо Давида только ее раззадорило. – На что ты рассчитываешь сейчас? Что я куплюсь и прощу тебя?! Да я смеюсь тебе в лицо!

Давид тоже молчать не собирался:

– Это я! Я должен тебя прощать! И я еще подумаю. Моей репутации после тебя нанесен серьезный ущерб. Как мне теперь доказать всем, что я не импотент?!

– Страшно представить, что собой представляли попытки опровергнуть слухи.

Давид внезапно изменился в лице – тонкий намек он понял и злобно ухмыльнулся, потеряв руки.

– Я докажу тебе, – прошептал Дуду, выплюнув апельсиновую семечку на блюдце. Он неторопливо протянул руку к тумбочке и открыл верхний ящик, убедившись, что необходимый предмет на месте. – Ты деваха умная. Должна понимать, что лучше молчать и не рыпаться.

Вике стало не по себе:

– Чего ты задумал?! Я закричу.

– Кричи. Тебя никто не услышит. Тут ни души в радиусе двух километров.

– Ты не посмеешь притронуться ко мне, понял?! – съежилась девушка. – Я не буду с тобой, даже если на город рухнет метеорит!

– Ох, не зарекайся, шалава! – прорычал Давид.

Дальше же все случилось в мгновение ока...

Подобно гепарду, Давид молниеносно набросился на Виду. Ей не привыкать отбиваться от назойливых половых партнеров. Девушка в момент схватила сумочку и прикрылась ею от неотесанных лап Додика. Содержимое сумки разлетелось по подсобке. Бывшие любовники рухнули на пол,

опрокинув столик с закусками. Виктория попыталась отбиться от Давида и больно полоснула того ногтями по лицу до крови. Повторные попытки нанести урон Давиду были блокированы его грубыми клешнями, которые вмиг сковали фактурную девчонку. Вика все равно трепыхалась как свежепойманная рыбешка, пытаясь попасть коленками Давиду промеж ног, но нависающий над ней насильник давил на больные места как профессиональный боец.

На секунду он замер с разъяренно-озадаченным взглядом – почувствовал возникший в животе дискомфорт. Но все же потянулся за скотчем, чтобы связать девку, что еще пытается брыкаться. Давид не понимал, что за звериное чувство им двигает: он как ненормальный жаждет надругаться над Викторией, отомстить ей за все обиды и не оставить конкурентам ни кусочка. Он будто помешался. С ним такое бывало: сколько раз он забывался и жестоко обращался с девчонками, что даже безотказные и отбитые давалки с криками и без лифчиков выпрыгивали из-под него и скрывались в неизвестном направлении.

Вику стремительно покидали силы: «Доигралась, дура! Это было слишком опасно!» Однако она не сдавалась и продолжала лупить насильника – ее сопротивление особого неудобства Давиду не приносило.

Проверенное лекарство не подействовало? Что же может быть хуже?

– Что это?! – Давид схватил вывалившуюся из сумочки

упаковку препарата и стал трясти ею перед лицом девушки. – Отвечай, сука!

– Умоляю... – заплакала она.

– Отравить меня хотела, шмара?! – не ослаблял хватку Дуду. – Я покажу тебе, что такое унижать меня и отказывать мне, дрянь!

Давид схватил бывшую за плечо и перевернул на живот, насел на нее вновь. Хорошенько связать ее скотчем по рукам и ногам не получалось: то ли Вика как могла сопротивлялась, то ли Давида отвлекали мучительные спазмы в животе. Словно проглотив камень, который разрывал ему кишечник, Додик тщетно пытался обездвижить Вику. Ему не терпелось начать, однако он стал осознавать, что его организм намеревается взбунтоваться против хозяина. Ах, как не вовремя! Боль в животе стала невыносимой: Дуду припал к Викиной спине, дыхание перехватило, лицо наморщилось и взмокло. Нечто вот-вот собиралось вырваться из его заднего прохода, и он понимал, что напряженных мышц пятой точки не хватит, чтобы все сдержать. Ноги тряслись, а до уборной еще нужно добежать, а мегера на полу еще подобающе не связана.

Живот в районе пояса окаменел, будто Давида зажимали в огромных тисках. Любое неловкое движение чревато. Обделаться в штаны сегодня он никак не планировал. Какие уж тут хаотичные движения туда-сюда. С каждой секундой его все сильнее тянет к толчку. Вика поняла, что слабительное

ее не подвело, когда заметила побелевшее и напряженное лицо Давида, поэтому попыталась вырваться снова и ударить того по животу, чтобы он не сопротивлялся и запустил-таки процедуру очищения от накопившихся в организме шлаков.

– Кажется, я знаю, какой мой самый любимый момент наших отношений, – злорадно выдала Виктория. – Сейчас он повторится.

Давид в одночасье вспомнил случай с жесточайшей диареей (как он считал).

– Ты? Это сделала ты?! – Давид все понял и чуть не расплакался оттого, что Виктория опять переиграла его. Отныне он хотел лишь сесть на горшок и расслабиться, однако в таком состоянии путь до туалета – целое кругосветное путешествие.

Небрежно связав гостье руки, Дуду вдобавок умудрился разорвать Викин наряд и заклеить ей рот скотчем, после чего мигом поднялся на ноги, которые тут же задрожали. Он хотел схватиться за косяк двери, чтобы вытолкнуть себя из подсобки по направлению к туалету, как на улице раздался ужасный скрежет.

– Ну что опя-я-я-ть?! – взревел Давид.

Его бросало в разные стороны, будто он только что сошел с карусели. Он увидел, что творится за пределами помещения, одновременно понимая: малейшее промедление чревато тем, что он все здесь изгадит. Уже неважно! Он протянул руки к спасительной ручке сортира – дверь оказалась

заперта (чтобы туда не совались посетители мини-маркета). Ключи?! Где ключи?! Давид же запер входные двери и оставил связку ключей в замочной скважине. Зачем??? А до нее – целый торговый зал. Ему уже все равно, где снимать штаны – он готов заморозить зад и на улице. Он, словно буйно помешанный пациент психушки, полетел к выходу, врезаясь в стеллажи с товарами. Припав к панорамному стеклу, он измазал его кровью с расцарапанного лица и вывернул ключи так, что пальцы чуть в узел не завязались.

Дверь распахнулась. Перед его взором открылась незавидная картина...

Морозный воздух резко обдал разгоряченное тело Дуду. Хранитель заправки вступил на порог и не ощутил твердой земли под ногами. Разлитая последним клиентом вода у входа миглом заледенела. Ноги в летних кроссах разъехались в разные стороны, и Давид со всего маха рухнул на землю, ударившись затылком об порог. Столкновение с полом окончательно выключило бедолагу. Мышцы расслабились, и джинсы сзади сию минуту раскрасились зловонной жижей из глубин организма.

Безмятежность накрыла округу на несколько секунд.

Ползаправки снаружи разнесено непробиваемым старым «Мерседесом», который сумел затормозить почти что у самого здания мини-маркета. Ошеломленный водитель не мог оторвать рук от руля, но сил включить аварийные огни у него хватило.

История тридцатая.

«Холод, страх и нажива»

Когда мне более-менее полегчало после покатушек с Таней, я зашагал напрямиком к заправке. Несмотря на всю сложность и абсурд положения, настроение у меня приподнятое, ведь я сейчас куплю бензина, заправлю «BMW» и наконец верну его на место. И в таком благом деле никто и ничто не встанет у меня на пути... Эх, хоть бы не сцапали.

Но на моем пути возникла запертая стеклянная дверь в мини-маркет у заправки. Внутри не войти, хлипкий навес нисколько не защищает от мороза и ветра, допотопным колонкам остается только смотреть на меня с сожалением. Да как же так?! Она не должна быть закрыта! Иначе всему конец! Хотя свет в торговом зале горит. Я принялся высматривать внутри кого-нибудь живого. Чувствовал, что таковые имеются.

После минуты переглядок с собственным отражением я стал колотить в дверь – усердно и настойчиво, что возымело эффект. В поле зрения показался недовольный продавец. Он явно не рассчитывал на столь поздних клиентов: парня наверняка отвлекли от важных дел. Но что он делал? Спал? Или...

Давид (написано на бейдже) открыл мне дверь.

– Почему вы закрыты? Написано же, что круглосуточно, –

с ходу возмутился я.

– Я сидел на толчке. Такой ответ устроит?

– У вас явно проблемы с кишечным трактом, ибо я продрог, пока вас ждал.

– Если что-то не нравится, можешь искать другую заправку.

– Неужели вы так сильно не хотите заработать?

– В такое время сильнее всего хочется спать.

– Давайте просыпайтесь – мне нужен бензин.

– А где же машина? Или ты про игрушечную машинку говоришь? – посмеялся заправщик.

– Нет, про настоящую. Я не доехал до вас чуть меньше километра.

Давид смерил меня оценочным взглядом.

– И что у тебя за тачка?

Пришлось сказать, что «BMW». Заправщика посетила зависть.

– Чел, расскажи, как на «Бумер» бабла поднял? – Давид всеми силами пытался определить мой возраст.

– Вы мне не верите?

– Чтоб поверить, нужно узреть, а вокруг пусто.

– Некоторым людям, чтобы верить в бога, необязательно каждый день его видеть. Я же объяснил, что не доехал досюда.

– Вот приезжай сюда на «BMW», и будет тебе бензин, – пошел на принцип Давид.

– Не понял, вы серьезно?

– Чего непонятного? Дотолкай тачку досюда, и я залью в нее бензин, сколько душе угодно. К тому времени, правда, уже утро наступит и с тобой разберется мой сменщик.

– Я рассчитывал, что вы мне нальете в канистру.

– Если только пиво.

– Опять шутите?

– Велено заливать бензин только в автомобили. И без исключений.

– А мотоциклы и трактора не обслуживаете? Это ж не автомобили, – подловил заправщика я.

Тот переобулся в мгновение ока:

– Канистрами не располагаем.

– Так это ж заправка? Тут что, канистр нет?

– Представь себе. На следующей неделе привезут.

– А я настаиваю!

– Послушай, чувак. Вот ты сейчас придумал легенду про «BMW». Я возьму и налью тебе бензин, а ты пойдешь и что-то спалишь. Получается, что я помог тебе уничтожить чье-то имущество. Нехорошо это, так что... – развел руками он.

– А за двойную плату? – сделал ход конем я.

– За такие деньги я даже не смогу смотаться в ближайший круглосуточный и купить тебе воронку, – заявил Давид, взглянув на мои средства.

– Да как такое возможно?! – возмутился я. – Чего вы постоянно оборачиваетесь?

На лице Давида образовался легкий испуг.

– Но в магазине-то я могу что-нибудь приобрести?

Заправщик, закатив глаза, кивнул и, пока я бродил по рядам, встал так, чтобы прикрыть собой дверь в подсобку. Я решил понервировать гада, то и дело поглядывая в ту сторону: «Кого он там прячет? – размышлял я, расхаживая по мини-маркету. Давид же от нетерпения топтался на месте как конь. Украдкой мне все же удалось уловить взглядом девичье личико. – Попалась, дорогуша. Ты и станешь моим главным аргументом».

Стеллажи, полки, товары, камеры, уголок покупателя. Пришлось изучить ассортимент магазина вдоль и поперек, чтобы придумать разумный выход из ситуации.

– Беру две пятилитровки воды, – решил я, а как только их поднял, мгновенно ощутил укол боли под бинтом. И как я объясню повязку предкам, когда вернусь домой?

– Не тяжело тебе будет пешком-то? – спросил Давид. Я промолчал. – На улице-то водичка замерзнет. В теплую машину ее не закинешь, – заправщик ехидно улыбнулся, но я уже знал, что ему сделаю за это.

Расплатившись за воду, я потащил бутылки к выходу, скалясь от боли. Я чувствовал взгляд Давида – и чего только он не ринулся закрывать за мной двери, чтобы поскорее вернуться к госте? Что ж, тем лучше для меня.

Я вышел с бутылками на улицу. М-да, не лучшее в мире место по части обслуживания клиентуры. А я не привык

оставлять без должной реакции хамское обращение с посетителями. С большим удовольствием я приступил к исполнению задуманного. Я прикинул, что десять литров бензина мне с лихвой хватит на дорогу назад. Я открутил крышки обеих бутылок с водой и принялся выливать их содержимое. И не абы куда, а прямоком на пороги, ступеньки и асфальт у входа в магазинчик. Где-то нечищенный снег превратился в кашу, где-то образовались лужи, а где-то вода тонким слоем покрыла асфальт – образование еле заметной и поэтому коварной корки льда на таком морозе обеспечено. Никогда прежде я так не радовался разлитой воде.

Теперь-то вряд ли заправщик доволен тем, что спровадил меня. Давид заметил, что я сотворил с входной группой, поэтому мигом вылетел на улицу и промочил свои кроссы в луже, злобно зыркнув на меня. Я невозмутимо обнимал пустые бутылки.

– Опроемчиво ходить зимой в летней обуви: она не греет, и в ней скользко.

– Ты чего наделал, урод прыщавый?

– Тебе-то чего? Это уже проблема твоего сменщика.

– Да я тебя...

– Айзик Соломонович вряд ли останется доволен таким приемом клиентов на его заправке, верно? – стал кидаться козырями я.

– Откуда ты...

«Прямоком с уголка покупателя, малыш. Тебе бы загля-

дывать туда почаще», – подумал я.

– От верблюда! Вряд ли твой работодатель обрадуется столь позднему звонку, правильно?

– Я тебе не позволю.

– А что же скажет хозяин заправки, когда узнает, что ты баб здесь ублажаешь в рабочее время?

– Чего-о-о?! – Давид, приготовив кулаки, хотел было подойти ко мне поближе.

– Но-но-но!

– Чего ты пристал? Валил бы отсюда. Что тебе надо?!

– Бензина для «BMW X5», десять литров. Вот в эти бутылочки.

– Говнюк.

– От говнюка слышу.

– Первая колонка. И потом ты сваливаешь, – сломался Давид.

– Аккуратнее, в лужу не наступи, – теперь злорадно улыбался я. Если рпнется, то отвертка при мне. И я нисколько не чувствую себя дикарем – вот что острая нужда с людьми вытворяет. Бесчисленное количество проклятий послал в мой адрес Давид, не сомневаюсь.

Я схватил с колонки пистолет со шлангом. Вскоре бензин полился в бутылки, как только недовольный заправщик отжал на пульте необходимые кнопки. Ацетоновый запах мгновенно распространился по округе. Полупрозрачная желтоватая жидкость наполняла тару – стрелки на колонке

отсчитывали литры и цену. На нужной отметке топливо поступать перестало. При этом бутылки до краев не наполнились.

– Теперь доволен? – приоткрыл дверь заправщик.

– Тут еще и не доливают! – театрально повысил голос я. – Деньги возьмешь или будешь за дверями стоять как псина пугливая?

– Подотрись ими.

– Как грубо! – с победоносной улыбкой произнес я, закручивая крышки на бутылках.

Схватив их за ручки, я пустился в обратный путь, стараясь не обращать внимания на боль в ребрах. «Даже не пытается воду убрать или песком все посыпать, лентяй», – обернулся я, увидев, как Давид вновь запер дверь и зашагал в подсобку, подправив шевелюру. Ясно, чего он такой раздраженный – видимо, я прервал свидание. Или интимный момент с той разновидностью дам, которых на свидания не зовут. Но раздумывать над этим я долго не мог, поскольку мне предстояло дойти до «BMW» как можно скорее, где бы он ни был. И никаких попуток.

***

Моя долгая и тщательная возня с «BMW», за которой наблюдал Роман, вгоняла его в тоску – не достает острых моментов, неожиданных поворотов да нешуточных страстей. Пока что на его глазах совершается банальная, но

весьма скрупулезная уборка салона автомобиля. Пищу для предположений Роману подкидывает воспаленная фантазия: «Неужто он ее сейчас на запчасти разберет?» Рома просто не мог остаться ни с чем. Он жаждет прикоснуться к запретному и накормить воображение свеженькими доводами. И вот объект слежки сел за руль и что-то возится там. Хочется погони, а «BMW» все не трогается с места: «Бомбу он, что ли, там закладывает?»

Спустя некоторое время подозрительная личность просто берет и уходит, оставляя объект поисков в гордом одиночестве (на радость Романа). «Вот сейчас мы узнаем, чего все так вьются вокруг этой тачки», – наплевав на конспирацию, Рома выпрыгнул из такси и решил подкрасться к «BMW». Он как бы невзначай проследовал вдоль старых домов, где и обнаружил узенькую тропинку к дороге. От внезапности представившегося шанса Рома оставил головной убор в машине. Он никак не ожидал, что за окном такая стужа, ибо привык к теплу в салоне, отчего скукожился и сунул руки в карманы штанов.

Вот любопытный таксист уже около «BMW» – оглядывает авто, будто член жюри. Да, в сравнении с его «Мерседесом» «Бумер» явно из лиги повыше. Эх, велик соблазн. Отличная возможность стащить вещь, пока никто не видит. Шансом нужно пользоваться, иначе тошно и обидно будет. Уравновешенный человек даже не подумает о таком, чего не скажешь об отъявленном клептомане. Вот и сейчас, оценив

внешнюю эстетику современного немецкого автопрома, Роман без зазрений совести полез внутрь «BMW». Автомобиль почему-то не заперт – вот ведь удача. Именно в такие моменты бомбила чувствует свое превосходство: мол, я заметил, а остальные нет; я ловко сработал, а остальные остались с носом. Пусть теперь попробуют недооценивать таких, как я.

Прежде Рома столь крупные кражи не проворачивал – особо на них и не замахивался. Поэтому, сидя за рулем чужого автомобиля, он испытал абсолютное счастье, несмотря на темноту, холод и стерильность в салоне. Роман, словно полноценный хозяин «Бэхи», поглаживал подлокотники, прикасался к кнопкам, сжимал руль. Ничего не скажешь, хороший аппарат. Он стал бы просто замечательным, если бы здесь остались ключи зажигания. Таксист не мог понять, что очкарик делал внутри так долго – ничего постороннего и примечательного он не обнаружил. И какой версии придерживаться теперь?

Через секунду Роман забыл об этом.

Шорох. Еще один.

Рома застыл как статуя. Прислушался.

Тишина. Шорох. Тишина. Шорох. Стон. Короткий, тихий.

Таксист боялся даже голову повернуть, словно к его затылку приставили дуло пистолета. Неужели его подкараулили, накрыли, поймали с поличным? Он не успел толком испугаться, как ощутил нечто... осязаемое. Что-то неведомое с заднего сиденья пытается ухватить его за правый локоть.

Причем хватка неуверенная и больше напоминает мимолетное прикосновение.

– Помогите... – прохрипел голос.

«Я попал! Я попал! Я труп! Я труп! Доигрался! Доигрался!» – пульсировало в голове у таксиста.

Он повернулся и узрел картину, которая на минуту помутнила его рассудок, вызвала немотивированную агрессию и глубочайшее потрясение одновременно. На него в упор глядела растрепанная блондинка. В его глазах она словно с того света материализовалась. Ее измученное лицо, кажется, навеки отпечаталось в сознании Романа, панически боявшегося раскрытия его краж и мести призраков из прошлого. Лицо у бабенки опухшее, бледное, с красными отметинами и сиреневыми мешками под глазами. Но вместо лика Лизы таксисту почему-то почудилось другое лицо – девушки, что ехала недавно в город из элитного поселка и потеряла сознание в дороге. Рома очень переживал, что случай с пассажиркой и последствиями ее обморока обернется ему боком. Предположительно, бумеранг справедливости вернулся. В следующие секунды лица стали меняться с поразительной скоростью – все как наяву: другие девушки, другие пассажиры. Они тянули свои сухие, ледяные, костлявые ручонки к его грешной шее.

Рома завизжал как сумасшедший. Явно на всех ближайших деревьях птицы снялись со своих гнезд и улетели прочь. Таксист непроизвольно заехал Лизе кулаком по лицу, что та,

толком не очнувшись от вязкого сна, опрокинулась назад. Но Лиза не была бы Лизой, если б не дала сдачи...

Таких реалистичных образов больная башка Роману еще не подкидывала. Его захлестнула волна адреналина – он чуть не лопнул от пережитых эмоций. Столь сильные приступы прежде не посещали шизофреника Рому. Он никак не мог отойти – толком и забыл, почему оказался в чужой машине. Воришка снова взглянул на лежащую девушку. Он никогда не встречал ее. Рядом ни следа тех, кто ему привиделся. Ошарашенный Рома схватился за голову, будто и не подозревал, что у него не все дома. Ну и кошмар! Наижирнейший намек, что kleптомания и бессонница – это не просто так. Не успел Роман отойти от первого кошмара, как наступил второй...

Пока таксист пытался успокоиться, Елизавета, которая прикинулась трупом, медленно нащупала свою сумочку, откуда и выудила перцовый баллончик. Как же он сегодня актуален. Мужикам бой!

Обессиленная Лиза, прикрыв одной рукой глаза и нос, сумела сделать рывок, будто разъяренная кобра, и обильно залила лицо Романа перцовым раствором. Чуть самой не досталось. Истошный крик и зловонье заполнили замкнутое пространство. Лиза толкнула дверь со своей стороны, чтобы хлебнуть свежего воздуха, наслаждаясь при этом панорамой передних кресел, где бился в конвульсиях ее обидчик, схватив лицо руками и растирая глаза, словно желая содрать

ненавистную маску.

– Не ту жертву выбрал, мудозвон! – крикнула Лиза. – Я запомнила твою морду. Вали, а то получишь добавки! – явно у самой будет солидный синяк.

Рома, лишившись зрения, попытался ретироваться из машины вслепую, извиваясь от жжения и боли на лице как дождевой червь. Он открыл дверь и вывалился на землю, где неприятно ударился локтем. Оттолкнувшись от ледяной обочины, Роман, покачиваясь, побежал прочь в ту сторону, где, по его ощущениям, стоит такси. Но тут он наступил на не пойми откуда взявшуюся в снегу бутылку и снова прилег на землю, продолжая кричать от неприятных ощущений. Таксист готов опустить лицо в сугроб, яки страус, что прячет голову в песок.

Бомбила бежал напрямик: с дороги прыгнул в бездонный сугроб – лишь бы поскорее пробраться к машине с аптечкой. Шагать тяжело: обувь наполнилась снегом, ноги немели от холода. Попытки открыть глаза хоть на миллиметр успехом не увенчались. Рома хватал ладонями снег и сыпал себе на лицо, пытаясь избавиться от прожигающего кожу яда (по крайней мере, ему так казалось). На пути он натыкался на кусты и деревья, спотыкался и падал. Острые ветви как хлысты били таксиста по лицу. Отчего жидкость из баллончика еще больше щипала в местах порезов. Вот, собственно, чем Рома и поживился в «BMW».

Закашлялась и сама Лиза. Она не могла толком сосредото-

точиться, во рту пересохло, все тело одолела вялость. Еще и этот идиот по лицу зарядил. Снотворное, как выяснилось, имеет приличный отходняк – его еще и смешали с алкоголем и переживаниями от неразделенной любви. Деваться некуда – баба она, конечно, сильная и волевая, но неведение и умопомрачение выбили ее из колеи. Она не понимала, где находится и что происходит.

Олег, Артур, Таня, хоккеисты, флешка... Шампанское, ром, текила... Голова раскалывается, дышать нечем, знобит. Будто отравили.

Газ не хотел улетучиваться. Из дверей несло всепроникающим холодом. Задержав дыхание, Лиза потянулась к рулю. Сил не хватало даже на это. Ключей в зажигании нет – печку не включишь. Кажется, ей предстоит замерзнуть здесь – можно выпить, чтобы согреться, но бутылки, коих было в достатке, исчезли. Память постепенно восстанавливалась, но напоминала проектор, в который лишь изредка вставляли слайды. Она обняла себя руками. Ей не мешает еще несколько рук, чтобы виски массировали, а заодно и ноги, чтобы те не заоченели. Теперь-то она осталась по-настоящему одна – наедине с собой. Мобильник замерз. Единственный в округе живой человек получил по щам и исчез. Положение у светской львицы незавидное. Она продержалась несколько минут и горько заплакала, обзвав себя падшей женщиной. Ее периодически одолевала неконтролируемая дрожь – такая, что она только с четвертой попытки смог-

ла выудить сигаретку из пачки и закурить, пытаясь не гасить огонек в зажигалке как можно дольше, но тепла от него ничтожно мало. Вскоре Лиза обнаружила и собственную шубку, но та была коротка, а изо рта уже вовсю шел пар из-за падающей в салоне температуры. Девушка боролась со сном, ибо понимала, что замерзнет насмерть, если уснет. Дыхания и остатков внутреннего тепла катастрофически не хватало, чтобы полноценно согреться.

Просто неслыханно! Еще несколько часов назад она купалась в роскоши, располагала всеми возможностями и условиями для исполнения самых изысканных желаний. А сейчас тихо ожидает собственной кончины от обморожения непонятно где. Даже если ей посчастливится выбраться, последующая жизнь точно сказкой не покажется. Но ее стальной характер требует бороться, выбираться – пройти немного и укрыться где-нибудь в подъезде или на теплотрассе. Нутро протестует. Елизавета все еще ежится от ледяных прикосновений окружающей ее прохлады, выдыхает в сложенные на лице ладошки остатки теплого воздуха из нутра. Ощущается привкус алкоголя, порой неудачно смешанного. Наверняка из-за его обилия в организме дамочка до сих пор умудрилась не окоченеть, но и это вопрос времени. А оно неумолимо бежит вперед и забирает силы, а вместе с ними и желание прорваться к жизни, оставив прошлое позади. И зачем она так поступила с Артуром? Может, в чем-то он прав. В войне компроматов ей одной придется несладко.

Веки тяжелеют.

Вдруг что-то, как показалось Елизавете, промелькнуло в здешней глуши. Моргнуло красно-синим проблеском. И снова. И вновь. Да, ей не чудится. Огоньки. Настоящие. Лизочка собрала оставшиеся силы в кулак – это ее единственный шанс спастись, позвать на помощь, привлечь внимание.

Сквозь деревья то и дело блещут и переливаются огни мигалки на крыше серой машины с синими полосками. Источник света перемещается быстро, словно падающая звезда на небосводе. Лизонька вылезла из «BMW» и прямо в туфлях помчалась по заснеженной дороге, вглядываясь в дебри с надеждой, что спасительные сигналы вот-вот покажутся вновь. И ее вызволят, спасут. И без разницы, кто там: полиция, скорая помощь, пожарные – они обязаны немедленно забрать ее отсюда. Иначе зачем еще им здесь проезжать? Отблески мигалки и, кажется, неразборчивая речь из громкоговорителя заставляли полураздетую Лизу нестись вперед на пределе возможностей.

Вскоре она поняла, что не знает, куда бежать – огоньки надежды исчезли, растворились в морозном воздухе. Девушку мгновенно сковал холод и испуг. Машина – единственное укрытие – осталась где-то позади. Как ей удалось столько пробежать? Лиза, одинокая и беззащитная, осталась один на один со стужей. Ни единой машины, ни единой живой души. Вот таков ее конец – сразу же после освобождения из-под гнета мужчин из «Хамелеона». Заслужила?

Она замерзала, шагая по дороге все медленнее и медленнее. Тепла от шубки и легкого платьяца никакого. Елизавета отныне не хочет ничего: ни интриг, ни заговоров, ни секса, ни наркотиков. Одного лишь банального тепла: от огня, от батареи, от обогревателя, от объятий человека. Пока что девушку обнимал один лишь всеобъемлющий холод, стремительно проникающий в ноги, в руки, в голову. Какие уж тут изысканные запросы от королевы клуба?! Они ничего не значат без элементарных благ и человеческих чувств, без внимания. Какой бы влиятельной и популярной она ни была, ей остается рассчитывать только на себя, ибо никто ей не поможет, никто о ней не вспомнит: вот она что-то решает, что-то значит, она нужна, а сейчас не нужна; вот Лиза есть, а вот ее нет. И все равно: в «Хамелеоне» целый кадровый резерв достойных стерв подобрался. Веди себя Лиза иначе, она точно не оказалась бы здесь.

Дорога кажется бесконечной. Мороз не щадит. Город не щадит. Все вокруг вымерли, словно и ей пора. В глазах вместо слез лед. Отнимаются ноги. Еще несколько минут и заветное желание Лизиних конкуренток сбудется. С каждым шагом все труднее и холоднее. Лица любимых и лица ненавидимых проплывают перед глазами. В такие моменты понимаешь, что на самом деле важно в жизни.

***

Никогда еще Роман не чувствовал себя так погано, как

сейчас. Ему мерещилось, что его лицо изуродовали, изрезали в лоскуты, растворили в кислоте. Жжение невыносимое. Нормально вздохнуть и выдохнуть не получается – нападает хриплый кашель; из носа бежит противная жижа. Глазенки свернулись в две щелочки шириной в ниточку, из которых льются горькие слезы. Таксист силится открыть очи, но из-за этого боль только усиливается. Рома принялся моргать так часто как мог, чтобы слезы смыли распыленный яд. Без устали нарывають порезы от веток. А приступы чихания практически сбивают с ног.

Рома чудом добрался до такси, раскрыл багажник. Там аптечка. Коробочка с красным крестом укомплектована у таксиста сверх нормы: он педантично готовился к неадекватным пассажирам. Нащупав бутылку с чистой водой, парень принялся лить на себя живительную влагу, промачивать лицо ватками и бинтами, отплевываясь и сморкаясь. Процедура повторилась с десятков раз, пока не полегчало. Только после этого Роман смог опереться на колени и отдышаться.

Игры с водой и снегом на трескучем морозе заставили Ромку прыгнуть в машину и включить на полную теплый обдув салона. Ясно одно: нужно завязывать с приключениями и сматываться отсюда. Рома ужаснулся, когда взглянул в зеркало: его морда напоминает окровавленное поле боя на шпагах, которое до сих пор нарывает и чешется, словно он отправился в баню, где его день напролет били вениками по щам.

– На хрен! – плюнул он, дернув рычаг коробки передач, желая свалить отсюда. Он сдал назад и помчался обратно, пытаясь вытерпеть неприятные ощущения на лице, а также перебороть тягу прикоснуться к нему, особенно тереть глаза, туман с которых не удалось сбить до конца.

Сценки последних часов все еще мельтешат перед глазами: хоккеисты, подозрительный очкарик, «BMW» нараспашку, блондинка мертвецкого вида внутри. Ромка отныне не желает принимать участие в этом шапито. Или нет? Или же девушка приняла его за своего мучителя, который вроде бы ушел, но наверняка вернется, чтобы добить ее? Уничтожил улики, но не добил свидетеля? Получается, и таксист в опасности? Рома гонит «Мерседес» вперед без остановок, а то вдруг маньяк выпрыгнет откуда-нибудь из темноты. Впрочем, Роман так думал о каждом, у кого когда-либо крал. А сейчас из-за своего излишнего любопытства он близок к провалу. Но чем больше Роман отходил от шока, тем явственнее к нему возвращался больной рассудок.

«Мерседес» летел в сторону жилых кварталов Тракторозаводского района.

– Что же я за человек? – вслух произнес таксист. – Я не должен так все оставлять. Я же все видел. Я так много знаю. И я просто возьму и убегу? А как же мой гражданский долг? Кто ж подумает на заявителя? Я обязан сообщить. Иначе из-за меня пострадают люди, – он считал, что таким образом очистит свою карму.

На скользкой дороге Роман развернулся и помчался к районному отделу полиции с твердым намерением поведать обо всем стражам порядка, которые обязательно примут меры, после чего отблагодарят Романа за бдительность. А повесить на ответственного и законопослушного гражданина воровство с попытками угона и изнасилования никто не посмеет.

К райотделу он примчал быстро и готовился, не глуша мотор, залететь в дежурную часть и заявить о произошедшем. Однако, чем ближе он подходил ко входу, тем слабее была его уверенность. А если они сейчас обратят внимание на его красную харю? Усомнятся в его аргументах? Скажут, что история основана на бреднях и фантазиях? Засмеют ведь – они это любят. Лишь бы не работать.

Прямо перед носом Ромы из отдела вышел статный офицер и смерил таксиста оценивающим взглядом, конечно же, приняв его не за сознательного гражданина, а за пропитого хулигана:

– Чего тут ошиваешься?! По камере соскучился?!

– Я... я...

– Проваливай отсюда, – рявкнул на таксиста полисмен.

– Я лучше пойду.

– И рожу помой, алконавт херов! – кинул вдогонку полицейский.

Радужный прием.

Рома, грустно опустив голову, сел обратно в машину, но вскоре, несмотря на неудачу, загорелся другой безумной

идеями: спасти девушку из «BMW» (от холода и убийства) и взять с поличным расхаживающего по району преступника. Рома уверовал, что ему по силам все перечисленное.

Увлечшись мыслями о предотвращении преступления, Роман не заметил, как просидел в машине некоторое время. Он одновременно жутко хотел и не хотел возвращаться.

***

Расстояние между местом вынужденной стоянки «BMW» и заправкой невелико, если ты несешься на «Порше» с обиженной на весь мир истеричкой. А если идешь пешком и несешь две пятилитровки с бензином, то это отнюдь не легкая прогулка. Вдобавок она осложняется тем, что по карманам растолкана мелочевка, ушиб побаливает, а ноги порядком устали от длительной беготни. Они еще и слегка дрожат: не оправились после сцены на Троицком мосту.

Позади послышался шум автомобиля. На обочине ни тротуара, ни протоптанной тропинки, поэтому пришлось устало лезть в сугроб, чтобы пропустить машину. Что-то их подозрительно много здесь. «Может, меня подвезут? – мимолетно подумал я. – Даже и думать забудь!»

Трудновато через варежки держать за маленькие пластиковые ручки полные бутылки. Вообще усталость то и дело нападает на меня. Уже ничего толком не радует: я лишь шагаю вперед и жду, когда уже вдали покажется «BMW». Злюсь, поскольку этот момент все никак не наступает, а боль

под бинтами с каждым пройденным шагом только нарастает. Еще и остановиться пришлось. Мне до фени, что за машина сейчас про...

Мимо пролетел «Мерседес».

Господи, он будто из прошлой жизни. «Ну что он тут забыл? Почему он до сих пор здесь?! – устало подумал я. – Пожалуйста, уезжай, уезжай!»

Такси резко затормозило. Мне пришлось настраиваться на очередной нелицеприятный диалог с назойливым человеком. То же самое можно сказать и про Романа, который не рассчитывал на то, что встретит меня так рано.

Водила избрал добродушную тактику, дабы заманить и пленить меня (неясно, правда, как он рассчитывал проверить такой трюк), а позже выручить из беды блондинку, указав ей, что главный злодей пойман, и при этом не заработать очередную струю перцового концентрата в зенки.

Рома выглянул из машины с театральной улыбкой и развернулся, ненароком перегородив мне путь своим ржавым баварским ведром. Я даже не признал его сразу: Ромкин фасад будто в солярии сгорел, причем до болезненной красноты.

– Подвезти? – предложил таксист, обратив внимание сначала на бутылки, а после и на мою недружелюбную физиономию.

– Что вы пристали ко мне как банный лист?!

– Я помочь хочу.

– Вы здорово поможете, если исчезнете отсюда подобру-поздорову.

– Чего ты такой напряженный? Торопишься куда?

«Он издевается!» – бесился я, думая, как его спугнуть.

– Еще слово, и я буду вынужден придать вам ускорения.

– И как же? – провоцировал таксист. – Не при помощи ли этих бутылок? Что в них? Где ты их взял? Их при тебе не было, когда...

– Не много ли вы на себя берете? Вы просто таксист.

– Беру достаточно, чтобы знать.

– И что же вы знаете?

– Много чего, – загадочно произнес Рома. – Знаю, кто ты и что замышляешь.

– Да ладно, неужели?! – в первую секунду меня это взволновало, но я прекрасно понимал, что не мог выдать всю свою подноготную. Получается, таксист просто-напросто блефует. И чего он добивается? Видимо, того, что я для него приготовил.

– Самое время тебе сдаться и сесть ко мне в машину. Я тебя отвезу к ментам, где ты во всем сознаешься. Но прежде ты мне все расскажешь: что сделал с хоккеистами, их тачкой и девчонкой внутри? Я тебя раскусил.

«Ну это уже переходит все границы!» – посчитал я.

– Мне вот интересно, Роман: вы знаете, что неадекватны, или просто прикидываетесь?

– Ты мне зубы не заговаривай.

– Вам же никто не поверит.

– Молчи, садюга! – прорычал Ромка, выглядывая из окна «Мерседеса».

– Вы не просто клоун – вы целый цирк! Забудьте! Вам все приснилось.

– Нет, я видел достаточно.

– Что ж, раз так...

Я решил пойти ва-банк и бороться с навязчивым психом его же методами. Мне не привыкать: апробировано на «Магнитке-95».

– Самое время мне признаться...

– Так-то лучше, – потирал ручки таксист. Доска почета ему обеспечена.

– Я удовлетворю ваше любопытство – отвечу на вопрос, что внутри бутылок, – я плавно опустил их на снег, снял с себя варежки. – Я вам еще тогда сказал, Роман, – я поднял одну бутылку и стал откручивать крышку, – чтобы вы убирались отсюда, – Рома, по всей видимости, ждал от меня божественного откровения, – и не совали свой нос в чужие дела.

Не успел бомбила и рта открыть, как я разбежался и с размаху выплеснул на капот и лобовое стекло «Мерседеса» бензин из бутылки. От внезапности Рома вытаращил глаза. По характерному запаху он понял, что должно последовать дальше и что, собственно, предстоит «BMW» и девушке внутри. А предстоит им стать одним большим огненным факелом.

Как же Рома пожалел, что вернулся.

– Это бензин, Рома, – объявил я. – А это спички, – вот и пригодились спички с общажной кухни, которые я забыл выложить из кармана. – Я досчитаю до пяти... – раскрыл коробок я.

Эффекта хватило и без зажжения спички. Трусливый Роман, не желавший жертвовать машиной из-за собственных предрассудков, дал по газам. Страх наполнил Романа до краев: да пропади пропадом эта девчонка – свою бы шкуру спасти.

Исход обрадовал меня. Я производил впечатление полнейшего неадекватата не хуже таксиста. Но стоит ли считать такое умение достоинством? Хоть «Мерседес» и умчался, ухо в остро все равно держать надо. Я надел варежки, схватил бутылки и засеменял дальше. С конспирацией нынче туго.

Бег пришелся кстати, хоть и подсадил мне дышалку. Ага, хоккеисты на льду покрывки за собой тягают, а я их еще и подгоняю с тренерского мостика. Теперь-то я понимаю... Впереди виднеется «BMW».

Возле автомобиля я чуть ли не на колени опустился от усталости, но расслабляться некогда. Аккуратно распахнув водительскую дверцу, я понял, что пассия хоккеюг исчезла. Причины произошедшего меня не особо заботили (из-за спешки). Больше волновало то, что в салоне появился какой-то резкий запах. Еще и куревом немного отдавало. Пришлось раскрыть все двери, чтобы проветрить.

Немало возни вышло с топливом. Первые же капли бензина, которые я хотел залить, бензобак отверг, частично заплескав и меня. Я вновь включил пешехода и глянул внутрь – ни пистолета от колонки, ни воронки у меня нет. Хорошо, что в куртке лежит отвертка. Не сразу удалось приловчиться, чтобы давить отверткой на затвор бака и при этом всем телом прижимать бутылку к машине. Едкий аромат процедуру не скрашивал. Отвертка провоняла бензином, но расставаться с ней не хотелось, ибо кое-какой урон врагам она способна нанести.

Оказавшись за рулем, я с еще большей надеждой и трепетом всунул ключ в зажигание и, удержав паузу, нажал на кнопку запуска двигателя. Спустя несколько щелчков движок «BMW» приятно зарычал – машина ожила и стала прогреваться. Тяжелый груз на сердце немного облегчился. У меня получилось... почти. Осталось только понять азы вождения и... проехать полгорода.

– Что ж, по коням! – возрадовался я, дернул за рычаг автоматической коробки и легонечко нажал на педаль газа. Правда, машина почему-то покатила назад. Ах, я же заднюю передачу врубил, дурачок.

Исправив положение, я нажал на газ как можно плавнее, чтобы прочувствовать мощь и возможности автомобиля. Каждое мое действие с рулем и педалями влияет на ход машины – к таким ощущениям я не привык. Все-таки это мой второй опыт вождения. После аккуратного разворота я

стал крепче держать руль и увереннее жать на педали. С уверенностью росла и скорость. В зеркалах заднего вида хвоста не наблюдается.

***

«BMW» дотла сожгут. Девку внутри тоже. Вместе с ними канут в лету и прочие следы преступления. Все равно!» – Роман гонит «Мерседес» как оголтелый. Таксиста трясет как шелковое полотнище при штормовом ветре. Его самого тоже чуть не приговорили к очищению через священный и всепоглощающий огонь.

– Какой там номер у ментов, если с мобильного? – схватил сотовый Рома. – Пусть сами разбираются. С меня довольно. Я сыт по горло. Заправка. Где-то здесь была заправка. Можно позвонить оттуда. Попросить помощи.

Телефон таксиста выпал из рук и улетел куда-то в ноги. На скорости Рома нагнулся за ним, что сию секунду вылилось в непоправимое. «Мерседес» мгновенно вылетел из колеи на повороте перед самой бензоколонкой. Машина пустилась в солидный занос. Рома опомнился, но смог спасти себя и автомобиль только от кювета. Резко тормозить в подобной ситуации – верная смерть. Гололед швырял «Мерседес» в разные стороны, как бы Рома ни старался его выправить. В итоге с управлением он не справился.

«Мерс» выкинуло с дороги на подъездную площадку заправки. Лед царапается, снег разлетается в разные стороны

от взбесившейся машины, которая уже никак не может остановиться, хотя Рома жмет на тормоз со всей силы. Руля машина не слушается. «Мерседес» совершил плавный прокат на зеркальном льду и снес ограждение у колонок, подмяв одну под себя, вырвав с корнем ящик с песком и остановившись аккуратно под навесом в паре шагов от стеклянной витрины мини-маркета. Теоретически автомобиль мог протаранить и магазин, если бы скорость не погасили бордюры и колонки. Машина расцарапала себе крылья, помяла капот, разбила фару; слева отломилось зеркало.

Такси в пух и прах разнесло заправку – прямо как шар для боулинга раскидывает кегли. При первом столкновении непристегнутый Рома подскочил с места и больно ударился головой об лобовое стекло. Его отбросило на кресло так, что массажная накидка оставила отпечатки на его спине. Он схватился за руль – его пальцы будто вросли в него. Кровь из раны на голове капала на лицо и застилала обзор. Он готовился врезаться в магазин, но «Мерседес» остановился раньше.

Рому испугал бензиновый душ ранее. Теперь по невнимательности на дороге его отбросило на спасительную заправку, погрузив в такой шок, что он не мог толком конечностями шевельнуть, считая, что его переломало. Роман не верил, что все разрушения вокруг отныне на его совести. Наследил так наследил. А если сейчас здесь все на воздух взлетит? Нужно срочно уматывать. Его же примут в два счета, а ведь

он так не хочет в тюрьму. Там ведь будет психологическая экспертиза – услышать ее вердикт он не готов. Столько мыслей в голове, а на лице ни одной мышцы не дрогнуло. Рома просто сидел и смотрел вперед.

За стеклами он увидел молодого человека, который брел ко входу так неуверенно, словно ему воткнули нож в спину. По лицу заправщика ясно: таксисту не поздоровится. Рома сделал над собой усилие, дабы предпринять хоть что-нибудь для собственной защиты. Однако его дернуло лишь включить аварийные огни, мол, изначально был неисправен, и прикинуться ветошью.

Смотритель, комично прижимая ноги друг к другу, возился с дверью. Когда она поддалась, тот выскочил из помещения и резко исчез из поля зрения Романа. Таксист все равно не выходил сдаваться. Он не верил. Ему страшно. Он ждал зрителей, которые обычно любят замороженно понаблюдать за происшествием – сам такой. Но по прошествии минуты публики так и не прибавилось. Рома видел открытый распашку мини-маркет и распластавшегося на пороге продавца. Никто не бежал ему на помощь. Если что и может вернуть Романа из шокового анабиоза, так это гарантированная возможность украсть. Она перед ним.

Таксист с опаской открыл дверь. Позади машинный след, напоминавший борозду. Ноль внимания на разрушения. Рома не волнует и состояние машины, капот которой напоминает неуклюже открытую консервную банку. Хотелось убе-

даться, что он здесь один и в его распоряжении целый магазин. Ради такого можно и через продавца перешагнуть. Впрочем, Ромка уже и забыл, по какой причине он так гнал.

Бомбила взглянул на Давида – тот лежит на льду и не шевелится. Проходу к полкам с товарами не мешает. Рома решил убедиться наверняка, что опасности нет: пройти от входа до самой кассы. От ассортимента мини-маркета глаза разбегаются. Дабы удостовериться, что это реальность, таксист подошел к одной из стоек и схватил первую попавшуюся бутылку. Он предположил, что от этого бутылка исчезнет, а сам он очнется в такси или вовсе в своей постели. Сего не последовало. Роман стал вести себя наглее. Он сорвал с бутылки крышку и залпом сделал несколько глотков – водка оказалась самой настоящей, что подтолкнуло Романа на дальнейшие подвиги. Шофер брезгливо откинул бутылку на пол – та разбилась. Его руки потянулись к алкоголю подороже. Внимание Ромы прыгало с одного товара на другой – поначалу он пытался припрятать все за пазухой, пока не замер на месте, услышав шорохи в подсобке.

Все, сейчас его точно застукают. «Ты заплатишься за все, Ромашка. Надо было линять отсюда. А ты опять за свое!» – аукалось в голове.

Шорохи сопровождались едва уловимыми писканиями – кажется, женскими. Ромка хотел поскорее ретироваться, однако скромность добытого его не устраивает – борьба между страхом и наживой сбивает вора с толку. Соблазн велик, а

страх преследования забыт: «Раз копыта не отбросил, значит, хорошо ими подвигал». Кто бы ни сидел в засаде, Рома обязан его нейтрализовать.

Он вооружился лопатой с одного из стеллажей и стал тихонечко приближаться к двери в подсобку, из которой доносились звуки. Сжав в руках орудие борьбы со снегом, таксист, загруженный бутылками, пачками сухариков и жвачками, толкнул дверцу ногой. За ней царит разруха: столик лежит на полу верх ногами, еда разбросана, бутылки разбиты, всюду валяются кусочки скотча.

Прочие детали комнаты Роман рассмотреть не успел, поскольку обзор ему загородила вылетевшая из ниоткуда грязная тряпка, насаженная на швабру. Именно ее впопыхах после освобождения нашла Вика и спряталась за углом, чтобы вывести Давида из строя, когда тот вернется.

Столкновение получилось болезненное. Виктория солидно врезала Роме по морде, отправив водилу в свободное падение. Лопата, конечно же, из рук сразу выскользнула. От удара об пол вместо костей затрещали спрятанные в куртке бутылки. Вика грозно вылетела из комнатки, желая отмутузить обидчика шваброй, однако Давида не обнаружила. Перед ней валяется совершенно незнакомый человек, из-под куртки которого вытекает ручеек крови, хотя сам он жив и здоров, только немного шокирован. Предполагаемая кровь оказалась с винным душком.

– Ты еще кто такой?! Чего тут забыл?! – накинулась на

него Виктория.

Рома не знал, чего дельного сморозить. Вместо слов он лишь испуганно посмотрел в сторону улицы. Вика тоже взглянула туда и узрела урон, причиненный заправке.

– Я уже ухожу, – молвил с пола Рома.

Когда водила поднялся на ноги, из-под его куртки посыпались осколки бутылок – он опасливо взглянул на слегка неопрятную девчонку.

– Можешь брать что хочешь. Мне по барабану, – отбросила швабру Вика. – Прости, что отоварила по лицу.

Роман поражен такому безразличию. Прежде чем продолжить обносить мини-маркет, таксист решил узнать, на каком же основании ему первый раз в жизни разрешили воровать. Но татуированная девушка, собирая свои вещи и приводя себя в порядок, ответила, что приняла его за местного заправщика.

– Это он так тебя разукрасил? – спросил Рома.

– К тебе вот аналогичный вопрос, – поправляла прикид Виктория. – Тебя что, пчелы в лицо покусали? И где ты только их нашел зимой?

– Думаю, что твой обидчик, в отличие от моего, уже оплатился.

– В смысле?

Рома показал ей на лежащего у дверей Давида.

– Ты с ним спала, что ли, там? – бестактно спросил таксист.

– Не твое дело. Лучше помоги затащить его внутрь.

– Он тебе мешает? Так ему и надо.

– Я, конечно, мстительная, но не бессердечная, – Вика взяла Давида за руки. – Или ты хочешь, чтобы он служил вывеской того, что заправку грабят? Еще и окочурится на холоде, а на нас повесят непредумышленное убийство. Этого ты хочешь?

– Нет, – изменился в лице Роман – об этом он не подумал.

– Ты еще и умудрился ползаправки разнести.

– Я вообще-то в аварию попал, – возмутился Рома.

– Ты что, не догоняешь? – теряла терпение Вика. – Внутрь его заносим. А добычу делим пополам.

Глаза у Ромы загорелись. На мгновение он поймал себя на мысли, что всей душой обожает эту бандитку, потому мигом схватился за пятки Давида. Вместе они затащили заправщика внутрь.

– А правда, что трупы обдельваются сразу после смерти? – Рома обратил внимание на грязные штаны Додика.

– Черт побери! – Вика отцепила руки от бывшего ухажера, и Давид снова долбанулся головой об пол, не приходя в сознание. Она на всякий случай прощупала пульс на его запястье и злорадно объявила. – Нет, живой. Говно в говне не тонет.

Вика и Рома встретились взглядами и поняли друг друга без слов. Первым делом оба понеслись к кассовому аппарату. Наперебой стали пытаться открыть его – не получалось, ибо

горе-грабители только мешали друг другу.

– Р-р-руки! – оба отстранились от стола: в пылу вскрытия чуть не задели тревожную кнопку под прилавком.

Пока Роман судорожно разыскивал молоток и стамеску, чтобы вскрыть отсек с наличностью, Вика путем нажатия пары клавиш открыла аппарат автоматически и с упоением его обчистила. Расстроенному Роману достались сущие копейки, хотя и Вику выручка не впечатлила. Таксист же решил обставить отчаянную деваху в краже товаров с полком, в чем он был проворнее и напористее.

В один момент формирование двух кучек краденого превралось.

– Твою бабушку! Все пропало!

– Чего ты орешь? – спросила Вика.

– Камеры! Там. И там. И там!

– Наплюй на них. Придурок, что обосрался, их вырубил.

– Чудесно, – расплылся в улыбке таксист.

Воры напоминали яростных покупателей гипермаркетов в черную пятницу. Вика брала то, что согдится в поездке, то и дело проверяя наличие купюр из кассы в кармане пальто. Рома же сметал с полком все, что вздумается. Последний словно соревновался с Викторией – его охватил по-настоящему детский азарт. И желание оставить сообщницу с носом.

– Так что же ты здесь забыла? – выпытывал у нее Роман, словно хотел разоблачить Вику и сдать ее полиции. – Чего ты делала с этим засранцем вонючим?

– Любопытной Варваре на базаре...

– Да была у меня однажды в такси история такая...

– Ты таксист?

– ...Подвозил я однажды очень любвеобильную парочку.

Так они у меня прямо в пути сношаться стали. Во народ! Ни стыда, ни совести!

– Так присоединился бы к ним. Про совесть говоришь, а сам заправку обносишь. Лучше бы молчал. Вы, мужики, обожаете трепаться.

– И правда. Просто так спонтанно все, хе-хе... Хоть скажи, как звать тебя?

– Как это поможет оправдать то, чем ты сейчас занят? Я Вика.

– Казимир, – представился Рома.

– У тебя на лице написано, что ты какой-нибудь Леха или Саша. К чему этот цирк?

– Я к тому, Вика... а может быть, и Света, что я не понимаю твоей мотивации. Вот ты сейчас роешься тут. Как же ты дальше-то пойдешь? У тебя ни сумок, ни коробок, ни машины.

– Что ты предлагаешь? – Вика изначально рассчитывала только на деньги и очень рисковала, оставаясь здесь.

– Предлагаю все загрузить ко мне.

– Ого, а «Мерс» что, на ходу?

– Поедет, никуда не денется. Это же самая надежная машина в...

– Не нужно мне этой гаражной херни!

– Ладно. Давай уедем вместе, а потом все поделим. Но за свои транспортные услуги я бы просил еще 30 процентов от твоего добра. Ну как, по рукам?

– Торгуешься еще хуже, чем водишь.

– Без меня ты все равно далеко не уйдешь, – пока Вика копалась на полках, Рома подошел к входной двери и вытащил из замка связку ключей.

– Изначально это все моя задумка. А ты как снег на голову свалился на все готовенькое.

– Зато со мной ты унесешь больше. Заманчиво, не так ли?

Предложение таксиста Вика нашла конструктивным, но все равно колебалась. Она встретила Рому четверть часа назад. Уже тогда он умудрился упереть бутылки. А если он матерый преступник или маньяк? Хотя по телосложению он несуразный и хилый. Вика прикинула, что уделает его – с Давидом же получилось... почти.

Вскоре грабители загрузили украденное в буддистский «Мерседес» Романа. Вика старалась не выпускать таксиста из поля зрения. Тот тоже стал вести себя сдержаннее. На полноценный союз столь подозрительные отношения сообщников не тянут. Суетились оба. Не суетился лишь Давид, вальявшийся на полу у панорамных окон.

Рома в одном из последних подходов решил утащить ящик с пивом. Поскольку руки заняты, он решил толкнуть входную дверь спиной. Но, вступив на лед, не удержался и

грохнулся на обледенелую землю – ящик с пивом улетел в сугроб. И тут Вику дернуло обставить Рому на финише. Она к тому моменту понимала, что бомбила, так или иначе, ее обманет. Виктория метнулась напрямиком к груженому «Мерседесу», совершенно обделив вниманием лежащего без движения владельца авто. Она судорожно принялась оглядывать салон на предмет ключей зажигания. Не найдя их, она припала к Роме, отдыхающему на льду: тот, кажись, хорошенько звезданулся. Она стала спешно рыскать по его карманам. Любому мужику приятно и лестно, когда его лапает симпатичная девушка, в том числе и в интимной зоне, если б не было так обидно.

В ту же секунду, когда Вика наконец нащупала солидную связку ключей, вероломный воришка со всего маху ударил ее лбом по носу, что практически нокаутировало Вику, севшую в сугроб рядом. Если учитывать прошлые травмы Романа, его кочерыжка от такого приема могла и расколоться как фисташка.

– Ах ты, курва! – злобно зарычал таксист. Парня как подменили. Он схватил Викторию за волосы и силой впихнул назад в мини-маркет – она больно приземлилась на пол. Не успев подняться, Вика осознала, что ее заперли. Рома с садистской радостью повернул ключ в дверях и продемонстрировал его припавшей к стеклу Вике. – Меня не проведешь. Съела, зараза?!

Довольный собой вор-таксист зашагал к машине, до упо-

ра забитой товаром с заправки, и чуть было не поскользнулся снова. Обернувшись в сторону Виктории, он показал ей средний палец и укатил прочь так, будто ехал на «Майбахе», а не на престарелом «Мерсе».

– Вот теперь заживем, блять!!! Вот теперь загуляем! – несмотря на разукрашенную морду и рваную рану на макушке, у Романа намечается настоящий праздник. Даже появилось желание рассчитаться с работы. При этом он совершенно не заметил, как всюду напевает строчки из песни «Нас не догонят»... и как его одолела эрекция.

«Да уж, – Вике некогда расстраиваться, – все мужики как лимоны. Никогда не знаешь, куда брызнет», – девчонке хотелось заплакать от досады, но вместо этого она загорелась желанием насолить таксисту, как изначально хотела отомстить Давиду. Она даже не стала обыскивать бывшего на предмет еще одной пары ключей. Она лишь взяла из сумочки телефон, улыбнулась, увидев фото Андрея на заставке, и позвонила в полицию, отчеканив лишь, что стала свидетельницей ограбления заправки в таком-то месте с нанесением тяжких телесных повреждений заправщику и что виновник разбойного нападения (таксист) скрылся с украденным товаром на серебристом «Мерседесе» довольно старой модели.

Когда дежурный обработал вызов, то попросил ее оставаться на месте, когда придет наряд. О себе она сообщила, конечно же, ложные сведения и на месте оставаться не собиралась, ибо скоро ей садиться на поезд до Москвы. Перед

уходом Виктория для надежности нажала еще и на тревожную кнопку – противно забрюзжала сигнализация. Вроде бы шевельнулся Давид у окна – должен очнуться с минуты на минуту. Что ж, пора и честь знать.

Будучи при параде и с несколькими тысячами в кармане, Вика схватила с полки увесистый молоток и с размаху раскрошила витрину мини-маркета, выбравшись на волю. С места преступления она бежала, не оборачиваясь. И беспокоило ее лишь то, как она Андрею на глаза покажется с такой несущественной добычей.

«Пока, Давид, мой мальчик, – мысленно обратилась к бывшему Вика. – Надеюсь, произошедшее хоть чему-нибудь тебя научит. Женщины – далеко не слабый пол. Запомни это. Я же с превеликим удовольствием забуду тебя».

История тридцать первая. «На посту»

В ночь с пятницы на субботу в трущобах Тракторозаводского района дежурили brave гаишники: высокий и слегка лупоглазый брюнет Игорь и его напарник Ярослав, рыжеволосый как чистокровный ирландец. Первый скромн, сдержан и чтит правила; второй буйный и непримиримый беспредельщик, обожающий показывать свою мнимую власть где ни попадя.

Ярик обожает неофициальные шашки. Вся выручка идет пацанам в карман. За вычетом доли тех, кто знает об их дежурстве, патрульной машине, табельном оружии, и тех, кто на постоянной основе отстегивает руководству за самую возможность выходить вне официального графика, дабы высшие чины продолжали закрывать глаза на сей вид заработка, идущего мимо государственной кассы. И так, кажется, принято во всех сферах российской жизни. Эти коррупционные устои формировались столетиями – никакими поверхностными реформами их не искоренить: глубоко сие зашло в нашем менталитете, без коррупции и взяточничества мы уже не можем представить себе обыденную жизнь. Порой данное явление есть гарант качественного исполнения обязательств, обхода ненужных проблем, проволочек и всего такого. По остальным показателям это зло, требующее искоренения.

Игорь не очень любит подобные дежурства, но не может пойти против системы. Ярослав же, который на таких сменах отрывается по полной программе, часто твердит напарнику, что если тому противно, но не участвовать он не в силах, то в любой момент можно отдать весь свой заработок Ярику, который распорядится им с умом, не то что ограниченный и скромный в запросах Игорь. Он не понаслышке знает, как может отрываться убежденный холостяк Ярик, но заработанные на фразе «может, договоримся?» деньги ему не отдает. Игорь после армии шел закон защищать, а не нарушать его, прикрываясь формой и полномочиями. Спонсировать распутство не хотелось.

Игорек сегодня выглядит грустнее обычного. В отличие от Ярика, предвкушающего урожайную смену, ибо в пятницу не пьют и не лихачат только трезвенники. Ярослав – мастер раскалывать клиентуру на ложь и взятки. Ночные манипуляции и запугивания – его конек. Паренек удивлялся, как порой снисходителен Игорь к мелким нарушителям, однако, когда дело пахнет керосином, его обычно не остановить. Игорек готов на капот кинуться, лишь бы обезвредить лихача, потенциально опасного для граждан. Ярик здесь не очень любил высовываться, тонко чувствуя моменты, когда стоит отойти в сторонку, а когда рвать пятую точку или бить себя в грудь.

С жвачкой во рту Ярик спросил:

– Чего у тебя табло как камень опять?

Игорь предпочел промолчать.

– С батей посрался? – угадал Ярик, попутно замечая, как автомобилисты, завидев их машину, притормаживают и резко начинают соблюдать ПДД.

– Типа того, – безрадостно ответил Игорь.

– Что на этот раз?

– Маме нездоровится. А я на дежурстве.

– Твой отец сам бывший мент. Наверняка должен понимать, что...

– Ага, попробуй ему сказать об этом.

– Куда тебе деваться без работы? – продолжил Ярослав. – Хоть раз бы поставил батю на место. Сказал бы: кто зарабатывает на дорожные лекарства для твоей маман и куда девается их пенсия? У твоего-то папаши пенсия милицейская, между прочим. Неужто на корм собачонке мелкой?

– Это у него не считается. Я б остался, но...

– Я не понял. Тебе сколько лет вообще? Сказал бы, что из-за опоздания денег меньше зарабатываешь. А ведь впереди праздники.

– Ты вот можешь себе позволить так с родителями разговаривать, а я нет. А со своими шлюхами общайся так, как вздумается, – Игорь отвернулся от сидящего за рулем Ярика.

– Кстати, о шлюхах. Не одолжишь свой жезл на выходные? Я одной чиксе обещал...

– Фу! Как вы только можете... Не дам, – отрезал Игореха.

– Бля, так только отбитые засранки мне говорят. А она

права себе купила и неловко себя чувствует. Прямо как ты. Я собирался наказать ее за такие вольности. Ну... ты понимаешь...

– Избавь меня от подробностей, пожалуйста.

– Ой-ой, засмутился сразу. Да хорош! Я сейчас тебя развеселю, – Ярослав врубил мигалку с сиреной так, что стоявшие перед ними на светофоре автомобили покорно стали отъезжать в сторону. Далее же водители узрели, как машина ДПС, издевательски крикая, выехала на перекресток, вошла в изящный управляемый занос и, пересекая двойную сплошную, помчалась вверх по улице.

– Хорош, debil! – возмутился Игорь.

– Хватит целку из себя изображать! Весело же. Положение обязывает.

– Иди ты!

– Ой, гляньте на него, обиделся... Что, кто первый дежурить встанет?

– Ты. Тебе нейдется уже.

– Мудрое решение.

Вскоре два гайца добрались до места ночной дислокации. С самого начала стало ясно, что скучно не будет. Работенки на дорогах – даже в такой глуши – хватает с лихвой. Здесь любят выпить и погонять. Ярик также ждал сигналов от знакомого заправщика, что неподалеку вычисляет подпитых водителей, но этой ночью тот подозрительно молчалив. Зато сразу же на вытянутый жезл не отреагировал жирдяй на

потрепанных «Жигулях».

Обозленный вопиющим неповиновением Ярик принял решение преследовать неадекватного водителя, который заметно втопил и успешно удирал от хвоста с мигалками, что призывал немедленно остановиться (безуспешно). Ярослав обожает грозно кидаться приказами в микрофон, а Игореха, как всегда, виртуозно ведет служебный автомобиль. А еще Ярик любит стрелять по колесам нарушителей, а потом гордо глядеть в стыдливые, а иногда и наглые лица автобеспредельщиков. С «Жигулями» успели сделать множество кульбитов. Хорошо, что пьяница за рулем никуда не врезался и никого не задавил. Блюстителям порядка пришлось попотеть. Чем дольше длилось преследование, тем злее становился Ярик: уговаривал Игоря втопить и протаранить дорожного дебошира. Слава желал расправиться с наглецом (может, даже и руки распустить), словно задела его личные чувства: мероприятие ведь неофициальное, парни следят за порядком на дорогах «на общественных началах».

В итоге «Жигуленок» сам загнал себя в тупик, завернув в безлюдное место, где нечаянно зацепил крылом кучу строительного мусора, отчего машину здорово развернуло на узкой и скользкой дороге. Ярослав воспользовался моментом, несмотря на опасность быть задавленным: выскочил из патрульного автомобиля и мигом отцепил от руля нерадивого водителя (тот особо за него и не держался).

Вокруг темно и безлюдно. Только две пары фар освещают

небольшую площадку; по окрестным деревьям и полуразрушенным постройкам то и дело пробегают красно-синие отблески сирены. Нейтрализовать нарушителя можно несколькими методами – все зависит от конкретной ситуации и поведения преступника: буйный он или не сопротивляется, бежит или остается внутри машины. Только Ярослав раскрыл дверцу «Жигулей», как из салона вывалилась бесформенная масса, которая оказалась тучным невымытым мужиком, пьяным в стельку. И как только он умудрялся столь виртуозно удирать от мусоров? Тут Ярик осерчал – водится за ним такое. Игорю пришлось вмешаться и заломить руки напарнику. Часто они разыгрывают ситуацию а-ля «хороший и плохой коп». Ярослав мгновенно срывается с петель, когда ему не подчиняются, когда все идет не по его плану, когда его пытаются дурачить либо что-то ему предъявляют. Вот и сейчас...

– Думаешь, ты самый умный, мудила?! – Ярик дубасил пьянчугу ногами по толстому животу, который комично содрогнулся, будто желе. Бил, естественно, не в полную силу. Водитель распластался на снегу и не сопротивлялся – он и двух слов связать не может.

– Хватит! Это уже не смешно, – Игорь оттащил напарника от толстяка.

– Ха! А вот и наш ангелочек прилетел. Твой спаситель, слышишь?! – обратился к алкашу Ярик. Телодвижения нарушителя напоминают повадки чего-то среднего между ле-

нивцем, медузой и черепахой. – А разве он этого не заслужил, Игореша? Ты на него глянь – он же никакой.

– Он же... человек, – произнес Игорь, словно провинился в чем-то.

– Человек?! А разве по-человечески нажираться до чертиков и за руль садиться, а?! Сбил бы кого-нибудь либо сам себе башку свернул. Чего он, по-твоему, заслуживает?! – агрессивно вещал Ярослав.

– Оформлять надо.

– Издеваешься?! С ним проблем не оберешься. Алкотестер сломается. А имя свое он только к утру вспомнит. Поэтому мой ответ – нет.

– Но...

Игорь отпустил Ярика. Тот залез в салон «Жигулей», обшарил потрепанную куртку водителя, что валялась на сиденье, и вынул из кармана кошелек. Владелец и не возражает – вряд ли он вообще отдает отчет своим действиям.

Внутри завалялась парочка купюр. Водитель явно собирался спустить последнее на алкоголь. «Неповадно будет!» – подумалось Ярославу, когда он забрал все деньги из портмоне. Большую часть он прикарманил себе, а пару купюр протянул Игорю. Тот не принял их и возмущенно сложил руки на груди.

– Как знаешь, – Ярик без промедления забрал всю наличность себе. Затем вытащил ключи из зажигания и выкинул их в темноту, чтобы водитель гарантированно не продолжил

творить бесчинства (хотя бы сегодня).

– Что ты делаешь?!

– Мне больше по душе адекватные. Которые сами предлагают. А не те, у кого приходится отбирать. Лицо попроще сделай. Иди в машину, а я схожу отолюю.

Ярик скрылся за ближайшей полуразрушенной постройкой, а Игорек остался смотреть на тучного алкоголика, который как гусеница дополз до машины, попытался схватиться за дверь и затянуть себя в салон. Прискорбно вздохнув, гаишник помог алкашу забраться внутрь, а в его куртку положил свои деньги вместо тех, что отобрал Ярик.

– Игореша! – крикнул Ярослав из-за дома. – Ты расслабся. Неужели ты думаешь, что я настолько испорчен, чтобы забить до смерти это чмо?!

– Ты бы завязывал с этим! – крикнул в ответ Игорь. – Плохо это. И не может просто...

– Ты забыл, где работаешь, святоша?! Давай только без твоих проповедей. Тебе перечислить, чего бы у тебя не было, если б не подработка?

– Все, не надо.

– Уверен?!

– Да! Ты не мог бы поторопиться. Нам нужно вернуться на точку, – Игорь остерегался, что неудавшуюся расправу над алкашом могут заметить.

– Куда ж ты так торопишься?! Ночь еще не кончилась.

Ответа не последовало.

Ярик ухмыльнулся и посмотрел вперед. За деревьями просматривалась дорога с фонарными столбами и бетонный забор. И еще кое-что. Вернее, кое-кто.

– Игореша! Иди-ка сюда!

– Пошел ты в баню со своими шуточками, – услышал он отклик Игоря. – Не буду я тебе держать!

– Да нет же! Я серьезно. Иди сюда. Погляди.

Игорь матюгнулся и побрел в сторону напарника.

– Глянь. Мне же не чудится?

Ярослав указал Игорю на дорогу, которой любовался. По ней медленно, словно призрак, обняв себя руками, брела худенькая девушка в необычайно короткой шубке и тонком платице. Даже с такого расстояния видно, как особу трясет от холода. И на глазах двух случайно оказавшихся здесь гаишников полураздетая Елизавета падает навзничь на дорогу.

Сердобольный Игорь без промедления бросился в сторону бедняжки и мгновенно утонул в сугробах, что ничуть не смутило стража порядка, как и острые, будто лезвия, ветки.

– Чего встал?! Машину туда подгони!

– Смотри-ка, раскомандовался. Я, между прочим, первый ее увидел, герой хренов, – Игорь не слышал напарника. Он всюю пробирался к Лизе.

Она хотела, чтобы ее обняли. И ее обняли. Даже на руки взяли.

Она хотела, чтобы ее обогрели. И ее обогрели, нежно и старательно, разместив на задних сиденьях патрульного ав-

то.

– Давай наши куртки, кофты, покрывала. Чай. Что там у нас еще есть? – суетился Игорь, укрывая пострадавшую. – Точно обморожение.

– Мы гайцы, а не медики. А она... на голову отмороженная, – раздраженно вещал Ярик: время дежурства идет, а он ни копейки не заработал.

– Не медик, а диагноз поставил, – сказал Игорь, возившийся с дрожащей Лизой, которая безуспешно пыталась что-то вымолвить. Нехотя Ярик притащил и термос с чаем.

– Надеюсь, завтра бомжей отогревать мы не будем? Хотя... она ничего такая, – Ярослав обратил внимание не только на изящные ножки, но и на груди Лизы, которые сию секунду укрыл покрывалом Игорь. – Я б ее согрел, – немного погодя дамочка в беде показалась Ярославу знакомой.

– Тебе не стыдно вообще? Лучше печку на полную включи.

– Нам ехать пора, – сел за руль Ярик. – А ее в больницу надо, нет?

– Вы слышите меня? – Игорь пытался добиться ответа от девушки.

Тепло на Лизу действовало положительно – вскоре она открыла глаза. Ее знобило, но Елизавета покорно отпивала теплый чай из чашечки, прислоненной к ее губам.

– Как вы себя чувствуете?

Девушка робко улыбнулась.

– Веди аккуратнее!

– Губки закатай, – ответил Ярик. – Веду как могу. Челябинские дороги, епть!

– Я... мало что... чувствую, – молвила Лиза, одно зная точно: она наконец-таки оказалась в надежных и заботливых руках.

– Сейчас мы отвезем вас в больницу.

– Нет... Нет, это лишнее, – еще больше задрожала Елизавета. – Я сейчас отойду сама, согреюсь и... – ей не очень хотелось, чтобы в ее организме обнаружили алкоголь с наркотой (и снотворное).

– Тогда пейте чай. И не тратьте силы. Вас, наверное, медальончик спас, – произнес Игорь, заметив украшение на ее шее. – А внутри иконка, да? Похожий, помню, был у моей бабули, – Лиза молча кивнула Игорю, который от приятного воспоминания о бабушке на секунду превратился в маленького мальчика. Медальон Лизе не принадлежит.

Машина остановилась.

– Мы на посту, – объявил Ярослав. – Не знаю, как ты, Игорек, а я пошел зарабатывать бабки, – он схватил жезл и вылез из автомобиля, хлопнув дверью.

***

С каждой минутой Лиза оттаивала все больше и больше: тепло вновь наполняет ее тело чувствами, хоть процесс и сопровождается не очень приятными ощущениями (в руках

и ногах особенно). Но Лизочка героически терпит, попивая чай. Горячий напиток все больше пробуждает в ней интерес к молоденькому инспектору в форме, шапке-ушанке и светоотражающем жилете. Молодой человек сидит рядом и раздувает, как еще можно помочь пострадавшей. Лиза считает, что она выглядит ужасно и не может произвести на мужчину должного впечатления, хотя и обязана ему жизнью.

– Вам тепло?

– Спасибо. Мне хорошо.

– Может, накрыть вас еще чем-нибудь? – не унимался

Игорь.

– Не нужно. С себя, что ли, одежду снимать будете?

– Да, если понадобится, – без иронии заверил гаишник.

Лиза сдержанно улыбнулась. Озноб все еще гуляет по ее телу.

– Я перед вами в долгу.

– Да что вы, пустяки, – отмахнулся Игорек.

– Как я могу вас... отблагодарить? – настаивала Лиза. –

Может, я что-то могу сделать?

– Сейчас вам нужно согреться как следует. Сделаете это для меня?

– Наверное, я мешаю вам работать?

– Нет-нет, ни в коем случае. А на напарника внимания не обращайтесь.

– Вы больше напоминаете спасателя, чем гаишника.

– В спасатели по здоровью не взяли. Да и родители были

против. Слишком опасная работа.

– Тем не менее ваши родители могут вами гордиться – из вас все равно получился отличный спасатель. Я готова подтвердить, – мурлыкала Лиза.

– Да что вы, не стоит, – залился краской Игорь.

Елизавета глядела на гаишника и не могла глазам поверить: она целую вечность не видела мужчин простых, стеснительных, бескорыстных и добрых – тех, кто в первую очередь видит в ней хрупкую женщину, а не объект плотских утех. Уже тогда она прониклась к Игорю. Такие, как он – вымирающий вид. А вот его напарник, как Лиза успела понять по взгляду Ярослава в зеркале заднего вида, совсем другого типа мужик: семейные узы явно не остановят его от развлечений с кем-нибудь из ее коллег в том же «Хамелеоне».

– Меня зовут Лиза, – представилась она.

Гаишник ласково посмотрел на нее, по-детски улыбнулся и произнес:

– А меня Игорь.

– Без преувеличения... приятно познакомиться, Игорь.

– Не раскрывайтесь, Лиза. Я так хорошо вас укутал.

– Ладно, не буду.

Возникло неловкое молчание.

– Простите, Лиза, э-м-м... Я могу поинтересоваться, как вы оказались в этой глуши? Одна и в такой одежде?

Девушка задумалась.

– Нет, если это не мое дело, то я не настаиваю. Но я

чувствую, что обязан узнать. Вдруг вам угрожает опасность или...

Ярик, стоя позади патрульного автомобиля, остановил машину. Сейчас-то он отведет душу.

– Да, – придумала легенду Елизавета, – со мной действительно произошло несчастье. Я ехала домой с одной вечеринки и... Бомбила, что вез меня, стал... распускать руки, – жалостливым тоном рассказывала она. – Я, естественно, стала сопротивляться. Вот он и поставил мне фингал. Я еле успела достать перцовый баллончик и... Естественно, он вышвырнул меня из машины и уехал. Я... я... так испугалась.

– Подонок, – стиснул зубы Игорь. – Как он выглядел? – Лиза перечислила детали внешности Романа, которые успела запомнить. Про таксиста она сказала наобум и попала в десятку.

Внезапно снаружи послышался командный голос Ярослава. Явно он заподозрил что-то неладное с водителем, которого тормознул.

Игорь, попросив прощения, выскочил на выручку коллеге, а Лиза из любопытства обернулась. Сквозь частично замерзшее заднее стекло Елизавета узрела автомобиль, что остановили, и обомлела. Это черный «BMW X5».

***

Вождение нравилось мне все больше и больше. Правда, я прекрасно понимал, что увлекаться не стоит, ибо можно

напороться на нелицеприятные моменты автолюбительского мира. Стоит подумать, и оно тотчас же произойдет.

«Вот же удача! – подумал Ярослав. – Сейчас оторвемся», – ушлый гаишник вытянул жезл и указал, куда «BMW» следует припарковаться.

Меня будто пулей со смещенным центром тяжести поразило. Он изрешетил меня вдоль и поперек. А я ведь только приноровился – на секунду мне даже стало нравиться водить угнанные тачки. Когда бы еще я решился сесть за руль? Сейчас я даже имени своего вспомнить не смогу, не то что сообщить, как правильно себя вести: меня же никогда в жизни не останавливали сотрудники ДПС, я не знаю, что они могут сделать. А на что они вообще имеют право? Неужели я нарушил, неужели во мне есть что-то подозрительное? Ах да, точно, мне всего 16 лет, я сижу за рулем машины, которая может числиться в угоне, и меня тормозит гаишник за нарушение. Либо это просто банальная проверка документов, причем никаких бумаг у меня и в помине нет. Откуда ж им взяться?

Все рухнуло! А ведь так хорошо начиналось... А я уверен, что хорошо? Наверное, ибо что сейчас может быть хуже? Я пристегнут, кстати. Так, что же делать? Втопить? Будет погоня. А быстро я гоняю только на гонках... компьютерных. К тому же засвечу машину – станет только хуже. Остановиться? Гарантированно раскусят, и пиши пропало. Дар убеждения без гипноза здесь не сработает точно. Оставшихся денег

еле на такси по району хватит, а менту на взятку – и подавно. К тому же я анекдот ходячий (для большинства граждан). Остается только надеяться... Да не на что надеяться, будем предельно откровенны.

Я снизил скорость и прижался к краю дороги, ожидая экзекуции и последующей нейтрализации. Вот и сказочке конец. Может, хозяин тут документы оставил? Что-то же лежит в бардачке. Ага, там же не моя фотография. Дело плохо. Выпрыгнуть через пассажирскую дверь и смыться? Мусор молодой и, судя по выражению лица, явно любит жестить. Он оценивающе взглянул на машину – наружность водителя заинтересовала его еще больше. Гаишник важно и неторопливо направился ко мне. Сынок каких-нибудь денежных мешков, наверняка думает он. Хоть бы замок на двери не заметил. Ладонки, схватившие баранку, вспотели, а сердце выдавало такой неприятный мне тяжелый рок. Я решил взять себя в руки: побольше цинизма, говорил Великий комбинатор, людям это нравится. Нужно каким-то образом выйти сухим из заварушки. Судя по воинственной мине инспектора, сделать это будет крайне трудно. А ведь машина еще и без номеров.

Ярик шел ко мне, чтобы запугать и дезориентировать меня, а также финансово отбить потерянное на Лизу время. Он решил использовать всю власть, дарованную ему полосатым жезлом. А тут дорогая машина без номеров и с молоденьким новоиспеченным водителем. «Легкая добыча», – лико-

вал Ярослав.

Трясущейся рукой я нажал на кнопку и наполовину опустил стекло, выкрутив на полную невинность и обаяние на уставшем лице. Внутри меня бушевал девятибалльный шторм – мне чудилось, что постовой сумеет просочиться в салон и сквозь такую узкую щелочку. И что он сейчас скажет? Знает ли он, что тачка угнана? Если да, то ведет он себя уж больно вальяжно и непринужденно. Что ж, будем парировать и все отрицать.

Ментурик представился.

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение? – с ходу спросил я.

Ой, с каким же недовольством инспектор выуживал корочку из жилета. Так же долго и тщательно я изучал информацию в документе – тянул время, принявшись рассматривать узоры на бумаге и расплывчатую синюю печать. Осознав, что грозный мусор начинает закипать, я продолжил:

– Могу я узнать номер телефона отделения, чтобы удостовериться, что вы там числитесь и в данный момент находитесь при исполнении?

– Ну попробуйте, – с усмешкой заявил Ярик.

– Намеряете, что мне не ответят? Неужели вся наша доблестная ДПС спит?

Ярик не выносил подобных заигрываний.

– Кто-то же должен работать и ночью, чтобы...

– Вопрос: должны ли вы это делать именно сейчас? Я по-

дозваниваюсь, вы не против? У меня полно времени.

– А меня больше заботит то, что вы нарушили.

– Вы остановили меня из-за этого?

– Именно. Поэтому... – Ярослав желал перейти к делу.

– Знаете, и у водителей есть кое-какие права. Не забывайте.

– А еще права есть у прочих участников дорожного движения, которым могут навредить любые нарушения? – Ярик воспользовался логикой напарника.

– Мне об этом известно, – ответил я. – Даже если немного превысить скорость, на этой дороге в столь поздний час можно сбить разве что призраков, – мент хотел парировать, но я не дал – еле как успокаивал руки, желавшие жестиковать от возмущения. – Лично я отношусь к этому очень серьезно. Сейчас я не превышал. Я слежу за скоростным режимом, – я вцепился в превышение скорости. – За рулем я недавно, потому прекрасно помню ПДД. А еще я помню свои права и знаю свои обязанности... Что вызвало у вас эту нелепую улыбку?

Мент действительно расплылся в улыбке.

– С чего вы взяли, что я остановил вас за превышение?

«Потому что это первое нарушение, которое пришло мне в голову», – ответил самому себе я.

– За что тогда?

– То есть вы мне признаетесь, что действительно превысили?

– Нет, это всего лишь предположение в ответ на ваши бес-
толковые словесные игры.

– Странно, мне показалось, что играете со мной как раз
вы.

– Значит, вы считаете знание элементарных правил иг-
рой?

– Если хотите действовать по правилам, то... прошу вас
предъявить водительское удостоверение, документы на ма-
шину и страховку.

– Будь я на ржавой «Оке», ты бы и внимания на меня не
обратил.

– Что вы сказали?

– Я спросил, в чем меня обвиняют?

Ярослав уже знал, что скажет:

– Что ж, я вам отвечу. Управление транспортным сред-
ством, незарегистрированным в установленном порядке и
без технического осмотра, – Ярик стал перечислять нару-
шения, словно по бумажке. – Управление транспортным
средством с отсутствием государственных регистрационных
знаков. Управление транспортным средством водителем, не
имеющим при себе предусмотренных законом документов.
Управление транспортным средством водителем, не имею-
щим прав управления транспортным средством. Управление
транспортным средством в состоянии опьянения. Наруше-
ние правил остановки и стоянки транспортных средств. От-
каз от медицинского освидетельствования. Нарушение пра-

вил пользования телефоном водителем транспортного средства...

– Тормозните-ка. Кодекс, я смотрю, вы знаете.

– Еще не страшно? – припав к двери, мусор взглянул мне в глаза. – И это только начало... Также у меня большие подозрения относительно того, не употребляли ли вы часом? Судя по вашему поведению...

– Я такой по жизни.

– Что говорите?

– Я вообще не пью.

– Кроме выпивки есть еще море способов. Наверняка по-купку отмечали?

– Уже жалею о покупке, – пальцы нервно забегали по рулю. Ярик это приметил.

– Все, что мной перечислено, всего лишь подозрения. Но вопрос столь солидного букета может быть решен очень быстро, – облокотился об «BMW» гаишник.

Я мигом понял, к чему он клонит.

– Ясно.

«Сговорчивый оказался», – потирал ручки Ярослав.

– Да не суетитесь вы так.

– Вспоминаю, куда задевал, – тянулся к бардачку я.

– Кошелек?

– Документы.

– Какие?

– Они же вам так нужны.

«Так, непонятливый, да? Давай, поломай мне тут комедию», – злился Ярослав.

«Сейчас из воздуха документы материализую, и все образуется», – нервничал я, все чаще поглядывая на ранее обозначенный путь отхода.

– Нехилый агрегат, – гаишник с интересом рассматривал автомобиль, то и дело приближаясь к стеклам и пытаясь что-либо высмотреть сзади. – Предки подарили?

– Агрегат агрегатом, а с утра вон уже замок промерз. Чуть ключ не сломал.

– Если не секрет: на стипендию, что ли, купили? Или наследство кто оставил? – не отставал Ярослав.

– Нет. Я... писатель, – брякнул я, изучая бумаги в бардачке.

– Хе-хе, писатель? И про что пишешь? – недоверчиво спросил мусор.

«О, уже на «ты», – мысленно отметил я.

– Про хоккей. Но скоро буду писать про оборотней в погонах.

– Хм, хоккей я люблю. За кого болеешь?

– За «Ме...» За «Трактор».

– Скажи свое имя. Может, я слышал чего про тебя.

Я наконец-то нашел бумаги. Всего лишь документы о приобретении автомобиля в салоне. На имя некоего Игоря Лопушанского. Черт, ну и имечко.

– Игорь Лопушанский. Сказал бы, что приятно познако-

миться, но обстоятельства не те.

– Кличка, что ли?

– Нет, не псевдоним.

– Так что там с документами? – напомнил инспектор, важно наблюдая за моими бесплодными поисками.

Сделать умильную гримасу непонимания оказалось катастрофически трудно. В итоге получилось, скорее, вымученное лицо.

– Боюсь, что с ними беда, товарищ сержант. Выехал я экстренно. Машина новая. У меня тут документы из автосалона только. Остальное так и не положил: дома осталось.

«А домашнее задание собака съела?» – подумал Ярослав.

– А как же регистрация? Когда тачку купил-то?

– Э-э-э, – заглянул в бумаги я, – вчера.

– Боюсь, рассеянность не освобождает от последствий. Ты же утверждаешь, что такой ответственный водитель и законы чтит.

– Каюсь.

– Но у нас ведь все будет по закону. Мы же его чтим. Я буду вынужден составить протокол.

– А у меня с собой паспорта нет.

– Не переживай. По базе пробьем.

– Понятые. Нужны понятые. Что за беспредел?!

– Понятые – не проблема. Одна вон уже есть, у нас в машине. Все видела.

– Честное слово, стоит ли так напрягаться из-за меня?

– Стоит-стоит, – настаивал Ярослав. Он вынуждал водителей предложить ему наиболее быстрое разрешение всех проблем (за определенную плату), а также честное мужское слово, что все документы в ближайшее время будут оформлены, всегда будут ездить в машине с водителем и на тот свет тоже отправятся вместе с ним.

– Я с места не сдвинусь, – заявил я.

– Уверен? Хочешь сказать, что тебе есть, что скрывать? – таинственно прищурился Ярик, выжидая, когда уже я расколюсь.

– Я же все объяснил. Войдите в положение.

– Думаю, без эвакуатора тут не обойтись, – приговаривал Ярослав.

Варианты развития событий сократились до двух возможных: сдать или сматываться (желательно на колесах).

– Да что же вы творите?!

– Я всего лишь выполняю свой долг. Выйди, пожалуйста, из машины, – осмотрелся Ярик.

Частенько я баловался, конечно, однако не позволял себе таких бесчинств в непосредственной близости от сотрудников в форме. Но сейчас у меня конкретно сдали нервы: «Выкуси, мерзавец!»

Двигатель «BMW» взревел с новой силой, но не успел я передвинуть рычаг коробки, как боковым зрением увидел, что на меня смотрит дуло черного табельного пистолета. Ярослав рискнул играть по-крупному.

– Руки с руля и коробки убрал, гнида! Ме-е-е-дленно.
Так себе ощущения. А если выстрелит... случайно?

– Вздумал меня дурить?! Не на того напал. Кто ты? Машина чья?

Жизнь держалась буквально на волоске. Я сосредоточился на медленном и плавном поднятии рук в воздух, стараюсь не смотреть на пистолет и не делать резких движений. Адреналин, кажется, покалывал мне кожу везде, где только можно. А время замерло. Я не ощущал холода из окна, как и тепла от печки. Как бы ни обмочиться. Это уже за гранью добра и зла.

Из патрульной машины выскочил второй гаишник и воскликнул:

– Ярик, ты чего творишь?!

Из-за оцепенения я не сразу понял, что недавно видел этого человека. Да, точно! Тот самый гаишник. Мы с ним сидели на кухне у его родителей, которым я вернул той-терьера. Но язык у меня окаменел. Я боялся, что из-за слова или резкого жеста в меня выпустят обойму. Я смог выразить надежду глазами – взгляд мой пал на Игоря. Тот сосредоточился на обезумевшем напарнике, который так хотел пару лишних тысяч, что слегка переусердствовал.

– Игорь, тащи наручники. Гад не в адеквате.

– Ярик, ствол опусти. Ты спятил? Это уже перебор, – Игорь пожалел, что закрыл глаза на избиение толстяка ранее и не принял должных мер.

– Пререкаться он со мной вздумал. Да как ты смеешь?! – судя по всему, гайшник Ярослав обращался ко мне. Руки у него дрожали – где-то в глубине души он понимает, что творит непоправимое и что последствия не заставят себя ждать. – Писатель он, сука! Ну что за бред сивой кобылы! У нас... и писатель!

– Ярослав, хватит! Он что, убегает, сопротивляется?!

– Хотел свалить.

– Он угонщик, пьяница, террорист? Нет. Успокойся! Тебя... тебя же вышвырнут с твоей любимой работы с волчьим билетом. Чем же тогда ты будешь хвастаться? Деньги твою совесть с потрохами сожрали. Прекращай, я тебя прошу, – напарник тихонечко подошел к Ярославу, оглядываясь на побледневшего меня и, кажется, переживая момент узнавания.

– Я... я же только припугнуть. Ты чего? – внезапно переобулся Ярик. Если бы не напарник, оборотень в погонах точно бы вытряс из наглеца-нарушителя все деньги до последней копейки.

– Последствия, Ярик. Ты хоть понимаешь, какие могут быть последствия? – Игорь принял у понурившего голову коллеги ствол и с опаской глянул на меня.

– Я... прошу прощения, – у Игоря словно в горле пересохло. Сколько же раз ему приходилось объясняться, выгораживать и защищать напарника, просить за него, испытывая ту же проклятую неловкость. Вряд ли то же самое на месте Иго-

ря сделал бы Ярик. – Он... вообще... парень нормальный. Просто... немного...

Ко мне вернулся голос, когда я убедился, что психопат лишился оружия, отошел в сторонку и нервно закурил. И что это было, черт возьми????!!!

Передо мной стоял Игорь, сын хозяйки маленькой собачонки, которая потерялась сегодня на просторах Советского района.

– Неужели... это все... из-за... из-за денег? – обрывисто уточнил я.

– Слушай, у него в жизни... там... в общем, все очень сложно... Да и человек он такой...

– Скорее, это он не в адеквате, а не я.

– Заявишь?

– Заявлю, если штаны промочил.

– Промочил?

– Кажись, нет. А что, нужно заявить?

– Нет. Ну... Дело твое.

– Подожди. Зачем ты вообще просишь прощения за него?

– Он... типа мой друг, – вздохнул Игорь. – Ты сам-то хоть в порядке?

– Трудно сказать. Я вмиг забыл, кто я и что делал. А сейчас меня со скоростью света спустили с небес и заставляют все вспомнить за минуту, будто начинается контрольная. Нормально ли это, по-твоему?

– Ненормально.

– Вот именно. Он бы убил меня, если б я ему признался, что денег у меня ни гроша.

– Я бы помешал.

– А если бы не успел? Ну и работенка у тебя.

– Дурацкая ночь. Твою мать, что вообще сегодня творится в этом городе – день открытых дверей в сумасшедшем доме?

– Если б не этот сумасшедший дом, тебя бы здесь не было, и я бы конкретно свихнулся.

– А я вот не знаю, чем кончился бы мамин приступ, если б ты не поймал эту проклятую шавку.

– Тоже верно, – тяжело вздохнул я. – Вот и ты мне пригодился. Ты отпустишь меня?

– Ты еще и спрашиваешь?

Откуда-то выкрикнул Ярослав:

– С таким подходом, Игореша, ты никогда по службе не поднимешься!

– Ты вообще молчи! – отозвался Игорь. – Лучше так, чем под тебя косить. Ты человека чуть до белого коленья не довел. А это мой знакомый.

– Понимаешь, я попал в... такую ситуацию, – неуклюже пытался объясниться я, – все бросил дома, нужно было срочно ехать...

– Можешь не объяснять.

– Ты уверен, что тебе стоит с ним оставаться?

– Куда ж я денусь. Бывают у него... заскоки. Слушай, ты же вроде говорил, что тебе рано?

Срочно мне отговорку! Срочно!!!

– Правильно. Я же начинающий водитель, а уверенные водилы слишком сильно в себя верят, вот и нарушают, выпивают и...

– Новичкам по ночам, конечно, лучше не ездить.

– Типа можно наткнуться на всяких неадекватных взяточников?

– Нет, – Игорь взглянул на меня с укором, – не в том смысле. Хотя то, что ты шутишь, внушает оптимизм.

– Ничего, я и не в такие водовороты плюхался. Да чего там ствол. Изловить вашу собаку было труднее.

Смех слегка разрядил обстановку.

Я был вне себя от счастья, понимая, что наткнулся именно на тот пост ДПС, на котором дежурит благодарный мне человек. Встреча с ним помогла избежать ненужных и очень серьезных проблем. Как выяснилось, на этом череда неожиданных встреч не закончилась.

***

– Это ты?! – остолбенела при виде меня укутанная Лиза, вышедшая из патрульной машины.

Да, это она. Та самая, что валялась в салоне «BMW» в отключке, а потом таинственно испарилась (я даже по сугробам пошарил немного в ее поисках). Она еще и успела приобрести знатный фонарь под глазом в мое отсутствие. Но что она делает с гаишниками? Что она им наговорила? Не ока-

жусь ли я сейчас снова опасным преступником, что поставил ей фингал и посягнул на ее жизнь? Знали бы вы, парни, какую змею пригрели (исходя из Таниных рассказов). И что же она сейчас скажет? Через секунду тот же Игорь станет пушкой в меня тыкать. И не объяснишься. Как я понял, изящная блондинка ведет собственную игру, детали которой известны только ей одной.

Лизонька глядела на злополучный «BMW». Может ведь и жертвой сделаться – оклеветать меня на раз-два. Однако следов от перцового концентрата на моем лице она не приметил.

– Лиза, зачем вы вышли? – поинтересовался Игорь.

По его умиленному лицу я понял, что еще один мужик пал жертвой ведьминых чар. Уверен, что юные хоккеисты тоже долго не сопротивлялись – выражаясь их языком, слили сражение с Лизой. Хотя видок у нее сейчас не из лучших.

– А кто я? – решил уточнить я.

– Глупыш, ты чего, не узнаешь меня? – актриса больших и малых театров засмеялась и обратилась к Игорю. – Какая удача – это же мой сосед, – деваха послала в мою сторону недвусмысленный призыв подыграть и повернулась к Игорю. Можно опровергнуть все сказанное, и мерзавка получит по заслугам. Однако мне хочется узнать, можно ли считать ее угрозой парням из «Магнитки-95», ибо особа, судя по всему, провела немало часов в компании хоккеистов. Если уж подчищать за ними, то под ключ. – Его зовут...

– П-е-е... Игорь, – я назвался именем владельца «BMW».

– Ты не говорил, что мы с тобой тезки.

– Ночь совпадений, не так ли?

– Как хорошо, что ты здесь, Игорек, – засуегилаь оттаяв-
шая Елизавета. – Ты подвезешь меня до дома.

– Что с тобой сделали? Я даже сначала не узнал тебя, –
виртуозно присоединился к представлению я.

– Я только возьму сумочку, – ее нисколько не смущает,
что ей подыгрывает первый встречный.

– Я знаю, что ты нормальный пацан. Окажи услугу – до-
брось ее до дома и проследи, что с ней все хорошо, – попро-
сил Игорь, безоговорочно поверивший Лизочке. – Вынуж-
ден вновь тебя просить. Ты и без того сделал сегодня доста-
точно.

– Да без проблем. А что с ней стряслось? – спросил я.

– Мы спасли ее от обморожения. Он шла одна по дороге
почти голая.

– Жесть.

– Ее избил и выкинул на мороз какой-то таксист, – видно,
как Игоря коробило от истории девушки.

– Таксист?

– Только попадись мне этот мудац – шкуру с него спущу.

– Может, ей не домой, а в медпункт нужно?

– Сказала, что нет, хотя столько натерпелась... Поделись
соседскими наблюдениями – она замужем?

– Вроде есть парень. Но там все сложно.

– Никудашный у нее молодой человек, раз позволяет себе отпускать любимую непонятно куда одну. Я бы ради профилактики прописал ему в табло, – почесал кулаки Игорь.

– Будет эффективнее, если в ее парня потычет стволом твой напарник, – я предположил, что речь все же идет о некоем Артуре, которого не поделили Таня и Лиза – одна краше другой.

– Я же извинился.

– Чего сам не проедешь и не поговоришь по душам с бойфрендом Лизы? Боишься оставить этого психопата одного?

– Не могу. Служба. К тому же как-то беспокойно вокруг.

Елизавета с сумочкой в руках элегантно покинула машину ДПС. В скольких же машинах она сегодня повалилась? Затем отворилась водительская дверь и ей в след недоверчиво посмотрел Ярик.

– Я все еще не могу выразить словами, как благодарна за то, что вы с напарником сделали для меня, – произнесла Лиза.

– Главное, что вы живы и здоровы. Точно все нормально?

– Не переживайте, Игорь, – она положила ладонь с изящными ноготочками на его грудь. – Это была моя временная слабость. Спасибо за заботу, – улыбнулась она.

– Возьмите с собой плед – на память.

– Нет-нет, вам нужнее. Вдруг еще кого-то отогреть придется.

– Могу попросить об одолжении, Лиза?

– Для моего спасителя – все, что угодно.

– Позвоните мне, как только доберетесь.

– И все? – удивилась Елизавета, привыкшая к более изощренным мужским просьбам.

– Все, – кротко кивнул Игорь.

Лиза достала из сумочки блокнотик. Они обменялись номерами телефонов.

– Вот и чудно. Тезка, с тебя доставка в целости и сохранности. И будь осторожнее в будущем, – отдал честь Игорь.

– Родителям привет, – ответил я.

Девушка тем временем усаживалась на переднее пассажирское сиденье «BMW». Я напоследок улыбнулся Игорю, но внутри чувствовал смятение. Одно дело – телка в забвении; совсем другое дело – нынешняя Лиза, втянувшая меня в обман за доли секунды. Мне стоило вспомнить, что и я бываю весьма хитер и изобретателен и что мне по силам переиграть Лизоньку, выудить из нее все подробности и понять, что делать дальше. Она явно без страха и упрека.

Краем глаза я заметил, что она и рыжебородый коп, который хотел нагреть меня на деньги, как-то странно переглянулись. Да уж, выбираясь из одной переделки, я тут же попадаю в другую. Причем хоккеюги мне ни слова не сказали про эту взбалмошную дамочку. Тогда бы я тысячу раз подумал, стоит ли вообще совершать этот марш-бросок, который явно подзатянулся.

Как только Елизавета оказалась рядом, я сразу же осознал,

какой стальной хваткой она способна сжать мои яйца.

– Эх, давненько меня тут не было. Ну? Чего застыл? Трогай, парниша!

Я подчинился. И мы продолжили путь вдвоем.

***

Сжав бумажку в кулаке, Игорь проводил «BMW» взглядом, полным надежды и тепла. Беспомощная Лиза не покидала его мыслей. По выражению лица напарника Ярослав заподозрил неладное и решил предостеречь друга, лишь бы тот не обжегся от мимолетной любви.

Предупредить друга Ярику захотелось после небольшой сценки в машине, когда Лиза полезла туда за сумочкой.

– Чего уставился? – спросила она сидевшего за рулем Ярика.

– Да так, вспомнил кое-что, – ответил он.

– Ничем подглядывающего не уймешь, коль до смерти не забьешь.

– До чего ж ты скользкая бабенка. К каждому подход найдешь.

– Ты таланты-то свои угомони, мусор.

– Понятно теперь, отчего ты такая дорогая шлюха. Игореху только не тронь.

– Ты глухой или притворяешься? Я сказала, захлопнись.

– Клуб «Хамелеон». «Красная комната». Мальчишник. Помнишь меня?

– Пошел ты на хуй.

– Что, в расход пустили? До таксистов опустилась? – про-изнес Ярослав, но Лизочка к тому времени избавила себя от столь неприятного общества.

Провокатор же удовлетворился тем, что задел ее.

– Игорь, – начал он, – что происходит?

– Это я тебя хочу спросить, что происходит?!

– Он бы никому не раскололся.

– Своими фокусами ты ставишь под угрозу...

Ярослав не дал напарнику договорить:

– А ты у нас прям такой добрый дядя Степа, который всех жалеет. Малолеток без прав отпускаешь. Всяких там шлюшек отогреваешь.

– Что ты сказал? – побледнел от злости Игорек.

– Что слышал! Можешь пойти в машину и вздрочуть – по лицу вижу, что хочешь.

– Да что с тобой такое?!

– Пойми уже, недотепа! Я образумить тебя хочу. В этом городе, на этой работе, на этой, мать ее, планете нельзя быть таким наивным и доверчивым. Альтруизм нынче не в чести. Холодный расчет и корысть везде. Ложь, лицемерие и бабки – вот что правит балом. С волками жить – по-волчьи выть. А ты прямо как малолетний ребенок, честное слово. Аж смотреть тошно!

– Я же сейчас тебя ушатаю, клянусь. Чего ты привязался? Живи своей жизнью.

– Ты? Меня? Да ты и пальцем меня не тронешь. Ты способен только плакаться и прощать. Ах да, еще ты умудрился втюриться в первую встречную, которая тебе намурлыкала всякой несуразицы, вот ты и доволен собой. Меня это бесит. Мне обидно за тебя, друг. Ты же умный парень, но почему-то невыносимый неженка.

– Обоснуй, почему у тебя сложилось такое мнение относительно этой девушки? – Игорь был на удивление сдержан.

– Ты хочешь спросить, почему я назвал ее шлюхой? – напрямую уточнил Ярик. Игорек губу прикусил от ярости. – Потому что она и есть шлюха!

Игорь и не заметил толком, как зарядил напарнику кулаком по носу. Ярик еле удержался на ногах. Из ноздрей на снег и жилет закапала кровь.

– Доволен? Ты этого добивался? Моего знакомого вон на бабки хотел нагреть. Девушка в беду попала, а ты ее оскорбляешь. Не знаешь людей, а делаешь выводы, судишь по одежке. Самому-то не мерзко?

– Почему ж не знаю. Лизочку еще как знаю, – выдал Ярослав. Игорь повернулся к нему. – Я трахал ее. И не только я. Много кто. С полгорода наберется.

– Чего-о? – у Игоря отстегнулась челюсть.

Ярослав думал, что обычно сдержанный коллега сейчас до смерти его забьет.

– Витька с Главного управления знаешь?

– Допустим.

– Он летом женился.

– Слышал, – кивнул Игорь.

– Я у него на мальчишнике был. Мы тогда знатно фары залили. В «Хамелеоне» дело было. Мы поспорили, что Вите честно заработанных не хватит на самую дорогую шкуру заведения. Эх, как мы ошибались. И к нам пришла... угадай кто?! Твоя ненаглядная спасенка Лиза. И то, что нас много, ее нисколько не смутило. И она ебалась... со всеми. Даже ни намек на усталость или смущение. Даже Витя, которому утром в ЗАГС, не погнушался спустить ей в пасть. Поэтому открой уже глаза и забудь. Никаких теплых чувств здесь нет и быть не может.

– Ты врешь.

– С чего бы мне врать?! Хочешь бродить в потемках – пожалуйста! Неужели ты не заметил? Она шалава, которая готова прыгнуть в машину к любому. Только пальцем помани. А на твои старания ей насрать.

Раздосадованный Игорь развернулся и направился к машине. А вскоре вернулся к напарнику с аптечкой в руках.

– Хоть ноздри ваткой заткни.

– Ты неисправим, братан, – улыбнулся Ярослав.

– Иди в машину. А я подежурю пока.

Игорь стал всматриваться вдаль. Он думал о Лизе. Ее история и воспоминания напарника устроили меж собой поединок, на исходе которого молодежавый инспектор ДПС узрел несущийся быстрее допустимой скорости серебристый

«Мерседес». Сейчас Игорь понимает Ярика: вот, оказывается, какво хранить в себе злость и изливать ее на тех, кого тормозишь на дороге. Непонятно, что подозрительного Ярослав нашел в «BMW», но «Мерседес» словно из преисподней вырвался. Весь помятый и несуразный. И чем-то под завязку груженный.

Сержант на распутье хотел проветрить мозги, отвлечься. Его желание тотчас столкнулось с отличным расположением духа таксиста Романа, что нехило так встрепенулся, когда чуть не проморгал пост прямо по курсу. Он даже не поверил вначале, что жезлом машут ему – может, кто-то еще едет рядом. Он обернулся – никого. Нервишки снова натянулись как гитарные струны. Роман хотел внимания копов совсем не в части своей персоны, но мысли, как водится, материальны. Опять же: формулировать надо конкретнее.

Таксист растерялся по множеству причин: помятый видок, неприглядная машина, переполненная краденым. По каждому пункту блюстители порядка могут задать неприятные вопросы. Так он еще и тяпнул алкоголя на заправке за чем-то. Сворачивать некуда; улепетывать – вариант так себе. Остается лишь прикинуться нормальным – часто прокатывает. На самый крайняк он изложит историю, в которую попал. Звучит и выглядит она абсурдно, но это же правда.

Рома прилизал взъерошенные волосы – поморщился от раны на голове. Принялся разжевывать мятную резинку, дабы освежить дыхание – больно прикусил язык. Гаишник

и его спецавтомобиль уже совсем близко – Роман плавно нажал на тормоза, срочно придумывая оправдания по каждому аспекту несоответствия обыденности. Отделаться бы мелким штрафом без ненужных деталей.

Игорь, бегло оглядев остановившийся «Мерседес», понял, что подобные участники дорожного движения в снижении не нуждаются.

– Здравия желаю! – Игорь представился. – Документы для проверки, пожалуйста, – немногословный водитель подчинился и передал все достаточно лихо. Игорь сверил номера с бумагами и указал головой на желтый колпак. – Таксуете? Подтверждающие документы есть? – их тут же протянули гаишнику. Само лицо таксиста пряталось в полутьме салона. – Море вопросов к вашему работодателю. Как можно людей возить на такой машине? Капот помят, фара разбита, зеркало... да отвалится сейчас. Непорядок, – молчание водителя Игоря удивило. – Опасно так ездить, гражданин.

– Понимаю, – у бомбилы словно голосочек охрип – симптом волнения. – Но сегодня я не таксовал. На скользком повороте не вписался слегка. Вот и еду в гараж потихоньку.

– Потихоньку, да?

– Буду голову ломать, как наскрести средства на сервис.

– Но, так или иначе, помеху в движении вы можете создать. Да и о своей безопасности подумали бы, – Игорь умел придирается, а вот умением доводить жертву до взятки не хвастался.

В памяти всплыл разговор с Лизой. Кто там ее ударил? Таксист? Гаишник становился все подозрительнее.

– Обстоятельства безотлагательные, – положил руку на сердце Рома.

– От ответственности это не освобождает. Как же вы умудрились не вписаться в поворот? Неужели из-за груза, что везете? Амортизаторы не жалеете. Так из-за чего? – Игорь помедлил, прежде чем уточнить. – Или... из-за кого?

– Из-за челябинских коммунальщиков, которые выполняют свои обязанности спустя рукава.

– Ну их сейчас только ленивый не ругает. А если серьезно?

– Знакомый попросил помочь – перевести товар с одного его ларька в другой.

– Для такого объемного груза ваш друг мог бы и специализированный транспорт нанять. Вам же обзор сзади коробки загораживают.

– На какие шиши он закажет? Слыхали, какой произвол власти с честными бизнесменами вытворяют? – решил прыгнуть с темы Роман.

– А чего ж ночью-то грузоперевозками заниматься?

– Так днем он занят. Торгует.

– Он вас вызвал официально? Ваш таксопарк знает, как вы используете...

– Это моя машина. Делаю с ней, что хочу.

– Явно знакомому вы спасибо не скажете. Вон как влетели с его пожитками.

– Согласен, неприятная история. Неужели и вы хотите сделать мой день еще хуже? Он и так не задался.

– Придется, уж простите. Авто у вас нуждается в ремонте, фары еле светят, бензином пахнет, обзор сзади не ахти какой...

– Ну что же вы, товарищ...

Игорь принялся. Мятой не скроешь тонкую струйку иного запаха изо рта – спиртное и в Африке спиртное.

– Употребляли?

– Не-е-е-е-т.

– За баранкой такси с какого часа? Круглыми сутками?

– Не-е-е-е-т.

– Мне показалось, что вы слегка сонный и уставший. Как же в такой ситуации не помочь организму: энергетиками, алкоголем...

– Вам показалось, инспектор.

Игорь тщательно вспоминал описание наружности нападавшего, что дала Лиза. Черты того поддонка мент пытался разглядеть в подозрительном таксисте.

– К сожалению, придется вас оштрафовать.

Ромка не выдержал наплыва чувств и с горяча ударил по рулю, появившись на свету буквально на несколько мгновений. Игорю их оказалось достаточно, чтобы осознать – все совпадает. И даже красная перцовая харя. Он-то и бросил Лизочку на холод (ее версия событий). Пальцы гайца невольно сжались в кулак, костяшки захрустели. Жилка на

лбу напряглась. Он и не рассчитывал, что изловит виновника невзгод прекрасной девушки, в которую мимолетно втюрился, так скоро.

Таксист же не сдержался от гневной тирады:

– Вот так всегда. Система сгнила на всех уровнях. Если же нацепить мигалку на авто чинуши, то можно нарушать все, что душе угодно. А стоит колпак водрузить на крышу и пытаться честным трудом на хлеб насущный заработать, так сразу проверка, надуманные обвинения и отъем денег... подчистую.

– Не могли бы вы...

– Почему в нашем государстве принято пристально следить только за рядовыми гражданами, когда как богатеи и законодатели жируют и уходят от ответственности?! А мы концы с концами свести не можем из года в год. Денег не доплачивают, а наши скромные копейки облагают огромными налогами. И штрафуют, штрафуют, штрафуют!

– Необязательно так бурно реагировать, – произнес Игорь, еле сдерживаясь, чтобы не вытащить скандалиста из машины.

– Где вы постоянно бродите, когда так нужны? А как обездоленных и невиновных щемить, вы тут как тут. Где закон, когда совершаются реальные преступления против общества и государственности? А когда меня жизнь заставляет бомбить по ночам, чтобы с голоду не подохнуть, он тут как тут. Мы еще и работаем за вас, когда вам деньгами zenки накри-

ли. Я вот, к примеру, сегодня... – Роман осекся.

Игорь неторопливо и сдержанно наклонился к водителю «Мерседеса»:

– Продолжайте, пожалуйста. Я весь внимание.

– Признайтесь, – ехидно спросил таксист, – за мной уже выехали?

– С чего вы взяли?

– Ничего, вы мне просто так рот не заткнете, – решил похвастаться Роман. – Пока ваши толстые коллеги с райотдела полиции в тепле отсиживаются, я, между прочим, преступления раскрываю.

– Вот как? – Игорь глядел таксисту прямо в глаза – самодовольные и одновременно трусливые. – И что за преступление?

– Что, хотите лавры у меня отобрать? Не дождетесь. Я все изложу в областную Прокуратуру. И пусть уже там оценивают действия полиции. Не хотелось бы, конечно, но и вас в письмо вписать придется.

Гаишник уже не видел в таксисте адекватного члена общества.

– Преступление, говорите?

– Оно самое.

– И кто же его совершил? – Рома, поджав губы, впился Игорю в глаза. – Случайно... не вы?!

– Ха! Вам придется извиняться публично, – занервничал таксист.

– Захлопни свою пасть, ублюдок! Чего у тебя рыло такое красное, а?! Перцем в харю получил, сукин сын?!

Один приемчик ближнего боя Роме сегодня урон нанес. Он это учел и нанес урон своим соперникам. Сейчас решил повторить его снова и ударил инспектора прямо по любопытному носу своим непробиваемым лбом. Игорь отстранился. Рома же замешкался с рулем и педалями – хотел смыться, но загруженная по самые помидоры машина не смогла мгновенно разогнаться.

Разящий удар от таксиста Игорь счел чистосердечным признанием. Также он принял отпор и на свой счет – сделал поимку обидчика Лизы личной вендеттой, поэтому мешкать не стал. Без всяких раздумий Игореха запрыгнул на капот уезжающего «Мерседеса», чуть не скатившись прямоком под колеса – спасли дворники, за которые ухватился паренек, словно за спасительные соломинки в разбушевавшемся океане. Игорь сквозь лобовое стекло узрел пренеприятнейшее лицо Ромки, который лыбился во все зубы, намереваясь включить дворники и заодно брызговики, а также резко покрутить в разные стороны рулем, чтобы сбросить балласт с капота.

«Мерседес» и пары метров не проехал, как Игореха, подобно заправскому Человеку-пауку, молниеносно вскарабкался по обледенелой машине и одним ударом проломил хлипкий люк на крыше. За него-то понадежнее держаться. Выкрутасы Ромы толком не помогали. Да и скорость невы-

сокая. Двигатель чихал. Ярослав уже на всех парах бежал за ними, толком не понимая, что произошло.

Отважный инспектор ДПС нырнул в люк и приземлился прямоком на кучу коробок и ящичков с провизией и бытовой химией. Игорь не верил ни единому слову прохвоста-таксиста, что посмел обидеть его новую знакомую. Игорек боялся вообразить, что бы с ней стало, побудь она еще минуту на таком морозе.

Сержант умудрился ловко извернуться в тесном салоне, хотя, поймав кураж, с легкостью мог обезвредить Романа и вверх тормашками. Последний не ожидал, что до него доберутся так скоро, потому стал стремительно слетать с катушек.

– К обочине! Живо! – приказал Игорь, применив к Роме, а заодно и к креслу удушающий прием. Тот хотел брыкаться, но гаишник расчехлил пистолет.

Рома повиновался и убрал ногу с педали газа и руки с руля – покореженная машина неторопливо покатила по инерции. Ее остановили лишь снежные завалы на обочине.

– Ты пожалеешь! Пожалеешь! Пожалеешь! – тараторил таксист, брызгая слюной.

– Заткнись!

– Я ни в чем не виноват!

– Рот закрой! Ты чуть меня не угробил.

Через мгновение к тачке подлетел Ярослав, открыл водительскую дверцу, выволок Рому из машины и утопил в

сугробе, перебросив через плечо. Следом из такси выпрыгнул Игорь и, в упор не замечая Ярика, набросился на лежащего Романа и принялся избивать его так, что даже темпераментный Ярослав растерялся. Таким своего интеллигентного коллегу он прежде не видел. В округе явно испытывают какое-то невидимое и опасное излучение, которое сводит людей с ума. Ярослав не стал оттаскивать Игоря от таксиста. Ромка даже не пытался смыться, а лишь принимал удары, лежа в снегу, истошно смеясь и рыдая одновременно.

– Вы... вы заплатите! Вас под трибунал отдадут! Обоих! Оборотни, сука! Твари! Фашисты! Это произвол! Полицейский беспредел! Убивают! Люди, спасите!

– Закрой хлебoreзку, гнида! – разъяренный Игорь топил Романа в снегу.

– Вы идиоты! Ни того взяли! Ни того! Я невиновен! Господи, я невиновен! Невиновен!

– Невиновен?! – возмущенно кричал Игорь. – А кто, если не ты, отморозок, избил пассажирку и на мороз ее выкинул?!

– Пальцем к ней не прикасался.

– Ага! Понял, значит, о ком речь идет?!

– Раскрой глаза, сержантик! Что ты творишь? Ты ослеп!

– Это ты ослеп!

– Во всем виноват тот... Другой, другой! Это он. Он все провернул. Обвел нас вокруг пальца! Курносый, очкастый. Он все задумал. Он все воплотил: с хоккеистами, с машиной, с девушкой, с заправкой. Он ограбил пацанов. Он накачал

ее таблетками. Он хотел ее сжечь вместе с машиной. Хотел меня отпугнуть, чтобы я не лез. А я полез. В ней что-то было. Бензин, бензин! Сжечь, сжечь, сжечь! А ее угнали. Угнали! – вопил неуравновешенный таксист.

– Что ты несешь?! Какая еще машина?

– «BMW» пятой серии. Девушка в платье. Блондинка. Хоккеисты. Пьяные.

– Кто это?! Где ты их видел?! – тряс таксиста за грудки Игорь.

– Остынь, Игорь, – напомнил о себе Ярик.

– Ярик, это же он. Гондон, которого мне Лиза описала. Она вон ему в морду из баллончика плеснула.

– Дура. Она дура! Дура! Я... я... я ей помочь хотел. А теперь она погибнет. Он найдет ее. Доберется до нее. Ей не жить. Не жить.

– Пиздец, он укуренный, что ли? – задался вопросом Яро-слав.

– Похоже на то.

– Я-то думал, она соврала, и ее тупо клиенты за дверь выставили. Плохо сос...

– Что?!

– Ничего.

– Давай этого поганца в машину.

– Да по нему психушка плачет.

– Туда тоже можно.

– Не хотелось бы его в машину. Он же нам весь салон уде-

дает.

Одного взгляда Игоря хватило, чтобы Ярик без промедления принялся тащить таксиста к патрульному авто.

Сумасшедшую историю бомбилы всерьез не воспринимали, ибо рассказчик явно помешался. Внутренние демоны, порожденные болезнями и расстройствами Романа, вырвались наружу и расщепили его личность: сбылся самый страшный сон – его взяли. Обидно, что под надуманным предложением, а не с поличным. В горячке он может и лишнего взболтнуть: например, признаться в других правонарушениях, хотя его не особо слушали либо слушали только в контексте показаний Лизы. Когда его сковали наручниками и пригрозили рот скотчем заклеить, если примется орать, Рома затих.

– Да я в Гаагский суд подам...

– Где у нас скотч?!

– Лучше молчи, полоумный.

– Говори, баклан, домогался ее или нет?! Говори, а то пальцы тебе молотком расхерачу! – пригрозил Игорь.

– Нет, боже, нет! Я не делал ничего этого. Это все не я.

– А кто?!

– Вы взяли не того, – жалобно скулил таксист.

– Ты же спалился, идиот.

Ярик задумчиво взглянул на Игоря:

– Чушь, конечно, но... А если он не врет?

– Ты-то куда?! Девушка все рассказала. Описала внеш-

ность нападавшего. Даже сомнений нет – это он.

– Мало ли чего она тебе сказала. Она же шлюха. Кого угодно может подставить.

– Завязывай уже с этой темой? Если у тебя с Лизой личные счёты, не нужно сюда работу приплетать.

– Ты гаишник, а не следователь, Игорь!

Тот не заметил резонного выпада:

– ...Если тебя недотражали на том мальчишнике, смена кончится, и иди в любой бордель. А его рассказы – бред.

– Ему известно о ней, о «BMW», об очкарике.

– Завязывай, – раздражался Игорек. – Разве не видно, что он лютый шизик?! Напридумывал себе что-то, а персонажей просто из окружи подсмотрел.

– Вы с Лизкой что, долбились в машине, пока я...

– Прекращай уже, ну! Ты вообще на чьей стороне? Ничего, что он чуть не задавил меня? Или для тебя это не в счёт? Просто так ведь не убегают, верно?

– А ты давно знаешь этого очкастого на «BMW»?

– Не переживай. Я разбираюсь в людях.

– Не смей меня. Лучше на вопрос ответь.

– Ну, допустим, нет, – сложил руки на груди Игорь. – Что тогда?

– Тогда давай на секунду представим, что псих не врет, и посмотрим на ситуацию под другим углом.

– Ты долбанулся, Ярик?

– ...А эта подстилка поганая его оклеветала, а сама за-

прыгнула в тачку к сообщнику и укатила в закат.

Ромка оживился:

– Верно. Все верно. Все так и было.

– Помолчи.

– Он маньяк. Самый настоящий. Преступник. Интриган.

А еще очки надел!

– Если все так, то я сегодня же подам рапорт об увольнении.

– А я, выходит, тыкал пистолетом в опасного преступника? Надо же, жопой чуял.

– Ты жопой, скорее, думал. Все равно это не оправдывает твоего поведения. Сам вон основательно в трех соснах запутался. Тебе бы тоже чердак проверить, – Игорь повертел пальцем у виска. Поразмыслив, он продолжил. – Нет, исключено. Пацанчик с «BMW» сегодня нашел собаку моих родителей, которая потерялась.

– Как пить дать он все подстроил, – гавкнул Роман.

Впервые взгляд Игоря не был таким уверенным.

– Что же тогда его сюда занесло?

– Где твои старики живут, напомни?

– В Советском районе. Ярик, давай не будем на ерунду отвлекаться. Она же никакой логике не поддается.

– Что, засомневался? – прищурился Ярослав.

Игорь не мог поверить, что поил чаем маньяка. Ему же и 20-ти лет нет.

– Лиза должна позвонить. Она обещала. Вот тогда и узна-

ем.

– Подстава! Там подстава, подстава, – снова открыл пасть таксист.

– Только последний лошара поверит в обещание путаны, – высказался Ярослав.

– Она обязательно позвонит. Позвонит и скажет, что все нормально, добралась. У нас нет оснований верить в эту чушь, – Игорь стал колебаться. – А засранца мы...

В то же мгновение по рации всем постам передали ориентировку на задержание серебристого «Мерседеса» и его водителя, причастного к разбойному нападению на заправку. От перечисленных примет водителя Роме хотелось упасть в обморок, чтобы не видеть и не чувствовать, какие бесчинства с ним будут твориться в ближайшем будущем.

Игорь пристально (не без хвастовства) взглянул на Ярика: «Я же говорил». Ярик в замешательстве глянул на Романа и изрек:

– Вот ты и попался, худоебина!

Игорь лишь кашлянул. Глаза Ярослава загорелись.

– Знаешь, Игореша, что это означает?

– Что я жду извинений от женоненавистника.

– Нет. Мы его взяли.

– А ты на попятную хотел пойти. Напарник называется.

– Я еще думаю, чего наш еврейский осведомитель Давид не звонит. Сучок, ты его заправку, что ли, грабанул? За такую рыбу нам, Игорь, повышение дадут – к гадалке не ходи.

– Размечтался. Нас вообще здесь быть не должно.

– Пару бутылочек кому надо, и наша смена быстренько станет официальной. Мы же герои. Поймали опасного преступника.

– Ментам надо сообщить. Кто там дежурит в этом районе?

Пусть наряд пришлют и забирают тепленьким.

Ярик схватился за рацию:

– Я буду настаивать, что мы его поймали.

– Конечно. Давай уже, сообщай.

– Постой. Сначала я до машины добегу, – произнес

Ярик. – Раз это с заправки Давида, то он не обидится, если я...

– Даже не смей.

– Ха-ха, повелся?

– Ты переобулся, – обвинил ушлого коллегу Игорь.

Вдали показался очередной автомобиль – «KIA Sportage».

– Глянь, кто-то едет.

– Судя по наметившейся тенденции, у них в багажнике базука. Не меньше.

– Я остановлю.

– Нет, я пойду, – произнес Игорь. – Меня не следует оставлять наедине с этим кретином. А то уокошу гада... случайно.

– Тоже верно, – согласился Ярик, принявшись передавать по рации, что преступник, указанный в наводке, задержан.

Все равно дело темное, раздумывал Игорь, глядя на

«КІА». Инспектор с нетерпением ждал звонка от Елизаветы. Но откуда тогда таксист узнал о его теще и «BMW»? Или это все действительно бред преступника, который лихо обчистил заправку и теперь притворяется? Или больного психа подставил кто-то поумнее? По сути, тема не для инспекторов ДПС – пусть другие разбираются.

Игорь проверил телефон – пропущенных нет. Когда он только подхватил Лизочку на руки, то сразу понял, что все последующее в ее жизни должно касаться и его тоже. Он хотел разобраться в произошедшем.

История тридцать вторая. «Грязь и чистота»

– Ну ты, чувиха, даешь. Что это за спектакль? – начал-таки разговор я, когда пост ДПС остался за пределами видимости.

– Тебя это волновать не должно. Сообразил? Молодец. А теперь помолчи, будь добр.

– Как невежливо, – возмутился я, стараясь не отрываться от дороги. – Я бы на твоём месте не говорил так с человеком, который тебя выручил.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – Лизе известен универсальный способ подчинения любого мужика, но сейчас она не особо горит желанием его применять, тем более ради малолетки. – Хочешь за сиськи подержаться?

– С чего ты взяла? – отмахнулся я.

– По глазам вижу. Все хотят.

– Я не хочу.

– Врешь, милый.

– Так что это было? У тебя проблемы с законом? – перевел тему я, стараясь не заглядываться на обольстительную пассажирку и выглядеть увереннее.

Она жегнула собственную линию:

– Мент – твой знакомый?

– Типа того. Что, понравился? – предположил я.

– Громко сказано.

– Не увиливай. Лучше поясни, что ты забыла в моей машине? Я уж точно не твой сосед.

– В твоей машине?! Ну ты и нахал! Да я спасла тебя.

– От чего еще?

– От ареста. Так что теперь играем по моим правилам, – нагло заявила она.

– А если я выкину тебя отсюда прямо на ходу? – пригрозил я.

Лиза недовольно цокнула:

– Надо было вчерашить тебя перед ментами раньше. Но я не стала. Благодарностей не стоит.

– Я и не собирался тебя благодарить. Где тебя высадить?

– Не забывайся. Я все еще могу заявить на тебя за то, что ты избил и изнасиловал меня.

– Что за чушь?!

– Хочешь доказательств?

– В таком случае мы присядем вместе.

– Не отдупляешь, да? Хорошо... Короче, ты не рыпаешься, и разойдемся мирно. Я не заявляю на тебя мусорам за избиение, износ и угон...

– Угон?! – не верил ушам я.

– ...Молодой еще, зеленый, решил приколоться, в себя поверил. Гормоны. С кем не бывает, правда? – театрально вещала она, но вскоре все стало серьезнее некуда. – Но с тебя – или с твоих предков – 100 кусков за моральный ущерб.

Иначе отсюда напрямиком в колонию поедешь, – угрожала Ли-за.

– 100 кусков чего? Хлеба? По рукам.

– Ты тупой?

– Нет, я просто в ауте! Вот, значит, твоя благодарность?!

Действительно, что ж ты гайцам-то сразу все не рассказала?

Или не сходится чего?

– Мне ни к чему лишняя шумиха.

– Ага, значит, есть, что скрывать.

– Ты не слишком борзый, сикушник?

– Хочешь сказать, что это твоя машина?

– А чья ж еще?! Точно не твоя, шкет.

– По документам она принадлежит Игорю Лопушанскому.

– Так это муж мой.

– Да ладно?! Муж будет явно не в восторге от твоего фин-гала и переглядок с инспектором ДПС.

– Поверь, ему насрать. Он души во мне не чаёт.

– Вздор!

– Все равно он заваливает меня подарками налево и направо. Вот и новую машину мне купил.

– Когда? Где?

– Недавно. В автосалоне.

– Какие «замечательные» ответы. И не прикопаешься.

– Ты бы лучше думал, как платить будешь. Я вот поехала сюда. На секунду оставила машину без присмотра. И ты ее угнал, – до этого момента существовала мизерная веро-

ятность, что «BMW» действительно принадлежит ей, но теперь я уверен, что она врет.

– Что же столь нахохленная чика забыла в таком мразотном районе?

– Тебя сейчас должно другое интересовать, – я поражаюсь, как она спокойна – явно ей не привыкать людей облапошивать.

– Выходит, избил, раздел и бросил тебя на мороз тоже я? Не помню, чтоб я таксерил. Что-то не сходится...

– Откуда ты... Впрочем...

– Почему же ты такая дерзкая да без охраны? Мужик-то твой чего не примчался по первому зову с какими-нибудь амбалами? Отмудохали бы меня, и дело с концом. Или просто никакого мужа у тебя нет и не было? Странно, что-то похолодало в наших добрососедских отношениях. Я чего-то не знаю?

– Не твое собачье дело.

– Занятная у тебя пародия на шубку. Мексиканский тушкан?

– Ты не знаток моды, я смотрю.

– И чем ты заработала на столь вызывающий наряд?

– Не переживай, дорогой. В твоей хиленькой тушке такого места нет.

Вот и попалась!

– Я вот о чем толкую. Модные шмотки, связи и умения – ничего тебе в жизни не помогло, не находишь? Чего ты

только сюда поперлась?

– Тебя спросить забыла.

– Давай я лучше расскажу, как было на самом деле, – предложил я.

– С удовольствием послушаю. Обожаю сказочки.

– Поражаюсь, как тебе не стыдно. За один только вечер ты многое успела. Я думал, здешний холод тебя научит чему-нибудь, но воз и ныне там. Ты из зависти увела жениха у своей бывшей подружки и унизила ее, – забавно наблюдать, как Лиза меняется в лице по ходу повествования. – Не прошло и часа, как ты накинулась на группу подвыпивших парней, с которыми поехала кататься. Банально купилась на тачку и тупые понты. Но что-то пошло не так. Ты потеряла сознание прямо в машине, а твои богатыри тебя бросили.

– Маньячина! Ты что, следил за мной?! Да я заявлю на тебя.

– Валяй. Столько уже заяв от тебя на столе у ментов – они и за 300 лет не разберутся. А я расскажу все, что знаю. Разыщу тех, кто пострадал от твоих рук. Так что лучше пиши заявление на того, кто тебя ударил. И мы оба знаем, что это не я.

– Ты. Это был ты, – пыталась ткнуть в меня пальцем обманщица.

– Гаишники твое суждение тут же опровергнут.

– Гад, – прошипела Лиза.

– Вывод из всего сказанного прост и прозаичен. Ты, до-

рогая моя, первоклассная интриганка. Но в первую очередь ты шалава.

Елизавета хищно усмехнулась.

– Сначала я подумала, что ты прыщавый задрот и лузер. Но ты прямо-таки застал меня врасплох.

– У тебя на мордашке все написано. И такое клеймо не сотрешь, если даже ты примешь облик самой невинной девушки на свете. Раскусить тебя умному и наблюдательному человеку труда не ставит. Поэтому твое наглое и многократное вранье совершенно не к месту.

– Ты достаточно осведомлен для первого встречного.

– Теперь по существу: что ты хотела от парней, которые тебя подцепили в клубе?

– Будто от таких хотят чего-то еще кроме... Ты же у нас все знаешь?

– Помоги, забыл.

– Ребятки сами ко мне цеплялись весь вечер.

– Скажи еще, что они домогались тебя?

– Да.

– И изнасиловали тебя? Все семеро?

– Их было шестеро.

– Не врешь хоть здесь – уже хорошо.

– Откуда тебе известно, что их было шестеро? Они тебе знакомы? Хотя-я чего я спрашиваю?

– Правильно мыслишь.

– Скажи: ты когда-нибудь спал с бабами?

Я решил отнестись к вопросу с юмором:

– Во время секса я обычно снизу... Этажом ниже.

– Да, видно невооруженным глазом. Я могла бы... помочь тебе.

Елизавета бесцеремонно поцеловала меня, оставив жирный след от помады на моей щеке. Только она положила свои когти на мои штаны, я подскочил как на углях и оттолкнул ее:

– Отстань от меня! – ее неискреннее прикосновение ничего, кроме омерзения, не вызвало (мурашки прилагаются). Встретились бы мы в несколько иных обстоятельствах, я бы еще подумал.

Элитная проститутка облизнула пышные губы, изобразив некое подобие удовлетворения. Уверена, что сбила меня с толку.

– А ты хорошо себя чувствуешь для девушки, которую избили и бросили.

– Ты первый мужчина за долгое время, кто мне отказал. Даже обидно.

– Так тебе и надо, коза похотливая.

– Но тебе должно быть известно, – принялась рассказывать она, – чего обычно хотят от мужчин такие стервы, как я. Особенно когда мужики выпьют и сами на тебя бросаются, движимые собственным якобы достоинством... длиной в десять сантиметров. Подсаживаются и начинают рассказывать, какие они классные.

– Можешь не продолжать, – почерк 16-летних хоккеистов читается мгновенно.

– Банально контору заделать хотела: обаять, напоить, обокрасть. Но дальше что-то... – про флешку засранцу знать необязательно, решила Елизавета.

– Что-то пошло не по плану, да? И проснулась ты одна в их машине. И где в этой истории таксист?

– Разве теперь имеет значение? – Лизе не нравилось, что чужак знает о ней непозволительно много. – Хотела одно, а получила другое. Недоценила я парней.

– Я тоже.

Я мельком взглянул на дамочку и обомлел. Как же я не заметил безделушки раньше? Вещь точь-в-точь такая же, которую я неоднократно видел у Бречкина. Не просто цепочка с крестом, а целый медальон. Не из-за него ли Леша набросился на Митяева, когда я проводил дознание на кухне? Опять вертихвостка врет.

– Они что-то подмешали мне в выпивку, – предположила Лиза.

– Что? – опомнился я.

– Я бы все отдала, лишь бы с ними разделаться. Только попадитесь мне.

– У тебя ненависть к каждому клиенту, из кого ты не все соки высосала? Или... – я тоже решил поразмышлять, – дело не только в банальной краже?

Она ничего не ответила. Я же взглянул на Лешин меда-

льон.

– Во что еще они вляпались? Не хочешь мне рассказать?

– Я все уже рассказала. Больше у меня ничего нет.

Эх, даже когда ее зажали в угол, она не теряет надежды и мутит воду еще сильнее, что не может не раздражать.

Перед броском в ее сторону я принял умиротворенное выражение лица, чтобы попутчица ничего не заподозрила. Остановив «BMW» на светофоре, я решил, что лучшего момента не наступит. Она отвлеклась на мерцающего зеленого человечка, который куда-то семенил все быстрее и быстрее. В этот момент я совершил выпад и со всей силы дернул за медальон на Лизиной шее. Цепочка, конечно же, оборвалась. Нельзя не отметить и недюжинную реакцию Елизаветы: деваха успела цапнуть меня за руку так, что я с размаху чуть не выкинул медальон в приоткрытое окно.

Она оцетинилась как кошка, но я остудил ее порыв:

– Ничего у тебя нет, говоришь?! А это что?! Как сорока на блестящее! Воровка!!!

– Отдай, говнюк! Это не твое! – пыталась дотянуться до медальона она, царапаясь ногтями.

– И не твое! Внутри что, фото твоей матери?

– Да!

– Не лсти себе, тварь! Богородица уж точно не твоя мать!

Прекратив попытки, Лиза разрыдалась.

– Поплачь мне еще, – я не уставал удивляться ее ухищрениям. Сунул медальон к себе. В моих карманах не протолк-

нуться – прям как в московском метро в час-пик.

Загорелся зеленый.

– Во вранье тебе равных нет, – начал я. – Я сам тоже не прочь пофантазировать. Но я все же предпочитаю истину. Правдой насчет тебя и всей заварушки я обладаю в достаточной степени.

– На твоём месте я бы не спешила с выводами.

– Мне вполне достаточно увиденного и услышанного, чтобы понимать...

– Да кто ты такой?!

– Скажем так: я представляю интересы одной из сторон конфликта.

– Интересно, это что-то новенькое. И кто же ты? Мент? ФСБшник? Наркоконтроль? Выскочка из администрации? Еще один тайный агент Олега?

«Да уж, в чем она только не замешана», – мысленно изумился я.

– С этими людьми разбирайся сама.

– А-а-а, поняла. «Вперед, «Магнитка»! «Магнитка» – чемпион!» Как я сразу не догнала? Ты что, их адвокат?

– Что-то типа ангела-хранителя.

– На вид ты безобидный.

– Некоторым такое мнение дорогого стоило.

– Боже, как я напугана. Ты этого хотел услышать? Выкуси!

– Послушай, дорогая: ты с пацанами в очень неловком положении. Оно никого не красит. Предлагаю разой-

тись полюбовно, что бы между вами ни происходило.

Лиза посмотрела на меня так, словно ее оскорбили. Она явно не собирается сдаваться.

– Такой молодец вообще! Облил меня грязью, отнял драгоценность, а теперь просишь об одолжении?! Уведомляю тебя, что твои ребята в качестве извинений оставили мне вот эту машину.

«Неужели опять?! – подумал я. – Какая неугомонная. Ей самой-то не надоело?»

– В чем прикол? Я б тебе машину ни за какие коврижки не подарил.

– Ты сильно от них отличаешься.

– И слава богу.

– Вот вы, мужики, какие мелочные. Вы думаете, что нам, бедным женщинам, легко выживать в вашем мире? Чуть что, так сразу приживалка, соержанка, давалка, сосалка.

«Может, оставить ей ключи и пусть развлекается? – промелькнуло в голове. – Когда ее поймают, наш след уже остынет. Хотя ей хватит аргументов свалить все на меня и хоккеистов. Жаль, не вариант. Нужно придумать что-нибудь другое».

– Да, ничего не скажешь, свой женский потенциал ты используешь на полную катушку. Не задавалась ли ты когда-нибудь вопросом, что это чересчур?

– Чересчур для кого? Для тебя? Для хоккеистов? Для общества? Для кого?! Мне плевать на всех. Я живу сама для

себя и делаю, что хочу. Не нужно получать высшее образование и постигать духовную этику, чтобы загребать большие деньги, подчинять себе людей и решать их судьбы. Достаточно простейших чувств и инстинктов. Их у людей не отнять.

– Что за средневековье? Открою тебе секрет: в цивилизованном мире...

– В цивилизованном мире?! Ты так называешь гадюшник, который вокруг нас раскинулся?! Куда ни плюнь, везде какие-нибудь психи или обманщики. Скажи еще, что у людей повсеместно развиты высокие моральные принципы. Думаешь, люди меня осуждают? Нет. Они завидуют. И как, по-твоему, называется такое общество?

– Не приведет это ни к чему хорошему, – робко отметил я.

– Общество само испортилось и прогнило. Его ничем не оздоровить. Никакими школами, кино и театрами. Была я однажды с одним дядькой на «Отелло» московском. Так там Отелло ебет Дездемону на рояле и спрашивает, ухватившись за ее шею, молилась ли она на ночь. Одно лишь общество породило всю грязь и похоть, что мы наблюдаем. И царствует здесь тот, кто не гнушается в дерьме замараться, чтобы на самую вершину залезть. А когда вокруг все грязные, как они станут смотреть на умытых и отбеленных вроде тебя?! Да как на изгоев! Всех нас, меня и тебя, породило и развратило одно и то же общество. Я – элитная эскортница, мои боссы – криминальные дельцы, твои хоккеисты – похотливые мальчишки, а ты – терпила, что их выгораживает. Тебе

хоть платят?

– Не пробовала завязать и зажить по-другому: нормально, цивилизованно? Тяжело, но вскоре ты поймешь, что у каждого своя мораль. И диктует ее не общество, а образ мыслей. Ты просто сбилась с правильного пути когда-то.

– Язык у тебя подвешен, ничего не скажешь. Получается у тебя лапшу на уши вешать. Тебе лет-то хоть сколько?

– Неважно. Вместо пререканий со мной ты попробуй поступить по-другому, решить свои проблемы, никого при этом не шантажируя, не сношая и не обманывая. Уйди с этой клоаки, что называют элитным клубом, перестань подрывать свое здоровье, оборви все связи, найди занятие по душе... Полюби по-настоящему. Иначе твой спасительный поезд рано или поздно уйдет.

– Еще в детстве...

– Что в детстве?

– Он ушел еще в детстве.

– Мне кажется, сейчас хороший момент снова в него прыгнуть.

– Ты настырный.

– Хорошо, давай попробуем зайти с другой стороны. Раз ты такая умная и хитрая, взвесь все в голове – вспомни, что произошло. Ты говоришь, что на своем месте, все там вертится вокруг тебя, что ты единственная и неповторимая. Но... твоё безрассудство вылилось в проблему для человека, которого ты любишь... или не любишь – это уже не мое

дело. Упрямство и жажда наживы едва не погубили тебя на холоде. А если вместо молодых хоккеюг тебе попались бы мужики посильнее и понастойчивее? Намерения у них по-серьезнее, я думаю. Они вполне могли тебя изувечить, изнасиловать, убить... расчленив на худой конец. Кто-то вон попытался уже, – я указал на синяк у нее под глазом. – И к чему ты пришла? Ты не нужна никому. Мужа нет. Никто за тобой не идет, тебя никто не выручает, не ищет. Грязные люди ведут себя подобающе, да? – невольно ее мысли совпали с моими словами. – Никто не спасет, не согреет, не пожалеет. Так делают только чистенькие, коих ты не перевариваешь. Но независимо от ситуации добрые люди придут тебе на помощь, даже если ты сделала им больно. А в твоём любимом грязном мире свято место пусто не бывает: твою корону наденут другие, а тебя утопят так, что не выплывешь. В таком мире жить нельзя... Тебя спасли случай и доброжелательность гайцов. Ты бы не замерзла, если б у тебя были люди, которые ценят и любят тебя по-настоящему. Чем дальше ты отрицаешь факты, тем меньше у тебя шансов выбраться. А конец был так близок. Уверен, ты уже чувствовала его. По глазам вижу, – Лиза молчала. Я продолжил. – Не пробовала найти себе нормальную работу?

– Что ты можешь знать про все это, мальчишка?! Моя жизнь, мое тело – сама решаю, как и чем зарабатывать. Меня все устраивает. Есть тысячи причин, почему я такая и почему не хочу меняться.

– Значит, ты глубоко несчастна, раз так считаешь. Либо просто дура.

– Твои родители в церкви, что ли, служат? Уж больно ты подкован в проповедях.

– Наверное, ты просто забыла, кто такая настоящая женщина.

– Обычным бабам, что ничего не видели в жизни кроме неблагодарной работы, плиты, спиногрызов и подпитого волосатого мужа, меня не понять. Таким, как я, тоже бывает тяжело.

– Надо же, бедняжка! А я ведь объяснил тебе, почему так произошло.

– Как-то раз клиенты приковали меня наручниками к бильярдному столу. Пьяные изверги – вылитые твои подопечные в будущем – из ментовки, кстати. Наверное, нет смысла говорить, как они применяли кий и куда пытались закатить шары со стола?

– Что же в этом хорошего? – поморщил нос я.

– Порой то, что женщины считаются слабым полом, идет нам только на пользу. После той ночи я владею каждым из этих мужиков – всеми до единого. И я сегодня же могу прийти к ним, показать твою фотографию и сказать, что ты меня избил и похитил. И мне безоговорочно поверят, найдут тебя и умертвят тем способом, который я выберу. При попытке к бегству, – пыталась запугать меня Лизочка, однако небылиц я сегодня наслушался, хотя довод с ее красотой, достойной

испанской инквизиции, имеет место быть.

– Я ору с тебя в голосину, женщина! – засмеялся я, дезориентировав Лизу. – Ты сама-то не запуталась в своей лжи? Кто ж тебе поверит? – я не чувствовал надежной земли под ногами, но тем не менее продолжал игру.

– Арсений. Да, так его зовут. Я обвиню во всем его. И будет он за полярным кругом шайбу гонять... пожизненно.

– Прекрати, а то я лопну от смеха! Ты запуталась в себе и не знаешь, где ложь, а где правда. Ты потерялась, словно маленькая девочка в лесу.

– Как и ты, – тихо произнесла она.

– Что же ты напела жениху Тани? – вдруг спросил я.

– Откуда тебе известна эта распиздяйка?!

– От верблюда. А что ты напела хоккеистам? А Игорь... Видел я, как он на тебя смотрит. Не смей даже глаз свой блядский на него класть, змея. Пусть отыщет себе нормальную бабу.

Елизавета вновь замахнулась на меня, но я утепился так, что одежда смягчит любой удар.

– Такие, как я, по-твоему, не имеют право на счастье и любовь?!

– Тебе разве известны такие слова?

– Представь себе.

– Главное в любви, Лизочка – это честность и искренность. Точно не твоя история, – жестоко улыбнулся я.

– Будто она твоя. Почему ты здесь, а не в постели дома?

– Что же ты за баба такая?! – не выдержал я. – Вредная – мертвого из могилы поднимешь. Тебе замерзнуть мало. Наверняка ты задумывалась, почему попала впросак? Да потому что от тебя одни беды.

– Любовь – это искренность, да? А искренние обычно не выживают в нашем мире. Точно знаю – многое пережила. Мое ремесло – это же верх притворства. Что я и доказываю всем, кто ко мне приходит. То же самое они доказывают мне... каждый раз. И очередь не иссякает. А вот что ты на свете видел, неясно. Мушкетерских книг начитался?

– Я видел непоправимые беды, которые производят на свет вранье и стремление быть тем, кем не являешься.

– Тебя тоже ждут беды, мальчик. Обещаю.

– Падшая женщина здесь ты, а не я.

– В табло захотел?

– Лизонька, любая заблудшая душа рано или поздно выйдет на свет. Главное, чтобы произошло сие событие не впри-тык к точке невозврата. Главное – вовремя понять.

– О-о-о, простите, святой отец, я согрешила.

– Единственная правдивая фраза из твоих уст за всю дорогу.

Судя по всему, наши силы рядиться друг с другом закончились одновременно. Мы ехали по центру города.

– Лучше за баранку крепче держись, – бросила она. – Никогда не понимала этот ваш хоккей, – Елизавета затихла, взяв в руки телефон. Тот как раз разморозился и подал при-

знаки жизни.

Тишина стала бальзамом для моих ушей.

Девушка молниеносно набросала SMS Артуру – она несколько не сомневалась в том, что он не оставит ее. Я все же недооценил ее. Она уже все придумала.

Текст сообщения таков: *«Прости меня. Я наломала дров. Меня бросили. Я замерзла. Мне больно и страшно. Встреть меня у клуба. Черный «BMW». Со мной тот, кто вам нужен».*

«Конечно, любимая!» – ответ прилетел незамедлительно и согрел Лизу лучше любого пледа. Разбитая об голову сутенера бутылка не смогла заглушить их чувства, что тлеют целую вечность и все никак не могут разгореться вновь.

– Не будь ты такой святошей, мы бы сработались.

– Мы с тобой в пути от силы четверть часа, а я уже устал от тебя.

– Аналогично. И что, нет мне прощения?

– Я бы с удовольствием выкинул тебя отсюда. Но во мне еще осталась частичка уважения к женскому полу, поэтому я поступлю по-джентльменски и довезу тебя, куда нужно.

– Тогда в клуб «Хамелеон», пожалуйста, – она назвала адрес.

– Не в полицию?

– Ага, размечтался.

– Не многовато ли приключений на сегодня?

– Я живу там рядом – это хороший ориентир.

– Живешь на работе, труженица?

– Хватит намекать.

– Лиза, – решил подытожить я. – Я все еще надеюсь на твое благоразумие. Мы же договорились? Все по-честному: ты делаешь свое дело, а я с хоккеистами – свое. В будущем нам не следует пересекаться. А события этой ужасной ночи мы забудем навсегда.

– Тяжело будет.

– А мы постараемся.

– Конечно-конечно. Тут возьми левее.

– Мы квиты? – я припарковался у клуба «Хамелеон» с острым желанием спровадить попутчицу и вернуть машину на место, покончив с делом.

– Само собой, – ответила Лиза, пытаясь незаметно оглядеться.

Меня же настораживала обстановка вокруг: курящие посетители клуба, охрана на входе, тихо доносящаяся изнутри музыка. Что-то здесь нечисто. Бьюсь об заклад, рядом с Лизой подобное ощущение присутствует постоянно. И как только выживают ее ухажеры?

– Верить ли тебе? – в третий раз решил убедиться я. – Ты столько раз переобувалась. Я, честно, уже сбился со счета.

– Такие уж мы, дамы, переменчивые, – ехидно ответила она. – Мужики сроду не уследят.

– В твоем случае попахивает патологией.

– Что ж, наконец-то перестану терпеть твою пресную ро-

жу.

– Ты сама напросилась ко мне в машину.

– Она мне наскучила. Я вообще японцев люблю.

– В каком смысле?

– В прямом. Машины их производства.

– А, ясно, – закивал я. – Прощай.

– Ну, – она развалилась в кресле, – тут ты поторопился.

Рано нам еще прощаться.

Я толком не успел как следует среагировать. Водительскую дверь открыли неизвестные в черных костюмах с нарисованными хамелеонами и сильно отоварили меня по лицу, для надежности проверив прочность моего лба рулем «BMW». Меня вырубил. Промелькнуло лишь несколько обрывочных фраз. Меня куда-то тащили.

***

«Так устроен наш грязный мир, – думала Елизавета, глядя, как меня затаскивают в клуб с черного входа. – Нынче все хотят с тебя что-то поиметь. А иногда все иначе, малыш: может, сначала имеют меня, но в итоге имею всех я».

Дамочка заметила, как на парковку вылетел Артур. Из-за травмированной головы его походка не была вальяжной и уверенной, как прежде. Лизочка состряпала смазливую мину дамы в беде, словно никакой недомолвки меж ними не произошло. Она чувствовала, что Арчи не посмеет затащить ее в клуб так же, как и мальчишку в очках.

– Зайка, как я рад, что ты нашлась, – Артур в свою очередь уверовал, что не отхватит от Лизы пощечины за Таню. – Олег там рвет и мечет.

«Любовь есть искренность, говоришь?» – подумала Лиза, мысленно обращаясь ко мне и глядя на управляющего клуба, пытаюсь разыскать в приветствии ту самую искренность.

– Кто тебя так? – Артур приобнял ее и взглянул на личико своей дорогой во всех смыслах девушки. – Хоккеисты? Вот мрази.

Она молча посмотрела на сутенера печальными глазами. Ответ, собственно, Артуру без надобности. Он знал, кто виноват и что делать.

– Я достала тебе одного. Из их компании.

– Что-то я не помню его.

– Зато он знает их всех.

– Что ж, устроим ему теплый прием. За хоккеюгами должок.

– Артур.

– Что, детка?

– Пойдем внутрь. Я очень замерзла.

– Конечно-конечно, – засуетился он.

Артур укрыл фаворитку пиджаком, но особа не смогла ощутить того тепла, умиротворения и искренности, которые испытала, когда те же действия совершал инспектор ДПС Игорь. Он хотя бы не раздавал ей пощечины в туалете клуба.

Но роль есть роль.

– Арчи, я...

– Что такое, милая?

– Я такая дура, такая дура, – виновато вещала Лиза. – Прости меня, я не хотела, я... Зря я с ними связалась. Они...

– За что ты извиняешься?

– Как? Я же... – удивилась она.

– Все хорошо, Лиза, – ласково произнес Артур. Он будто и не понял, кто огрел его бутылкой. Там же было полно людей. Видимо, посчитал, что кто-то из хоккеистов. – Парни, я смотрю, любят руки распускать. Теперь-то мы поквитаемся.

– Хоккеист? Как-то не смахивает на спортсмена, – задался вопросом один из охранников, что тащил помощника тренера «Магнитки-95».

– Поверьте мне, мальчики, – произнесла Лиза, – он еще хуже.

– Уши с ним в остро держать, – распорядился Артур. – Остальных вы упустили. Этого хотя бы не просрите.

Здесь-то Лиза взглянула на беспомощного заложника и призадумалась. Во время поездки Елизавете не нравилось, что неизвестный сопляк тыкал ей неправильным образом жизни. Персонаж обожал поучать, где уместно и где нет. Ей хотелось преподать пацану урок, но ведь в чем-то он прав.

Некоторые его высказывания не шли из ее головы. Она же сегодня почти что покончила со старой жизнью и сбежала. Те, кого она любила и на кого надеялась, показали свое истинное лицо. А что же сейчас? Лиза плетется назад к «хо-

зьявам» как голодная и промокшая собачонка. SMS уже не воротишь. Артура не разубедишь отпустить паренька, который получит по заслугам за других, чьи интересы хотел защитить. Но наказания заслуживают и те, кто довел Елизавету до жизни такой: Олег, Артур, тот мужик в милицейской форме из детства, которого так и не нашли. Она опустила бутылку на голову Артура, потому что он откровенно ее предал и наверняка не собирался ее искать, мол, никуда не денется, сама приползет. Олег, видимо, и вовсе не заметил отсутствия девушки – наверняка весь в псевдоделах. Она посмотрела на телефон – ни одного пропущенного вызова.

Для чего тогда она вернулась? По привычке? Ответ всплыл сам собой – чтобы еще больше подорвать «Хамелеон» изнутри и скрыться, начав жизнь с чистого листа (уже точно). Неужели она так расчувствовалась из-за речей очкастого философа? Пацан всего лишь отвлекал, чтобы других прикрыть (даже не поносил их, хотя свора хоккеистов заслужила). Почему? Кажись, он и есть тот изгой – чистый, белый. Знает она таких. Но он ведь прав. Прав!

– Кто это, говоришь, такой? – спросил Артур.

– Их ангел-хранитель.

– Крыша, что ли? Тем лучше. Не стой, дорогая. Пойдем, я налью тебе чего-нибудь, чтоб согреться.

Лиза, кажется, определилась, что сделает.

Глупая она, если не поняла. А если поняла, то поздно, ибо заложник уже есть.

История тридцать третья. «По горячим следам»

Ох уж эта теория относительности. Вот время – штука вроде бы линейная. И идет с одной и той же скоростью. Когда ты куда-либо опаздываешь или, наоборот, испытываешь самые приятные чувства в жизни, время бежит как угорелое, а в период самого нудного занятия или ожидания чего-нибудь желанного – нарочно притормаживает и тянется как жвачка.

Нечто подобное происходит и с дежурством Валерия Александровича Барзила и стажера Виталика. Последний, кстати, решил как-то скрасить скучное времяпрепровождение в старом «УАЗике» и затеял разговор с наставником:

– М-да, отпуск – это хорошо. Еще немножко, и булки расслабите.

– Что еще за разговорчики?! – грозно рявкнул Барзило.

– Виноват, – поник стажер.

– Знаешь, Виталя, по-настоящему расслабить булки ты можешь только в одном месте – на толчке.

После продолжительного молчания зашипел радиопередатчик – к сожалению, вызывали именно их экипаж, что спровоцировало бурю негодования от Барзила. Самым недовольным тоном из всех, что есть в его распоряжении, капитан ответил:

– Барзило слушает. Что?

Никита, дежурный из отдела, сообщил о нападении на заправку. «Еще чего не хватало!» – мысленно Валерий Александрович проклял все на свете.

– Ну что, расслабил булки? – он злобно посмотрел на Виталика и заговорил в микрофон. – А что же дежурные опера?

– У начальника оперов сегодня день рождения.

– Хочешь сказать, что они заранее начали бухать?! С полуночи, чтобы не упустить ни минуты сего знаменательного дня?!

– Получается, – дежурный глянул на часы, – день рождения был вчера. А они отмечают... до сих пор.

Барзило забыл поздравить коллегу. Впрочем, были дела поважнее.

– Зашибись! Вот, значит, как они службу несут, когда все остальные на ушах стоят.

– Понимаю ваше возмущение.

– Ничего ты не понимаешь. Я, мать твою, командир отдельного взвода, но из-за нехватки людей вынужден заступать в ночные патрули и по району кататься.

– Товарищ капитан, вы просто ближе всех к месту преступления.

– И что?!

– Майор сказал направить вас.

– Майор сказал? – несколько угомонился Барзило. Почему бы и не выслужиться лишний раз?

– Он самый. Адрес запишите? Может, удастся кого-ни-

будь задержать по горячим следам.

– Ладно, чтоб ты провалился. Диктуй адрес. А до оперов ты все же достучись. И майору скажи, как мы обрабатываем и как они, бездельники, номер отбивают. Понял?

– Непременно, – ответили с того конца провода. – А пока конец связи. Приму вызов, – дежурный отключился.

– Говнюк малолетний, ничего же майору не передаст, – возмутился Барзило. – Запомнил адрес? Тогда жми. Знакома мне эта заправка. ЧОП наверняка уже на месте. Как я не перевариваю все это дерьмо. До отпуска – полночи.

Стажер только обрадовался хоть какому-нибудь действию.

– Чего улыбишься?! Старой гримзе из архива спасибо скажи. Из-за нее все.

Полицейский «УАЗ» натужно ринулся в сторону бензоколонки.

***

Размышляя об ограблении заправки, рисуешь в воображении определенную картинку. По факту все выглядело так, будто огромный валун на большой скорости врезался в АЗС – следы с дороги еще толком и припорошить не успело. При ближайшем рассмотрении проглядывали отметины от шин автомобиля, что протаранил навес, свалил ограду и помял колонки.

– Как метеорит упал, – присвистнул от удивления Вита-

лик.

Барзило же серьезен и сосредоточен. Виталий вел машину к мини-маркету, рядом с которым стоял автомобиль ЧОПа, прибывшего на сработку сигнализации. По силуэтам издалека Барзило понял, с кем придется иметь дело, поэтому проинструктировал молодого сотрудника:

– В общем так, слушай мою команду, салага. Перед ЧОПовцами держаться нужно с достоинством, выставлять себя только в выгодном свете. Поэтому не говори и даже не дыши без моего разрешения, усек? Мы должны им показать, что владем ситуацией вдоль и поперек, что все полномочия у нас.

– Понял, шеф, – Виталик догадывался, что в ближайшие минуты капитан намеревается выкрутить свой показушный детективно-театральный талант на полную катушку.

Когда Барзило пыжится себя показать и других на место поставить, выглядит невысокий и внешне несимпатичный капитан, скорее, комично, нежели важно – словно петух, вальяжно гуляющий по курятнику и при первом же случае очаровывающий пышным оперением впечатлительных и недалеких курочек. Об этом Барзиле никто особо не говорил: боялись обидеть либо схлопотать удар в пах. Сейчас от эпатажа никуда не деться. К тому же ни участкового, ни чешущих репу оперов, следаков и криминалистов на горизонте не предвидится.

Барзило указал на ЧОПовцев: один – бритоголовый и тол-

стый; другой – высоченный, смуглый и худощавый.

– Известна мне эта парочка. Чукин и Герасимов – 30 лет по району без дела слоняются. Сейчас вон как пристроились. А сами ни рыба ни мясо. Я их Чук и Гек называю.

– А кто есть кто? – спросил Виталий.

– Наблюдай и сам поймешь, – Барзилу хлебом не корми, а дай покрасоваться перед частниками, что покуривают в сторонке, безынициативно глядя на разрушения.

«УАЗик» остановился. Капитан с целеустремленным видом выпрыгнул из автомобиля и окликнул самородков:

– Ну что, хлопчики! Здорова!

– Здоровее видали, Валера, – ответил толстый ЧОПовец – предположительно Чук.

– Что, не помог объекту ваш патронаж?

– Будто с полицейской крышей стало бы лучше, – отметил, видимо, Гек, запрятав руки в карманы. – Так что не смехи, Валера.

– А тут и не до смеха. Что стряслось?

– Тревожную кнопку нажали.

– Небезосновательно, я смотрю.

– Мы примчались, а тут... вот, – махнул руками Чук, напоминающий растолстевшего скинхеда.

– Исчерпывающий рассказ, – оценил капитан, расхаживая по округе и присматриваясь к деталям. – И какие у вас соображения на этот счет?

– Ну... это... ограбление, – неуверенно произнес Гек,

убежденный, что расследование теперь целиком и полностью должно стать делом полиции.

– Да что ты говоришь! – вытаращил на него глаза Барзило. – А я думал, сюда метеорит свалился, – шутку у Виталика нагло украли.

Чук рассуждал прямолинейнее:

– Валера, ты сюда приперся нас учить или своими прямыми обязанностями заниматься?

– Перед хозяином всего этого праздника вам первым слово держать, господа, – парировал Барзило. От его слов мужички еще сильнее поежились. – Вы же нанялись сюда охранять, заключили контракт как профессионалы своего дела, – в последние несколько слов Барзило нарочно заложил презрительную интонацию. – Неужели отговорки не приготовили?

– Мы тебе не мэрия, – высказался Гек.

Чук рукой придержал товарища:

– Давайте не будем тянуть резину. Мы надеемся, что доблестная полиция по старой дружбе окажет нам содействие. Мы рады, что сюда приехал именно ты. Темные, что уж сказать, – Чук явно лучше Гека находил нужные слова. Тактичность – это прям про него, подумал Виталик.

– С этого и нужно было начинать, – умаслили капитана.

Барзило неторопливо побрел ко входу в мини-маркет, засмотрелся на покосившийся навес и неуклюже шлепнулся на лед, тем самым нарушив свой непоколебимый образ. ЧО-

Повцы сдерживались изо всех сил: лишь бы не расхохотаться. Стажер кинулся помогать начальнику, но тот мигом поднялся и отмахнулся от Виталика.

– Чего тут лед везде?

– А мы-то что?!

– Бензин тут не подтекает? – опасливо предположил Барзило.

– Нет, трубы не повреждены, – ответил Виталик, который тоже зря время не терял и проверил сохранность колонок.

– Молодец, – сдержанно похвалил ученика капитан.

– Либо воду вместо бензина заливают – это ж еврейская заправка, – произнес Гек и одиноко посмеялся над собственной шуткой.

– Когда сюда примчится Айзик Соломонович и увидит все великолепие, он мигом из милейшего дядюшки-еврея превратится в разъяренного кавказца – вам мало не покажется. Поэтому нужна внятная история. Давайте поразмышляем над ней вместе.

– Не знал, что размышлять – это в компетенции ППС, – не унимался Гек, за что схлопотал локтем в подреберье от Чука.

– Считаю, что все банально, – решил блеснуть сообразительностью Чук. – Грабители подъехали к заправке, для устрашения навели тут шороха. Дверь им не открыли, поэтому они и вынесли витрину. Продавец нажал тревожную кнопку, но его оглушили.

– Что пропало?

– Деньги из кассы. Несколько ящичков товара всякого.

– И что же потом?

– А что потом? Погрузили все в машину и уехали.

– Неплохая попытка, но неверная. О, а это что за парниша в позе мыслителя сидит?

– Продавец, оператор, ночной сторож.

– Чувствуется еврейская жилка хозяина, да?

– Племянник владельца по совместительству, – пояснил

Чук.

– Ясно.

– Мы приехали, а он на полу валяется да за голову держится.

– Где лежал?

– Рядом с входом.

– Машину нападавших установили?

– Хм, гнаться, что ли, за ними? Себе дороже. Внедорожник, наверное.

Валерий Барзило готов с превеликим удовольствием разнести теорию незадачливых ЧОПовцев. Виталик, хоть на земле и недолго пашет, тоже заметил некоторые нестыковки.

– Знаете, за годы службы в рядах вооруженных сил и потом на гражданке я многое повидал, – начал Барзило. – И знаю, что нужно-то немного: всего лишь открыть глаза пошире и включить мозги. Вот гляньте... Следы протектора.

Они точно не от колес внедорожника, а от автомобиля поменьше, но не менее мощного. Напоминает все же тормозной путь, чем пробуксовку, когда резко набираешь скорость. Машина летела на приличной скорости, раз тормозной путь такой длинный. Вряд ли воры нарочно станут автомобиль разбивать. И стекло в витрине они не били, а выносили все через дверь, иначе на снегу у окон остались бы следы, а их там практически нет. Да и на белом кафеле куча следов, идущих к двери. Витрину разбили не снаружи, а изнутри: осколки стекол даже на улице валяются, а в помещении их не так уж и много. И если, как вы говорите, продавца оглушили, то он никак не мог нажать тревожную кнопку, ибо лежал у входа. Вряд ли его передвигали – на полу бы осталась размазанная грязь. Не кинулся же он с распростертыми объятиями открывать двери вора́м? Поэтому те, кто здесь похозяйничал, сделали все чисто случайно. Или с разрешения и попустительству продавца.

– Ты так разложил все – я б на тебя подумал, если честно, – признался Гек.

– Исключено. Мы ели шаурму на вокзале, – ответил Барзило. Продавец там работает надежный и подтвердит, что угодно, а сама шаурма дико вкусная. – Поэтому я бы внимательнейшим образом опросил вон того юношу. Возможно, он симулянт и сейчас отсюда сдрыснет. А кто позвонил в полицию, вы или он?

– Мы не звонили.

– Шкет, – позвал стажера Барзило, – выйди-ка на связь с лопоухим, что на рации. Кто ему звонил и сообщил о заправке?

– Будет сделано.

– Думаешь, этот обрез тут замешан? – Чук указал взглядом на продавца.

– Хороший мотив – немного нагреть дядюшку на денежки и прикинуться дефективным. Расколоть его труда не составит. А что камеры, кстати? Не смотрели?

– Он их выключил.

– Вот как? А паренек сам себя закапывает. Чем аргументировал?

– Он у нас молчун.

– Ставлю косарь, что вы и не пробовали. Ничего, со мной заговорит как миленький.

– Товарищ капитан, дежурный на связи! – объявил стажер.

– С живчика глаз не спускать, – наказал ЧОПовцам Барзило, отправился к машине и схватил рацию. – Никитос? Это Барзило говорит.

– Я узнаю ваш голос из тысячи, товарищ капитан.

– Ты чего нам не сказал, что тут пиздец на заправке?!

– В каком смысле?

– В самом прямом. Одного ущерба на...

Парень на проводе тоже не промах:

– Мне оповестить майора, что вы отказываетесь и попро-

свить его, чтобы поднял оперов?

– Нет, – после паузы ответил капитан. – Мы постараемся что-нибудь сделать.

– По горячим следам, товарищ капитан, – напомнил дежурный.

– Скажи, а кто сообщил об ограблении?

– Девушка.

– Девушка? Ночью? Черти где? Здесь вокруг безжизненная пустыня. И вдруг девушка. Представилась?

– Да, но соврала. Сколько вызовов я уже принял – таким именем представлялись много раз. Звонившая сообщила о нападении на заправку и нанесении тяжкого вреда здоровью заправщику. И что виновник работает в такси и скрылся на старом серебристом «Мерседесе». А что у вас там?

– Да, все так. Мини-маркет при заправке обнесли, продавец живой. Но как она узнала о его травме?

– Кто?

– Мы можем отпеленговать ее звонок?

– Валерий Александрович, здесь районный отдел полиции, а не Министерство обороны.

– Очень жаль. Будь на связи, через несколько минут Виталька тебе даст отмашку – пустишь ориентировку на «Мерседес». До связи.

Виталик прежде не видел своего шефа столь инициативным. Глаза у капитана на ночных дежурствах горят редко. А анализ места преступления. Да стажер никогда бы не по-

думал, что Барзило, едкое казарменное бревнище, просто из спортивного интереса будет впечатлять ЧОП. Почему он так засуетился? С какого момента? Когда узнал про просьбу майора или про заправку, что принадлежит знакомому еврею (наверняка не бедствующему)? Так или иначе, шеф для Виталия предстал в совершенно ином свете.

– Пошли посмотрим, что внутри, – пригласил стажера Барзило. – Смотришь, что конкретно украли, уяснил? И общаешь лично мне.

– Есть.

Они зашли в мини-маркет. Давид все так же сидел на полу и держался за голову то ли от боли, то ли из-за собственного незавидного положения.

– Чем воняет? – поинтересовался Барзило.

ЧОПовцы вошли в разграбленный магазин и в унисон ответили:

– Говном!

– Ты чего, обосрался? – брезгливо спросил продавца Барзило. – От вида двух этих дяденек, что ли?

– Скорее, от собственной никчемности, – заржал Гек.

– Заткнись, урод! Кусимашха йа маниак бензона! Золин дайне байнер зих брахн азай офт, ви ди асарес хадибрес!

– Чего?!

– Материт тебя, наверное, на своем... басурманском, – предположил Чук.

– Главное, что голосочек прорезался.

– Сейчас приедет мой дядя и всех вас на кол посадит, – Давид угрожал как-то по-детски несерьезно.

– Ты у нас племянник Айзика Соломоновича? – спросил Барзило. – Наверное, ты прав. Дядя мчится сюда быстро, но основные претензии он будет предъявлять как раз к тебе.

– С чего бы это? Нас эти двое охранять обязаны.

– Знаешь, капитан, сколько нам Айзик платит? У нас с ним почасовая оплата с плавающим графиком, – признался Чук.

– И что в этом такого?

– Он, когда хочет, платит, а когда невыгодно, не платит. Охрана тут непостоянная: платят нам за ночные смены, еще за час или два в день, когда привозят товар. Часто ночное время не оплачивается – аккуратно в дни дежурства продавца, который раньше боксом занимался: мол, такой сможет магазин в одного отстоять.

– Раз вы приехали, сегодняшняя ночь оплачивается, так?

– Верно.

– Дядька-то тебе не доверяет, – заключил Барзило. – Говори, как все было?

– А разве не видно?

– Хочу услышать твою версию.

– Я занимался переучетом, – поведал паренек, желая рассказать о произошедшем так, чтобы не выглядеть безвольным слизняком. – По ночам, когда клиентов нет, входную дверь я закрываю. И вот я услышал шум, скрежет – подумал,

что кто-то попал в аварию и нужна помощь, открыл дверь и получил по башке. Больше ничего не помню.

– Сколько нападавших было?

– Трое. Нет... Кажется, двое.

– Сколько пальцев я показываю?

– Кажется, один... средний, – неуверенно ответил Давид.

– Виталья, что там украли?

Стажер перечислил: алкоголь (преимущественно дешёвый), явная закуска к алкоголю вроде печенья, сухариков, чипсов и вяленых кальмаров, жвачки и леденцы, вонючки для салона, тосол и машинное масло.

– Кто же наш преступник? – спросил стажера капитан.

– Все, по сути, не очень дорогое. Грабитель явно без особого вкуса и в фантазии ограничен.

– Тебя в шараге не учили изъясняться конкретнее?! Короче давай!

– Думаю, рядовой мужик, явно недалекий.

– Правильно мыслишь. Учитесь, – Барзило поставил стажера в пример. Витальке стало приятно, ибо похвала от шефа – явление крайне редкое. – Разве может грабитель быть неискушённым? Воры лезут в дома за чем-то конкретным, за тем, что в обычной жизни достать не в состоянии. Остальные кражи совершают кадры больные и неполноценные, у которых мозгов не хватает на то, чтобы что-то скрыть и спланировать свои действия. В нашем случае, я думаю, вор просто мимо проходил и увидел возможность.

– Товарищ капитан, гляньте в подсобку, – предложил Виталик.

Барзило с интересом отправился по наводке стажера – Давид приуныл еще сильнее.

Служебное помещение встретило капитана жутким беспорядком: стол перевернут, на полу валяются недоеденные блюда, меж которых таинственным образом затесались вещички из дамской сумочки. Полицейский аккуратненько поднял с пола новую тушь:

– Так я и думал.

Он вернулся в зал, попутно оглядев его на предмет расположения камер видеонаблюдения.

– Скажи мне, Давид, ты давно реснички красишь?

– С чего это?! – оскорбился заправщик.

– Чья же тогда вещица? – Барзило кинул тушь в руки Давиду.

– Клиентам свойственно забывать свои вещи.

Откровенное вранье разъярило капитана:

– Сучонок, ты мордой не верти, а рассказывай все как на духу! Давай, докажи мне, что ты идиот, но не замешан в этом дерьме. Второй раз просить не буду.

У Давида не было выбора, поэтому он поведал всю историю: про внезапно возникшую бывшую, про сильное желание пошалить с ней как в старые добрые, про неадекватного клиента. Последний, пожаловался Дуду, и устроил каток снаружи, на котором продавец благополучно и поскользнулся.

ся, а когда очухался, то витрина уже разбита, а мини-маркет обчищен.

– Так что дядя меня убьет без церемоний...

– Как известно, бесплатный сыр только в мышеловке. С сексом абсолютно та же история. Хотел трахнуть ты, а трахнули тебя. Еще и по башке схлопотал – причем наверняка не лед причастен, а твоя же пассия или ее сообщник. Вырубили тебя со спины и неторопливо вынесли товар. Одного не пойму: камеры ты зачем вырубил, баклана кусок?

– Чтобы дядя не узнал, что я в рабочее время с девками в подсобке сплю. Но с ней – это дело принципа.

– Дядя узнает, еще как узнает. Неужели у него не возникает вопросов, почему камеры здесь периодически тухнут?

– Он только рад электричество сэкономить.

– Это дурость, а не экономия. А ваша нация не такая. Черт, у тебя есть сменка вообще? Бога ради, иди и переоденься. Болеешь, что ли?

– Нет, мерзавка отравила.

– Не льсти себе. Ты не Иван Грозный, чтобы тебя травить.

– Она уже так делала, когда мы разбежались.

– Да? Тогда ты не просто лох. Ты межгалактического масштаба идиот, что вновь повелся. Знаешь, тебе, наверное, полезно очиститься... от предрассудков.

– Нашел! – крикнул Виталик из-за стойки: там прятался монитор, на который выводится изображение с камер.

Квартет выстроился вокруг стажера для ознакомления с

последними минутами видеозаписи, на которой и засветилась Вика.

– Баба не промах. Сразу видно.

– Сдается мне, она и позвонила в полицию, – предположил стажер. – Но она же сказала про серебристый «Мерседес»?

– На чем она приехала? – спросил Давида капитан.

– Пешком пришла. Точно помню.

– Если так, то на нем уже позже приехали ее сообщники.

Поджидали в сторонке. Один вырубил продавца, второй сидел за рулем, – размышлял Барзило. Давид как раз нашел в телефоне фото бывшей.

– Да, был тут такой «Мерс», – вспомнил Дуду.

– Виталька, сообщи на пост, чтобы дали ориентировку на тачку. Давай бегом, – Барзило повернулся к Давиду. – Тогда все сойдется. Кто сидел в машине?

– Водителя я не разглядел. Хотя предполагаю, кто это мог быть, – он еще немного порыскал в телефоне и показал полицейскому фото Викиного ухажера – Андрея. – Вы найдете их? – с надеждой спросил Додик, назвав имена и фамилии подозреваемых.

– Не мог найти себе бывшую попроще? – ответил вопросом на вопрос капитан. – Что ты с ней сделал, что она решилась на такое? – герой-любовник промолчал. – Ты вообще должен ее боготворить. Как она тебя вообще сексуально привлекательным посчитала? Что ж, мы примем к сведению,

однако полиция – это не банк, гарантий не дает, – направился к выходу Барзило. – Утром набегут опера и следаки – советую говорить им правду. Дяде, кстати, тоже – простит, наверное. Вы же родственники как-никак. Хотя... где ты и где Айзик Соломонович...

– Неужели нельзя предпринять что-нибудь сейчас? Уйдут же. Обязательно ждать утра? – возмутился Давид.

– Сынок, а ты кто вообще? Кровь на башке – выходит, пострадавший. Сядь и не отсвечивай. Думай лучше, чего дядьке рассказывать будешь. И ищи новую работу.

– Дядя в долгу не останется, – бросил Давид.

Барзило остановился.

– Легко считать чужие денежки, да? Поимка преступников не спасет твою грязную задницу, пацан. Стыдно должно быть в первую очередь тебе. Ладно бы проститутка – еще можно понять. Но чтоб мстительная бывшая – это надо уметь.

– Найдите ее.

– А она на тебя не заявит за попытку изнасилования? Судя по беспорядку в подсобке, она сопротивлялась, – Барзило соображал – его и другое интересовало. – И вот еще что странно: если нам звонила она, почему настучала на тачку своих же сообщников? На камерах только она. Или они ее кинули? Отсюда и разбитая витрина, – догадался Барзило.

– Так ей и надо, – гневно плевался Давид.

– М-да, не повезло девчонке с мужиками.

В магазин влетел стажер:

– Товарищ капитан, «Мерседес» с водителем и товаром задержали.

– Оперативно, – удивился Валерий Александрович.

– Недалеко отсюда. Можем скататься.

В голове у капитана сложилась схема монетизации всей ситуации: только ради такого рода мотивации ушлый полицейский мог суетиться, одновременно выдавая стажеру пафосные до тошноты речи о священном призвании полицейского. Нынешнюю историю можно хорошенько раскатать, что неминуемо приведет к запоздалому повышению, от которого руководители не отвернутся (скверный характер Барзило отпугивал шансы получить новое звание), а также к неофициальным плюшкам от того же Айзика Соломоновича. Барзило, когда надо, умеет шевелиться. Ночное дежурство перестало быть томным.

– Наберите меня, когда владелец заправки будет здесь. Я сообщу ему, где мы, и подам ему вора на блюдечке. Или даже всех трех.

– Посмотреть бы мерзавке в глаза, – все еще плевался ядом Давид.

– Парень, лучше лед у входа подолби, а то ходить невозможно. Дядька же поскользнется, – посоветовал Барзило. – И жопу сполосни, в самом деле.

В машине стажер заладил:

– Товарищ капитан, вы же всегда учили меня, что такие

дела обычно нас не должны касаться. Есть же опера, следаки.

– Хм, чему тебя только учили в твоём колледже, разве не подобной полевой работе? Или только баб формой охмурять?! Ничему невозможно научиться, если периодически не выбираться из рамок, салага. Это наш район. Мы в ответе за закон и порядок в нём, а он до утра без оперов, коль они бухие. Вот бы майора на них натравить. А если ещё и полковник Меркурьев узнает...

Своими речами Барзило невольно толкал стажера на ненужные подвиги и грязную работу, которой обычно сториился.

- А как же маршрут патрулирования, что нам выдали?
- Ничего, люди подождут митинговать.
- Неужели мы сможем поймать грабителей в одиночку?
- Чую, шкет, что сможем. По горячим следам.

***

– Потеряли, кажись, – изрек Михаил.

– Да что ты говоришь?! – агрессивировал сидящий за рулем «КІА» Илья. – Миша, из тебя следопыт никакущий! Где здесь эта сраная скупка? Ума не приложу.

Игорь махнул жезлом.

– Не было печали! – далее Илюха матюгнулся.

– Твою ж дивизию, мы бухие и непристегнутые! – засуетился Михаил.

– Сам знаю. Только не дергайся.

– Что же делать? – дергался Михаил.

– Булками нужно было шевелить. Тогда бы мы давно нагнали дегенератов и приставили их к стенке.

– Ума не приложу: как они не разбудили нас раньше?

– Зарекался же столько не пить, – сокрушался Илья. – Как я не хочу тратить этот звонок, но придется. Лови, – он бросил свой мобильник Мише. – Ищи в телефонной книге номер подполковника этого... с которым мы на ретро-ралли выходили.

– Думаешь, я помню его фамилию.

– Резче вспоминай. И набирай!

«KIA Sportage» припарковался в обозначенном месте.

– Окно приоткрой, чтоб проветрилось, – произнес Илья.

Гаишник представился.

– Мы что-то нарушили? – спросил водитель, плохо скрывая нервозность.

– Проверка документов.

– А что с документами? Все у меня в порядке с документами.

– Тем не менее, – настаивал постовой.

Михаил все еще рылся в телефоне, а Илье пришлось предъявить документы:

– Нельзя ли поскорее проверить, товарищ сержант? Мы очень торопимся.

– Жена рождает?

– Да... Нет, она у меня норму перевыполнила.

Игорь исподлобья глянул на Илью – счел адвоката подзрительным. А на этой дороге иных и не встретишь.

– Как только, так сразу. Не нужно нервничать.

– Кто говорит, что я нервничаю? Я не нервничаю – я спокоен, – Илья хочет схватить воров за хвост, а тут банальная проверка документов (еще и медлительная) – сложно не выйти из себя. – Никакого уважения к водителям.

– Илья Александрович, вы же только хуже делаете.

– А что я такого сказал? У нас, кажется, свобода слова в стране. И я за рулем персонального автомобиля.

– Прошу вас выйти из машины и проследовать к нам для тестирования на алко...

– Да ладно?! На каком основании?! Это же займет целую вечность, – выпалил Илья. – Давай, пожалуйста, без этой нудятины. Набирай статистику с кого-нибудь более достойного, сержант.

– Оформляем отказ? – не унимался гаишник.

– Да черт с этой «Победой», – крамольно шепнул Миша.

– Нетушки, это дело принцеппа.

– Ночь на дворе. Как-то невежливо звонить.

– Нашел? Набирай! – просил Илья, прижав телефон к уху и обратившись к Игорю. – Видит бог, парень, я не хотел.

За прошедшие несколько часов Игорь усвоил, что за подобной фразой может последовать все, что угодно, поэтому и потянулся к кобуре – не как Ярик, а просто покрышку прострелить в случае чего.

Но тут Игорек услышал, как водитель общается по телефону, заявляя что-то типа: «вы говорили звонить в любое время дня и ночи», «обещали выручить», «очень нужно ехать», «вопрос жизни и смерти», «безосновательно остановили».

– ...Маячит дело, товарищ подполковник, о стопроцентном угоне и возможно о похищении человека, о чем я передам сведения вашим коллегам со всей доказательной базой. Если до полудня я этого не сделаю, можете заочно лишиться меня прав, за что сочтете нужным, но совесть моя будет чиста.

– Если ты, Илья, в натуре бухой, – сонным голосом вещал подполковник ДПС Новиков, – то это наш последний разговор. Передай трубку сержанту.

– С тобой побеседовать хотят, – Илья протянул мобильник Игорю. Гаишник уже успел попрощаться со службой.

– Алло.

Из трубки командным голосом отчеканили:

– Говорит командир челябинского полка ДПС ГИБДД, подполковник Новиков, – пока он произносил собственную должность, сознание Игоря, кажется, включалось и отключалось несколько раз. – Представьтесь, сержант! – Игорь назвался. Его начальник продолжил. – Скажи-ка, сержант, где находится пост, на котором вы стоите? – Игорь дал адресный ориентир. – Сержант, на каком основании ты вообще сегодня там находишься и людей проверяешь?!

У Игорехи в горле материализовалась пустыня Гоби:

– Товарищ подполковник... Так... мы... ведь... Разве не... Мне вот Ярослав сказал... то есть... э-м-м... сержант...

– Ах, там с тобой еще и этот хитрожопый ошивается?! – Игоря поразила популярность Ярика – о нем даже Новиков в курсе.

– Так точно!

– Не помню, чтобы я согласовывал пост в том месте в ближайšie дни. Так, в понедельник оба ко мне на ковер... в обнимку с вашим начальником.

– Есть, товарищ подполковник. Но...

– Что еще?!

– Разрешите обратиться?

– Попробуй.

– Дежурство в указанной мной ранее дислокации помогло задержать и нейтрализовать опасного преступника.

– Кого?!

– Преступника. Опасного, – робел Игорь.

– Ты смеешься, сержант?! Мы ДПС, а не Уголовный розыск! Брось сказки мне рассказывать. Надо заниматься своими непосредственными обязанностями, а не геройствовать в ущерб службе и не делать работу за другие подразделения полиции.

– Но это ведь... – Игорь хотел объясниться.

– Тех, кого сейчас остановил, отпустить.

– Есть!

– А за опасного, как ты выразился, преступника, – несколько смягчился подполковник, – можешь в своей столовке получить вне очереди бутерброд с салом. Скажи, что подполковник разрешил. Все.

Игорек в предобморочном состоянии вернул телефон Илье. Не думал послушный и ответственный постовой, что именно его сделают козлом отпущения за всех, кто так же шабашит на челябинских дорогах вне задания.

Илья решил подбодрить служивого:

– Извиняй, сержант, что так вышло. У нас действительно безотлагательное дело. Не держи на меня зла. Глядишь, все обойдется. Вот, возьми мою визитку – я адвокат. Обращайся, – по-доброму сказал Илья. – И еще: здесь случаем не проезжала старенькая «Лада» 99-й модели и «Победа» на тресе?

Понурый инспектор отрицательно мотнул головой.

– Жаль.

– Счастливого пути, – без энтузиазма ответил сержант.

«КИА» продолжил путь. Попади Илья на пост в иных обстоятельствах, Игорь и даже Ярик не смогли бы с ним тягаться в словесном плане – подполковник бы ему не понадобился.

Вскоре Илья с Михаилом, плутая по округе, напали на нужный след, однако потеряли уйму времени, которого хватило злоумышленникам, чтобы уйти.

Схлопотав выволочку от высокого начальства, огорченный Игорь посмотрел в сторону Ярослава. Тот вылез гля-

нуть, по какой причине коллега так скоро отпустил машину.

– Выглядело жалко, напарник, – с улыбкой заявил Ярик. Не успел Игорь объяснить, что их вызывают на ковер, как Ярослав произнес. – О, а вот и менты пожаловали.

В пределах видимости появился патрульный «УАЗик» с капитаном Барзило за рулем. С коллегами по ДПС он вел себя не так вызывающе, но все равно старался доминировать, пользуясь капитанским званием.

– Ну-с, ребятки, показывайте, – Барзило светится от счастья и потирает ручки, ибо дело разрешается стремительно. – Как попался? Доложите.

– Банально, товарищ капитан. Передвигался на подозрительной машине, разбитой и груженной. Вот и остановили.

– Правильно сделали, хлопцы, правильно, – все четверо направились к машине ДПС. – Сейчас мы его как миленького...

Валерий Александрович желал увидеть в задержанном кого-нибудь с фотографий, что переснял на свой телефон с сотового Давида. Вместо желаемого он узрел subtilного и несуразного таксиста Романа, чья внешность никак не походит на Андрея и тем более на Викторию.

– Это еще кто? – озадачился капитан.

– Водила «Мерседеса». Тот, что заправку обнес.

– Как-то я не так его себе представлял, – Барзило еще раз сверился с фото.

– Вон, кстати, и его машина. Доверху наполнена краде-

НЫМ.

«Мерседес» осмотрели. Все сходится.

– Вероятно, это третий, – предположил Виталик.

– Не думаю, что у этого дистрофика хватило бы силенок вырубить заправщика. Хотя, судя по его роже, он вполне способен бросить бабу взаперти и свалить с дружкой-сообщником. Видимо, напарник замеса не оценил и напоследок разукрасил ему рожу, – Барзило заметил следы крови на жилете Ярослава. – Или нет? Кто ж его так?

– Таким уже приехал, – ответил Ярослав. – А на следы не обращайте внимания. Мы его тащили, а он орал, брыкался – вот я и запачкался.

– Допустим, – недоверчиво выдал Барзило.

– Не сходится немного, капитан, – заметил стажер.

– Заявка на то, чтобы начать расследовать, шпингалет? Давай, жги.

– Один из грабителей кинул свою возлюбленную и побил предателя. Но зачем, если вся добыча осталась здесь?

– Спугнули. Либо они нашли на заправке что-то более ценное. Либо кто-то из них вернулся за девкой, – размышлял капитан. – Получается, что отщепенца дружно швырнули.

– Наверняка огненный маньяк их спугнул, – тихо заявил Роман.

– Чего-о-о?!

– Я требую адвоката! – объявил таксист.

– Он мне уже не нравится, – признался Барзило.

– Да, – припомнил Игорь, – он же орал нам постоянно, что его кинули, подставили. Баба с пацаном.

– Во-о-о-т, – хлопнул в ладоши капитан. – Осталось лишь изловить криминального гения и его бабенку. И дело в шляпе.

– Ночь длинная – отыщем, – загорелся энтузиазмом Виталий.

– Он описывал своих сообщников? – спросил гайцов капитан.

– Нес ахинею полную. Про сочную блондинку с химической завивкой и про очкарика.

Барзило поник.

– А про татуированную оторву в пальто и ее хахалю, потрепанного шибздика в рваном свитере, не упоминал?

– Такого точно не говорил.

– А такие тут не пробежали? – капитан продемонстрировал гаишникам фотографии. Ребята только покачали головами. – Плохо.

– Солидная шайка.

– Согласись, Виталя: пятеро их там никак быть не могло. Ничего, мы его расколем – мигом всех заложит. А вы мне сигнализируйте, если заметите остальных подозреваемых, ясно? Что он еще говорил?

– В самом начале говорил, якобы помогает знакомому товар перевозить по ночам. Ну кто в это поверит... как и в успешных челябинских писателей?

– Правильно мыслишь, сержант. По ночам товар принято воровать.

– Конечно же, свою причастность к чему-либо задержанный отрицает.

– Хе-хе, кто бы сомневался.

– Говорит, якобы сам стал свидетелем преступления и хотел обо всем рассказать полиции.

– Но что-то неведомое потянуло его поучаствовать. Знаем таких кадров – думает, что свидетелей никто никогда не подозревает. Идиот.

– С пеной у рта утверждает, что мы ни того взяли. Настоящий преступник вроде как на свободе разгуливает и якобы хочет заживо местную девчонку прямо в автомобиле сжечь.

– Что за чепуха? – удивился Барзило.

– Вот и я говорю, – поддержал Игорь.

– Что только не придумают, лишь бы подозрения от себя отвести. Ничем нынче не гнушаются.

– Мы, кстати, встретили девушку, которую он упоминал.

– Вот как?

– Он ее подвозил, но взял и выкинул на мороз по-скотски, а она одета легко.

– Не говорил, где выкинул? Не у заправки случайно?

– Не говорил. Заправку практически не упоминал. А как только по рации передали ориентировку, так вообще заткнулся.

– Ясно все, – заключил капитан ППС. – Наш клиент. Пол-

ная машина краденого тогда откуда, верно?

– Слушайте, – решил уточнить Ярик, – там заправщика не сильно тронули?

– Знаком с ним?

– Типа того, заезжаем частенько. Нормальный пацан.

– А по мне, так гнида жуткая. Но не переживай, сержант. Давид отделался легким испугом. И отделался, и обделался, – заржал капитан.

– И сильно там этот пес набедокурил? – спросил Игорь.

– А вот сейчас и узнаешь, – произнес Барзило, обратив внимание на приближающийся «Крузак» внушительных размеров.

Валерий Александрович на всех парах кинулся встречать водителя, распорядившись, чтобы стажер в темпе пересадил задержанного в тесный мини-обезьянник в задней части «УАЗика». Из внедорожника вылез Чук и низенький лысеющий мужичок, одетый солидно. Гражданство Израиля считается сразу. Мужчина явно раздражен произошедшим и, несмотря на невыдающиеся габариты, готов растерзать воришку. Благо Виталья вовремя запер Рому в полицейском автомобиле, а еврейский дядечка увидел знакомое лицо:

– Валера! Шалом алейхем! – распростер руки мужчина. – Никакого толку от этого ЧОПа. Какое счастье, что ты занимаешься этим делом.

– Алейхем шалом, Айзик Соломонович! Сколько лет, сколько зим, – ответил капитан.

– Скажи мне по-честному: где сейчас этот проходимец, что снес мне одну половину заправки и обчистил другую?! Понимаю, всякое бывает. Я законопослушный бизнесмен; все мы деловые люди. Но мерзавец чуть не угробил моего племянника, – жестикулировал бизнесмен. Виталя поймал себя на мысли, что Давид поведал дядюшке иную версию событий, чтоб тот его не прибил на месте. – Я хотел бы драться с вором как мужчина с женщиной, – требовал еврейский джентльмен.

– Айзик Соломонович, давайте будем культурными. Негоже вам кулаками здесь размахивать. Виновных мы отыщем и накажем, суд поддержит. По заслугам получат.

– А ущерб? Ущерб возместят? – Айзику пришла в голову мысль еще что-нибудь разрушить в мини-маркете (пока не налетели следователи), чтобы получить компенсацию посOLIDнее.

– Еще бы.

– А суд? Повестку мне пришлют? Я приду. С удовольствием приду. Приду и буду добиваться сурового приговора. Я же судей знаю. Всех городских. Те, кто это сделал, за каждую крупицу гречки мне втридорога заплатят, – лютовал бизнесмен. – Позарились ведь... на святое!

– Главное, что украденный товар цел. Вон он, в машине. Бизнесмен толком и не заметил «Мерседес» на дороге.

– Валера, – с восхищением произнес Айзик Соломонович, – ты мне столько денег сэкономил, дорогой. Ты... ты

мне столько денег... заработал. Почему ты до сих пор капитан?!

– Обстоятельства, Айзик Соломонович.

– Да пустое все это. Я прекрасно знаю вашу систему. Тебя давно пора представить к награде. Денег в благодарность, к сожалению, дать не могу – это ж взятка.

– Она самая, – с сожалением прикусил губу Барзило.

– Но могу позвонить кому надо...

– Айзик Соломонович, не стоит.

– Ты золото, капитан. Ответственный, исполнительный и... скромный.

От такой характеристики шефа Виталька чуть не заржал в открытую.

– Запомните мой труд: на благо страны и ее граждан, – подмигнул Барзило.

– Конечно, без вопросов, – пожал руку капитану хозяин заправки. – Обязательно. Век помнить буду. Даруй, Всевышний, тебе крепкого здоровья.

– Лучше проведите беседу с племянником. Парень столько натерпелся. Чтобы лишнего не наговорил, когда утром с бодуна набегут опера и следователи. И сами пообщайтесь.

– Но ты у меня всегда на первом месте, – заверил бизнесмен.

– Я польщен.

– Добро я не забываю, Валера, ты знаешь, – улыбнулся еврей и повернулся к толстому Чуку. – Эй, здоровяк, грузи

все в багажник. И только попробуй что-нибудь присвоить – век не расплатишься.

– Это же улики, нет? – Игорь шепнул на ухо Виталику.

– А это их хозяин, – ответил вездесущий Барзило. – Пожалуй, я вас оставляю. Думаю, справитесь без нас, – обратился к Айзику Соломоновичу он.

– Приходи к нам на обед. Жена и дети будут рады. Внучку тебе покажу.

– Обязательно, – чуть ли не поклонился Валерий Александрович, незаметно махнув стажеру, что пора сваливать, ибо работы непочатый край.

Чук тем временем пыхтел с коробками и ящиками.

– Чтобы ничего в этой телеге не осталось, – строго указывал владелец заправки.

– А что с машиной-то делать? – спросил Игорь у уходящих полицейских.

– Ребятки, вы же у нас ДПС. Машины – это по вашей части. Что там делают в подобных случаях? Вызывают эвакуатор?

Роман со слезами смотрел в квадратное окошко «УАЗика» на то, как издеваются над его драгоценной машиной. А что же будет, если они заглянут в багажник или бардачок? Там же годовой запас раскрытых краж.

– Вы аккуратнее. Он психический.

– Не переживай, парень. У нас на работе психушка каждый день.

– А мы-ы-ы?

– Я обязательно зафиксирую в рапорте, что вы оказали нам посильную помощь при задержании.

– Они даже наших имен не спросили, – опомнился Игорь.

– Эй, – не выдержал Ярик, – как так-то?! Мы его первые взяли!

– Цыц, малышня! Отставить разговорчики в строю. Не забывайте, – Барзило с Виталиком запрыгнули в патрульный автомобиль и укатили в закат.

«Размечтались, сосунки, – думал капитан. – Шабашить хотите – вперед. Ночь длинная – свое заработаете».

Вскоре исчез и «Крузер». Окрестности вновь охватило безмолвие. Игоря с Яриком оставили у разбитого корыта – точнее, у разбитого «Мерседеса». Надули.

– Мудак! – выругался Игорь на капитана ППС.

– Надо же, наш Игорек знаком с плохими словами?

– Есть повод.

– Слышал я, что в ППС отбросы служат, но чтоб настолько...

– Самим надо было везти психа в отдел.

– А разве не ты мне предложил ментов оповестить?

– Все, давай еще подеремся.

Немного помолчали. Ярик произнес:

– Сдается мне, нас сейчас конкретно швырнули. И ничего нам не светит, не считая экзекуции у подпола.

– Ты только и думаешь о выгоде. Подумал бы о чем-нибудь

ином.

– О Лизе я думать не хочу, – Ярик увидел, с каким испугом и одновременной ненавистью взглянул на него напарник. – Да, монах, я догадался. Кажется, мы снова прикрыли эту сучку. Как я опять пошел у тебя на поводу, не понимаю? Она же замешана во всем, я чувствую.

– Есть единственный способ выяснить.

Игорь достал из кармана бумажку с номером Елизаветы и набрал ей. Гудки, гудки, гудки. Он так хотел услышать ее голос, удостовериться в том, что все завершилось благополучно, но не судьба – успокоить взволнованное сердце сержанта не получилось. Стало только хуже.

– Не берет, – объявил Игорек. – Телефон, наверное, сел на холоде.

– А она может дать фору этому капитанишке. Чего делать будем?

– Где, говоришь, вы с ней встретились? – спросил Игорь.

– Ты серьезно думаешь, что...

– Где... вы... встретились?!

– Клуб «Хамелеон», – ответил Ярослав.

Игорь кинулся за руль служебного авто. Ярослав вздохнул и поплелся за ним.

***

Башни из спрессованного металлолома возвышаются повсюду подобно толстеным сэндвичам. С ними соседству-

ют горы непереработанного сырья, сваленного в громадные кучи, которые напоминают несобранные воедино детальки конструктора. Стальные дебри простираются до самого горизонта – меж ними растекается легкий туман с характерным химическим запахом. Видимо, заводик неподалеку с наступлением темноты решил выпустить в атмосферу лишнего.

Аккурат за поворотом, где слегка расходятся горы лома, образуя нечто вроде долины, показался вагончик: свет не горит, дымок из трубы практически не идет. Напротив строения одиноко мерзнет украденная бежевая «Победа».

– Вот она, родимая! – повеселел Илья.

– Живые, надеюсь, тут есть?

– Без понятия. Но все равно приготовь что-нибудь в руки, – посоветовал Илья. Вскоре Михайло крепко сжимал в руках увесистый газовый ключ.

Остановились и вышли из машины. Михаил ни на шаг не отходил от Ильи, прикрывая председателя клуба с тыла. Оба подозрительно оглядывались по сторонам. Илья приблизился к «Победе» и осмотрел ее внешний вид на предмет повреждений – старушка будто только что с конвейера сошла и даже не почуяла, что над ней битый час измывались молодчики.

– В целостности и сохранности, слава богу. И за сколько тебя загнали дебилы, штуки за две или три? – приговаривал Илья.

– Поздравляю, напарник, вот и машина. На трос ее и ва-

лим, а то холодно что-то, – твердил механик, но Илья не снимал с лица злобно-сосредоточенной маски. – Что тебе еще здесь надо?

– Не нравится мне все это, – Илюха разглядывал множество следов на снегу. Несколько уходили куда-то в темноту и прерывались в месте, где, судя по всему, ожесточенно боролись.

– Кому ж такое понравится? – Миша достал из-за пазухи фляжку и отпил из нее.

– Мы, между прочим, еще не нашли Леву.

– Почему ты так уверен, что он просто не поехал домой?

– Тебе же звонила его жена. Нет его дома.

– Значит, по пьяной лавочке отправился к любовнице. Думаешь, там его избил до полусмерти ревнивый муж?

– Он тюфяк – нет у него любовницы.

– Раз тюфяк, то к маме поехал.

– В Карабаш?

– Чего только не творишь по синьке. Ты вспомни, как я однажды полез на крышу знамя победы водружать? Помнишь, чья крыша-то была?

– Ага, забудешь такое. Однозначно, с выпивкой мы переборщили. Лев же сейчас может быть где угодно – это же первая пьянка в его жизни. Мы-то знаем, на что способны, а вот он...

– Не нагнетай. Он уже взрослый мальчик.

– По синьке мы все как дети. А беспомощных и одиноких

детей обычно уводят умные и озабоченные взрослые.

– Хочешь сказать, что...

– Да все, что угодно, может случиться. А если он заметил воров и они его кок...

– Исключено.

– Цыган мотал мне запись с камеры. Через центральные ворота Лев не уходил. В гараже его тоже нет.

– А мы хорошо смотрели? Да и мало ли с ДОСААФа выходов.

– Остальные хорошенько снегом занесены – его там по колено и выше. Иногда дверной порожек выпившему – как стена китайская для монголов. Упал, травмировался – не докричишься ни до кого, а на улице дубак. Так недолго и...

– Нет-нет-нет, быть такого не может. Или... мы пацана на смерть послали?

– Хочется верить, что нет.

– Надо завязывать пить.

– Я почему-то уверен, что наши воришки в курсе, куда пропал Лева.

– Не факт. Как пальцем в небо.

– Да? С каких пор ты сделался таким неуверенным и трусливым скептиком, Миша? Разве тебе не хочется найти засранцев и отпиздить их за потраченное время? Заслужили.

– И где нам их искать? Это Челябинск, а не кордон в одну улочку в три дома.

– Раз тебе лень, бери деньги на такси и вали догоняться

домой.

– Совсем чокнулся – меня в лени обвинять.

– Я один справлюсь!

– Ну уж нет. Чего ты вообще завелся?

– Потому что бесит.

– Решено, я остаюсь с тобой. А то больно часто тебя за-
носит.

– И на том спасибо, – Илья, может, и сдержан в суде, кропотлив в автоклубе, но любыми делами всегда горит так, что в случае необходимости может пройтись катком по кому угодно. Вот и сейчас он не может бездействовать, не зная наверняка, что стряслось со Львом.

Илья принялся размышлять и присмотрелся к уходящей дорожке. В паре метров от него на снегу валяется что-то темное, снегом не припорошенное. Илья подошел ближе и обомлел – башмак. Башмак Левы.

Это уже последняя капля. Илюха схватил ботинок и понесся к машине, швырнул его в руки Мише и нажал на клаксон. Гудок эхом отозвался в округе.

– Есть кто живой?! – крикнул Илья. – Выходи! Говорить по душам будем!

Вдалеке залаяли собаки, на железке свистнул тепловоз. Полминуты спустя тишина вновь опустилась на металлобазу. Илья осмотрелся и тщательно прислушался. Снег под ногами не хрустел. Прожектор на столбе не жужжал. Клешня гусеничного крана не скрипела. Казалось, живого нет в ра-

диусе километра. Но чутье подсказывает, что безмолвие обманчиво.

Чуть-чуть. Прямо еле-еле. Звякнул осколок стекла.

Илья напряг слух.

Щелчок. Почти неслышимый.

– Ложись!!!

***

Андрей очнулся.

Естественно, после отрубав он никуда не переместился. Паренек все так же сидит на лысом ковре в вагончике, навалившись на верстак. Внутри темно и прохладно, ибо вместо стекол в окнах то тут, то там зияют дыры. Все еще пахнет дымом. Пол устилают купюры, обрывки подпаленной марли и ваты, осколки стекол и лампочки, в которую случайно попал Андрей. Травмат валяется рядом – он показался парнишке неподъемным. Андрюха чувствовал себя, будто после жесткой пьянки: голова трещит, конечности трясутся, в груди тянет, мозг ничего не обрабатывает. За секунду в себя не придешь. Но ужас вновь сковал Андрея. Он ведь не в курсе, чем кончилась разборка с Глебом и его сворой.

Андрюша хотел привстать, дабы мимоходом оценить обстановку снаружи. Оглушительный звук клаксона заставил его припасть к полу. Снаружи все еще опасно. Там все еще засада. Враги так просто не оставят Андрея – он в ловушке. К тому же неизвестный громкий голос вновь пригласил его

на разговор, причем говорил явно зрелый мужик, а не подросток. Кого еще мог подтянуть Глеб? Он ведь почуял запах денег. Заработок от «Победы» покажется ему пустяком по сравнению с содержимым сейфа... Пойдите, человек... Из машины ведь сбежал человек! А если приехали те, кто его разыскивает? Чтобы спасти? Чтобы убить? Так, а если там люди Тиграна с проверкой?

Андрею вспомнилось, ради чего он все затеял – он представил, как Вика ждет его на вокзале... одна, а он все еще на скупке отсиживается. Во имя любви и новой жизни Андрюха решил прорываться.

Он медленно вытянул руку с пистолетом и стал целиться в предполагаемое место стоянки врагов – аккуратно в отверстие, сквозь которое виднеются силуэты и отблески фар. Его окружили. Отрезали путь к отступлению.

Курок взведен. Щелчок.

Из разбитого окна вагончика открылась беспорядочная пальба. Андрюха шмалял из травмата в сторону предполагаемых врагов практически вслепую, надеясь обратить соперников в бегство. Кто не спрятался, я не виноват.

Илья с Мишей в мгновение ока прыгнули в объятия окрестных сугробов. Пули свистели над их головами, ныряли в снег, отлетали от «Победы». «Надо бы изучить ее получше, – поймал себя на мысли Илья. – Неужели бронированная?!»

– Илюха, бля, я на такое не подписывался! – завизжал ме-

ханик.

– Хорош ныть. У него там явно не арсенал. Профи не стал бы так беспорядочно палить.

– Ты же адвокат. И этот... как его... модератор.

– Медиатор!

– Он самый! примени свои чудодейственные методы ведения переговоров.

– Ты дурак, что ли? У нас на встречах не стреляют!

– А попробовать слабо?!

Теперь Илью взяли на слабо. Минуту назад он обвинил напарника в лени. Оба знают слабые места друг друга – есть, на что надавить.

Илья собрался с мыслями и, когда выстрелы прекратились, выкрикнул в сторону вагончика:

– Эй, снайпер хренов, остынь! Не кипятись! Мы пришли с миром!

– Ага, так я и поверил! – услышал в ответ Илья. – Выкусите, подонки!

Случился еще один случайный выстрел. Судя по металлическому звуку, пуля врезалась в лежащий штабелями лом. Адвокат посчитал выстрелы – если Илья не ошибся, то стрелок истратил весь магазин. Если это не так, юриста могут ранить или даже пристрелить. Понадеявшись на авось, он пробежал к вагончику и припал к стенке под окном. Дальнейший диалог казался Илье самым главным делом в жизни – как на важнейшем судебном процессе.

– Парень, я не знаю, что ты там себе придумал, но стреляешь ты зря. Тем более по мирным жителям. Это уголовка. Разве тебе не дорога твоя жизнь? А свобода? Чего ты портишь себе все?

– Жизнь мне уже испортили. А свободу я обрел только сейчас. Меня вынудили... Вы... и такие же, как вы... довели меня.

– Если у тебя в жизни проблемы, пушкой они точно не решатся и будут иметь последствия. Есть куча способов...

– Предлагаешь навести пушку на себя? Так лучше будет?

– Даже последние уголовники и маньяки перед казнью хотели жить. Тебе лет-то сколько?! Рановато тебе отчаиваться!

– Почему тебе знать? Чего зря языком чешешь? Говори, чего приперся?!

– Давай только без стрельбы. Я безоружен.

– Я смеюсь тебе в лицо, чувак! Вранье – это грех. Не думаю, что среди вашего отродья остались те, кто знает другой язык кроме кулаков и оружия. Откуда ты пожаловал? Кто тебя подослал? Глеб? Его заказчики? Тигран? Кто-о-о?! – голос Андрея дрожал. – Вы меня не запугаете. Я выберусь.

– Да выбирайся на здоровье. Только окажи услугу.

– Хочешь меня отвлечь? Учти, я пушу пулю в лоб каждому, кто сунется ко мне.

– Слушай, я не знаю никого из тех, кого ты перечислил. Я без понятия, как тебя зовут, кто ты и что довело тебя до жизни такой. Может, это крайнее проявление юношеского

максимализма, хотя... не мое это дело. Я здесь по другой причине. Рассказать?

– Давай послушаем, чего ты там придумал! Раз не знаешь-ся с шакалами, чего тогда тут забыл? Нечего меня дурить – я за себя не отвечаю.

– Все уже поняли, что ты крутой пацан! Ненормальный, правда.

– У каждого свое понятие адекватности.

– Меня зовут Илья. Я адвокат.

– Ух ты, удивил так удивил.

– Сам порой удивляюсь. Паспорт показать? Есть еще пропуск в суд. Надо?

– Чего я там не видел?

– А ты глянь, – настаивал Илья. Документы он всегда таскал с собой и сейчас просунул их в полуразбитое окно.

Умелая приманка, подумалось Андрею. Однако во время рассказа Ильи паренек все-таки протянул руку к документам. Пальцы не оттяпали (предыдущие гости так могли).

– У меня жена, дети...

– Ближе к делу, адвокат!

– Короче: во внерабочее время у меня есть хобби...

– Убивать и калечить людей?

– Нет. Я с друзьями ищу, покупаю и реставрирую старые автомобили. Давненько уже занимаемся, у нас в ДОСААФ мастерская и небольшой музей, – Андрей был там на экскурсии. – Пару дней назад нам пригнали «Победу». Мы долго

такую искали, ехала она к нам из другого города – планы на нее грандиозные. Правда, сегодня у нас ее украли прямо из-под носа. Трое сопливых форточников. Они не только конченные, но еще и тупые. Раритет стоит хороших денег – гораздо больше, чем награда за сдачу на металлолом. В общем, мы вовремя спохватились и почти их догнали – следы привели сюда.

– Можешь забрать свою машину. Я не принял ее.

– Парень, если твои беды из-за денег, то я могу подарить «Победу» тебе.

Мишаня вытаращил глаза от удивления.

– Мою проблему эта рухлядь не решит.

– Я понимаю, что тебе тошно и ты мне не веришь.

– И?

– Одно дело – машина. Другое дело – живой человек. Я пока точно не понимаю как, но свора похитила нашего друга, – Илья вкратце описал его внешность. – Может, это и не так.

– Был там похожий человек. Спал на заднем сиденье «Победы», – ответил Андрей.

– Слушай, парень, помоги нам его разыскать. Может, идиоты говорили чего? Дай нам хоть что-нибудь на них. Я просто хочу справедливости. Они украли у меня машину и похитили друга. Нельзя просто так все оставить. Уверен, что они, как и ты, всего лишь молодые дураки и наделали глупостей. Наверное, с такими стоит поговорить – глядишь, до-

стучусь хотя бы до одного. Просто это все глупые забавы, как же вы не поймете? Кому-то сходит с рук, а кто-то лишается семьи, детей, будущего. Ты-то хоть, парень, подумай и не лишай себя удовольствия нормально жить. Ты так долго не протянешь – нечего усугублять.

Илья сделал паузу. Если через полминуты Андрей не заговорит, адвокат переключится на связи в полиции.

– Что ты хочешь знать? – спросил Андрей.

Илюха переглянулся с Михаилом.

– Куда они отправились? Называли ли свои имена? Может, особые приметы есть?

В паспорте лежит фотка Ильи с семьей. Андрей, раскрыв документ, долго глядел на нее и понял, что льет слезы. На фотокарточке все счастливы, все улыбаются, а у него даже фотографий с предками нет (только те, где он еще очень маленький). Он хотел как лучше, но не вытерпел, решил уйти, а в итоге сделал только хуже. Травмат не отлипал от руки. Мужик зря его предостерегает – он опоздал, ибо Андрея уже довели до ручки.

– Мужик!

– Что?

– Обещай, что найдешь отморожков.

– Зуб даю. Не успокоюсь, пока они...

– Хочется верить.

– Парень, может, тебе помощь какая нужна?

– Нет, я сам справлюсь. Не впервой.

Андрей утер слезы, поднялся с пола и отворил дверь. Если его сейчас все же скрутят и положат в тот пресс из сна, он не издаст ни звука, ведь уже пробил дно. Заслужил.

С пушкой наперевес Андрей стоял в дверях и глядел на визитеров. Он увидел Илью – точь-в-точь как с фотографии. Стрелок в первое же мгновение понял, что рассказчик не лукавил. За Ильей стоял низенький мужичок, сжимавший в руках газовый ключ и ожидавший подвоха. Только Андрей опустил на одну ступеньку, Миша от страха быть убитым аж в сторону отпрыгнул, словно солдат в окоп. Илья не дрогнул: не мог поверить, как пацан, стороживший скупку, на самом деле чертовски мал и неопытен.

Ночной сторож протянул адвокату паспорт, пропуск и фото.

– Красивая у тебя семья. Ты ее береги, – произнес пацан. – Помни о ней, когда будешь дубасить козлов.

– Обязательно, – заверил Илья. – У тебя-то семья есть?

Андрей вопрос проигнорировал.

– Их было трое, – рассказал паренек, – не считая вашего друга. Они забрали его с собой. Они и у меня тоже кое-что украли...

– Куда они поехали?

– В клуб «Хамелеон». По крайней мере, о нем говорили.

– Ясно.

– Одного, что за рулем, я не знаю. А вот остальные... реальные отморозки, которые давно заслужили сгнить в тюрь-

ге.

– Это они так постарались? – Илья указал на вагончик. Сторож с сожалением кивнул.

– Хотя им и 18-ти нет, они с легкостью руки замарают и не дрогнут. Одного зовут Рыжий. Того, что пониже – Глеб. Зуб даю, что он спланировал кражу. Мы с колледжем были на экскурсии в ДОСААФ – всем отделением видели, как вы затаскивали свой раритет в гараж.

– Да уж, как все просто, – охнул Миша.

– В общем, этот Глеб – мерзкая гнида. Вмажь ему за меня со всей дури.

– Вмажу, раз просишь. Ты здорово нам помог. Можно оставить «Победу» пока что у тебя, приглядишь?

– Можно, но до утра заберите. Отвратное место – я не планирую здесь задерживаться.

– Надеюсь, ты... не это самое, – Илья изобразил руками петлю на шее.

– Нет-нет, есть еще одно дельце, – отмахнулся Андрей.

– Может, хочешь поехать с нами? – предложил юрист. Андрей отказался. – Прошу тебя, парень, не делай больше глупостей.

– Ты это... извиняй, что я... – замялся Андрей. – Я думал, что эти мудаки вернулись и...

– Пустяки, – ответил Илья, – забыли.

Он пожал изнеможенную руку Андрея и протянул свою визитку на всякий случай. Вряд ли у Андрея достаточно де-

нег на услуги Ильи, но в случае обращения адвокат нашел бы решение.

Уточнив у сторожа еще несколько деталей, Илья с Мишей направились к машине, как вдруг Андрей спросил:

– Скажи: если б я был твоим сыном и ты застал бы меня вот так, что бы ты сделал?

– Я попросил бы тебя подумать и остановиться... независимо от причин, что толкнули тебя на это. Каждый родитель, каким бы он ни был, должен оберегать своих детей, чего бы это ни стоило. И обсуждать с ними все проблемы... даже если больно и неприятно. Путь родителей, к сожалению, не без ошибок. Бывает, детишки – особенно в подростковом возрасте – обвиняют предков во всех грехах. Но как они могут судить, если сами еще не вырастили детей? А если уж и осуждать, то в первую очередь надо помнить, что дети сами так собой управили. Моя в том вина или нет, значения не имеет. Я же родитель – душа будет болеть за чадо всегда... до последнего вздоха.

«Мой отец не такой», – подумал Андрей.

Миша же не проронил ни слова – хватку не ослаблял, удерживая ключ. И правильно. Выдержка сегодня еще пригодится.

***

– Спасибо скажи, дурень, – вещал в «УАЗике» капитан Барзило, обращаясь к Роме. – Этот еврей тебя бы уже рас-

терзал.

– Да лучше он, чем вы.

– Я поражаюсь, до чего ты борзый. Да, Виталька?!

Стажер крутил баранку. Ехали вдоль бескрайнего бетонного забора.

– Не хочешь по-хорошему, – сделал вывод капитан. – Ладушки, у нас вся ночь впереди. Выкладывай давай, где твои сообщники?

– Где мой адвокат? Где право на телефонный звонок?

– Ты чего, пиндосовских фильмов посмотрелся?

– Где протокол допроса?

– Ты чего, в сказку попал?! Выкладывай все. Глядишь, срок скостят чуток.

– Какие сообщники? Это я потерпевший. Это я жертва преступления! – чем обусловлено такое поведение подозреваемого, не знали ни полиция, ни сам Роман.

– Значит, ты жертва? А преступники просто так взяли и забили твою машину украденным? Так? Чего замолк?

– Там еще девчонка была, – признался Рома. – Вика. Она все придумала и меня склонила.

– Что же за мужики пошли, а? Везде у них бабы виноваты, – отметил капитан. – Ладно, кто-то еще с вами был?

– Никого.

– А если подумать получше?

– Хотите еще кого-то закрыть заодно? – подозрительно спросил таксист.

– Тебя одного достаточно.

– Совесть будет мучить вас до конца жизни!

– Да что ты говоришь? Скорее, гордость, чем вина.

– Знали бы вы, гражданин начальник, что в округе-то творится, – воскликнул Роман, взявшись за решетки мини-камеры. – Тут маньяк-поджигатель бродит, машину с бабой внутри разыскивает, чтобы заживо ее сжечь.

– Заживо сжечь? Кого? Машину?

– Бабу.

– Ты сам слышишь, какую херню буровишь?

– Богом клянусь, сам видел.

– В дурдоме чем только не клянутся, что здоровые. Бывал в таких местах?

Рома испуганно вытаращил глаза. Нервный тик, о котором таксист успел позабыть, напомнил о себе.

– Маньяк твой на заправке был?

– Не знаю точно.

– Это он? – Барзило показал таксисту фото Андрея. Тот лишь замотал головой. – Колонка наверняка бы уже полыхала, если б маньяк туда зашел, верно? А ее всего лишь грабанили. И сделал это ты – только блаженным тут прикидываешься.

– Но я же его видел, – страдальчески твердил Рома. – Я с ним разговаривал. Он и меня спалить хотел. Я задумал его схватить, а он облил капот бензином и...

– Хватит чушь пороть! Отвлекаемся от темы.

– Шеф, а продавец с заправки, помните? Он упоминал странного посетителя, что бутылки с водой купил.

– Ты-то куда?! Психоз что, заразен? Огонь и вода – вещи разные. Мало ли кто тут разгуливает по ночам. Откуда, потвоему, у нашего брата столько работы? Знаю я: патрулировал здешние улочки, когда ты еще из папкиного члена не вылетел. Не удивлюсь, если алкаши сменили боярышник на солярку. Глаза с мылом помой, коль не видишь. Он все придумал, чтобы подозрения от себя отвести. Тебя лечить надо! – постучал по решетке своенравный капитан.

– У вас в полиции принято: никому не верить, никого не слушать. А потом делать вид, что не знали... о кражах, убийствах, тера...

– Господи, поскорей бы тебя сдать – ты уже достал! Сиди смиренно и закрой поддувало! Так, шкет, притормози – отлить надо.

– Мне бы тоже, – проямлил Рома.

– А тебе не полагается – поссышь в отделе. А нагадишь в машине, мордой будешь вытирать, ясно?! – пригрозил Барзило.

Испражняться патрульные устроились недалеко друг от друга, орошая сугроб у забора и мечтательно вглядываясь в таинственные дали черного неба. Пытались разглядеть там хоть одну звезду – свет и дымка от выхлопов большого города не позволили.

Издали слышался настойчивый автомобильный гу-

док. Виталья облегченно выдохнул – струйка пара изо рта пронзила морозный воздух. Забрехали собаки – тоже где-то вдалеке. Как и тепловоз, что дал о себе знать гудком. Далее же послышалось то, отчего стажер чуть не обмочил себе ботинки.

Виталий отчетливо услышал звуки выстрелов и подскочил на месте, не успев толком запрятать свое мужское хозяйство в портки. Выстрелы продолжились – их ни с чем не спутаешь.

– Надеюсь, это не моя барабанная перепонка лопается, – без всякого удивления произнес Барзило.

– Товарищ капитан, стреляют же?! Да, точно. Что делать-то будем? – то ли истерил, то ли предвкушал стажер.

– Для начала вытряхни говно из штанов.

– С чего вы взяли, что я струхнул? – оскорбился Виталик.

– По роже твоей и мокрым ботинкам. Отставить панику.

Стандартная ситуация. Я тоже слышу выстрелы.

– Мы же наверняка единственные в округе? Надо же что-то предпринять.

– Сам знаю, – неторопливо застегнул ширинку старший по званию. – Откуда это? С востока, да?

– Да, оттуда.

Барзило удостоверился, что пистолет на месте, и, тяжело вздохнув, сказал:

– Ну тогда поехали проверим. Спасибо тетке из архива – чтоб ей икалось всю ночь.

– Ой, у нас же этот...

– Ничего страшного, подсадим к нему компанию, – ответил капитан. – Чего встал?! Марш за руль! А то, глядишь, еще немного, и гробовозку придется вызывать.

Виталик послушно прыгнул за руль, а Барзило, никуда не торопясь, тихо матюгнулся: неужели шебутной Челябинск не может устроить ему пару спокойных часиков до отпуска?

Как выяснилось через минуту, определить точное место стрельбы на деле гораздо труднее, чем казалось с самого начала.

***

Когда Илья с Михаилом покинули территорию металлобазы, Андрей вернулся в вагончик и уселся на тахту. Самочувствие паршивое: голова гудит, в висках пульсирует. Но нужно литься отсюда, причем быстро. Андрюха принялся загребать в ранец оставшиеся на полу деньги. Нашел даже время открыть шкаф и немного порыться в бумагах по приемке – глядишь, найдется что-то интересное. Мало ли, вдруг Тигран что-либо предъявит – будет, чем отвечать. На скупке ведь махинации буквально под ногами валяются.

Издаലെка вновь послышался звук приближающегося авто: «Ну что опять?!» – запрокинул от усталости голову Андрей. Наверное, вернулись преследователи шайки Глеба что-нибудь уточнить? Может, и подбросят до вокзала?

Заложив травмат за пояс и повесив рюкзак на плечо, Ан-

дрюха в последний раз оглядел сторожевой вагончик. Даже если за дверями Тигран, Андрей с превеликим удовольствием тыкнет хозяину пестиком в живот – до того пацан раскрепостился (про паническую атаку и забыл).

Сторож без задней мысли выпорхнул из вагончика. Через мгновение от радости из-за удачного (не без проблем) дела не осталось и следа.

– Руки поднял! – с улицы в Андрея целился низкорослый мент с пистолетом, позади которого стоял полицей помоложе. Его глаза сверкали так, словно он подросток, который впервые смотрит порно.

Андрей замер и подчинился.

– Ранец в сторону! И без глупостей, – указывал противным голосом мент. – Чего застыл? – сказал он напарнику. – Идешь, хватаешь его, руки заламываешь и мордой об капот.

Виталий кинулся исполнять поручение. Андрею небезосновательно показалось, что молодой страж порядка подобное задержание проводит впервые. Явно пренебрегает осторожностью – этим надо пользоваться. К тому же новоиспеченному преступнику от одного ощущения фиаско так рассудок помутнило, что он готов пойти ва-банк. Сей проклятый город должен отпустить его. Его история не должна кончиться арестом. Он не вправе бросить Вику.

Андрюха знал тут одну тропку – чужак не сориентируется и заблудится, а сторожил уйдет незамеченным. Как только стажер приблизился к Андрею на достаточное расстояние,

думая, что его прикрывает шеф, глаза паренька из вагончика налились такой адской яростью, что Виталья почувал, как по спине побежал холодок, а в сердце кольнуло. Андрей выдернул травмат из-за пояса – молниеносно, что даже Барзило не успел вовремя среагировать. Оружие идеально опустилось в руку: спусковой крючок на указательном пальце, дуло целится точно Виталику в брюхо. Андрей нажал на спусковой крючок.

Щелчок. Заело?

Нет. Просто магазин уже давно пуст. Андрей не совершил непоправимого, о чем жалел бы всю оставшуюся жизнь, но свое и без того незавидное положение конкретно усугубил.

Он лишь грустно покачал головой, как прозвучал настоящий выстрел. Из другого пистолета. Стрелял Барзило.

Паренек вскрикнул и свалился с приступка в сугроб, в котором не издал ни звука, а только скалился и дрожал.

– Дебил! Оружие! Кобура закрыта! Почему она закрыта?! Про меры предосторожности читал, осел?! – орал на воспитанника Барзило.

– Так вы же сказали...

– Поблагодари Господа, дебил! Он жизнь твою спас! – больше всех не по себе стало Валерию Александровичу. Виталья действительно позабыл элементарные вещи – наверняка он еще толком не успел испугаться и понять, что оказался на волоске от тяжелой травмы как минимум. – Чего стоишь?! Сивого хватай! – капитан кинулся к Виталику. Тот в свою

очередь подлетел к лежащему в сугробе Андрею, которому больно не от раны, а от собственного безрассудства.

Пуля задела по касательной правое плечо. Пострадавший чувствовал, как в том районе булькает кровь.

– Живой?!

– У него кровь. Еще чуть в сторону и...

– Виталик, ты тупой или прикидываешься?! Он чуть тебя не прикончил. Если хочешь, не стесняйся – можешь добавить ему, если мало крови. Скажем, что ударился при падении. Я разрешаю.

Виталий глянул на шефа как на абсолютно неадекватного человека. Андрей с надеждой посмотрел на стажера.

– Нужно перевязать рану.

Ответ напарника разочаровал капитана.

– Еще чего?! Тащи козла к машине. Что с тобой такое, шкет? Ты даже не понял, как тебе повезло. Опасность везде. И исходит она от каждого, – Барзило, собственно, и сам недооценил Андрея, которого схватил за большую руку. – Пошел, говнюк! Виталик, разыщи его пистолет и проверь, что в ранце. И осторожнее, пожалуйста!

– Я не хотел, – пытался промямлить Андрюха, которого от хватки двух полицейских трясло как во время землетрясения.

– А я считаю, что как раз наоборот. Ты попал, чувачок, – Барзило неловко толкнул парня, пытавшегося держаться за раненное плечо. Тот припал к капоту старенького «Бобика»

и от бессилия сполз на заснеженную дорогу. Барзило же захлестывала ярость, ибо его подчиненный мог получить травму, в том числе и по недосмотру наставника. Злость от своей же ошибки он желал выместить на стрелке. – Поднимайся, размазня! Чего расселся?! Нечего из себя жертву изображать. Ты хоть понимаешь, что чуть мента при исполнении не угробил?! Ты присядешь, гарантирую, – суровый мент стал дышать практически Андрею в лицо. – Откуда пестик? Что в ранце?

– Вещи.

– Виталька, что в ранце?!

– Деньги, товарищ капитан. Много... денег.

– Вот оно как! А дело выиграло новыми красками. За кучу бабок можно и жизни лишит какого-нибудь там мусора, да? Стажер, сюда шагай. Ты в рубашке родился.

– Это все не мое. Меня подставили. На скупку напали – я спасал деньги шефа, – Андрюха плел первое, что пришло на ум.

– Виталя, как ты держишься? Я бы уже придушил его.

– Так он ведь еще мелкий. Явно были причины...

– Ты упал с луны?! – обомлел капитан. – Какие, на хуй, причины?! Мы бы тебя похоронили! Представь, что бы я сказал твоим предкам: видите ли, у убийцы были свои причины, и мы должны уважать его выбор, так?! Что бы они ответили, как считаешь?! Когда ты уже будешь головой думать?! С нами тут никто не сотрудничает. Нас всей душой ненави-

дят. А ты будто в разъяренной толпе народа попросил себя растерзать и не сдерживаться. Осторожность и техника безопасности прежде всего! В Рязани вон грибы с глазами, а в Челябинске молодняк с «калашами».

– Пистолет травматический.

– Ну или с травматами.

Пока полицейские рядились, Андрей не поднимался со снега и пытался задержать хлеставшую с предплечья кровь.

– Кровь-то у парня не останавливается.

– Вернемся в отдел, и я подам прошение, чтобы тебя отправили в больницу работать, а еще лучше... куда-нибудь в столовую милосердия! Ты, блять, мент или медбрат?! Ты же милицейскую шарагу кончал.

– Вы давно читали конституцию, капитан?

– В дебрях Тракторозаводского гетто она ни к чему. Лучше подними этого козла и проведи досмотр. Вдруг еще чего прячет.

Барзило поднял Андрюху за шкварник:

– Ну ты и пушинка, мать твою! Как у тебя еще сил хватило пестик держать. Вперед, стажер.

– А...

– Не переживай. Он всего лишь поверивший в себя малолетний бандюк. И если у него замерзнет жопа на морозе, то это даже полезно – хорошая подготовка к нарам. Там любят таких смазливых.

– Не буду я его за яйца трогать.

– Ты где набрался смелости, чтобы мне перечить, шкет? Тебе не хочется наказать засранца за его поступок? Стрелять в полицию, даже игрушечные пистолетики наводить – уже преступление. Что твоя конституция говорит по этому поводу, а? Молчишь? То-то же! Ежели хотят выжить, то пускай не высовываются. Вместо тебя случайной жертвой мог стать кто угодно: мамаша с коляской, например. Вечно они заберутся в глушь и жалуются потом, что им с коляской пройти негде. Ладно, хрен с ними. Если б ты сейчас лежал в том сугробе с пулей в животе, поверь, мир бы лишился подающего надежды полицейского. А все великие начинали с низов, парень. И первое, чем они руководствовались – это выдержка, беспрекословное соблюдение общественного порядка и законность, к кому бы она ни относилась. А сегодня на районе творится беспредел. И ты своим состраданием только поощряешь его. Да через тебя перешагнут и не заметят. Эти козлы – они же чувствуют страх, неуверенность, доброту особенно... и тут же ей пользуются. Вот все наши полицейские легенды в первую очередь и перешагивали через собственные чувства, в том числе через сострадание, чтобы окружающие спали спокойно. Вор, как говорится, должен сидеть в тюрьме! Уяснил?! У тех, кто там заседает в кабинетах, свои законы, а здесь, на земле – свои. Либо ты для них авторитет, либо пустое место. Второй вариант позорит мундир. Открою тайну: таможенники и в жопу руки суют таким, как он. Это милиционеры были с народом, а вот полицейские... Да,

у Медведева-то губа не дура вывеску поменять. Сейчас на дворе война всех против всех. И надо себя правильно поставить, – Барзило в который уже раз схватил Андрея за грудки, дабы тот сильно не оседал на землю. – Повторяю для ответственно отсталых! Откуда пистолет и откуда деньги? И в кого ты стрелял до нашего приезда?

Правый рукав Андрея уже порядком почернел от крови.

– Не я стрелял, а в меня.

– Хочешь сказать, что ты и оружием пользоваться не умеешь? Вы все сегодня сговорились?! Ты мне чуть стажера не угробил. А деньги в ранец тебе Дед Мороз подложил?!

– Я... я... Пожалуйста...

– Допрыгался, дубина стоеросовая. Заплачь еще.

Из-за боли Андрюша толком ничего дельного сообразить не мог.

– Мне кажется, он больше напуган, чем опасен.

– Вряд ли он стрелял в тебя с перепуга, хотя... ты иногда такое отчебучишь, что страшно.

Тут Барзило подозрительно сощурил глаза, беспардонно схватил Андрея за морду и повернул его в сторону света прожектора:

– Слушай, оболтус, – опомнился капитан, – хлебальник у тебя больно знакомый, – Барзило вновь решил сыграть в следопыта.

– У вас не найдется бинта случайно, а то я... – пожаловался Андрей.

– Молчи, пенек.

– Валерий Александрович, может, я...

– Руки прочь! Господи, два кретина. Мои чеченские сослуживцы посмеялись бы над такими мужиками, как вы. Мелкая царапинка, епть! Так, ладно. Виталик, никого не узнаешь в этой морде? – стажер присмотрелся. – Вот мы и поймали нашего второго подозреваемого в ограблении заправки! – торжественно объявил капитан не без радости в голосе. Видимо, так переволновался за стажера, что сразу и не понял. Виталий, кажется, и вовсе опешил. – Есть желание перевязать ему рану? Можешь это сделать, но только в «УА-Зике» и в наручниках.

– Может, стоит подмогу вызвать?

– Следакам от нас с тобой под Новый год столько дел привалит, что я бы на твоём месте оглядывался в темных переулках, – Барзило показал стажеру ту самую фотографию с телефона Давида – на ней красовался Андрей собственной персоной. – Поэтому ухо держать в остро! Пистолет наготове. Не вздумай мне ещё кого-нибудь пожалеть – мигом дубинкой по шарам получишь.

– Надо же, никому верить нельзя.

– Пора бы уже привыкнуть.

– Чего он тут делает?

– Где у нас фонарик? Я сбегая в вагончик, посмотрю, что там к чему.

Побывав в сторожке, Барзило укрепил свои подозрения.

По мнению капитана, неуловимый преступник умудрился за полночи обнести два места: заправку и металлобазу. И пацану от силы 16 лет. Добавляют вопросов его дешевые и рваные шмотки – это при условии, что старый рыболовный ранец Андрея пухнет от купюр. Чудеса!

Если б нынешним ухажером Виктории стал какой-нибудь другой парень, полицейские по наводке Давида искали бы именно его – страдающего, по сути, только из-за любви.

***

Капитан представил, как супруга будет пришивать новые погоны на его китель. Позади, в тесной камере «УАЗика», друг напротив друга сидят «злостные» преступники.

– Надолго я вас запомню, ребята. Вы знатно испортили мне начало отпуска, – стажер невольно ухмыльнулся словам капитана. – Я сейчас буду задавать вопросы, – обратился Барзило к Андрею, – а ты на них отвечать. Соврешь хоть в одной букве – сядешь на бутылку правосудия за все районные глухари, понял? – Андрей, все еще придерживаясь за перевязанное стажером предплечье, кивнул, понимая, что шансы сбежать равны нулю. Хотел новую жизнь – получил. – Псих, ты чего там, в транс впал? – Барзило обратился к Роману.

– Нет слов. Невыносимо глядеть, как карательная машина поглотила еще одного невинного, – Андрюша никогда прежде Романа не видел, но по его наружности сразу понял,

что у того явно беды с башкой. – Придет время, – приговаривал таксист, – и мы с вами поменяемся местами.

– Шутишь? Я, по крайней мере, гайцов не сбивал, – Барзило перевел взгляд на Андрея. – И на жизнь патрульного не покушался.

– Конечно, вы делали вещи похуже, – не унимался Ромка.

– Заткнись! По ребрам отхватить захотел?

– Во-о-о-т, слышали?!

– Шутка, – улыбнулся капитан. – Обстановку разрядить.

Ладно, теперь к делу, – Барзило начал с Андрея. – Имя?

– Андрей.

– Ты кто такой и что тут делал?

– Работаю на базе сторожем. Сегодня на нее напали с целью ограбления.

– А грабитель, стало быть, и есть ты?

– Я хотел спасти деньги моего шефа.

– Скупка-то чья?

– Тиграна Хасановича.

Барзиле знакомо и это имя.

– Зачем стрелял в патрульного?

– Подумал, что вы тоже грабители, – Ромка заржал от столь эффектного ответа сокамерника. – Мало ли на что способны грабители, верно? – продолжил Андрей. – Большие же деньги.

– А форма нам на что?

– Так ее ж в любом магазине можно купить. Я оборонялся.

– От эков теперь обороняться будешь, – капитан обратился к таксисту. – Роман, вам знаком человек, сидящий напротив?

– Нет, я его впервые вижу. Но сочувствую ему как очередной жертве полицейского беспредела.

– Вот ты заладил, а, – вздохнул Барзило, приготовив телефон и обратившись к Андрею. – Андрей, тебе известна эта особа?

Полицейский показал ему фотографию Виктории, отчего Андрея передернуло.

– Нет, – ответил Андрей с легкой дрожью в голосе, а нос резко зачесался.

– Хорошо. А тебе знакома эта девушка, Роман?

– Хм, еще бы! – ответил таксист. – Эта она ограбила заправку, заставила меня под угрозой расправы содействовать ей, ударила меня по голове и попыталась угнать мою машину, сложив туда все награбленное, – Андрей слушал таксиста, вытаращив глаза. – Однако я вовремя очнулся и запер ее внутри магазинчика, собираясь отвезти товар в полицию. Правда, по дороге меня задержали эти тупые некомпетентные дебилы-гаишники. Но...

– Что «но»?

– Но я же говорил: одна курва-блондинка меня оклеветала, а я хотел предотвратить преступление!

– Уточни, какое именно? Поджог или ограбление бензоколонки?

– Сначала одно, а потом и второе.

– Какой ты у нас быстрый. На ходу переобуваешься.

– Полиция мне помешала, хотя должна была содействовать.

– Тебя взяли, когда ты вез товар в полицию?

– Именно.

– А разве ты не помогал знакомому перевозить пожитки?

Рома завис.

– Ладно, с тобой все ясно. Почему же ты тогда не оповестил обо всем органы хотя бы по телефону?

– Зачем? Чтобы меня на смех подняли? А вот теперь сами разбирайтесь, тратьте бюджетные средства, арестовывайте невиновных. Я вам дал наводку: маньяк в очках, блондинка в вечернем платье и вот эта татуированная потаскуха.

Андрей не мог поверить в то, что Вика решила на преступление (как и он). А еще он не мог терпеть, когда ее оскорбляют.

– Незачем так девушку обзывать, – злобно произнес Андрей.

– Я честный и законопослушный гражданин, который только хотел прийти на выручку беспомощным женщинам...

– У нас есть информация, что одну из них ты на мороз выкинул. Ты тренируешь моржей, что ли?

– ...А они взяли и подставили меня. Кто они после всего этого, если не бляди?! Особенно последняя, – Рома явно намекал на Викторию. Андрей медленно закипал. – Найдите

их и арестуйте. Интересно, какую версию событий они вам расскажут.

– Одна уже рассказала, как чуть не замерзла насмерть, а вторая, когда мы ее найдем, думаю, расскажет нечто подобное. И ты гарантированно поедешь в психушку. Нечего на других валить, когда у самого рыльце в пушку.

– Я бы с удовольствием придушил обеих. Особенно последнюю.

Андрюха не выдержал и набросился на таксиста, на котором и без того живого места не осталось, словно он сутки провел в работающей бетономешалке. Андрею сил не занимать – он прицельно наносил удары по лицу, груди и животу бедняги-таксиста так, что тот стал напоминать подушку, которую активно выбивают хлопущкой. Пришлось ментам прыгать в камеру, чтобы унять драчунов, которые до последнего лягались ногами и тянули руки к шее соперника.

– Вот ты себя и выдал, Андрюша, – не без удовольствия твердил Барзило. – Говори, кто она такая?

– Она ни в чем не виновата, – утирая кровь под губой, твердил он.

– Да у вас тут целая банда, ребятки. Два разозленных пацана и деваха, из-за которой ваше гениальное ограбление и развалилось. Осталось только разыскать зачинщицу шекспировских страстей. Не удивлюсь, если рядом с ней бегают блондинка в платье и очкарик-поджигатель. Но последних явно придумал этот дебил, – Барзило рассуждал вслух, а Ан-

дрей твердо решил взять на себя побольше, тем самым облегчив ношу возлюбленной и обрекая себя на гарантированное наказание. – Потерпевший указал на тебя и твою деваху, Андрей. Думаю, Виктория нам разъяснит, как все было на самом деле.

– Она ни в чем не виновата!

– Почему? Потому что все придумал ты, верно? – давил капитан. – Что ж ты ее бросил тогда? Хотя чего я спрашиваю? Вика может за себя постоять. Заправщик еле выкарабкался. Понятно теперь, почему ты решил и скупку Тиграна грабануть. Но в кого ты стрелял, не поделишься?

Андрею пришла в голову гениальная идея:

– В сообщников.

– Вот как? Добычу не поделили? Как Вика с Ромкой? Будь ты с ними, такого бы не произошло, да? Или разногласия разгорелись из-за бабы?

– Вас что, было больше? – спросил Виталий.

– Слушайте, – деловито начал Андрей, – хотите одним махом раскрыть парочку преступлений?

– Кто ж не хочет.

– Я готов сотрудничать.

– Все свалишь на сообщников?

– Да, причем без зазрений совести, – ответил Андрей. – Я ангел по сравнению с ними. Уверен, что они бы нас прихлопнули, как только мы привезли награбленное. Все придумали и воплотили они: здесь, на заправке, в ДОСААФ.

– А ДОСААФ здесь каким боком?

– Думаю с минуты на минуту оттуда обратятся, ведь там тоже кое-что украли. И, судя по всему, прихватили с собой заложника, важного свидетеля.

– Заложника? – изумился Виталий.

– По другим преступлениям в полиции наверняка уже есть все необходимые доказательства. Я просто наведу на детали. А вы, товарищ капитан, уже практически раскрыли дело из ДОСААФ.

– Почему?

– «Победу» видите? Ее увели как раз оттуда.

– Хм, старье же.

– Но в ДОСААФе есть и военная техника, и оружие в достатке. Мало ли что оттуда прихватили отбитые рецидивисты.

– Если ты нам зубы заговариваешь...

– Ни в коем случае. Я ваш единственный шанс взять эту шайку тепленькими... в течение следующего же часа. Вы даже Вику можете не искать.

– Заладил, я смотрю, с этой Викторией. В чем смысл героизма из-за бабы?

– А вы бы ради чего прыгнули выше головы, товарищ капитан? Ради премии, ради повышения? Не помню, чтобы лавры за раскрытые преступления когда-нибудь получали люди из ППС. Но название-то у всех одно – полиция. Вам не лишним будет повышение – вы опытный, служили вон в

Чечне, а добились только того, что жопу морозите в ночных патрулях. Это справедливо, по-вашему?

– Куда тебя понесло-то, мальчик? Попрдержжи-ка язык. Если ты мне врешь, я тебе обещаю... Я знаю многих. Я добуюсь, чтобы с твоей девкой как следует поговорили, после чего она сама во всем сознается.

– Она ничего не делала.

– Жертва обстоятельств? Сообщники заставили?

– Вы проницательны, капитан.

– Я и не думал особо.

– Их надо догнать, понимаете? Как можно скорее. Догнать и схватить.

– Знаешь, чем отличаются современные преступники от прежних? Раньше сдавали единицы, а сейчас сдают всех, – сказал капитан стажеру и снова повернулся к Андрею, который в надежде ждал, отреагирует ли капитан на его предложение. – Ну говори, чертенок, где они?

– Отправились праздновать успех в клуб «Хамелеон».

– Успех? – усмехнулся Виталий.

– Не могли найти другую забегаловку? – Барзило в курсе, что данное заведение издавна считается непреступным бастионом для полиции. Приближаться к нему разрешается только с санкции высочайшего начальства. Общеизвестно, что внутри творится противозаконное, но его покрывают. А рядовым служителям закона не особо платили, чтобы те брались серьезно шевелить осиное гнездо вопреки офи-

циальной линии.

– Вам страшно? – вдруг задал вопрос Андрей.

– С чего ты взял? Сиди и не отсвечивай!

– Если бы вас все устраивало, вы бы уже давно отвезли нас в участок, да? А мы еще на скупке стоим.

– Трогай, шпингалет, – распорядился Барзило. – В «Хамелеон».

– Там, кстати, моя девушка работает, – добавил Виталий.

– Вот оно что! Кем?

– Начальник охраны.

Барзило присвистнул:

– Ничего себе. Как зовут?

– Наташа.

– А твоя девка – не промах. Внутрь запускает хоть?

– С пропускным режимом у них там все строго.

– Дурачок, я про постель тебя спрашиваю. Нонсенс просто: такой слюняй, как ты, и баба-фейсер... еще и с «Хамелеона».

Стажер смутился.

– Ну так дает или нет? – Барзило повторил нескромный вопрос.

– Вроде да.

– Тогда запустит нас внутрь.

– А разве мы...

– Чего стоишь, шкет? Погнали. На месте решим. Законность у нас в приоритете, да? – верх цинизма от капитана. –

Полицейский, прознав о преступлении, предотвращает его. И точка.

«УАЗ» патрульно-постовой службы тронулся в путь. А из-за угла выглянул пес Гаврик, который в этот раз не смог спасти своего любимца из рода человеческого. Чутье подсказывает дворняжке, что Андрей сюда уже не вернется. Доброму уличному псу ничего не оставалось, кроме как грустно завывать. Его клич мигом подхватили и другие местные бродяжки.

История тридцать четвертая. «Заложники»

Иван Бережной (он же Василий Иванов) на протяжении всей ночи ждал весточки от брата. Когда же телефон зазвонил, Иван не думал, что услышит кого-то кроме Валеры. Парень отворил дверь черного входа и с омерзением взглянул на прибывшую компанию малолеток, удерживающих паренька постарше.

– Какого ты приперся? – злобно спросил у Глеба Бережной.

Тот сдаваться не собирался – ему хотелось кутить.

– Так-то ты мне ночь в клубе на халяву обещал, забыл? У меня день рождения.

– Поздравляю. Свободны!

Иван хотел захлопнуть дверь перед носом обнаглевшего Глеба, который заявился без приглашения. Также Бережной для надежности собирался попросить охрану спроводить юнцов, однако дерзкий пацан бросил фразу:

– У тебя явно что-то с памятью, друг. Недавно я сделал по твоей просьбе одну грязную работенку. Я думал, что все это тайна для твоего шефа, но не для тебя.

От злости по телу Ивана пробежала легкая дрожь. И что его дернуло связаться с Глебом?

– Ты еще на весь район проори, – сквозь зубы процедил

Иван.

– Ну так по рукам или как? Ты нас пускаешь?

Выбора нет.

– Нас?

– А я без своих корешей никуда.

Свита Глеба не внушала Бережному особого доверия.

– Ладно, заходите.

– Ура, набухаюсь в хлам, – признался прямолинейный Рыжий.

– Рептилоиды, блин, – произнес Бережной. Вел он себя надменно, желая показать, кто здесь хозяин, а кто просто напросился. – Что еще за хмырь? – он указал на беспомощного Льва, которого пацаны волокли за руки, будто тот перепил.

– Свидетель, – без зазрений совести признался Глеб.

– Кто?!

– Мы ходили на дело. И-и...

– Немедленно выкидывай его отсюда! – не сдержался Бережной.

– Не истери, Ванечка. Нам бы тихое местечко, чтобы поговорить с ним по душам. Слышал, у вас тут есть пыточная.

Лева пробудился и заорал не своим голосом – наспех сооруженный кляп еле сдерживал крики.

– Издеваешься?! – ошетинился Иван.

– Знаешь, я лучше наймусь к Олегу напрямую. Ни к чему иметь дело с такими трусливыми посредниками, – намекнул Глеб.

– Ты не...

– Это я еще сдерживаю себя.

– Не многовато ли у тебя просьб? Не забывай, где ты находишься и с чьего позволения, – грозил пальцем Бережной. – Вы, малолетки, в курсе вообще, что человека похитили?

Бережного осенило – улика в виде заложника придется весьма кстати. Еще один пункт в объемный список «заслуг» клуба «Хамелеон». Полиция не должна пройти мимо. Заодно невоспитанную и бесцеремонную троицу заметут как миленьких.

– Случайно не держите тут инвентаря, чтобы... – спросил Глеб, погладив Льва по головушке.

– Захотел заняться членовредительством, Глебушка?

– Никто не собирается вредить его члену, – не понял термина Рыжий. Бережной только глаза закатил.

– Просто он чуть не сорвал мне все дело. С такими у меня разговор короткий.

– Судя по полным карманам, дело выгорело.

– Не без проблем. Вот хочу только с вредителем поквитаться.

– Ты слышишь, что говоришь?

– Да ты расслабься, Вань. Тебе ли не знать, как дела на районе должны делаться.

– Что у тебя с рукой? – обратился к Рыжему Иван.

– Ничего.

– Она ж у тебя распухла, будто взорвется сейчас.

– Не в первой, – боль нарываёт не по-детски – Рыжий терпит из последних сил.

– Как знаешь, парень.

Свора под предводительством Глеба проследовала по служебным коридорам «Хамелеона». От комнаты, в которую их завёл Бережной, у парней отстегнулись челюсти. Помещение залито неоновым красно-розовым свечением: кровать, схожая по площади с футбольным полем; две тумбочки с симпатичными светильниками и бра; шкаф справа; открытые полки, словно с выставочными экспонатами, слева; массивный комод напротив койки, стулья по обе стороны от него; на стенах в изящных рамках стилизованные под живопись фотографии плотских утех. Руслан незамедлительно приклеился вплотную к картинкам. Рыжий раскрыл пасть от размеров кровати. А у Глеба загорелись глаза – каков же простор для его большой фантазии.

Иван выставил стул на середину комнаты. И для чего вообще здесь нужны стулья: для зрителей или для ожидающих очереди? Пока парни пристраивали бедолагу Льва, Ваня кинулся что-то искать. Вначале открыл шкаф, в котором мелькнули разного рода костюмчики для ролевых игр. Из переполненных ящиков вываливались всякие коробочки, тюбики, кондомы разных цветов и вкусов. Не закрывая рта, Рыжий подошел к полкам и принялся разглядывать блестящие вибраторы, фаллосы, напоминающие глиняные поделки причудливых форм, да прочие стимуляторы. Глебу же бро-

силась в глаза композиция на стене за кроватью: на крючках висели наручники, плетки, ошейники, маски.

– И это пыточная? – недоумевал Руслан.

– Для кого как, – ответил Иван. – Эй, ничего там не трогай! – крикнул Ваня в сторону Рыжего.

– Я всего-то спросить хотел, – Рыжий указал на лежащий на полке во всеоружии strapon. – Для чего елдак к ремню пристегивать? Типа у кого-то не стоит, а трахать хочется? В чем смысл?

– Сразу видно фаната долбежки по-собачьи. Ага, нашел! – Бережной вытащил из комода веревку.

– Нечего спрашивать, раз самому не грозит, – вмешался Глеб. – Ты только не прикасайся к нему.

– Правильно, – заломив руки Льву, Бережной принялся вязать узлы. – Дотронешься хоть до одной вещицы – тебе оттяпают вторую руку. Либо засунут кое-что со здешних полок так глубоко в зад, что кукарекать начнешь.

Рыжий отстранился от полки и ударился локтем об металлическую стойку кровати. Боль сильнейшим разрядом прокатилась по травмированной руке. Пришлось громко выругаться.

– Слушай, мравихер, а тут случаем не спрятана какая-нибудь заживляющая мазь? Болит дико.

– Боюсь, здешние мази тебе не подойдут. Терпи, – крепко вязал веревки Бережной, перейдя с рук на ноги Льва, который не верил, что все происходит наяву.

Глеб недоумевал, почему же своенравный Ванька стал вдруг так сговорчив.

– Где ж ты научился так хорошо веревки на людях вязать?

– Поработаешь здесь и не такому научишься.

– Неужели и аптечки нет? – не унимался Рыжий.

– Ты же сказал, что тебе по барабану.

– А если в порыве дикого траха кто-нибудь шею свернет или крови пустит, будете ментовской формой из шкафа вытирать?

– Вот заладил, – поднялся Бережной, как ему показалось, надежно связав заложника. – Наверху есть аптечка. Попрошу кого-нибудь тебе помочь, а то у тебя на руке не бинт, а бумага туалетная.

– Вон тот умелец вязал, – Рыжий кивнул на Руслана.

– Нечего было нормальные медикаменты на другие цели переводить, – осмелел Руслан.

– Давайте я вас лучше к бару провожу. Уговор есть уговор. Мы же все-таки деловые люди, – Ваня взглянул на Глеба. – Подыщем вам местечко получше. А тебя, доходяга, бармен подлатает: он, кажись, в медучилище тупит.

– А с ним чего делать? – указал на заложника Рустик.

– Можете спокойно развлекаться. Никуда он отсюда не денется, – заверил Бережной.

– Пусть здесь нас дожидается, – подхватил Глеб. – Заодно хорошенько подумает над своим поведением, – Руслан лишь пожал плечами – понял, что зарылся в дело недопусти-

мо глубоко. Не отмоешься теперь. Видели бы вы беспомощный взгляд Льва в этот момент. – Ты чего такой серьезный, Рустик? Я повелеваю расслабляться и веселиться – это же мой день, епть!

– Слушайте, мужики. Может, я...

– Нет, – отрезал Глеб. – Ты идешь бухать с нами. Чего ты так зажался вдруг? Не помню, чтобы ты так себя вел, когда за невинными людьми следил, когда машину у них крал, когда пацана на скупке до инфаркта доводил.

– Но... я...

– Ты не отвертишься, братуха, – посмотрел ему в глаза Глеб, а потом резко переменялся. – Ты хоть раз бывал в самом крутом клубе Челябинска? – он положил руку на плечи Руслану и настойчиво повел его за собой. Водила почувствовал на себе, какая недюжинная физическая сила скрыта в низкорослом пареньке. Попал Руслан: от Глеба просто так не уйти. – Мы идем, Ванька?

– Ага, – Бережной пристально взгляделся в дисплей мобильного, – идите. Там слева винтовая лестница – поднимайтесь наверх. Я догоню.

Глеб ощущал себя виновником огромного торжества – сейчас-то он оторвется по полной.

– А охрана?

– Я договорюсь. Дайте минуту.

Троица малолетних преступников удалилась, и Ваня расплылся в широкой улыбке перед плененным Львом.

– А ты никуда не уходи. Недолго осталось до момента, когда эта непреступная крепость падет, – не без ноток самодовольства вещал Бережной. – Ты станешь еще одним кирпичиком в фундаменте крепкого обвинения.

Валерий прислал брату сообщение, что штурм клуба состоится в ближайшие часы, поэтому Ване необходимо удостовериться, что при визите правоохранителей вся запрещенка выплывет наружу. В том числе нелегальные мигранты из подпольной фабрики-тюрьмы, где производят и сортируют смертельный наркопорошок дни и ночи напролет.

***

Бармену Славику прежде не приходилось оказывать помощь стольким покалеченным за ночь: сначала Озеров-младший с истерикой, потом Артур схлопотал бутылкой по голове, а теперь вот это рыжеволосое недоразумение. Последнего притащил Бережной, ссылаясь на клятву Гиппократа, мол, отказывать пострадавшему Славик не вправе. Ладно, если б Рыжий сидел смирно, а он ведь только и делает, что брыкается да быкует. Внешность у него скверная, правда, ведет он себя как маленький ребенок на приеме у врача.

– Все? – Рыжий рвется к своим корешам, которых по неведомой причине крышует Бережной: не может смотреть, как те кутят, а он отсиживается в ожидании, пока недоврач закончит колдовать над его рукой.

– Еще нет.

– Чего так долго?!

– Могу быстрее, но потом кисть тебе ампутируют, – сгущал краски бармен, терпеливо обрабатывая рану Рыжего.

Больной притих. Но через пару минут вновь воскликнул:

– Ну теперь-то все?!

– Пока нет. Ты куда-то торопишься?

– Так они там уже... А я еще не... Слушай, ты же врач?

– Пока еще нет.

– Ну шаришь же в этом? Вот скажи: алкоголь притупляет боль?

– В некотором роде да.

– А мне пиздец как больно. Принеси выпить, а?

– Дотерпишь до конца, и налью тебе, сколько надо, – пообещал бармен.

– Я хочу сейчас.

– Что за капризы?

– Да сбегай за выпивкой, чего ты мнешься? Иначе я... тебя вон теми ножами распотрошу.

Славик обернулся в сторону кухни – там действительно висят ножи.

– Ладно. Чего принести: пива, виски, коньяка, соджу, бренди, рома, ликера, джина, абсента, текилы?

У Рыжего голова пошла кругом.

– Просто водка есть?

– И часто ты херачишь чистую водку? Хочешь цирроз печени к 20-ти годам?

– Хорош тут лекаря включать. Чего ты предлагаешь?

– Хотя бы коктейль.

– С водкой?

– Так уж и быть. Могу состряпать «Голубую лагуну», «Отвертку», «Космополитен», «Бумбокс», «Кровавую Мэри», «Горькую пилюлю», «Роял шот», «Реаниматора», «Белого русского», – Вячеслав старался на совесть забинтовать Рыжему кисть до того, как перечень коктейлей с водкой иссякнет. К счастью, управился в срок.

Славик вложил емкость с коктейлем в уцелевшую руку Рыжего и отправил пацана к Глебу и Руслану, что сидели на диванах неподалеку от танцпола. Глеб со скоростью света и с недюжинным аппетитом поглощал все съестное и жидкое, что им успели принести с кухни. Руслан смотрел на главаря шайки, кротко попивая пиво и со страхом ожидая момента, когда его заставят пить чего покрепче, играть в дурацкие игры, курить кальян, нюхать запрещенного и танцевать. Неминуемую участь Руслана несколько отодвинул подваливший Рыжий, который перевел внимание Глеба на себя. Чуть только водила желал отдалиться к выходу, его коллеги со злобой и непониманием впивались в него взглядами – такие с костями сожрут и не заметят.

С каждой каплей алкоголя Глеб все больше слетает с катушек – тянет на неординарные и безумные вещи. Он стал приставать к девушкам, задираться к парням, ибо чешутся лапки с языком за компанию. Особенно зудит в зоне па-

ха. Руслан молился, чтобы Глеб ненароком не вспомнил, что внизу есть отличная груша для битья. Глядишь, безумца отвлекут танцы, бутылки, кальян, какая-нибудь легкодоступная давалка. Но в один момент главаря осенило – Глеб взял напарников в охапку и потащил их в «красную комнату».

Антураж помещения послужил красной тряпкой для быка по имени Глеб. Он не видел ни краев, ни границ, не знал ни морали, ни пощады, ни сожаления, ни зазрений совести. Дьяволу воплоти подыгрывал Рыжий. Все гурьбой ввалились в комнату утех, напугав заложника. Глеб, не отлипая от бутылки, уселся на оставшийся стул напротив Льва. Рядом как десница короля встал Рыжий. Руслан скромно отошел в угол и сложил руки на груди – глядишь, о нем забудут. Водила пытался представить, как сильно сейчас достанется плененному пареньку от неуравновешенного малолетнего психопата. Эх, бедный парень. И как только он оказался в «Победе», что разбила Руслану автомобиль? «Попробовать вытащить беднягу? Как? Это безумие!»

– Ну что, касатик? – заговорил Глеб. – Помолился? С семьей мысленно попрощался? Грешки свои припомнил? По ним-то я и собираюсь тебя судить. Не надо было лезть, шпионить, мешать – такую подставу я без возмездия не оставляю, – голос Глеба – тяжелое испытание для неподготовленного слуха. – Чудак-человек, что ты скажешь в свое оправдание? – Глеб ни с того ни с сего отправил в рожу Льва смачный харчок. – Чего от нас хотел?! Зачем залез в машину?!

Тоже на нее позарился?!

Лев что-то отчаянно промычал.

– Чего ты мычишь?! Я не понимаю!

– Достаньте тряпку из его рта, – робко посоветовал Руслан. Рыжий подсуетился.

Видно, что заложник до смерти напуган – не каждый день с тобой происходит нечто подобное. Но Лева не преследовал корыстных целей, ибо угодил в машину случайно – по собственной глупости.

– Я... я, – отдышался он, – ничего не знаю. Я не хотел сделать ничего плохого: ни тебе, ни кентам твоим, – Глеб же наслаждался беспомощностью и отговорками пленника. – Я вообще без понятия, кто вы такие, парни. Я толком не понимаю, что случилось...

– А что ты вообще знаешь? – спросил Рыжий.

– Я ничего не видел. Я ни в чем не виноват. Не хотел я вам мешать. Прошу... Я буду молчать, забуду все – только отпустите меня, – чуть ли не плакал Лева. – У меня пожилая мама, жена... семья.

– Дети есть?

– Нет. Но это пока...

– Значит, жена переживет – найдет себе кого-нибудь по-серьезнее. И понастойчивее. А мама поймет, раз не научила сынишку быть мужиком и говорить правду, – бескомпромиссно заявил Рыжий.

– Смотри на меня. Чего нюни распустил?!

– Я же ничего не сделал! Чего вы от меня хотите?

«Красная комната» импонировала извращенной фантазии пьяного Глеба.

– Чего мы хотим? Отмщения. За то, что у тебя нет мозгов. Ты заставил меня выглядеть глупо. Я не переношу этого. Попал в передрагу – так сиди и не высовывайся. А что же сделал ты? Вылез из машины в самый ответственный момент и сорвал мне сделку, нарушил мои планы, подверг опасности моих людей.

Лев сообразил, что причина балагана явно притянута за уши – всего лишь повод, чтобы поиздеваться над пленником.

– Я не нарочно.

– Да что ты говоришь?!

– Мы с мужиками отмечали праздник, немного выпили, и я уснул... в «Победе». Откуда я мог знать, что вы ее... – Лев осекся.

– Видишь? – развел руками Глеб. – А говорил, что ничего не знаешь. И наша внешность с каждой секундой все больше западает в твою память. Надавят на тебя в обезьяннике, и ты сдашь нас с потрохами. Поэтому...

– Нет, пожалуйста... Я компенсирую вам все. У меня есть деньги – я программист.

– Ненавижу задротов-компьютерщиков, – бросил Рыжий, мигом отыскав непроницаемую шелковую ленту, которой можно перекрыть Льву зрение (а после и кислород). Идея напарника пришлась Глебу по душе.

– Где же твои деньги? В твоём компе? Явно не здесь. К тому же деньги не возместят мне тот уровень уважения, что я потерял, понимаешь? Я должен как-то восполнить обиду, почувствовать, что ты достаточно настрадался. Когда кто-либо мне гадит и потом пытается откупиться, я, может, и принимаю бабло, но внутреннего удовлетворения не наступает. Только его ты сейчас и можешь дать, – Глеб принялся хрустеть костяшками пальцев. – Тем более в таком прекрасном месте. Его удобствами невозможно не воспользоваться, – временами на месте Льва Глебу мерещился Андрюха. – Как давно я этого ждал...

– Нет-нет-нет, – заверещал Лев и стал брыкаться, – стойте! Подождите!

Глеб кивнул Рыжему, который как боец повязал себе здоровый кулак лентой из комода и снова полез в него.

– Велено же ничего не трогать, – напомнил Руслан.

– Завязывай дергаться!

– Не обращай на Ваньку внимания, Рустик. Он здесь ничего не решает. Только прикидывается. Он пешка, хотя ощущает себя ферзем. Я знаю парочку занимательных историй с его участием. Их можно в любой момент влить в уши его хозяину, и Ванечке выпишут грандиозный пенек под зад. А то и чего покруче. Поэтому не переживай: наши руки развязаны – творим, что хотим.

Рыжий извлек из выдвигного ящика кляп: тот самый, что надевается жертве на голову, а на месте рта на ремешках кре-

пится красный пластиковый шарик. Приспособление мигом накинули на связанного Леву, который тщетно пытался вертеть головой. Так же тщетно он старался ослабить веревки на руках и ногах. Вскоре Леву стало еще страшнее, ибо на глаза ему накинули повязку. Вокруг потемнело – лишь шорохи и звуки, от которых он вздрагивал и крутил головой, чтобы хоть немного идентифицировать, с какой стороны притаилась угроза.

– Сейчас бы какой-нибудь телочке вдуть.

– Хорошая, кстати, идея, Рыжий, – оценил Глеб. – Рустик, а ты что думаешь?

– Я пас.

– Только не говори, что у тебя ни разу не было. Если это правда, я тебя заставлю переспать с...

Рыжий перебил Глеба:

– Проститутки входят в уговор?

– Думаю, можно устроить. Тебе, смотрю, не терпится. Мне тоже не помешает сбросить напряжение. Но сначала хочется разобраться с ним, – Глеб указал на Льва своим складным ножиком.

– Е-мое, парни, вы чего собрались делать? – спросил Руслан, снискав удивленные взгляды подельников.

– Помнится, в драках район на район ты не участвовал.

– Нет.

– Когда после основного столкновения стенка на стенку побеждает та или иная группировка, проигравшие, что еще

могут стоять на ногах и не блевать кровью в кустах, обычно стараются смыться. Но они ведь пришли на стрелку, встали бок о бок со своими товарищами – несправедливо же, когда кто-то получил больше, а кто-то меньше; не по-братски как-то, когда одних замесили, а другие целехонькие сбежали. Поэтому победители догоняют тех, кто не успел далеко удрать, и беспощадно добивают их... не в равном бою, а все на одного, ибо беглецы – это трусы, мрази и предатели. Честно сказать, обожаю такие моменты. Я покажу тебе, какие приемы и удары обычно в ходу. Пока что я хочу проделать это на нем, – Глеб кивнул в сторону Льва. – А если ты захочешь нас кинуть, я догоню тебя и покараю... прямо как тех самых беглецов. Поэтому лучше тебе занять сторону победителей и помалкивать.

Руслан сделал тяжелый глоток и мимолетно глянул на дверь.

– Парни, мне... мне реально домой пора.

– Ты вообще слушал меня?!

– Там предки, наверное, с ума сошли.

– Предки?! Тебе сколько лет? Обойдутся.

– Я бы не хотел...

– А ты думал о предках, когда с нами на дело шел? Нет.

И сейчас, когда мы решили убедиться в твоей верности, ты заднюю включаешь?!

– Я не хотел бы в этом участвовать, – тихонечко произнес Руслан, незаметно отходя в угол. Перед ним стояли Рыжий

и Глеб – Руслан мигом представил, как его сейчас забьют до смерти.

– Тогда чего ты нос из дому высунул? На что рассчитывал? – наседал Глеб. – Что мы здесь в куколки играть будем? Хотел своим стать? Тогда вперед. Хочешь, чтоб я тебя уважал?

– Я и так сделал предостаточно.

– Сделал, сделал. Но какой смысл в преданности, если она частичная? Нужно все доделывать до конца, – Глеб поднял руку, в которой сжимал ножик. Его острие угрожающе сверкало, словно подмигивая Руслану и намекая на скорую встречу. – Просто так ты отсюда не уйдешь, сыкло. Давай за дело! – Рыжий протянул Руслану плеть. – Ударь его, – Глеб указал на заложника.

– Не буду.

– А тебя никто не спрашивает, шельма! – Рыжий схватил Руслана за шкварник и откинул прямым в ноги Льву, который стал подпрыгивать на стуле, стараясь отодвинуться.

Пленнику расстегнули куртку и рубашку, оголив шею, грудь и живот.

– Бей, тебе говорят! – скомандовал Глеб.

И Руслан ударил: легко и небрежно.

– И что это было?! – взбесился Глеб. – Слабак! Баба!

– Сильнее бей, обосрун. Живо! – пригрозил кулаком Рыжий.

Руслан ударил Льва плеткой по оголенному животу. Плен-

ник ощутил боль посильнее и хмыкнул.

– Сильнее! – брызгал слюной Глеб.

Действо не приносило Руслану никакого удовольствия, но Глебу было до фонаря: он порядком выпил и наслаждался шоу. Руслан старался бить Льва в полсилы. Внезапно Глеб соскочил со стула, схватил с полки первый попавшийся фаллос и со всей силы ударил им Руслана по морде. Тот рухнул на пол, прикоснулся к щеке в месте удара и вытаращил глаза на обезумевшего Глеба.

– Бей сильнее, если не хочешь, что эта штукавина намертво заглушила твой задний проход!

– Почему тебя так легко сбить с ног, Рустик? – внезапно спросил Рыжий.

– Хер смещает центр тяжести, – претенциозно заявил Руслан и поднялся с пола.

– Юмор? – заговорил Глеб. – Юмор – это хорошо. А теперь давай, покажи, чего ты стоишь на самом деле. Давай, я смотрю!

Руслану пришлось подчиниться. Водила принялся хлестать плетью Льва интенсивнее – на оголенных участках тела пленника образовались красные отметины. Он вскрикивал и что-то мычал. Руслан старался наносить удары, которые бы устраивали Глеба, но при этом целился в защищенные одеждой участки. Притворяться он умел – Глеб купил:

– Молодец, молодец! Не останавливайся. Можешь ведь. Давай еще скажи ему чего-нибудь эдакое на своем.

– Кутак сырлама! Сегтен инде мине, ычкын мыннан кутакка! – для надежности Руслан добавил и русского мата.

– Классно, но все равно не то. Гляди, вот так надо бить, – низкорослый предводитель шайки резко подпрыгнул, словно на пружинах, и зарядил кулаком Леве по лицу так, что тот полетел на пол вместе со стулом.

– Запыхался, Рустик? – присоединился Рыжий. – Иди попей.

– Аккуратней, бро, – предупредил Рыжего Глеб. – Здоровую руку об черепушку не сломай. Ты мне еще сгодишься, – на ум Глебу приходили изошренные варианты издевательств и пыток, коими можно подвергнуть Льва. Вся гадость, сидевшая в предводителе шпаны, выплеснулась наружу. – Ты запомнишь меня надолго, мудака! – гарантировал Глеб, подняв с пола фаллос, оставивший след на щеке Руслана. – Чего встали?! Давайте его на колени и штаны долой! – подчиненные принялись за дело не сразу, ибо их сковал ступор от неожиданности приказа. Кажется, из-за воплей Льва шарик в кляпе мог отстегнуться от ремня и отлететь к стенке со скоростью света.

За дверями послышались шаги. Через мгновение в «красную комнату» ввалился хозяин клуба Олег вместе со свитой и... новым заложником.

***

Вскоре после бегства хоккеистов из «Хамелеона» Артура

с окровавленной головой обнаружили и привели в чувство. Он сроду не знал, что главный бармен заведения шарит в первой помощи. Да уж, персонал ни разу не видел управляющего в столь уязвимом состоянии. Арчи сам себя не узнавал: давненько кошки на душе не скребли. Еще и воспоминания о диалоге с другом-заправщиком нахлынули почти дословно, будто их на камеру записали. Хорошенько, однако, его по кочану звезданули – до этого он не переваривал хоккеев, а теперь и подавно. Всплыло перед глазами болезненное объяснение с Таней. Она же беременна! Но и с Лизой нужно что-то решать.

Артура охватили такие думы, что он почти не слышал, как всюду в исступлении бегали охранники, как выпендривался обслуживающий персонал, дабы угодить шефу, как кричал Олег, вернувшийся со встречи. Сначала он орал на официантов, потом на охрану (все молчали, понутив головы), а потом переключился на Артура:

– Даже спрашивать не стану, за что тебя отмудохали. Ведь всегда есть за что! – сокрушался Олег. – Я разгоню охрану к едрене фене. Так малолеток проебать – это надо постараться! И Озеров с Лизой как сквозь землю провалились, – босс давно так не злился.

– Бабы в охране, определенно, к беде, – произнес Артур.

– Кстати, о бабах, – Олег вызвал к себе начальницу службы безопасности и отчитал ее на чем свет стоит. – Разве я недостаточно всем плачу?! Почему ни один урод вдогонку

не поехал?! Хватит с меня! Ты уволена! Смену закрываешь, и катись на все четыре стороны, – девушка покорно выслушала тираду, глубоко вздохнула и удалилась, не проронив ни слова, ни слезинки. Олег рвал и метал. – А ты, Артур, чего зыришь? Почему я постоянно должен во все вмешиваться?! Сделайте уже что-нибудь! Расскажите мне, как все произошло. Найдите кого-нибудь. Работайте, нахлебники! Сво-ра дуболомов! За что я, блять, вам плачу?!

Олег распинался, а Арчи размышлял, как все уладить с девушками, к которым он питает (питал) чувства. Соображать забинтованной головой проблематично. При ходьбе слегка шатает; не хочется ничего. Давненько в его жизни не было покоя. Ежели только с Татьяной...

Артур понимает, почему так бесится босс: самолюбие Олега серьезно задела, а он толком не успел сказать ответного слова, как враги испарились. Арчи же не хотел ничего изобретать и придумывать – он считал, что вся история является отличным сигналом (для него прежде всего).

Взвесив все «за» и «против», Артур решил ехать за Татьяной – она же в состоянии аффекта наворотит дел. Только он поднялся с места, как поступило SMS от Лизы. И вот Елизавета идет рядом с Арчи. Выглядит она из рук вон плохо. Ему в первые секунды встречи хотелось вскрикнуть от страха. Замерзшая, взъерошенная, с фингалом под глазом. Но он как мужчина и бизнесмен не мог не отреагировать на грубость по отношению к подруге и главной звезде его бор-

деля. Хотя та, конечно, тоже палку перегнула. Однако в мыслях о допросе и расправе над пойманным Лизой пареньком Артур плавал неохотно: его больше занимали иные вопросы. Строймилова не покидала его головы, когда он звал охрану для встречи Елизаветы, когда обнимал ее и заводил в тепло, укрыв своим пиджаком.

– Скажите Олегу, – распорядился Артур, – что Лиза вернулась. Ее обидчик у нас. Не хочешь тоже спуститься? Ему точно не поздоровится.

– Нет, я лучше поднимусь к себе и прилягу.

Елизавета обняла Артура, искреннее недоумевая, почему ее не вяжут как предательницу. Может, это и к лучшему – никто не помешает реализовать задуманное. Арчи же на распутье: между интригами челябинского криминального мира и своим будущим с Таней. Переживания одолевают все сильнее. «Хамелеон» просто так не отпустит его.

Расставшись с Лизой, Артур пошел по потайной винтовой лестнице вниз к комнате, куда оттащили заложника, толком не понимая, как следует поступить.

***

– Это еще кто такие?! – спросил Олег, стоя в дверях «красной комнаты». – Бля! Покуда я жив, не потерплю в клубе гомосексов! Ну-ка свалили отсюда. А реквизит – на место! – Троица без лишних слов подчинилась. – Хватит с меня малолеток. Сюда заводите.

– А другого подходящего места не нашлось? – запротестовал Артур.

– Прости, – саркастически ответил Олег, – в пыточной ремонт. А из-за твоих дрянных идей никто сегодня Лизу здесь не шпилит.

Лиза. Это имя эхом пронеслось по всем уголкам моего черепа, словно он абсолютно пуст: «Дрянь, – подумал о попутчице я. – Стоит зазеваться, и бабы последнее у тебя оттяплют», – я понял, что начинаю приходить в себя и что меня привязывают к стулу.

Глаза будто кровью заволокло: таков эффект от красных обоев и назойливых светильников. Помещение давит на неподготовленных посетителей – у любого клаустрофобия и эпилепсия в два счета разовьется. Красный ужас, заполнивший пространство вокруг, местами перекрывают черные расплывчатые силуэты. Виновницы экзекуции среди них нет. Меня обшарили с ног до головы и сложили все найденное на комод.

– Что за ебучий день сегодня? – стоял посреди комнаты внушительной комплекции Олег, просверливая меня взглядом. – Вы кого мне поймали? Не помню, чтобы он был среди тех мудаков. Да и внешность у него неспортивная, – он обернулся за пояснениями в сторону security и Артура.

– Лиза сказала, что...

– С этой барышней мы отдельно перетрем.

– Она сказала, что хоккеисты насильно увезли ее из клуба.

Когда поняли, что хвоста нет, издевались над ней и выкинули на мороз. Она чудом уцелела. Позже на нее вышел вот этот экземпляр и сделал все, лишь бы замять историю с хоккеистами. Он якобы их представитель, – бодро пояснил кто-то из охранников – на его месте обычно стоит ныне опальная Наталья. – Обшарили его карманы – они переполнены всякой мелочевкой. Вещи точно принадлежат хоккеистам: мы видели, когда... соревновались с ними.

– Не соревновались, а позорились, – уточнил Олег. – Не смахивает он на грабителя и убийцу, что обчистил хоккеистов и закопал их. Точно их человек.

– Еще нашли это, – security протянул Олегу шапку с лацканом «Магнитки». – Нужно быть безмозглым смельчаком, чтобы носить такое в Челябинске.

«Кто там посеял эту шапку? Паша? Отгрызть бы ему голову», – думал я.

– Занятно, – произнес Олег, откинув головной убор на комод. – Одного не понимаю. А это кто?! – хозяин клуба указал на Льва.

– Вася сказал, что лазутчик.

– Этот жук умудрился его поймать?

– Говорит, вынюхивал здесь все, в частности в служебных помещениях. Возможно, хотел что-нибудь нарыть или подкинуть, – Лев отчаянно вертел головой, выслушивая очередную ложь о себе.

– Безопасность у нас нынче на высоте. Ты считаешь такое

нормальным? – Олег спросил у охранника, что отчитывался сейчас.

– Никак нет.

– Поздравляю. Теперь ты возглавляешь службу безопасности, – от назначения паренек расцвел на глазах.

– Что теперь с ними делать? – спросил Арчи.

– Что с хоккеистами сделать не успели, – ответил Олег. – Как раз под мое настроение, – он подошел ко Льву. – Снимите с него это дерьмо, – охранники мигом вернули Леве зрение и голос. – Ты кто?

– Я... я просто спал в «Победе», а потом...

– В какой еще «Победе»?

– Машина такая. Из гаража ДОСААФ. Адрес...

– Ясно. Ты никто и звать тебя никак. Сочувствую, парень, ты оказался ни в то время и ни в том месте.

Лев внезапно выкинул следующее:

– Я б на вашем месте собирал вещички и сматывался. Скоро здесь будет полиция.

Охрана громко заржала.

– Ты мент, что ли? – спросил Олег Валентинович. – Хочешь сказать, что из-за такого задрота, как ты, мусора подорвутся всех накрыть? Ты сильно переоцениваешь наши правоохранительные органы. Они, кстати, часто у нас бывают – отдыхают наверху. И на этой кроватке тоже. Нехорошо обманывать. Так, заткните его снова. Им займемся позже, – кляп вновь заткнул Льву рот. – А теперь ты, мой дорогой

друг. Рассказывай, кто ты и какое отношение имеешь к дебилам-хоккеистам, что у нас наследили?

«За ними, видимо, в каждом городе нужно подтирать», – поймал себя на мысли я.

– Что ж, если хочешь молчать, молчи. Значит, за все их проступки получишь только ты...

«Все серьезнее, чем я думал. Они превзошли сами себя, – мысленно заключил я, стараясь не показывать волнения. – Дай бог, вернусь – убью всех!»

– Никто не имеет права причинять мне боль, если я сам этого не захочу, – выдал я. – Кроме моего стоматолога, конечно.

– Ха, я уж подумал, ты немой. Остришь? Считаешь себя серьезным и крутым взрослым, шкет? А шнурки чего не завязаны?

С детского сада ненавижу это делать.

– Шнурки – не самое главное, что нужно знать и уметь в жизни. Я умею много чего другого.

– Вот как? – беседовал со мной Олег. – Скажи тогда, умелец: чего ж ты тогда попался? Повелся на сиськи нашей Лизки? А твои друзья-хоккеры не выйдут поиграть?

– Хочешь взять автограф?

– Я сам готов на морде каждого расписаться. Не будет их – отыграюсь на тебе.

– Что ж ты раньше на них не расписался? Хорошенько они тебя задели.

– Хорошо со мной играть. Что они здесь делали? На кой им сдалась Лиза и Озеров? Ты пришел сюда отвечать за них? Так отвечай! – рявкнул Олег. – Как ты вообще к ним затесался? Ты малолетка, не спортсмен и не тренер. И вообще им не ровня. Треться с ними зачем-то. Кто за тебя отвечает? Что с тобой случится, сразу уголовка... лишение родительских прав.

– Это моя инициатива. Воспользовался моментом и предложил свои услуги.

– В чем же они заключаются?

– Я в некотором роде отлично действую на людей.

– Даже так? – удивился Олег.

– Для меня порой очевидны индивидуальные страхи людей, их пороки, желания, сильные и слабые стороны. Есть, на что давить, когда нужен результат. И наоборот.

– Деловой, значит? Думаешь, что умеешь считывать игру и игроков? Ладно. Я, пожалуй, реализую самый негативный сценарий, который ты уже наверняка предвидел. Мало тебе не покажется. Ты пожалеешь, что влез. Думал, что все сделаешь по-тихому? Только ты еще сопляк и не догоняешь. Ведь только идиот лезет на рожон с такими, как я. Твои друзья спаслись и здорово тебя подвели... Бля, ну почему именно хоккей, а?! Что вы все в нем нашли? Что ж, я стану для тебя хоккеем. Буду ломать тебе ноги, руки, плечи, ключицы, лопатки, рвать твои связки. Ты будешь орать как сумасшедший, но никто тебя не услышит, никто тебе не поможет...

– Медведи срут в лесу, остальные срут на «Магнитку», а «Магнитка» срала на всех. А знаешь, как еще в хоккее говорят? Плевать на других – делай свое дело.

– А ты смельчак, по тебе и не скажешь. Я вот не пойму, зачем тебе все это надо? Просто скажи, где они прячутся, и я отпущу тебя. Разберусь с ними сам. Вот какой смысл жертвовать собой ради кучки ослов на коньках, которые не просто перешли мне дорогу, а здорово так поднасрали? А ты взял и полез к Лизе, чтобы все полюбовно решить. Не бывает так. Я не прощаю.

– Они же всего лишь дети, – сказал я.

– А сыграли по-взрослому, – вырвалось у Артура.

– Хорош слюни по щекам гонять! Мы сделаем следующим образом: ты сейчас звонишь своим дружкам и говоришь, чтобы везли бабки. Чем меньше бабок, тем меньше на тебе живого места, уяснил?

Теперь ясно, откуда Лиза взяла фишку с вымогательством.

– Зачем тебе деньги? Их у тебя...

– Мне нужны эти пацаны. У нас произошел мужской разговор. Мы не договорили. Раз уж ты у нас, заодно и проверим, сколько ты стоишь.

– Твоим планам не суждено сбыться.

– Что же ты тогда здесь забыл? Пришел же за них впрягаться? Или комедию ломать? А они за тобой придут, как думаешь?

– Сомневаюсь.

Олег подошел к комоду с моими вещами:

– Так что же привело их сюда, ты знаешь?

– Все банальнее, чем ты думаешь.

– Да? Куда ж вы тогда дели придурка Озерова?

– Не знаю такого.

– Не знаешь?! – закипел Олег, схватив из найденных у меня вещей неприметную флеш-карту. Не помню, чтобы такая у меня была. Напрягся и Артур, ибо флешка идентична той, на которой хранится драгоценный компромат. – Ты не при делах, говоришь?! – продемонстрировал мне флешку Олег.

– Я не знаю, что это. Она не моя.

– Недоценили мы Озерова. Десантом детей в нас бросил. Еще бы пенсионеров привлек.

– Лиза мне подкинула, – вслух предположил я.

– Ты еще и смеешь ее обвинять?! Ты бесстрашный или безмозглый?

Артур кинулся проверять карманы – заветной флешки нигде нет. Но он же забрал ее у Лизы в туалете. Не привиделось же ему? Пот посыпался градом.

– Артур, как это понимать? – повернулся к нему Олег с флешкой в руке.

– Подделка, – неуверенно произнес сутенер-шантажист. – Настоящая у нас.

– Вы заговор решили устроить? За моей спиной?

– С чего ты... – еще больше занервничал Артур.

– Где флешка?! – чуть не раздавил эту Олег. – Где компромат?!

– Очевидно же. Он у вашей драгоценной Лизы, – ответил я. Да, она всех обвела вокруг пальца. Сколько же флешек в игре? Две, три?

Криминальный авторитет посмотрел на меня так, словно хотел расколоть черепушку выскочке в очках.

– Если у этой сучки нет видео, я убью ее. Все, прекращайте это представление! Вы здесь все сговорились?! – он явно еще тот параноик. Олег повернулся ко мне, закатывая рукава. – Все, чуда не жди.

– Зачем ждать от жизни чуда, если можно чудить самому? – я пытался болтать – это единственный способ не потерять самообладания, ибо меня вот-вот вырубят с одного удара. – Нужно стремиться быть собой, а не таким, как все. Слушай, я в душе не представляю, что они тебе сделали, но мне жутко смешно потому, что 16-летние мальчишки обставили кучу взрослых мужиков. А их лидер играет в боевик с заложниками и хочет выведать то, что пацаны тупо зашли в клуб побухать. Я точно не виноват в том, что у вас так хреново все устроено с дисциплиной. Рыба же гниет с головы...

«Только бы не в голову. Только бы не в голову».

Определенно, я нащупал разложение и внутренние противоречия в коллективе клуба. Самое время, пока Олег размахивается, пустить в ход еще одну информационную бомбу, что мне известна.

«И чего девчонки нашли в Артуре? – мысленно задавался вопросом я, сидя привязанный в комнате утех, кому-то приносящей удовольствие, а кому-то – страдания. – Не могли найти себе нормального мужика? Обязательно нужно хватать именно этого павлина? Деньги. Конечно же, все из-за денег», – я увяз в центре какого-то заговора. А хоккеюги наследовали здесь совершенно случайно. Озеров? Кто же это такой? Ах да, да-да-да, конечно! Как я мог забыть? Тот пришлый, что сидел с ними в номере. В голове начинал складываться пазл: что-то там про флешку, компромат, бизнес.

Занимательно, но необходимо выбираться. Рана побаливает, я связан – остается лишь разжигать огонь противоречий. Прямо как в первые дни в стане хоккеистов – в этом деле я мастак.

– Артур. Ты же Артур, верно? – посмотрел на сутенера я.

– Пасть закрой, – рявкнул Олег.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Артур.

– Таня. Твоя невеста.

– Что? – обомлел Артур.

«В точку!» – по его реакции я понял, что не прогадал.

– Такая миниатюрная блондинка... Ты должен разыскать ее.

– Что с ней? Ты видел ее? – Артур мигмом изменился в лице.

– Впервые в жизни вижу шаровоза, которым вертят его собственные шкуры, – произнес с издевкой Олег. – Артур,

держи себя в руках – тебя обманывают.

– Говори, что тебе известно? – насторожился Арчи, не спуская с меня глаз.

– Тему не переводи.

– Она хочет свести счеты с жизнью, – говорил я.

– Врешь! Откуда тебе известно?

– Я видел ее несколько часов назад. Она была на бежевом «Порше». Тебе лучше поторопиться. Ты изменил ей с Лизой. Таня жутко расстроена.

Олег удивился:

– Какие осведомленные люди нынче привязаны к нашим стульям. Чего ты вообще так привязался к этим бабам, Артур? Или он все придумал? Так я ж ему сейчас язык оторву.

– Это чистая правда, – заявил Артур.

– Чего вы мутите?

– Лучше поспешить, Артур.

– Рот закрой, я сказал, – терял терпение Олег.

– Вам лучше нас не трогать. Во всем дерьме, что тут происходит и еще произойдет, целиком и полностью виноваты вы все и никто больше, – выдал я.

– Больно умный? Не тебе судить.

– Что ты еще знаешь? – продолжал Артур, несмотря на гневный взгляд шефа.

– Обещайте, что отпустите нас.

– Второй тебе зачем? – речь шла о Льве.

– Он здесь случайно, как и я.

– Нет уж, вы оба заплатите мне сполна. А потом мы вас отпустим – не факт, что целехонькими.

– А если это все банальное совпадение, Олег?

– Я знаю еще кое-что, – произнес я. – Надеюсь, все сомнения отпадут.

– Порази нас, ботан.

Я посмотрел на Артура:

– Таня беременна.

– Что-о-о?! – протянул Олег, взглянув на Артура, который никак не уведомил его о столь пикантном факте.

Об этом никто не знает. Артур убедился, что я не лгу.

– Каблук, твою мать! – рассердился Олег. – Взбалмошную бабу к себе навсегда привязал. Молодец, мои аплодисменты!

– Найди ее, Артур, – взывал к его сердцу я, – встань на колени и проси прощения. Ей плохо без тебя – она простит. Даже после всего, что случилось между вами. Сделай все, чтобы она не причинила зла и боли ни тебе, ни ребенку. Иначе ты всю оставшуюся жизнь будешь сожалеть об этом...

– Хлебало завали. Хорош уже, – Олег отвесил мне знатную оплеуху – кажись, все мои зубы справа легли аккурат под 45 градусов.

– Он прав, – пробормотал Артур.

А еще сутенер понял, что запахло жареным: Лиза затеяла опасную игру и все-таки оставила в дураках его самого и Олега. А последний еще больше стал подозревать их в предательстве. С другой стороны, Артура как никогда сильно

тянет найти Таню. Чувства захлестнули его, затмив разум.

Я же продолжал мстить пассажирке «BMW»:

– Лучше присмотритесь к Лизе, товарищи. Она не та, за кого себя выдает. Она способна поставить раком вас всех. При первой же возможности.

Мои мысли совпадали с мыслями Артура. Отныне у него за спиной беременная невеста – рисковать теперь опрометчиво. Он чуял, куда дует ветер перемен. Становится опасно.

– Помолчи, – не нашел, что ответить, Олег. Я чувствовал его смятение.

– Я приведу Лизу, – произнес Артур и наострил лыжи в сторону коридора.

– А ну-ка стой, – подозрительно остановил компаньона Олег. – Эй, вы оба! Идете с Артуром и следите, чтобы ни он, ни эта продажная стерва никуда не свернули. Я жду их здесь с объяснениями.

Артур чувствовал себя заключенным, которого приговорили к высшей мере наказания. Он еще ни разу не ходил по клубу с конвоем. В «красной комнате» остался телохранитель Олега.

– Чего ты скалишься? – резко отреагировал на мою загадочную улыбку Олег.

– Ничего. Все так, как я и говорил.

Что-то нечленораздельное промычал Лев – соглашается со мной, наверное.

– Что ты можешь знать? Твои слова ничего здесь не зна-

чат.

– Как и твои, поверь. Ты ничего не контролируешь. Окружил себя предателями и карьеристами. Ха-ха, – до сих пор удивляюсь, как у меня смелости хватило на такие речи: нынешняя ночь сотворила со мной нечто ужасное, или просто меня слишком часто били по голове?

– Карен, – повернулся к телохранителю Олег, – будь добр, прострели ему язык.

С абсолютно безразличным выражением лица Карен достал пистолет, которым в свое время целился в хоккеистов, и двинулся в мою сторону. Вот сейчас совсем не до смеха – внутри все сжалось. Я готов лишиться руки, ноги, но не языка. Как выкручиваться без главного оружия?

Спасло (как и всегда) небесное проведение. В дверях возник запыхавшийся охранник. Его внешность привлекла внимание всех: налитые кровью глаза, синяки на лице.

– Олег Валентинович, там...

«Ну что еще?!» – подумал Олег, но обратил внимание на другое:

– Что с твоим лицом?

Паренек в цветах «Хамелеона» (строгой, но слегка мятой футболке) смутился:

– Велено вам не сообщать.

– Вы все забыли, кто я такой?! Говори немедленно!

– Я, честно, сразу заподозрил неладное и хотел им помешать...

– Кому? Артуру?

– ...Но их было много, и мне плеснули в лицо из баллончика...

– Кого было много?

– Пацанов, спортсменов. И... Елизавета Дмитриевна... ослепила меня.

– Вот курва. Ее заставили...

– Мне показалось, что она сделала все добровольно. Но дело не в этом...

– А в чем?

– Наверху полиция.

«Где Артур????!!! Где Лиза????!!! Где все????!!! Уроды!» – у Олега не укладывалось в голове.

– Что-что? – не поверил ушам Олег, переведя взгляд на Льва. – Говнюк, ты знал, – Лева сам до глубины души удивился. Либо так на его мину влияет кляп с несуразным красным шариком, что торчит изо рта. – Совсем страх потеряли, – произнес Олег. – Пойдем за мной, Карен. А ты, – дал задание охраннику он, – стоишь у дверей и сторожишь этих двоих. Никого не пускаешь кроме нас. Ни Лизу, ни Артура, ни кого-либо еще.

Хозяин клуба вместе с телохранителем направился в зал, а мы слевой невольно переглянулись.

История тридцать пятая. «Освобождение»

Мала сумка – вещей многовато. Елизавета металась по комнате на втором этаже «Хамелеона», раздумывая, что взять, а что оставить навсегда. Да, она решила завязать: «Твоя взяла, засранец малолетний. Надеюсь, тебя внизу несильно бьют».

Несколько растерянный взгляд дамочки остановился на флешке – той самой, что чудом уцелела после всех ночных походов (чего не скажешь о ее собратях). Лиза – единственная обладательница компромата на Озерова-старшего – несколько часов назад хотела стать самостоятельным игроком в конфликте, однако столкнулась с обстоятельствами, которые скорректировали ее планы. Наконец-то она подумала о себе не через призму роскоши и низменных потребностей. Гораздо эффективнее ведь разрушить плоды творений мужиков-лицемеров, которые заслужили такого обращения, которые столько времени ее обманывали и эксплуатировали, использовали ее лучшие годы ради заработка. Вся обстановка осточертела, как и люди, построившие преступную группировку вокруг клуба «Хамелеон». Они настолько очерствели, что не видели в ней женщину, достойного соперника или хотя бы человека с чувствами. Для них Лиза – лишь дорогая секс-игрушка и не более. Они сделали ее бесчувственной,

беспощадной, но одновременно уязвимой, беззащитной. Чаша терпения опустела окончательно – теперь она им задаст.

Решено бороться с Олегом – получается, Озеров-старший отныне является ее союзником. Елизавета способна потопить Олега и его «Хамелеон» так, что никакая полицейская крыша не поможет. Здесь, куда ни плюнь, тяжкая статья. Лиза в два счета может собрать обширный материал по убийствам, пыткам, рэкету, торговле наркотиками и оружием, игорному бизнесу, мошенничеству, налоговым преступлениям, использованию рабского труда, организации борделя. Понадобятся доказательства. Хотя, подумала Елизавета, необходимо ли вообще что-либо добывать – она ведь и есть живое подтверждение всех обвинений. Следует поторопиться, пока все не очухались, и пойти в полицию. «А не сяду ли я, – поймала себя на мысли она, – в качестве пособницы?»

Среди брошенных вещей завибрировал телефон. «И где вы только были все?» – вспомнилось безмолвие трубки во время пребывания Лизы в «BMW». Затем последовала другая мысль: неужели началось, неужели догадались? Она ведь была неаккуратна: хоккеисты, удар Артура бутылкой, побитый охранник.

Решила не брать, а потом все же взяла. Звонит один паренек: он служит в органах, хотя по своей сущности скромный, невинный, неуверенный в себе. Лизе нравятся такие клиенты.

– Ты в клубе? – полушепотом произнес лейтенант.

– Прости, дорогой, сегодня никак не получится, – ответила она.

– Я звоню не из-за этого.

– Да? Я думала, тебя вновь нужно ублажить.

– У меня мало времени...

– Уламываешь на секс по телефону?

На том конце будто шла борьба между сентиментами и долгом.

– Нет. Прошу тебя, Лиза... Беги оттуда.

– Не поняла, – насторожилась девушка.

– Надеюсь, мы с тобой еще увидимся. Мне было очень хорошо с тобой.

– Подожди. Объясни по-человечески, что происходит?

– Полиция все знает.

– Она всегда все знала.

– На «Хамелеон» готовится облава. Пожалуйста, уходи, – парня мучила совесть, и он бросил трубку – мало ли кто мог его услышать.

Не доверять милому полицейскому у Лизы оснований нет. Что ж, задумки Елизаветы по разоблачению «Хамелеона» стали притворяться в жизнь гораздо раньше и почти без ее участия, ибо плохиши сами подставились. Лизонька решила, что не позволит им утащить на дно и ее. Она желает начать новую жизнь, которая вряд ли будет связана с Челябинском. Для начала нужно незаметно покинуть охраняемое здание и убежать подальше – каждая секунда на счету.

***

Лизочка давно овладела навыком передвигаться по служебным коридорам без лишнего внимания. Вот она на балконе, а затем и на первом этаже – на уровне танцевального зала, на пути к черному выходу, ведущему на задний двор, через который она сегодня уже сбегала.

Парочка поворотов впереди, и девушка на свободе. Но, обогнув очередной угол, она резво укрылась за ним: в коридоре охранник. Несет вахту около двери с кодовым замком («дверь в преисподнюю», как ее негласно называют). За ней – лестница в нарколабораторию, где трудятся и одновременно проживают несколько десятков нелегальных мигрантов. Обходить препятствие времени нет – к тому же с другой стороны находится «красная комната» и вся компания мужиков, против которых она воюет. Спустила полминуты произошло самое интересное: послышался мужской голос с оттенком вседозволенности и наглости, даже тщеславия.

– И как вам не надоедает постоянно здесь торчать и молча втыкать в стенку? Я бы ни за какие деньги не согласился, – прогуливался по коридору Иван Бережной, заложив руки за спину. Он одним своим видом вызывал неприязнь.

– Поэтому ты и работаешь на кухне, – ответил ему охранник, расправив плечи и перегородив Ване дорогу. – Я же отгоняю отсюда всяких назойливых кухонных работников вроде тебя, Васек. Ты чего-то хотел? Который день вижу, как ты

трещься рядом.

Бережного ничуть не смущает, что ему не рады. Знания уже помогли шпиону ранее оставить дверь в засекреченное помещение открытой, чтобы бойкая китаянка, перепачканная запрещенным порошком и не видевшая света больше года, нашла в себе силы выбежать на волю. А этот мегаответственный охранник, обнаружив раскрытую дверь, только не на шутку перепугался, рассчитывая, что не дадут по шапке за чересчур долгое сидение в сортире. И куда только смотрят мудаки, ответственные за камеры? Зажрались все.

– Ты наблюдателен, – улыбнулся Бережной. – В том направлении, куда смотреть не следует.

– Тебе-то что за дело? Не суй сюда свой нос.

– Не совал бы я нос, «Хамелеон» давно бы передали в распоряжение какой-нибудь библиотеке, в то время как его владельцы сидели бы за решеткой.

– Хочешь благодарностей, ценный сотрудник? Что ж шеф тебя не повысит?

– Он еще не осознал пользу моих заслуг в должной мере. А когда поймет, будет уже слишком поздно.

– Что отличает нормальных пацанов от таких козлов, как ты, так это твоя витиеватая речь, намеки всякие.

– Вам их никогда не понять. Вы ограниченные. Думаете, что накачали мышцы и небожителями стали? Да вся твоя жизнь – вот эта дверь.

– Лучше не напрашивайся. Я же тебе вломлю.

– На твоём месте я бы этого не делал. Глядишь, дверь опять откроется и оттуда кто-нибудь слиняет.

Security насторожился.

– Сегодня ведь такое уже происходило?

– Откуда ты знаешь?

– Все знают. Как еще до руководства не донеслось? Вот и твоя хваленая работа, – щебетал Бережной, войдя в зону поражения от возможного удара с правой. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Ты своими воробыиными извилинами даже представить себе не можешь возможные последствия: производство бы встало, работники бы разбежались, кто-нибудь бы настучал... А сколько бы денег потерял «Хамелеон»... У-у-у, сотни тысяч... Вот, что ты сторожишь, милоч. Тебя бы не просто убили – ты пошел бы на корм тем, кто батрачит внизу, – провоцировал охранника Иван. – И все проблемы возникли бы из-за тебя. Кажись, боженька уберег дурака и ничего серьезного не случилось. Хотя подставить тебя способен кто угодно...

– Шел бы ты отсюда, Вася!

– Осведомлен, что ты большой любитель приколов. В последнее время они почему-то направлены только в мою сторону, как и нелюбезные слухи, лживые от начала и до конца. Почему именно я, не расскажешь?

– Зовешь вот охрану тупой и бездарной, а сам не можешь догадаться, чего все прикалываются над тобой.

– Я-то как раз на уровень выше вас.

– Все, ты меня достал. Съебись отсюда.

– Я ведь тоже способен испортить тебе жизнь.

– Я тебе нос расквашу, говноед хвастливый!

– Показать, как рядовой сотрудник может открыть замок в нарколабораторию?

Охранник попался догадливый.

– Так это был ты, гнида?!

– Где твой наушник? В сортире забыл? Вот досада.

Надсмотрщик припал пальцами к уху. В этот момент Бережной подскочил к нему, крепко обхватил его шею и утопил лицо парня в тряпке, обильно пропитанной какой-то усыпляющей химией.

– Дыши, сука, дыши! Полной грудью! – Иван не отпускал тряпку, несмотря на сопротивление визави.

«Вот же гад!» – подумала Елизавета, наблюдая за сценой из укрытия.

Бережной положил отключившегося стража около двери и разоружил его. Вскоре дверь с кодовым замком без проблем была открыта. Первым делом предатель столкнул вниз по лестнице тело охранника – тот кубарем скатился в темноту. Далее сам Ваня скрылся в ней, дабы выпустить на свободу невольников, которые к приходу СОБРа разбегутся по зданию.

Елизавета почувствовала отличный момент, чтобы улизнуть. С подвала веет холодком и химикатами. Проклятие, какой же длинный этот коридор.

– Елизавета Дмитриевна! – окликнули ее сзади. – Куда ж вы так спешите?

Лиза сорвалась с места и устремилась к выходу. И почему вокруг никого нет?! Почему никто не смотрит в камеры и ничего не предпринимает?! Молодой человек на камерах, который ранее заметил Даню, конечно же, увидел, как Бережной набросился на охранника и как за этим молчаливо наблюдала Лиза. Но как только он встрепенулся, чтобы среагировать, на другом экране, что транслирует улицу, он увидел целый строй людей в форме, крадущихся вдоль стен. Причем вскоре камера забарахлила и перестала давать изображение. У паренька все сжалось внутри – он потянулся к трубке, чтобы сообщить об облаве, как почувал, что нечто металлическое и холодное уперлось ему в спину. Боец СОБРа в темной форме и в маске схватил пацана за плечо, не давая ему встать с места, и положил указательный палец поперек собственного рта, без лишних слов порекомендовав охраннику помалкивать, что тот и сделал. Страж порядка материализовался в рубке, словно из воздуха.

Любимица сутенера трех шагов не пробежала, как ее схватил Бережной, увернувшийся от всех спонтанных ударов сумкой. Для надежности Иван подставил к шее беглянки пистолет, что отобрал у поверженного зрителя.

– Нехорошо подглядывать, дорогая моя. Невежливо убежать, когда к тебе обращаются по имени-отчеству.

– Руки убери от меня, мразь! – огрызнулась Лиза.

– Ой, зачем же так грубо? – Бережной затащил Елизавету в ближайшую комнатушку.

– Послушай, – начала Лиза, глядя на человека с пистолетом. Ей во что бы то ни стало нужно надуть его, – я не знаю, чего ты задумал, но мне все равно – я намерена уйти отсюда с концами.

– Хорошая попытка, глупышка. И куда ты собралась? Неужто в койку к Олегу, где и сообщишь ему, что дни его власти сочтены?

Девушка заметила, как Иван упивается собственным превосходством, и сообразила, какова его истинная цель: «Вот ведь марионетка мусорская! Никогда мне не нравился. Однако в данный момент наши интересы совпадают».

– Нет, я покидаю «Хамелеон» насовсем.

– Хорош меня лечить. Куда ты пойдешь?! Ты никто без этой ямы.

– Я бы на твоём месте не была так уверена.

– Ты никогда не будешь на моём месте.

– Ничего страшного, я не пропаду. А вот ты, мудила, ответишь за все, – Бережной засмеялся ей в лицо. – Думаешь, с ментами ты в безопасности, если придашь все огласке? Да тебя в любом месте на части разорвут люди Олега. Они же могущественнее, чем ты себе можешь представить, – говорила Елизавета.

– Значит, и тебя ждёт незавидная судьба, если решишь заговорить.

– Я, по крайней мере, не устраивала побег из нарко...

– Понимаю теперь, почему все мужики так тебя хотят.

Иметь такую строптивую сучку, как ты – это власть, упоение, блаженство. Столь неприступна, непредсказуема, остра на язык – такая не каждого к себе подпустит, – стволом пистолета он отодвинул полы ее шубки, чтобы полюбоваться грудью, – столь... аппетитна.

– Даже не думай.

– Ха-ха, а ты мне запрети. Отныне никто мне не указ: деньки твоих покровителей сочтены, поэтому советую по-лучше взглянуть на меня, – его амбиции за минуту стали безграничными.

– Ты не в моем вкусе.

– С каких это пор проститутки имеют вкус? – возмутился Бережной, небрежно махнув пистолетом в сторону Лизы. – Раздевайся. Всякая мразь тебя попробовала. А я чем хуже? – Лизу тошнило от его голоса. – Секс с тобой будет мне наградой в час триумфа...

Бережной перешел в нападение. Только он дернулся в сторону Лизы, то сразу получил по лицу. Ваня отвернулся, прикоснулся пальцами к щеке и разглядел на них капли крови – на лице красовались три красно-бурых борозды от ногтей Лизочки. Не успела она обозвать Ваню пообиднее, как взбесившийся Бережной бросился на нее. Она оглянуться не успела, как ее схватили за руки и жестко прижали к стене. На ее ножки больно надавили коленями, что лишило ее возмож-

ности двигаться. Чем тогда он собрался снимать с нее одежду? Ответ поступил незамедлительно – зубами. Иван обезумел – Лиза уже подумала, что выхода нет. Боже, да сколько ж можно пытаться ее насиловать?!

Дверь в комнатку с шумом распахнулась – ее одной левой выбил безопасник, за которым стоял угрюмый Артур. Второй охранник схватил Бережного и выкинул его в коридор. От неожиданности Ванька даже пистолет потерял. Артур распорядился, чтобы один фейсер отнес Бережного подальше отсюда, а желательно и вовсе выкинул его на улицу.

– Олег Валентинович велел...

– Что, считаешь своего дружбана слабаком, который со мной не справится? – взял на понт сопровождающего Артур. – Никуда мы не денемся.

Охранник кивнул коллеге.

– Ты чего здесь устроила?! – грозно начал Артур, играя на публику. – Сейчас я разберусь с ней и потащим ее к Олегу, – сказал конвоиру Артур и захлопнул дверь.

– Артур, я... – начала оправдываться Лиза.

Вместо ругани Арчи подошел к ней впритык и зашептал:

– Слушай, мы в тупике. Олег ждет нас на ковер. Он что-то подозревает. Но я понял, что мне уже не до этого клуба, не до этих баб. Мне срочно нужно бежать.

– Так бежим вместе.

Она хотела погладить его по щеке, но Артур отстранился.

– Прости, но у нас с тобой ничего не получится.

– Но как же...

– Я Таню люблю, – он прекрасно понимает, какая ответственность на него ложится (он не имеет права отказываться). Артур намеревается сделать все, чтобы его дитя и Таня были счастливы, чего бы ему это ни стоило. – Я ничего не могу поделать, Лиза. Мне нужно найти ее, иначе произойдет непоправимое, – Елизавета заметила, что Артур сейчас искренний как никогда. – Мне насрать, что там об этом думает Олег. Ты еще намудрила с этой флешкой, но я тебя не виню. Рано или поздно вопрос бы встал ребром.

– Артур, мне безразличны его игры. Нам двоим нужна свобода. Давай выбираться отсюда вместе.

– Но учти, что снаружи наши пути разойдутся, как бы плохо нам ни было.

– Понимаю.

– Так будет безопаснее. Если Олег станет нас искать...

– Не переживай за него. Он не сможет нам навредить... как минимум в ближайшие годы.

– С чего такая уверенность?

– У нас мало времени. Скоро полиция будет штурмовать клуб. Они готовы нарушить все договоренности. Я не знаю причин. Они арестуют его и будут судить.

– Подожди, но как же наш уговор? Постой... Откуда ты...

– Просто поверь мне.

– Трудно сейчас кому-либо верить.

– Тоннель? – предложила Лиза.

Арчи кивнул, опасливо озираясь на дверь, за которой их ждет охранник. Елизавета обернулась – на столике справа лежало нечто, напоминающее старый канделябр (весьма увесистый). Со старой обстановки, наверное, остался. Артур схватил его и занял позицию у дверей, кивнув девушке. Та мигом метнулась к двери и раскрыла ее. Не заметив Артура, охранник влетел в комнатку с удивленным лицом. Вложив всю силу в удар, сутенер опустил канделябр на голову надзирателя. Тот навзничь упал на пол и даже не дернулся.

Лизе протянули руку, словно приглашали на танец.

– Пистолет. Возьми пистолет, – предложила она.

– Надеюсь, не понадобится, – поднял с пола ствол Артур.

Вместе они понеслись к входу в потайной эвакуационный тоннель, что выведет их наружу, тем самым обеспечив им преимущество и недосыгаемость. На другом конце их ждет новая жизнь. Оба прекрасно осознают: через несколько минут давним друзьям и компаньонам суждено будет расстаться раз и навсегда.

***

– М-да, – оглядывал убранство ночного клуба механик Михаил. – Содом и Гоморра.

Над ним подшучивали сопляки на face-контроле: сначала сказали, что собес дальше по улице, а потом попросили пенсионное удостоверение, мол, при его предъявлении на баре наливают самогонку бесплатно.

– Вот же щенки бестактные. Что за поколение растет?

– А чего ты хотел? – спросил Илья, вглядываясь в посетителей. – Здесь тебе не сельский клуб с шашками и собранием сочинений Ильича, – в ответ Михаил что-то недовольно фыркнул – из-за музыки Илья толком не услышал.

Предложено разделиться и разыскать Глеба и его компанию в зале.

– Я в эту оргию не полезу, – запротестовал дядя Миша.

– Хорош капризничать.

– Да ты глянь. Тут полгорода жопами трясет. У меня и так месяц в ушах звенеть будет.

– Лады, пенсионер, твоя взяла. Провалов в памяти у тебя нет? Стой здесь и смотри, чтобы похожие на наших друзей пацаны не улизнули.

Михаил, распечатавший шестой десяток, в здешней обстановке выглядел анахронизмом, будто вонючий советский сервант на выставке авангардной мебели. Все оборачивались в его сторону и посмеивались, тыкали пальцами. Не дай бог, еще и заговорить попытаются.

– Чтоб я торчал тут как тополь на Плющихе?! В таком виде?!

– Либо здесь, либо там. Или желаешь, чтобы мы поехали домой?

Миша поджал губы и остался стоять в самом проходе, тщетно пытаясь слиться с толпой. Он с нескрываемым отвращением наблюдал за молодежью. Илья же разгуливал по

клубу, выискивая угонщиков.

Ранее из служебного коридора в танцевальный зал вылетели Глеб, Руслан и Рыжий. В отсутствии солидных персон, что поперли их из «красной комнаты», Глеб продемонстрировал фирменную распальцовку и принялся заочно оскорблять Олега: мол, уложил бы его на раз-два, да как он посмел, да пошел он куда подальше и так далее. Руслан же возрадовался, что дело не дошло до массажа прямой кишки заложника.

– Пусть оставят этого козла себе и сами с ним возьмется! Одной морокой меньше, – высказался о пленнике Глеб. – Ничего не будет отвлекать от веселья, да, киска?! – он весьма развязно и непристойно хлопнул проходящую мимо девчонку по мягкому месту.

– Э-э-й! – протянула она.

– Будет скучно, малышка, милости прошу к моему болту.

– Урод!

– Ты тоже ничего, – непринужденно ответил Глеб, подмигнув даме.

Видно, что он заряжен продолжать ночь с размахом: еще больше алкоголя, курева и всего сопутствующего.

– Я отойду по нужде? – спросил Руслан, собираясь незаметно слинять.

– Рыжий! – распорядился Глеб. – С ним сходи. А я пока синеботов с нашего стола сгоню.

– Что мне ему, держать, что ли?!

– Если он слиняет, я тебе башку откручу. Я хотел бы выжать из этого места максимум – втроем мы унесем больше, чем вдвоем. Это ясно? Им золотые горы предлагают, а они носы воротят!

– Да никто не отказывается, – Рыжий не прочь продолжить кутить. Руслан промолчал.

Рыжий (и конопатый) встал у двери мужской уборной:

– Живее давай.

Русланчик непринужденно зашел внутрь – вроде бы никого. Паренек мигом кинулся к узким окнам под потолком и попытался зацепиться за подоконник, подтянуться и вылезти на свободу, но до ручек не достал, за край толком уцепиться не смог, ладошки соскальзывают: что с прыжка, что с разбега. Расстроенный Руслан уселся на пол около умывальников, чуть ли не хныкая от досады.

В одной из кабинок нажали на смыв. К раковинам вышел низкорослый паренек в черном худи, коричневой бейсболке и с широкой мотней на поношенных джинсах. Не глядя в сторону Руслана, он произнес:

– Ты чего такой грустный, brother?

– Голова болит. Тишины охота.

– Хочешь, обрадую тебя? И голова перестанет бо-бо.

Руслан озадаченно взглянул на незнакомца. Тот достал из внутреннего кармана небольшой пакетик. Из него он вывалил на ладонь несколько таблеточек. Паренек присел на корточки супротив Руслана и показал товар.

«В природе, а если поможет забыться и не пропускать сквозь себя весь этот гребанный ад?» – подумал Руслан, но вовремя остановился:

– Спасибо. Я таким не увлекаюсь.

– Да ладно тебе! Импортный товар. А не сода вперемишку с сахаром, что внизу фасуют.

– Нет-нет.

– Очень зря, – открытое и приветливое лицо наркоторгаша вмиг сменилось на угрюмое, даже слегка озлобленное – как у консультанта в магазине бытовой техники, которого измучили вопросами любопытные покупатели, но так ничего и не приобрели.

Руслан вернулся в танцевальный зал, как на каторгу. Когда же это кончится?

Аналогичный вопрос задавал себе и Михаил. И вот Илья махнул ему – поиски увенчались успехом. Но что же он намеревается делать дальше?

– Сейчас подсаживаемся к ним. Я веду беседу, а ты молчишь, киваешь и хмуришь брови, – проинструктировал компаньона Илюха.

Итак, два взрослых мужика кинулись ломать комедию перед тремя отбившимися от рук детишками. Илью даже забавляла такая игра. И вот они как бы невзначай появились у столика Глеба и его корешей.

– Яблоку негде упасть. Ребят, у вас свободно?

– Вам чего, мужики? – спросил негостеприимный Ры-

жий. – Выпить налить?

– Тихо, Рыжий, пускай садятся, – разрешил Глеб, дабы лишний раз понтануться. – Чего пить будете?

– А есть выбор?

– Что душе угодно, – с важным видом развалился на диванчике Глеб, поглядывая в сторону элитных лож. – Я сегодня в заведении что-то вроде особого гостя.

«Не на украденные ли у Андрея денежки шикаете?» – подумал Илья, припомнив обещание вмазать Глебу. Сначала нужно убедиться, что это именно те, кого они преследуют – с виду прям один в один.

– Две пинты пива для начала, – заявил Михаил, уловив удивленный взгляд Ильи.

– Как угодно, – Глеб щелкнул пальцами, и прикрепленный к ним официант был тут как тут.

Мигом принесли пиво – мужики с упоением пригубили пенного. Опохмелиться следовало еще раньше.

– Весело здесь.

– Не староваты ли вы для такого веселья, мужики? – подозрительно спросил Рыжий.

Руслан же глаз не спускал с новых знакомых – где-то он их уже видел. Боялся признаться себе, что узнал людей из ДОСААФ. И как они сумели выйти на их след? Парень заметно разнервничался.

– Главное, пацаны, душой не стареть. Остальное решается правильным питанием, регулярными физическими нагруз-

ками и отсутствием стрессов по всяким пустякам.

– Это понятно. Но что вас привело именно сюда? «Хамелеон» – это место не по укреплению, а по подрыву здоровья. Или вы периодически грешите? Или вас привлекают молодые девчонки, что тут ходят? Нынче полно всяких состоятельных стареньких дядечек, охотливых до свежей крови. Признавайтесь! – выступил Глеб.

– Нет, это не про нас. Но всегда интересно узнать, чем живет современная молодежь. Нужно быть, как говорится, в тренде, чтобы понять, чем занимаются твои дети по выходным. Клуб – прямо-таки отличное место для этого. У меня вот старшая дочь...

– О-о-о, мужик, не заходи тогда в толкан. А то насмотришься там всякого и дочку из комнаты не выпустишь.

– Ты прав, пожалуй. А еще у меня есть сын – он еще маленький и обожает играть в машинки. У него их очень много, на все случаи жизни. Вы любите машины?

– Какой же уважающий себя мужик их не любит?

– Это верно. Что же тогда значит слово «любить» по отношению к машине? – прощупывал почву Илья. – Просто пользоваться? Или ухаживать за ней, холить, лелеять, пылинки с нее сдувать?

– Кто как хочет, – отрезал Рыжий.

– Я вот считаю, что у автомобиля есть некое подобие души, – произнес Илья.

– Ха, – возразил Глеб, – скажи еще, что души умерших

в машины вселяются: кто в рай попал – тот лимузин, а кто грешил – тот мусоровоз. По мне, это тупые железяки, которые годны только наши задницы возить... и желательно не ломаться. Только и всего!

– М-да, ты бы дни и ночи в гараже с машиной точно не проводил.

– Хочешь сказать, что я не мужик?!

– И в мыслях не было. Сдается мне, мятая «99-я» у входа тебе принадлежит? – Илья догадывался, что ее знатно побила «Победа».

– А что, проблемы?

– Нет, просто она в глаза бросается – такая неприглядная...

«На ней могут передвигаться только такие проходимцы, как вы», – подумал Илья и предположил:

– Продаете, небось?

– Ты что, такую рухлядь покупаешь? На лом?

– Есть рухлядь, которую еще можно восстановить.

– 50 штук и делай с ней что хочешь, – у Глеба загорелись глаза.

– Эй! Это моя машина. Она не продается, – заголосил Руслан.

– Твоя? Или родительская? – уточнил Илья, упорно глядя Руслану в глаза.

– Моя, – замялся с ответом Руслан.

– За этот кусок металла цена отличная. Соглашайся,

чмошник.

У Руслана чуть слезы из глаз не брызнули – не ожидал он, что его сегодня могут нагреть еще на что-то. Глеб и его имуществом распорядиться стал.

– Слушайте, раз не хотите продавать, давайте я ее у вас выиграю? – предложил Илья.

– По рукам, – еще сильнее воодушевился Глеб.

– Например, в покер.

– Забились, – Глебу развлечение было по душе – хоть что-то новое. Лично он при таком раскладе ничего не теряет, а на Руслана ему насрать. Как и до прочих мыслей: например, о том, кто вообще эти мужики, свалившиеся на них как снег на голову?

– Нет, я против!

– Хлебало завали, еблан!

– Тогда играем, – хлопнул в ладоши Илья. – Официант, колоду карт принеси.

– Э-э-э, у нас их нет, – развел руками официант.

– Как это нет?! – встрепенулся Глеб. – А казино у вас на что?! В лото рубиться?! Метнулся туда мухой и принес, – он повернулся к Илье. – Можешь сразу на скупку металлов ее сдавать – она ни на что не годится.

– Да? Устраивали краш-тесты, что ли?

– Не то чтобы тесты. Тянули недавно на буксире другую тачку – так у нас чуть движок не выпал. Эта консервная банка от любого порыва ветра мнется.

– Эй, вообще-то... – вновь запротестовал Руслан, но Рыжий усадил его на место и пригрозил указательным пальцем здоровой руки.

– Не обращайтесь внимания. Он чересчур нервный у нас сегодня. Постыдился бы! Я не проиграю твою машину. Кстати, что от тебя последует, если мы выиграем?

– 50 косарей, как и проговорили, – заверил Илья. – Я от своих слов не отказываюсь.

– В-о-о, – оценил нового знакомого Глеб, – вот это я понимаю деловой человек. Слышите, пацаны? Учитесь, а то с вами каши не сварить: ни рулить, ни вскрывать, ни проблемы решать не умеете, – сам себя сдавал Глеб.

«Не обманул Андрей», – размышлял Илья.

– Пока несут колоду, я расскажу вам одну занимательную историю из моего родительского опыта. Однажды мой сын вернулся с детской площадки и что-то усердно от меня прятал. Но я человек настырный и вскоре все выяснил. Он притащил с улицы – прямо из песочницы, где играл с другими мальчишками – игрушечную машинку. Сильно она ему в сердце запала. Так понравилась, что сынок втихаря стащил ее у другого мальчика. Причем тачка далеко не новая, даже в некоторых местах поломанная, но при этом залатанная, заклеенная, мастерски отремонтированная. О чем это говорит? Видно, что отец мальчика чинил эту машинку не единожды, ибо она дорога его сыну. А ведь можно было выкинуть ее, пойти да купить новую. Но только не в этом слу-

чае. То же и с новьем – особо не успеваешь к нему привязаться. Вот я и объяснил сыну, как же нехорошо он поступил: не только втихаря украл игрушку, но и лишил мальчика бесценных эмоций, связанных с ней. Наверняка тот горько плакал, переживал. Я спросил у сына тогда, что бы почувствовал он, если б из его коллекции уперли самую любимую тачку, которой он больше всего дорожит? Тогда мальчик понял, что детская на первый взгляд шалость имеет серьезные последствия. Второй вопрос – почему тот плохо следил за своими игрушками – незначителен: детям это простительно. Я, как бы стыдно ни было, попросил сына вернуть игрушку владельцу и извиниться. Да, это очень трудно, тем более для маленького ребенка. Но при таком раскладе его никто бы не смог назвать вором, которому нет прощения. Сын выполнил мою просьбу и запомнил на всю жизнь, что нет ничего хорошего в столь кривой дорожке. Она все равно приведет к еще более неприятным последствиям: как внешним, так и внутренним. А еще я сказал сынку, что он может самостоятельно заслужить, а в будущем и заработать на желанную машинку сколько угодно денег, не прибегая к обману или краже. Если же предпочтет иное, то рано или поздно ему воздастся по заслугам: все придется вернуть, и в конечном счете он останется ни с чем и будет посрамлен. Причем эта ситуация настолько показательная и универсальная, что распространяется практически на все стороны жизни. Вот как, собственно, мудрый родитель только раз в жизни может указать ре-

бенку на истинный путь. И мальчик, уверен, запомнит это надолго и подумает сто раз, прежде чем поддаться соблазну. Но не все родители пользуются таким подходом: либо берегут отпрыска от потрясений, либо просто лень. Видят, что ребенок солгал, украл, что-то нарочно испортил, ударил кого-то... Ничего, думают они – подрастет и сам все поймет... или жизнь научит. Жуткое, как по мне, разгильдяйство. Знают ли они, что он таким образом не сможет исправиться, а лишь почувствует свою безнаказанность. Дальше же по мере испорченности – кто и сколько вложил в свое дитя. А кто-то вообще нисколько не вложил. Как жаль, что с каждым годом таких родителей все больше и больше. Согласны? – становилось ясно, кого он имеет в виду и какую ситуацию описывает. – Кстати, похищение невинных людей сюда тоже относится. Никто даже не думает о страданиях самого заложника, его друзей и родных, что места себе не находят. А всего-то нужно с уважением относиться не только к своим вещам и к себе самому, но и к посторонним.

– Умеешь ты, мужик, тирады толкать, – отреагировал Рыжий. Остальные давно догнали, о чем толкует Илья.

– В связи с вышесказанным имею вопрос... Где Лев?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, мужик, – ответил Глеб.

– Все ты понял. По глазам твоим хитрым вижу.

Кондратий, что охватил Руслана, стал заметен невооруженным глазом.

– Спокойнее, Руслан, – вещал Глеб. – Нет у нас вашего

знакомого.

– Знакомого? – уточнил Илья.

Глеб закатил глаза – промах так промах.

– И «Победы» у вас тоже нет?

– Ты и без нас знаешь ответ на свой вопрос, – с недовольством ответил Глеб.

– Тогда зачем вы к нам вломились?! – терял терпение Илья.

– Не твое собачье дело.

– Ты так со мной не разговаривай, сукин кот! Не смей дергаться, пока мы не разрешим наши проблемы, – стукнул по столу Илья.

Глеб активно искал способы бегства с места назревающего конфликта.

– Не зарекайся, старичок.

***

У входа в клуб «Хамелеон» появился начинающий сержант патрульно-постовой службы.

– Здорова, мужики! – поприветствовал фейсеров Виталик.

– Здоровее видали. Ты чего так вырядился? Хэллоуин уже все. Да и не любят у нас мусоров.

Виталий предъявил удостоверение и изумился, что никакого стыда или страха на лицах охраны не появилось.

– Ты реально мент, что ли? В курсах вообще, что вам веле-

но обходить «Хамелеон» за километр? В противном случае я должен предупредить руководителя заведения, который мигом сообщит вашим, и тебя попрут со службы. Так что отойди в сторонку ради собственной же карьеры. Поверь, лучше тебе бомжей да алкашей ловить. А здесь вынюхивать нечего.

Панибратское обращение к сотруднику при исполнении Виталия неприятно удивило.

– Не пустите, значит?

– Ты глухой?!

– Не напрашивайся. Я ведь позвоню.

– Ладно. Тогда хотя бы помогите по-свойски, – стажер показал вышибалам фотографии Глеба и Рыжего и спросил, не заходили ли такие в клуб.

– Не имею привычки водить дружбу с ментами. Очередь не задерживай.

– Даже если и заходили, мы за приватность наших клиентов горой.

– А я их не запоминаю – столько морд тут за ночь проносятся.

– Хорошо. Тогда позовите Наталью.

– Кого?

– Натаху, шефа вашего, – уже громче произнес Виталик. Хоть здесь вышибалы выполнили его просьбу – и на том спасибо.

Бородатый охранник прошипел в рацию:

– Наташ, тут тебя мент спрашивает... Что с твоим голо-

сом? Как зовут тебя, клоун? Наташа спрашивает, – стажер представился. – Виталий, сержант... Что? Хорошо... Погодь за дверью, раз такой непонятливый. Сейчас Наташа тебе разъяснит.

Вышедшая из клуба Наташа отвела патрульного подальше, чтобы их не видели посторонние. Зайдя за угол, Виталия и Наташа поцеловались. Причем она для этого поднялась на цыпочки, а он слегка нагнулся.

Виталик не понаслышке знает, что девушка целиком и полностью оправдывает свое нахождение на посту начальника службы безопасности клуба «Хамелеон». Тем не менее он сомневался в банальной безопасности самой Наташи: здесь ежедневно творится всяческая дичь, с которой Наталье приходится сталкиваться.

Язык не повернется назвать ее хрупкой и ранимой. Отец Натальи, военный от мозга до костей, всегда хотел сына, отчего устроил своим домашним нехилую казарму, посему Наташа (невысокая блондинка с прибранными в косу волосами, голубыми глазами, заостренным маленьким носиком, приятными чертами точеного лица) ныне может дать фору любому мужику, которых в последние годы неплохо так изнежили. Сильной, ловкой и непримиримой в «Хамелеоне» подчинялись. С детства ее надрессировали на армейский лад: она в совершенстве овладела стрельбой из пистолета (даже стала кандидатом в мастера спорта), с успехом кончила курсы военных медсестер, тягала железо в зале на удивление многих

мужиков, которых держала в узде. Частенько сам Виталик ее побаивался – она может так на место поставить, что мало не покажется. Кто кого еще должен защищать в их союзе? Земля пухом тому грабителю, который решится напасть на Наташу в темном переулке.

Пассия Виталика редко проявляла типичные женские эмоции. Он ни разу не утешал Наташу, потому мигом приметил изменение на ее личике, когда та вышла. Будто силится пустить слезу, но попросту не помнит, как это делается. В темных джинсах, облегающей водолазке и приталенном дамском пиджачке она смотрелась сногшибательно, но Виталик все равно встревожился. Вряд ли он в полной мере представляет, через что ей приходится ежедневно проходить, дабы «Хамелеон» оставался неприступным. Сегодняшний день явно не задался с самого начала.

Скупая слеза посетила лик Наташи, поразив Виталия до глубины души:

– Ты чего, плачешь?

Она героически пыталась вытереть слезу, как из глаз стали катиться другие. Еще и еще.

– Кто тебя обидел, зай? Вернее, у кого хватило смелости тебя обидеть и кто сейчас лежит в нокауте? – она сдержанно улыбнулась в ответ. Парень приобнял ее. – Ну правда, родная, что стряслось?

– Я не рассчитывала, что ты придешь. Если бы мы увиделись утром, я бы уже смирилась с тем, что произошло.

– Скажи: кто с тобой обошелся плохо? Я его дубинкой забью.

– Я сама могу постоять за себя, – напомнила она.

– В таком случае моя роль состоит в том, чтобы узнать, по какой причине на твоём лице слезы... и пойти постоять за тебя еще раз, – не унимался он.

– Ты такой хороший у меня, – Наташа потрепала его по щеке.

– Я стану плохим, если ты продолжишь плакать. Добро должно быть с кулаками.

– Дело в том, что меня... уволили. Сегодня моя последняя смена, – взгрустнулось ей.

– Это невозможно. Кто лучше тебя выполнит такую ответственную работу?

– Найдутся люди...

– Но ты ведь уникальная, – утешал ее Виталия. – Знаешь что, не переживай. Они ни хрена не смыслят. Да сколько ты вложила в это место. Они просто завидуют: мужики слабые и расхлябанные, поэтому и бесятся. Им никогда до тебя не дотянуться. Вот пускай утрутся. Еще локти будут кусать. Не переживай – тебя сейчас с руками и ногами оторвут в любую фирму. Я уж молчу про полицию. Ты же ценнейший кадр.

Наташа улыбнулась – это ли не награда для Виталика?

– Возможно, ты прав.

– Это самая правдивая правда из всех, что есть на свете.

– Я тебя люблю. Мне бы твоего оптимизма.

– Я тоже тебя люблю.

– А чего ж ты пришел-то? – вспомнила Наталья.

Виталий, кажется, толком и забыл о своей миссии.

– Ах, точно! Я же на службе.

– Ну ты даешь, служивый! – он частенько веселил ее, прикидываясь (или нет) несуразным и рассеянным.

– Послушай, Наташ, мы тут разыскиваем кое-кого, – он показал фотографии, что ему перебросил капитан. – Они заметно пошумели у нас на районе, и Барзило не на шутку возбудился их поймать.

– Да вы прям рейнджеры.

– Были такие в клубе?

– Да, вроде видела их, – ответила Наташа, вглядываясь в лица на фото.

– Мы можем попасть внутрь и тихонечко вывести их, а?

– Сомневаюсь, что твой шеф сможет сделать все тихонечко. Судя по твоим рассказам, он еще тот...

– Я буду за ним приглядывать, обещаю. Дело того стоит. И ты поможешь органам, а утром уйдешь отсюда с высоко поднятой головой. А дальше хоть потоп. Соглашайся.

– М-да, с утра наступит совершенно другая жизнь. Я, пожалуй, помогу вам. И пусть только попробуют мне что-нибудь предъявить, – решила она.

– Вот это по-нашему, – обрадовался Виталик.

– Но полицию у нас не жалуют.

– Я уже понял. Нечего тебе делать в столь подозрительных

местах, – и здесь Виталик выдал. – Кстати, о другой жизни... Ты выйдешь за меня замуж? – ему показалось, что сейчас самое подходящее место и время (до сих пор неясно, чем он руководствовался).

Наташа застыла как зачарованная. Она не ослышалась? Обстановка слегка неподходящая. Но что важнее: обстановка или само предложение? Она вновь заплакала и кинулась в объятия сержанта. Ее слезы – счастливые целиком и полностью.

***

Стажер вернулся в полицейский «УАЗик». Барзиле показалось странным возвышенно-одухотворенное лицо подчиненного.

– Я тебя уже заждался. Докладывай.

Виталик, успевший заметить россыпь самых разномастных преступлений, даже не входя в клуб, предложил вызвать подкрепление, чтобы накрыть всех и сразу. В свою очередь начальник на предложение стажера отреагировал крайне негативно и повертел пальцем у виска:

– Сдурел?! Сюда подкрепление вызывать не принято.

– Почему?

– Почему?! Кажется, все остальные в машине понимают почему. Кроме тебя. А таксист вообще в таких вопросах гургу.

– Да-а, знаком, так сказать, на практике с тем, что та-

кое двуличная коррумпированная полиция, – воспарял духом Роман. – А вы...

– Все, достаточно!

– Там столько правонарушений совершается. Лучше подстраховаться, прежде чем идти туда.

– Виталя, этим ты не пресекаешь преступления, а провоцируешь еще одно – против нас.

– Уж лучше тут, чем там.

– Не наше это дело. У них вон свой районный отдел есть – пусть разбираются.

– Чего же мы тогда сюда приехали? Это же не наш район.

– Наше дело – найти сообщников вот этого гада, – указал на Андрея капитан, – и затащить их в наш район. А уж там...
Лучше скажи, чего тебе там наговорили?

– Внутри не пустили.

– Тьфу, я и не сомневался в твоём даре убеждения. А что Наташа?

– Говорит, что видела таких.

– Замечательно, – Барзило развернулся в сторону мини-тюрьмы. – Пойдешь с нами, Андрюша, и покажешь на них пальцем.

– Разве я не сообщил достаточно, чтобы... – замялся Андрей.

– Тебя не спрашивают. Идешь с нами. И без фокусов, понял?

– Да его дело – ничто по сравнению с тем, что творится в

округе, – продолжил Виталий.

– Повторяю для пустоголовых, – разъяренно твердил Валерий Александрович. – Это не наш район. Пусть местные разбираются. А они не будут: знатно присосались к «Хамелеону».

– Товарищ капитан, – обратился стажер, движимый желанием отомстить за увольнение Наташи, – вы пробовали когда-нибудь выйти из зоны комфорта, освободиться от предрассудков и сделать что-нибудь воистину полезное наперекор условностям?

– Не то место службы ты выбрал, сержант. Валяй, вызывай наряд. Тебя даже слушать не станут, как только ты адрес назовешь. Сейчас мы идем искать конкретных людей. Это приказ!

Наташа провела через face-контроль Виталика, Барзило и Андрея, которого капитан пристегнул наручниками к своей руке, что мгновенно привлекло внимание вышибал.

– Все нормально. Работаем, не отвлекаемся, – остудила интерес фейсеров Наталья. Те уже шептались, что начальницу поперли.

– Вы, стало быть, Наташа? – галантно начал Барзило.

– Она самая.

– А я капитан Барзило Валерий Александрович, шеф вашего непутевого суженого.

– Виталик много о вас рассказывал.

– Плохого?

– Да. Ой, то есть нет, – запнулась Наташа.

Меж ними вклинился Виталик с вопросом:

– Тебя уволил хозяин клуба? Который Олег?

– Он самый.

– Где он обитает? Я бы сказал ему пару ласковых.

– Виталя, ты же мне обещал сделать все тихонечко, – напомнила она.

Они остановились у самого танцевального зала.

– Давай, разевай глазенки и гляди, где твои собратья по разуму прохлаждаются, – сказал Андрею капитан. Стукач с каждой минутой все сильнее опасался, что месть Глеба не заставит себя ждать. В таком случае ему несдобровать, и полиция будет бессильна. Но Андрей набрался смелости и резво разыскал Глеба за одним из столов. За одним столом с ним не только Рыжий и тот третий, водитель, но и два каких-то мужика, которые играют с Глебом в гляделки.

«Теперь-то ты не отвертишься, гнида!» – подумал Андрюха и указал Барзиле на Глеба:

– Вон они! Все трое.

Именно в этот момент Глеб мельком взглянул в сторону выхода, понимая, что те, кого он обокрал, взяли его в тиски и желают возмездия. Путь отхода ему перекрывал не кто иной, как целый и невредимый Андрей в обнимку с мусорами. «Раскололся, гад!» – на мгновение они встретились взглядами, что до глубины души поразило обоих.

– Ты, блять, – удивленно прошептал Глеб, увидев Андрея.

– Попались, – восторжествовал Барзило.

– Я готов свидетельствовать обо всех правонарушениях, что мне известны, и обеспечу вас доказательствами, товарищ капитан, если вы сейчас же арестуете его, – затрясло Андрея.

– Шкет, ты слева. Мы с болванчиком справа, – скомандовал Барзило.

– А дамы? – напомнила о себе Наталья.

– Дамы сторожат выход, – сказал капитан, однако Наташа решила не спускать глаз с Глеба на случай, если улизнет. Она ведь знала все местные двери и коридоры и с легкостью могла изловить преступника, ежели доблестные мужчины не справятся.

ППСники пробирались к подозреваемому сквозь толпу, что заставило Глеба занервничать сильнее, а когда он пребывает в таком состоянии, то не может толком себя контролировать.

– Эй, ку-ку! – напомнил о себе Илья, что сидел напротив Глеба. – Ну что? Как мы решим наш вопрос? Мирно или с привлечением сторонних сил в погонах? Вы в любом случае попали, пацаны. Зря вы это затеяли.

– Мы сожалеем, – выдал Руслан.

– За себя говори, – огрызнулся Глеб, понимая, что у него меньше полуминуты на принятие решения.

– Вы допрыгались, парни, – продолжал Илюха. – Одним сожалением здесь не отделаешься.

– Хорош комедию ломать. Пошалили и хватит, – подклю-

чился Михаил. – Если с «Победой» все ясно, то похищать человека и грабить невинного пацана на скупке уже за гранью.

– Вы нам не мамка с папкой, чтобы морали читать, – заявил Рыжий, – и про машинки игрушечные втирать.

– Родительского внимания вам и не достает. А с его недостатком любая дорожка кривая. Что ж, хотите быть взрослыми? Вот и давайте решать вопросы по-взрослому. Со всеми вытекающими, – заявил Илья.

– Слы-ы-ы-шь! – прогремело рядом. Все за столом повернулись и узрели озлобленного мордатого паренька с тремя насупившимися корешами за спиной. Быковали они исключительно на Глеба. – Ты мою девку по жопе хлопнул?!

– Ну, допустим, я, – в хамской манере ответил Глеб. – А на ней что, написано, что она твоя, боров?! Тут вон много общих ходит. Каким законом запрещено их мацать?!

– Пойдем-ка выйдем.

– Так, пацаны, – вмешался Илья, – я прекрасно понимаю, что этот говнюк многим насолил, но давайте вначале мы с ним закончим, а потом он весь ваш. Договорились?

– Ты кто такой вообще, дядя?! – произнес гопник. – Гуляй отсюда!

– Нельзя так со старшими разговаривать, сопляк.

– Слушай, уйди отсюда по-хорошему. А ты, – он указал на Глеба, – жопу поднял и за мной!

Народ невольно стал скапливаться вокруг места назрева-

ющей потасовки.

Скромно улыбнувшись, Илья хотел припадать пацану урок, но получил в табло первым. Он всем телом повалился на Рыжего, который кинулся на всех троих сразу, защищая интересы Глеба. Сам лидер своры мгновенно взлетел на столешницу и звезданул Мише по подбородку. И, не дожидаясь, пока все очухаются, как таракан забрался на уровень лож, что располагается несколько выше. Глеб перелез ограждение и понесся прочь, расталкивая зевак. Кто поустойчивее, оставались на своих двоих, а те, кто уже достаточно выпил, сталкивались с прочими прохожими, падали на пол или на колени сидящих, смешивали все блюда на столах в одно месиво, отчего сразу же получали кулаками по лицам.

Удар за ударом... и минимум четверть клуба стала кишеть стычками. Причем самая ожесточенная потасовка завязалась между Ильей, Рыжим и подвалившими к ним защитниками чести (пятой точки) неизвестной особы. Руслан же юркнул под стол и, дождавшись просвета, рванул к выходу, словно хлебнул ракетного топлива. Однако, отодвигая от себя людей, он нечаянно нарвался на кулак Барзилы и отправился в нокаут. Капитан и забыл, что пристегнут наручниками к Андрею.

– Первый есть.

Наташа схватилась за рацию и вызвала охрану на танцпол и в ложи, чтобы те, словно хоккейные арбитры, разняли дерущихся. В тот момент невозможно было понять, кто

дерется, кто танцует, а кто просто перебрал. Многие пластались с особым остервенением, словно после долгого воздержания. Импульсы немотивированной ярости расползлись по зданию. Сама Наталья ринулась наверх, намереваясь перехватить Глеба.

Виталик же окунулся в самую гущу событий – в драку между Ильей, Михаилом, Рыжим и еще тремя гопниками. Рыжий, кстати, весьма достойно боксировал одной рукой. Ни одна из сторон уступать не желала, не заметив при этом, что виновник драки давно скрылся. Пришлого, что слева, ударил Илья; правого рубанул восставший с пола Миша, вспомнив молодость; центрального чугунным лбом атаковал Рыжий. И далее каждый прощупал противнику печень, пересчитал по мере возможности ребра и зубы, познакомился с коленями. Илья даже пару раз огрел Рыжего – в ответ тоже схлопотал несколько прицельных хуков. Дальше к ним присоединился Виталик, чья полицейская форма никого не смутила. Как минимум однажды он получил от каждого, хотя мастерски уворачивался, вспоминая физическую подготовку в колледже. Вскоре подросли охранники и вышибалы – принялись оттаскивать борцов друг от друга (особенно рьяных сразу вытаскивали на мороз). Кое-кто еще долго плевался, кричал, кидался в сторону визави. Кровавых точек соприкосновения поубавилось.

В конце концов стажер скрутил в три погибели брыкавшегося до последнего Рыжего, напоминающего озлобленную

бродячую собаку.

– Сержант, – объявил Илья, – мы его первым нашли. Он наш. Я не уйду отсюда, пока не...

– Сивый смылся, – напомнил другу Мишка.

Илья выругался и стал оглядываться по сторонам.

– Если есть, что рассказать, милости просим в Тракторозаводский ОВД, – объявил Виталик.

– В качестве задержанного?

– Пока нет.

– Помощь вам нужна?

– Пока нет.

– Эти пацаны увели у меня машину.

– Из ДОСААФ?

– Да. А как вы...

– Не стоит недооценивать полицию, – произнес Виталий, уводя Рыжего.

– Оперативно, – выдохнул Михаил.

– Лева-то где? – вспомнил Илья и решил догнать мента, моментально растворившегося в толпе.

Глеб тем временем метался по балкону, будто в него целятся из снайперки. Искал выход. Он не желал быть пойманным – нельзя просто так загнать его в угол. Он решил вернуться в служебный коридор, как из-за угла возникла стройная блондинка. Ей всего-то понадобилось выставить кулак вперед, чтобы Глеб на скорости напоролся на него так, что утратил координацию, ибо в его вестибулярном аппара-

те произошло разрушительное землетрясение. Цепкие дамские ручки потащили поверженного главаря банды вниз. Кто бы из его людей услышал, не поверил бы, что Глеба уложила какая-то баба.

– Тихонечко не получилось, – с сожалением констатировала Наташа.

Блюстители порядка собрались внизу, глядя, как охрана подчищает в зале отдельные очаги спонтанной ярости. Виталик еще раз убедился в том, до чего ж это мерзкое заведение: вот малолетку обжимают волосатые руки 40-летнего мужика; у стойки крепкий алкоголь без задней мысли наливают школотронам; поодаль в углу, думая, что никто не видит, обмениваются пакетиками с веществами; на улице кого-то до потери пульса дубасят ногами.

– Пора идти. А то сейчас и за нас возьмутся.

Все крепко удерживали пленников. Лишь Андрей держался отстраненно (насколько позволяла цепочка от наручников), опасно поглядывая на оглушенного Глеба.

– Тут бы прошерстить всех хорошенько, – заявил стажер.

– Не суйся, Виталька! – предупредил капитан.

Сержант обернулся и увидел в противоположном углу зала хозяина клуба.

– Виталик, не надо, – настаивала Наталья.

– Он тебя уволил. Без оскорблений и перехода на личности явно не обошлось, – стажер рвался к Олегу (до такой степени, что отстегнул застежку с кобуры). – Я никому не поз-

ВОЛЮ...

– Отставить, шпингалет! – зарычал Барзило, прекрасно осознающий, чем может обернуться такая вольность, тем более в отношении Олега Валентиновича.

– Я вывожу его, пока не очухался, – взяла инициативу в свои руки Наталья. – Охраны на входе нет.

– А она у тебя нацию способна за собой повести. Давай, шагом марш! – распорядился Валерий Александрович.

Стажер подчинился, даже не замечая, как брыкается Рыжий. У Глеба же шумело в голове и мельтешило перед глазами, но он все еще питал надежды освободиться и для собственного успокоения придушить человека, который сдал их с потрохами – Андрея.

Троицу преступников вывели из клуба два полисмена и одна отважная девушка. Задержись они буквально на минутку...

***

– Что за дела, начальник?! – возникал Рыжий, которого крепко держал Виталик. – Уже и отдыхать людям нельзя?!

– Ты бухал, умник. Сколько тебе лет?!

– Это газировка была.

– Ты полицейского при исполнении ударил.

– Это самооборона была.

– Какой прошаренный, – произнес капитан.

– Это все он... Он... Гнида, гондон, пидор! – приходил

в себя Глеб, злобно поглядывая на Андрея, что прятался за капитаном. Глебчик даже в таком состоянии показывал характер – ярость возвращала ему силы.

– Не дергайся! – мигом приструнила его Наташа – он и не ожидал, как больно девушка способна заломить ему руки.

Все вприпрыжку неслись к «УАЗику», припаркованному в отдалении.

– Сейчас вы у меня все выложите: про заправку, про скупку, про ДОСААФ, про клуб...

– Про какую заправку?! – протянул Глеб.

Они и 20-ти метров не отошли, как к центральному входу «Хамелеона» подлетел тонированный микроавтобус, из которого резво выбежали СОБРовцы, вооруженные как на штурм непреступной крепости. Со всех краев повывезали полицейские автомобили и автозаки с мигалками. «Хамелеон» брали в кольцо: добрая половина всей городской полиции сосредоточилась в одной точке. И саперы, и кинологи, и ФСБ тут как тут.

«Вот тебе и подкрепление! – Барзило не верил собственным глазам. Он знал о репутации и статусе «Хамелеона». Он знал, что если кто-то осмелится прикрыть клуб и посадить его владельцев, то полиция должна автоматически самоуничтожиться. Неужели они со стажером могли вызвать такой переполох? Неужто Виталик втихаря позвал на помощь? И ему ответили... вот так?! Как же все в рапорте расписать? – Свалю, пожалуй, лавры на молодого – вот пусть и решают,

кто кому перешел дорогу», – размышлял капитан. Огонь в глазах новенького и желание кинуться в самую гущу событий заслуживают похвалы. Ох, где же тот юношеский задор и максимализм самого капитана? Вера Виталика в торжество закона и порядка вполне способна пошатнуть закоренелую милицейскую систему – его бы не в ППС, а в подразделение посолоннее. Да уж, не каждый день принимаются решения потрошить гадюшники вроде «Хамелеона». На миг даже промелькнула мысль рассчитаться.

– Пошли, нечего туда смотреть, – скомандовал капитан.

Их чудом не заметили. Однако Барзило позабыл, что их «тихий» визит заметил местный авторитет Олег.

– Ну что, Карен, дадим органам по органам? – произнес недовольный Олег, завидев в клубе мусоров.

Но он не смог предпринять ничего существенного, поскольку буквально изо всех щелей клуб стала заполнять бесчисленная орда СОБРовцев в масках, касках, бронежилетах и с оружием наперевес. Первым делом люди в камуфляже положили на пол хозяина клуба и его телохранителя. Так что падение и разорение своей вотчины Олег наблюдал с пола. Злоба переполняла его.

Еще раньше – буквально за полминуты до штурма – у стойки бара встретились запыхавшиеся после кулачных боев Илья и Михаил.

– Белобрысого нет нигде.

– И мент тоже испарился.

– С этими нет смысла связываться – еще те оборотни в погонах, – Миша потирал больное место.

– Сивый точно у них. Он знает, где Лева... зуб даю.

– Хочешь догнать ментов? Сам присядешь за излишнее любопытство.

– Я адвокат и немножко знаю законы.

– И как же сейчас нам помогают твои знания?

– Жалуешься как старый дед.

– Я не ожидал, что нас тут встретят так тепло...

Не успел Илья должным образом отреагировать на слова друга, как внезапно услышал легендарную фразу: «ВСЕМ ЛЕЖАТЬ!!!» Прозвучала она от настойчивых людей в форме с жирно написанными на спинах буквами «СОБР», что перли со всех входов и выходов и даже с потолка, что поразило Михаила (он словно угодил в один из своих любимых боевиков). Гости бросились врассыпную, разбежалась охрана; всех стали укладывать на пол, в стороны полетели столы и стулья, попадала посуда, затрещали стены, которые чуть ли не вскрывались силовиками.

Илюха сообразил, что все достижения ночи пойдут на смарку, если они не выберутся отсюда. Его адвокатской репутации явно навредит, если его положат на пол вместе с остальными в столь скверном месте. Он взял Мишу в охапку, и обоих, словно океанической волной из человеческих тел, что кричали и метались, вынесло в коридор. Там мужики толкнули первую попавшуюся дверь и ворвались во все

тот же мужской сортир. Илья сработал головой будто суперкомпьютером: «Окна! Без решеток. Под потолком. Один-два прыжка с опоры». Адвокат молниеносно подсадил охавшего Михаила и, будто тяжелоатлет, тягающий штангу, поднатужился, выпрямился и выкинул напарника в окно.

Далее же возникла проблема: сам он до искомого оконца не дотягивается. Возня, крики и визги за дверью стимулируют соображать скорее – Илья оценил все возможные шансы: «Если, к примеру, забраться на кабинку? Или опереться ногой об раковину?» Однако все перекрыла иная, не менее сумасшедшая идея... Адвокат услышал, как в одной из кабинок кто-то зашевелился. Мальчишка почти под два метра ростом, что преклонялся перед унитазом как перед святыней, видимо, так торопился на аудиенцию, что не посчитал нужным закрыться. Мысленно попросив прощения у совести, Илюха не стал церемониться и выволок блюющего пацана из кабинки. Тот явно переборщил со здешним меню, ибо его солидно полоскало. Пацан воображал, что весь мир сорвался с креплений и хаотично кружится перед его взором. В связи с чем от унитаза отцепляться не стоит, ибо сей жест чреват падением... на потолок.

– Давай на колени! – крикнул Илья Александрович. Пацан же разлегся на грязном кафеле, словно на ночлежке под мостом. Его то ли от страха, то ли от экстаза бьет нехилая дрожь. Невозможно представить, что же чудится доходяге.

– Повелитель...

– Ты идиот! Ты чего несешь?! Какой я тебе повелитель?!

Спину лучше напряги, и я вылезу отсюда. Живее!

– Я больше не буду принимать, – божился чудик.

– На колени становись. И руками в пол. Вот так. Да-а, явно твоя любимая поза, – Илья то и дело оглядывался на дверь.

– Ладно-ладно, – паренек, будто что-то непрерывно жующий, безвольно подчинился, упершись руками об пол, словно пытался отодвинуть его от себя. Правда, тот, собака, никак не поддается.

– Потерпи слегка. А потом блуй, сколько хочешь.

– Только сделай это быстро! – истошно молил парень.

Илье даже стало не по себе от того, что там нарик фантазировал:

– Вот обкурыш! Не сломать бы тебе спину.

Человеческая ступенька помогла Илье ухватиться за раму и вытолкнуть себя в оконный проем. Затрещал по швам подол пальто. Лишь Илюхины пятки сверкнули перед свободным падением в сугроб, как в туалет ворвался СОБРовец. Бедняга на полу, подумав, что галлюоны не желают его отпустить, без промедления проблевался снова, знатно подпортив себе модные хипстерские одежды.

– Тихо лежи, – прошептал Илье Миша, не поднимаясь с сугроба.

Патрульные осветили фонарями в их сторону – Илья с дружбаном слились с окружающим рельефом. Предводителю автоклуба было холодно. Он глядел в небо – звезд видно

не было.

***

Доблестный охранник, что отхватил сегодня от Лизочки, не мог послушаться Олега и вышел за дверь сторожить заложников. Такую возможность упускать нельзя. Я повернулся ко второму заключенному, который, судя по всему, еще не понял, что надзиратели ушли.

– П-с-с-с...

«Кто здесь?! – мысленно заверещал Лева. Говорить из-за кляпа он не мог. – Кто вы?! Почему все затихло?! Не трогайте меня!»

– Не очкуй. Мы тут одни. Только охранник за дверью, – тихо молвил я. Парень явно не следил за моим диалогом с Олегом – я бы тоже дергался, если б лишился голоса и зрения (даже на время). – Я твой друг по несчастью. Эй, сюда смотри, – Лев беспорядочно вертел головой. – Предлагаю сматываться отсюда. Ты как, освободиться сможешь?

Лева что-то нечленораздельно промычал.

– Сейчас я постараюсь снять с тебя повязку. Только не дергайся, ладно? Зашибешь ведь. Неваляшка из меня так себе – упаду и не встану.

Молодой человек кивнул. Доверился мне. Я, сосредоточив всю оставшуюся силу на нужных мне мышцах, при скованных руках и ногах попытался пододвинуться ко Льву. Стул оказался не так уж и легок, отчего пришлось порабо-

тать торсом и плечами, чтобы сильно не стучать по полу деревянными ножками. От неловких движений то и дело отдаёт в грудь и спину. Наконец я подпрыгнул и устоял на полу, удерживая спинку стула заложенными назад руками. Любой сквозняк мог повалить меня. Расстояние до второго заложника преодолено мной вприпрыжку в надежде ослабить узлы (никогда их не любил).

И вот я практически вплотную приблизился ко Льву. Как гусь вытянул хрустнувшую шею к его маленькой голове (только бы не дернулся), вцепился зубами в непроницаемую повязку и снял ее с очей Левы. Тот зажмурился, а когда привык к красному свечению, повернулся ко мне – сколько же страха и растерянности было в его выразительных глазах.

– Попробуй, – я взглядом указал на узлы позади него. – Только т-с-с-с...

У Левы длинные и ловкие пальцы, которые принялись ощупывать веревку позади себя. Как же я болел за него в те минуты. Он елозил пальцами по узлам, пытался ухватиться за них, дергал кистями и запястьями в попытках расслабить веревку. Ни на кого прежде я не смотрел с такой надеждой:

– Ага, ага... Вот так. Левее, там конец веревки торчит. Да-да, еще немножко... Нет, затягиваешь. Да, вот тут... Молодца, – тихонечко комментировал я.

Вскоре веревка освободила руки Льва. Первым делом он отстегнул навязчивый кляп и откинул его на кровать. Затем заложник резво отцепил от пут и ноги.

– Ты чудесник. Меня развяжи, – обрадовался я.

Лева с опаской взглянул в сторону комода с моими трофеями, но все равно развязал меня. После чего мы обменялись рукопожатиями и познакомились.

– Впервые знакомлюсь с человеком в таких обстоятельствах, – сказал Лев.

– Мне тоже в новинку жать руку мужику в подобном месте, – ответил я, кинувшись к своим вещам. – Тут мое добро, – я мигом надел на шею две цепочки, принадлежащие Сене и Леше, и прибрал в карман ключи от «BMW».

– У тебя есть тачка?

– Типа того.

– Скоро тут все заполонят менты.

– С чего ты взял?

– Да проговорился тут один – видимо, местный крысеныш.

– Не хотелось бы, чтоб поймали.

– А тебя ищут?

– Не то чтобы ищут... Скажем так, мне не хотелось бы светиться в таком виде и в таком месте. Снаружи еще есть дела.

– Нечто важное?

– Ты даже представить себе не можешь насколько.

– Как ты здесь оказался?

– Целую книгу можно написать на эту тему. А если по чесноку, я просто хотел преодолеть себя, сделать что-то по-

лезное, начать новую жизнь. Каждый день вот собираюсь.

– И что мешает?

– Старая жизнь...

– Логично.

– ...И всякие нежданчики вроде этого. А ты как докатился до жизни такой?

– Знаешь, я сам до сих пор сообразить не могу, как так получилось.

– Хорошо там шептаться! – грозно стукнул в дверь охранник. Будь он посообразительнее, точно вспомнил бы, что Лев априори не может разговаривать из-за вещицы, что нацепили ему на рот.

– Валить пора. Может, мы его...

– Ага, снаружи их полчище целое, – не согласился я. – Они нас прихлопнут и не заметят.

– Это еще цветочки. Тебе хотя бы самотык в жопу запихать не пытались.

– Seriously?

– Серьезнее некуда. Вот толку, что мы освободились? – занервничал Лев.

– Я уверен, что есть другой выход, – за прошедшую ночь я набрался хладнокровия на годы вперед.

– Где здесь выход? Мы в ловушке, по ходу.

Я же решил рассмотреть несколько экстравагантных вариантов, которые могли быть актуальны в замкнутых подвальных помещениях. Нейтрализовать охранника и прорывать-

ся через коридор – не вариант. Чем воевать с остальными? Плеткой и искусственными членами?

– Может, просто сесть и ждать ментов? – предложил Лев.

– Ага. Что ты им скажешь? Как ты сюда попал?

– Правду скажу.

– Какую?

– Я уснул на заднем сиденье «Победы». Меня похитили. И попытались сдать на металлолом... Машину. Не меня. А потом...

– Никто не поверит в эту чушь.

– А что насчет тебя? Ты что-то скрываешь? История с хоккеистами правдива?

– Все оказалось гораздо сложнее, чем планировалось. В общем, сидеть и ждать штурма мы не будем. Я хочу выбрать, как и ты. Воздух тут пропитан уголовкой, а мы здорово надышались, – произнес я.

– Не надо было пить, – взялся за голову Лева.

– Алкоголь – это зло.

– Ты сам-то сюда, небось, попал не без этого.

«Пили другие», – вспомнил выходку хоккеистов я и ответил:

– Нет, как раз наоборот. На самую трезвую голову, – какой же здравомыслящий человек мог вообще кинуться в эти взрослые игры? Только такой же чокнутый, как я... и эти шестеро идиотов. – В такие моменты даже хочется попробовать, каково это: выпить и забыться.

– Нет, плохая идея – не поможет. Хотя парадокс: в нашей ситуации, как сказал бы мой кореш Миша, без бутылки не разберешься.

– Бутылка нам сейчас может понадобиться только в качестве средства самообороны, – я смотрел на потолок. Там наверняка есть вентиляционный короб, но вряд ли по нему можно пролезть. – Тихонечко глянь: может, в тумбочках есть чего полезного, – попросил я друга по несчастью.

Я стал прощупывать пол – глядишь, под ковролином прячется лаз либо тайный схрон чего-нибудь нужного. После неудачи в этом направлении я принялся подозрительно разглядывать шкаф и комод, в особенности способ их примыкания к стенам. Пахнет паранойей, но и здесь я ничего не обнаружил.

– Тут много интересного, но ничего полезного, – заключил Лев, осмотрев содержимое тумбочек.

– Прискорбно, – я накинул куртку и прислонился к стене, на которой в ряд висели картинки в рамках.

За неимением идей я бессильно прислонил затылок к стенке и услышал не глухой звук, а нечто громче. Сначала я не предал этому значения, повернул голову и присмотрелся к креплениям, на которых висят картины. Это не просто крючки, а кое-что поинтереснее: узкие, вытянутые, цилиндрической формы... Напоминают... дверной глазок. Меня осенило. Я взялся за один из таких и попытался выдернуть его из стены, но тот вмонтирован на совесть. В глаза бро-

сился отблеск увеличительного стекла внутри цилиндра. Так тут, значит, еще и подглядывают за шоу в «красной комнате». Здешние нравы продолжают удивлять.

Озадаченный Лева не спускал с меня глаз, когда я прислонил ухо к стенке и стал ее простукивать, двигаясь от комода к стеллажу. Вскоре звуки стали прежними – явно потайное помещение примыкает к «красной комнате» частично. Я немного повеселел, попутно выискивая что-нибудь тяжелое с целью проломить перегородку (наверняка деревянную).

– Это наш шанс.

– Тихо не получится, – резонно заключил Лева.

Посоветовавшись, мы решили, что Лев привлечет внимание охранника снаружи, а я тем временем, спрятавшись за дверь, оглушу его.

Приманка сработала – охранник ворвался в комнату и с ужасом понял, что заключенные освободились. Отличный момент для нанесения удара. Однако моя травма не позволила мне уверенно удерживать увесистый стул, и я обрушил его на голову security без должного уровня конспирации и силы.

К моему удивлению, резвый парниша развернулся и двумя руками схватил летящий на него стул. Не прошло и мгновения, как он набросился на меня, пытаясь зажать в углу тем же стулом. Лева в ту ночь проявлял себя с неожиданной стороны (в первую очередь для себя самого). Он обхватил охранника со спины и повалил на ковер, пытаясь оттащить

его от друга по несчастью. До определенного момента сделать это получалось, и я освободился от сковывающего меня стула. Без промедления я принялся топтать рацию, что отцепилась от штанов врага. Он же оказался большим фанатом фильмов с Джеки Чаном, ибо провел молниеносную подсечку, после которой Лева очутился на полу. Программист опять-таки не растерялся и увидел под кроватью фаллос, который Глеб намеревался всунуть ему в задний проход. Лев дотянулся до игрушки и с размаху огрел надсмотрщика по физиономии. Тот не ожидал, что удар резиновым приспособлением может быть столь болезненным, поэтому не успел прикрыть и без того пострадавшую мордашку от града ударов. Один из них получился таким сильным, что работник «Хамелеона» звезданулся об решетку кровати и отключился.

Я понимал, что таймер запущен. Из коридора исходит потенциальная опасность. Я схватил стул и принялся долбить им по фальшивой перегородке, замаскированной под стену, с такой силой, что мигом вспотел. Заметно, как псевдостена дрожит и трещит – в ней можно пробить дыру и выбраться через нее на волю, если, конечно, за ней не комната отдыха охраны. Может, взять с Левой тумбочку и с разбегу садануть ею по стенке?

Внезапно Лев, что помогал дырявить стену вторым стулом, отбросил его в сторону и уверенно зашагал в сторону выхода.

– Ты куда? Лучше не надо, – предостерег я.

Лева, убедившись, что в коридоре никого, скрылся за дверью и через пять секунд залетел обратно в комнату, словно идет на рекорд в стометровке. Он, словно хоккеист, желавший припечатать соперника к борту, влетел в стену. Такого натиска она не сдюжила. Сквозь брешь Лев угодил в комнату с высокими стульями, словно у барной стойки, что стояли у каждого из механизмов для подглядывания (те наверняка дают хороший обзор). Комнатушка темная и узкая. Лев заметил отблеск света сквозь из двери, что ведет в другое помещение.

Оттуда слышатся звуки шуршащих карт, костяшек, фишек, прыгающего по делениям рулетки шарика, беспристрастных голосов дилеров, звон бокалов, хлопки откупоренных бутылок, шипение пузырящегося шампанского. «Казино», – подумал Лев. Нелегальный игорный дом оформлен в викторианском стиле, заполнен сугубо серьезными с виду людьми, которые ведут себя сдержанно и претенциозно, что несопоставимо с залом неистово танцующей толпы наверху. Надо же, вокруг катакомбы как в пирамиде, мать его, Хеопса.

Бросив Лева его куртку, я полез в дыру, как вдруг нечто схватило меня за пятку, и я шлепнулся на пол. Набитая потерянными вещами хоккеистов куртка несколько смягчила удар.

– Назад, чертилы! – истошно кричал охранник, пытаюсь вытянуть меня назад.

У Льва округлились глаза: то ли от восставшего из ада надзирателя с окровавленной башкой, то ли от дыры в стене, что он проделал.

– Живучий гад, – прошипел Лев.

Сисадмин стал тянуть меня за руку. Тогда-то я понял, каково быть канатом, который тянут в разные стороны. Когда табло охранника появилось в расщелине, я решил применить наконец по прямому назначению свои тяжеленные зимние ботинки. Со всей силы я освободил одну ногу из лап security и стал дубасить его твердой подошвой по морде, пока тот не отвалил, окончательно обмякнув на полу от бессилия. На этой ноте комната пыток и утех осталась позади, но непременно будет являться нам в кошмарах.

Дальнейший путь к свободе пролегал через подпольное казино, в которое желающие поиграть попадали окольными путями. Двое же пришлых пацанов в куртках в обстановку никак не вписывались, потому и скрывались в темном уголке игорного зала, из которого можно было попасть в помещение для подглядываний. Поочередно мы выглядывали в зал, посматривая то на одноруких бандитов, стоявших в ряд, то на крупье, то на услужливого бармена в жилетке и при бабочке, то на сидящих за столами солидно одетых мужчин и дам. Интересно, кто из них блефует? Охрана. Видимо, она здесь переодета в штатское. Однако мужики все равно выдавали себя типичными повадками клубных security.

– Зажигалка есть? – прошептал Лев.

– Откуда?

– У тебя вон полные карманы.

– Тебе зачем?

– Вон датчик пожарный висит. Открытое пламя. Сигнализация. Под шумок и сбежим.

– Надо целый костер развести, чтобы он сработал. И глянь: курят за каждым столом. Я нигде не видел эти датчики в действии – думаю, они для красоты, – забрил идею на корню я.

– Твои предложения?

Я стал рассуждать шепотом:

– Так, налево путь закрыт – у выхода охранник.

– С чего ты взял?

– Стоит как охранник, хоть и прикидывается посетителем.

К тому же мы не знаем, что за той дверью.

– А мы вообще в «Хамелеоне»?

– Вероятнее всего. Если игорный бизнес в нашей стране под запретом, то в «Хамелеоне» он будет. Здесь наверняка есть еще один выход для непредвиденных обстоятельств.

– Справа, наверное? А если твоя теория неверна?

– Нам крышка.

– Заебись.

– Сейчас поднимаемся и идем в ту сторону как ни в чем не бывало.

– И это твой план?!

– Надо отсюда гнать, пока нас самих отсюда не вывезли...

по частям.

– Мы оба в таком месте как...

– Прости, не предусмотрел. В следующий раз надену на допрос фрак. Если почувствуешь опасность, просто садись за стол с важным видом и играй.

– Прекрасно. А ты сам хоть умеешь?

Я проигнорировал вопрос. Мы зашагали в противоположную от охранника на входе сторону. Своим несколько потрепанным видом мы все же привлекли внимание местного высшего общества. Я заметил камеры под потолком и слегка занервничал.

– Гляди, аварийный выход. Соблюдается все же пожарка, – сказал мне на ухо Лев.

– Если он заперт, мы пропали.

Невольно я увидел, как охрана потянулась за нами. Лев, заметив слезку, ускорил шаг, еще сильнее выдавая нас.

Внезапно идиллию игорного дома прервал оглушительный треск входной двери, слетевшей с петель. Ее с одного раза пробил тараном СОБР. Мы сорвались к пожарному выходу, форсируя столы и стулья, ибо люди в форме стремительно заполняли помещение, равняя всех и все с землей. Лев оказался прав.

Дверь ведет в узкий коридор. Слева ход на улицу, но он предательски заперт, а бетонная лестница приглашает куда-то наверх. На ее вершине еще одна лестница – отвесная, проложенная будто по шахте вещевого лифта. Наверху

виднеется люк. Вспомнилась лестница в общежитии, с которой и началось мое сегодняшнее приключение. Невзирая на боль, я стал взбираться наверх. Лева не отставал, ибо до свободы остается несколько метров. Снизу слышалась возня – это СОБР догоняет беглецов в смокингах и вечерних платьях.

Люк на крышу захлопнут не до конца. Я хорошенько огляделся, прежде чем открывать его полностью. Лева подгонял меня снизу, хотя всех возможных преследователей уже сцапали. Убедившись, что в зоне обзора живых нет, я вылез и подал руку Льву. Он вознамерился сразу метнуться к краю крыши, где виднеется что-то похожее на перила лестницы (еще одной), но я схватил его за рукав, усадил рядом и прикрыл его рот варежкой. Наши куртки предательски шуршали. Люк находился между парапетом и небольшой вентиляционной шахтой, за которой мы спрятались, ибо я заметил часовых на противоположном краю крыши. Оттуда раздавались переговоры по рации и немногословные комментарии бойцов. Откуда они здесь? Неужто с девятиэтажки по отвесной стене спустились? Внизу полиция вылавливала всех выбегающих из клуба, разворачивала проезжающие мимо машины и отгоняла страдающих бессонницей зевак из соседних домов. К «Хамелеону» прибывали все новые и новые экипажи, даже пожарная и скорая помощь дежурили.

Нужно спускаться и драть когти. А машина? Что же делать с ней? Пускай остается? Или все же вернуть ее на место,

как и задумывалось, надеясь на крохотный шанс, что никто не заметил пропажи? Мысли плясали у меня перед глазами, словно рой комаров в лесу.

– Снайперы? – прошептал Лев.

– Возможно. С такой позиции хорошо видно, если вдруг прикатят противоборствующие силы, чтобы отбивать клуб.

– И такое может быть?

– Бьюсь об заклад, что мы одни из немногих пленников «Хамелеона», кто смог выбраться оттуда живьем.

– Какие предложения?

– Ползти до края крыши, пока не скроемся за той будкой. И не шуметь.

– Заметано, – выдохнул Лева.

Ползти пришлось на брюхе, медленно и аккуратно, выравнивая за собой снег и сталкиваясь с ним носом, будто ледокол в северных морях. Чуть приподнимешь голову, и могут заметить. Помогая себе руками и ногами, я чувствовал, как под бинтом разгорается боль, но сейчас не до нее. Сквозь шапку я слышал, как позади ползет Лев – мы условились о знаках руками, если нужно притормозить или ускориться. Общие трудности здорово нас сплотили.

У края крыши мы поняли, что приняли за перила две узкие трубы. Настоящая лестница, судя по всему, располагается со стороны дежуривших на крыше СОБРовцев.

– Что же теперь?

– Выбора у нас нет, – заключил я, глядя вниз: на земле

проходит узкая тропинка, по ней как раз прошел полицейский патруль; там же газончик с глубокими сугробами; посты стоят со стороны входа в клуб и с противоположной стороны девятиэтажки. Напротив многоквартирного дома раскинулась территория детского сада, обнесенная стальным забором, сквозь прутья которого можно протиснуться и обойтись оцепление.

– До рассвета тут торчать? Спалют.

– Остается только прыгать вниз и бежать к детскому саду. Сугробы высокие. На них следы – следовательно, под ними ничего кроме земли.

– Какой здесь этаж?

– Между вторым и третьим где-то, если судить по панельке.

– Мы же ноги переломаем.

– Где-то я слышал, что алкаш один с 16-го этажа свалился и выжил.

– Это обнадеживает.

– Надо просто приземлиться правильно.

– Ты хоть раз прыгал с такой высоты?

– Нет, – признался я.

– Вот и я нет.

– Почти же сбежали.

– Мы замерзнем, если не будем двигаться.

– Сейчас вот самое время двигаться, – внезапно объявил я, спешно поднимаясь в полный рост. – Прыгаем вон в тот

сугроб на счет три.

Лев сначала не сообразил, почему я так быстро решился на прыжок, но потом узрел, что из люка кто-то собирается вылезти. Отчего Лева сиганул вниз быстрее меня. Я даже не успел понять, что парапет до жути скользкий. Так мы и полетели в пропасть почти что солдатиком. Вскоре я вонзился ногами в глубокий снег практически по пояс, ожидая почувать лавину боли и окочуриться окончательно. Но боли не последовало.

За садиковским забором на одной из детских площадок с угрюмым видом сидели Илья и Миша.

– Чего мы сидим? – старался не примерзнуть к лавке Миша.

– Сам не знаю, – ответил Илья, разглядывая снег под ногами.

– Может, догнать ментов, что забрали наших засранцев? Показания дать, сказать, что сволочи похитили Леву?

– Нынче не разберешь, где и какие менты. Прибрали... и хорошо, – Илюха не обращал внимания на беготню и мигалки около «Хамелеона». Миша же пристально глядел туда. – Сержантик сказал мне, куда обращаться. Угонщиков мы запомнили. Я им испорчу жизнь – только до конторы доеду.

– Ты же хотел только поговорить? Стоит ли... Они же еще дети.

– Дети? Что же эти «дети» сделали слевой?

В кармане порванного адвокатского пальто задрезжал

мобильник. В который уже раз звонила жена Льва.

– Илья! Что там у вас происходит?! То-то я чую, как из трубки спиртягой несет!

– Мы потеряли Льва, – спокойно ответил ей Илья.

– Что-о?! Что ты несешь?! – в остервенении кричала девушка, но Илью просто так не пробьешь.

– Я видел в кино нечто подобное, – пытался разрядить обстановку Михаил, припомнив сцену из знакомого фильма, который, кажется, был «про алкашей в Лас-Вегасе».

– А это жизнь! – ответил другу Илья, не зная, в каком ключе продолжить разговор с женщиной на том конце провода.

– Вот ведь смельчаки, – вдруг воскликнул Михаил. – С крыши сиганули.

Илья тоже увидел двух акробатов, и его осенило:

– А в какой Лева был куртке?

Не прошло и секунды, как осенило и Михаила.

– Чего?! Что там у вас?! – вещали из телефона. – Что означает твое «потеряли»?! Отвечай!

– Ничего, – ответил Илья. – Уже нашли, – не дождавшись ответной реплики, он нажал на кнопку отмены вызова, когда Миша практически дошкандыбал до забора. А еще жаловался, что бедро ушиб, когда десантировался из окна сортира.

Лев и я лежали в сугробе и не двигались – глядишь, кто-нибудь нежелательный приметил наш прыжок. Под бинтом у меня горело так, словно на меня надели раскаленное кольцо,

которое сжимается с каждой минутой.

– Не вставай.

– Я и не могу пока. Дай минутку, – произнес я.

– Кто-то идет...

Не успел раствориться пар из уст Льва, как меня грубо схватили за куртку и поставили на ноги, словно я пушинка. Я не успел как следует рассмотреть наружность подбежавшего ниоткуда незнакомца – кажется, он здесь не один, причем оба в штатском. Первый, что покрупнее, помоложе и посолиднее, ударил меня по лицу без всякого объявления войны. Ну и денек – куда только меня сегодня не били. И вот в который раз я лечу в сугроб в свободном падении, чудом не напоровшись на колючий куст. Думаю, я уже не смогу подняться, хоть танком меня плющите – будь что будет...

Опять-таки Лева у нас не из робкого десятка: он подскочил к нападавшим, и они не проявили к нему враждебности, а лишь улыбнулись и принялись... обнимать. А тот стал размахивать руками, что-то поясняя и показывая в мою сторону. Я же продолжал загорать в сугробе. И это в 20 градусов мороза.

Лев захлеб поведал друзьям, как уснул в «Победе», которую угнали, и как пытался безуспешно бежать. И только благодаря человеку, которому Илюха продемонстрировал свой фирменный удар, Леве удалось спастись. Теперь уже Илья поднял меня, а Михаил оттряхивал мою одежду от снега. Попутно оба благодарили меня, а я размышлял, что если полу-

чу еще один такой удар, то точно лягу почивать на больничную койку.

– Надо уходить. Мы привлекаем внимание, – напомнил Лев.

– Парень, ты без обид, ладно? – обратился ко мне Илья. – Мы с ног сбились в поисках Левы и уже почти потеряли надежду. Думали, что ты один из тех мудаков, кто его похитил.

– Да без проблем, – вежливо ответил я, пытаясь не замечать жгучую боль на лице и в груди.

– Что мы можем для тебя сделать, друг?

– Вряд ли вы сможете отозвать свой удар. Поэтому помогите мне вытащить мою машину.

– Откуда? Застрял где-то?

– Хуже, – ответил я, указав в сторону стоянки у клуба, где стоял «BMW».

***

Без всякого преувеличения, облава на «Хамелеон» – одна из самых грандиозных чисток в Челябинске за последние десять лет.

Музыка смолкла, прекратились возгласы и смешки. Все вмиг оказались в положении «мордой в пол» и валялись так продолжительное время. Меж лежащих ходили бойцы СОБРа с автоматами в руках, будто поливальщики, что бродят меж грядок на огороде. Пришлось потратить немало времени, чтобы зачистить клубешник, выкурить людей из его

закромов. Периодически на улице и в служебных коридорах вылавливали беглецов и любителей играть с правоохранителями в прятки или войнушку. Таких экземпляров выбрасывали к прочим лежачим с такой скоростью, что те штабелями ложились чуть ли не друг на друга. Причем люди на полу оказались разные: полуголые девицы с заниженной социальной ответственностью, недобитые охранники, обдолбанные пацаны, повара с официантами. По мере продвижения сил специального назначения контингент захваченных лиц изменился: посетители казино, клиенты борделя, местные бухгалтеры и прочие. Вместе с ними находили и удачно валявшиеся на поверхности вещественные доказательства преступной деятельности местных боссов. И «дверь в преисподнюю» нашли... И всех обитателей ада тоже.

– Не клуб, а коммуналка! Всюду люди засели – прям как тараканы, – говорил кто-то из командиров.

В стороне тоже переговаривались:

– В подвале нарколаборатория целая. Осведомители не ввали.

– И это в пяти минутах от центра города!

– Там, кстати, еще люди. Иностранцы. Представителей миграционки, интересно, сюда звали?

– Без понятия. Наркоконтроль вон курит стоит. Ха-ха, наверное, в жизни столько порошка не видали.

Послышался голос командира:

– Вызвоните мне УФМС! Срочно!

– Так ночь на дворе. Спят, наверное, – ответили ему помощники (явно из кабинетных).

– Разбудить! И сюда! Почему их не позвали? Кому подзатыльник прописать?!

– Может, еще в китайское консульство набрать?

– А вот этого не надо.

Вскоре низверженный Олег, которого охраняли аж четыре силовика, узрел перед собой полковника Меркурьева, брезгливо оглядывающего клуб. Сколько же держался «Хамелеон» и как бездарно он пал...

– Спета твоя песенка, Олег.

– Готовьтесь прощаться с должностью, полковник, – хозяин клуба задрал голову, чтобы рассмотреть лицо Меркурьева с пола. – Я много чего интересного расскажу о вас.

– Смотри, чтоб тебе прикус не испортили раньше времени. А с должностью, может, и попрощаюсь. Глядишь, кого повыше дадут.

– Вы совершили огромную ошибку.

– Я поступил по воле закона и во имя чести, Олег. Чего не скажешь о тебе.

– Вы вспомнили про честь, полковник? Напомнить вам, как вы...

– Подожди. Поднимите его.

Бойцы поставили Олега на ноги перед руководителем операции.

– Так-то лучше, – победоносно огласил хозяин клуба.

Полковник закивал головой, виновато отвел взгляд и... резко прописал Олегу кулаком по носу. Авторитет вновь оказался на полу.

– Не дожدهшься, дерьма кусок! Увести его! – скомандовал Меркурьев. – И крепко его держите. От такого гризли чего угодно можно ожидать, – полковник повернулся к своему адъютанту, который взглядом разыскивал среди арестованных ту, которую предупредил обо всем, в надежде, что она послушала его. – Где прячется брательник этого западлиста Бережного?

– Среди задержанных его нет. Ищут.

– Пусть резвее ищут. А Данила Озерова нашли?

– Тоже нет... пока.

– И на кого полицию оставляем? Я валяюсь с вас. Так, кто здесь Вячеслав?! – громко спросил Меркурьев. Парочку деталей он все-таки выудил у Озерова-старшего.

Работников бара, что стояли на коленях у стойки и заложили руки за голову, охранял один сурово-молчаливый оперативник. Бармен Славик стеснительно поднял верх дрожащую руку. Что же теперь подумают о нем остальные? Что он предатель, лазутчик, стукач, крыса?

Без лишних приветствий полковник грозно спросил:

– Где он?

– Вы от Владимира Аполлоновича? – робко поинтересовался Славик.

– Ты догадлив. Надо же, с виду и не скажешь, что тебе не

страшно, парень.

– Нужно же убедиться.

– Верно, но только подобные вольности с теми, кто сильнее, редко остаются без должной реакции. В том месте, где я воевал, ты бы уже валялся разрубленный на части... Ладно, куда ты его спрятал? Веди.

С делегацией за спиной Слава открыл подсобку. Даня сладко спал там в обнимку со швабрами. «Живой, слава богу», – подумал полковник и тотчас решил позвонить Озерову-старшему, но адъютант перебил его:

– Кто это, товарищ полковник?

– Виновник всей суеты. Смельчак. Весь в отца.

Меркурьев пока не определился, как относиться к сложившейся ситуации. Раньше все жили спокойно, всех все устраивало в рамках сбалансированного треугольника «криминал – полиция – власть». Мелкие недоразумения всегда разрешались и не имели особого влияния на общий баланс. Но связи непременно рушатся, когда одна из сторон пытается возвыситься или нанести тяжкий вред другой. Можно убрать конкретных людей, но основу сей триады не убереешь никогда. Чтобы замахнуть на такое, нужен, по крайней мере, не один десяток лет. На пустующее место придут другие, а в случае с «Хамелеоном» – более управляемые и лояльные мафиозники. И все на некоторое время вернется на круги своя, пока не будет аналогичных передвижек в полиции и власти, а такие рано или поздно наступят. Тогда триа-

да вновь потеряет равновесие, ибо одна сторона обязательно будет сильнее и требовательнее других, еще не укрепивших свои позиции. Руководителя городской полиции удивляло, что такие монструозные силы смог одним смелым поступком перетасовать какой-то 17-летний паренек.

– Запомните: пацана этого не трогать, – распорядился полковник. – Когда очнется, выходу его из клуба не препятствовать. Аналогично и с этим, – он указал на Славу, – пусть отведет беднягу домой. Свою задачу он выполнил.

Старший по званию СОБРовец подошел к Меркурьеву и доложил, что клуб полностью взят под контроль, охрана сдана, все помещения (в том числе потайные) заняты и что обнаружено много «интересного»:

– Есть парочка беглецов – ими занимаются. Далеко не уйдут.

– Отлично. Так, слушаем мою команду! – объявил полковник, обращаясь к подчиненным. – Приступить к доскональному обследованию всех помещений клуба, даже если его придется разобрать до последнего кирпича. Допросить каждого без исключения. Случайных посетителей отметить и распустить по домам. Персонал не отпускать до выяснения всех обстоятельств и причастности к преступной деятельности, что здесь велась. Все фиксировать. О новых обстоятельствах докладывать мне незамедлительно. Выполнять!

– Владелец забегаловки в автозаке, – доложили Меркурьеву.

– Что насчет Артура? Он пойман?

– Его нет среди задержанных. Видимо, слинял заранее.

– Посмотреть камеры и найти его. К Олегу же никаких адвокатов не пускать, пока я с ним не переговорю.

– У него есть адвокаты? Он знает, для чего они нужны?

– Он-то не знает. Знают умные люди в его команде и те, кому он отстегивает.

– Ночка будет тяжелая.

– Зато плодотворная, – воодушевленно ответил полковник и повернулся к Славику. – Иди-ка сюда, поговорить нужно.

Славик подчинился. Но что он может знать о делах Олега? Одни лишь слухи и только.

Полковник не выпускал из головы мысль о звонке Озерову-старшему.

***

Выход из секретного тоннеля замаскирован под обыкновенную бойлерную, но ни одной из городских коммунальных организаций данный объект не принадлежит. Думаю, вы понимаете, почему его до сих пор не снесли.

Именно оттуда на небольшой пустырек выбрались парень с девушкой, вдохнув обжигающий морозный воздух и толком не продумав, как действовать дальше. Тем не менее сей факт не помешал беглецам улыбнуться друг другу. Правда, улыбались они недолго...

Позади щелкнули затвором. Их поджидали.

Лиза остолбенела, ее сумка с вещами упала на снег. Артур потянулся за пистолетом, но не успел даже коснуться рукоятки, как ему заломили руки. То же проделали и с его спутницей.

– Вот и наша парочка – дельфин и русалочка, – хриплым голосом произнес невысокий мужичок, вышедший из крошечной тьмы. Артур узнал Николая, правую руку Владимира Озерова. Отныне бежать им некуда.

Лизу и Артура повели вперед.

– Полегче там, – протестовал Артур. – Я бизнесмен, уважаемый человек, директор эскорт-агентства!

– Директор чего?!

– Проституток он директор, – пояснил Николай. – Кого ж еще?! Эта сопля только бабами и способна командовать.

– Ясно, – сказал еще один сопровождающий, посему ударил Арчи прикладом. – Даже твоя поганая девка все поняла и молча идет!

Впереди выстроились несколько машин, из которых, хлопая дверями, выходили люди с пушками. Огни всех авто разом зажглись и на секунду ослепили пленников. Их небрежно толкнули – Арчи и Лиза упали на снег.

Ближе всех к сладкой парочке, которую сторожили двое с автоматами, подошел мрачный Владимир Озеров, челябинский алкогольный магнат. Человек он внушительный, широкоплечий, склонный к полноте. В последнее время при-

знаки приближающейся старости захватили его внешность: смуглое мясистое лицо изрешетили морщины, некогда черные волосы поседели и поредели, живот вывалился, проступили лишние подбородки, пошаливало сердечко.

Частично Озеров-старший винил во всем человека, которого и караулил здесь – Олега. Однако Артур и Лиза – тоже приемлемый вариант. Тем более что за столь гнусный поступок (использование Данила в качестве разменной монеты в войне группировок) Владимир Аполлонович желал вытрясти душу из любого причастного к банде «Хамелеона» человека. Старая школа бизнеса против новой.

– Если вы хотели переговоров, Владимир Аполлонович, необязательно обставлять все в столь грубой форме, – начал Артур.

– Я отвечаю зеркально той войне, что вы против меня ведете.

– Войне? Это наверняка тема Олега Валентиновича – я не при делах.

– Как же так? Ты и не при делах? Ты в этой войне серый кардинал. Неспроста рядом с тобой главный исполнитель, – Озеров указал на Елизавету. – Только ты способен до такого додуматься. Олег, может, и силен, но прямолинейность ему вредит. Как и некоторая интеллектуальная ограниченность. Поэтому за свежими идеями он всегда бежит к тебе. А уже ты за реализацией обращаешься к ней.

– Вова, ты сам виноват, – произнесла Лиза. – Будь ты чест-

ным человеком и образцовым семьянином, твои грешки не завели бы тебя в тупик.

– Чего баба вообще возникает?! Мужики здесь говорят, – рявкнул Николай.

– Пусть говорит, Коля. Ее внешность и повадки сродни любому огнестрельному оружию. Вернее, не оружию, а обвалу ценных бумаг, который разденет тебя до трусов за секунду.

– Согласен, она сладкая, – Коля приподнял локоны Лизы дулом автомата Калашникова, – и опасная.

– С Лизой мы поговорим отдельно. И по итогам разговора я решу, как с ней поступить.

– Чего с ней церемониться? Отдай ее нам – разве она не заслуживает нашей общей любви? Я пиздец как соскучился по элитным бабам, – не затыкался Николай. Вообще многие сомневались в психологической устойчивости бывшего десантника, побывавшего чуть ли не во всех горячих точках современной России.

– Еще раз коснешься меня, и я откушу тебе твой крохотный член и твои перепелиные яички, – пригрозила Елизавета.

– Отстаньте от нее, – шурился в свете фар Артур.

– А этого мудака я бы с удовольствием пристрелил, – Колян перекинулся на Артура, которого ненавидел всем сердцем – импозантная выправка сутенера бесила ярого ВДВшника. Он называл Артура голубым.

– АК-47? Вы шутите? Он у него наверняка еще с Первой чеченской...

– Мощности не потерял. Скоро ты в этом убедишься.

– Владимир, вы серьезно считаете, что положение дел изменится, если вы меня убьете или покалечите? Мужики, вы ведь пережитки прошлого, застрявшие в 90-х. Вы скоро исчезнете, вымрете. Лучше поскорее уходите на покой, обретите спокойную старость и уступите дорогу молодым.

Коле хотелось огреть Артура прикладом, но Лиза прикрыла его и огрызнулась так, что Николай отступил.

– Попридержи свою одичалую сучку, модник.

– Только загнанные в угол так себя ведут.

– Согласен, мы же практически достигли своей цели. С вашей группировкой разберутся менты, а мы разберемся с вами.

– Послушайте, – твердил Арчи, – мы же цивилизованные... деловые люди...

– Без сомнения: от начала и до конца все придумал ты, – вернулся к главной теме Озеров. – И ты, скотина, просишь меня быть цивилизованным? Вы хотели разорить меня, разрушить мой бизнес и замахнулись на мою семью.

– Ты бы сам ее рано или поздно разрушил – признайся уже в этом самому себе, – выдала Лиза. – Наша вина здесь косвенная.

– Закрой свой поганый продажный рот, шлюха!

– Что ж, словоблудием мы от вас ничего не добьемся, –

заклучил Озеров, оперевшись об капот одной из машин. Он махнул рукой, и смуглый высокий мужик вышел в полукруг и приставил пистолет ко лбу Елизаветы. – А теперь отвечайте на мои вопросы. Правду и только правду.

– Убери от нее ствол, – как-то неубедительно попросил Артур, однако вояка с пистолетом не обращал на него никакого внимания.

– Не истери, Артур, я тоже кое-что знаю о ваших отношениях. Семьи у вас нынче не в чести. Это сделает тебя умнее и покладистее. Как минимум сейчас.

Елизавета держалась стойко. Артур же размышлял: пытаться выбраться ради Тани или лезть на рожон ради Лизы?

– Где вы прячете моего сына?

– Что за бред?! Никто его не прячет. Никто его не похищал.

– Настоятельно рекомендую не врать.

– Он сам к нам пришел!

– Где же он теперь? – Озеров надеялся, что к тому времени люди Олега не раскрыли замысел Славика.

– Пришел в клуб, а потом... Я без понятия, где его носит. Я занимался более важными делами.

– Ты вообще в курсе, что делают твои люди? Даня – мой единственный сын. Ради него я убью тебя и твою шлюху и даже глазом не моргну, понял?!

– Можешь убить ее, – выдал на пределе нервов Артур. – Я не знаю, где твой сын, – он даже не заметил, как Елизавета

изменилась в лице после этих слов. Они задели девушку до глубины души.

– Вот, Лизочка. И ты продолжаешь доверять этому человеку, защищать его? Что ты вообще в нем нашла?

– Мы... слишком много прошли вместе, чтобы... доверять друг другу, – произнесла она тихо.

– Ладно.

Теперь пистолет целится в Артура, который зажмурил глаза и задрожал.

– Лизонька, может, ты в курсе, где сейчас мой сын?

Елизавета на удивление всех присутствующих сохранила хладнокровие:

– Он замечательный парень у тебя. Ответственный и бесстрашный. Он отправился решать проблемы взрослых на передовую, пока все остальные трусливо отсиживались в окопах и с опаской выжидали действий друг друга. А Данил не хотел власти, денег или гибели конкурента. Он хотел сохранить семью. Он боролся за счастье отца и матери. Он не боялся лишиться всего – парень с принципами. Ты воспитал хорошего наследника, однако сам забыл о своих принципах, Владимир...

– Чего она мелит, Вован? – спросил Николай.

– Пусть говорит, – отрезал Озеров.

– Я спала с твоим сыном, – призналась Лиза. – Обманула его. Обманула тебя, о чем сожалею. Я за все это время изменила взгляд на многие вещи. И, прежде чем вы меня

пристрелите как шавку без рода и племени, я хотела бы сказать, что ты можешь лишиться своего бизнеса, денег, партнеров, но все равно останешься богаче, чем все мы... Ведь твой сын и твоя жена любят тебя по-настоящему. Подобного у нас никогда не будет... Мы можем лишь провоцировать тебя на зло, и ты сам решаешь, заслужили ли мы участи или же это противоречит твоим принципам. Прежде чем все кончится, я скажу правду: мы не знаем, где сейчас Данил, его вряд ли держат в «Хамелеоне». Уверена, он славный парнишка и нашел в себе силы выбраться.

– Благодарю за искренность, Лиза. Но ты ведь понимаешь, что этого мало, дабы искупить все дерьмо, что ты натворила.

– М-да, смелости у нее в миллион раз больше, чем у этого осла, – сказал Коля.

– Поэтому я не могу вас отпустить, не задав еще одного вопроса. Где видео?

– Ха-ха-ха, машешь пушками, а все еще как огня боишься собственного грехопадения?! – заржал Артур. – Признался бы жене, и дело с концом! Видео в надежном месте. Если со мной что-нибудь произойдет, его обнародуют. Даже если это последний день «Хамелеона», мы непременно закончим то, что начали.

– Ты не знаешь, где компромат, Артур, – произнесла Лиза в отместку за отречение сутенера.

– Неужели?! И давно ты решила нас предать? Мы тебя кормили, поили, одевали. Хотя насрать. Давно ты решила

предать меня лично?!

– Будто есть разница между тобой и Олегом? Если бы мы с тобой сбежали, меня бы рано или поздно убили. Я даже знаю, кто бы отдал такой приказ, – она пристально взглянула на Артура. – Ты сам чересчур заигрался, дорогой мой.

– Да пошла ты!

– Кончайте спектакль! – терял терпение Колян, которому обещали крови. – Я же сейчас прикончу их обоих, Вован! К чему все это?!

Из темноты пустыря раздался голос из громкоговорителя:

– Всем не двигаться!!! Оружие на землю!!!

Фраза застала врасплох всех до единого на стрелке. Прибывшая машина врубила мигалку, и все увидели буквы «ДПС» на капоте. Молодые сержантики расчехлили табельные пистолеты, прикрываясь дверями и толком не зная, в кого целиться.

Этот экипаж ДПС снялся с поста и кружил по окрестностям клуба «Хамелеон», вскоре обнаружив того, кого искал – Елизавету, по которой все сильнее болело сердце у Игоря. Теперь он прекрасно знал, какие чувства испытывает и на что готов ради них. Неведомым образом он ощущал, что Лизе снова нужна помощь. Она не перезвонила, на его звонки не отвечала. Решение казалось очевидным.

Ярослав прикрывал друга с тыла, пока напарник подходил к границам освещенного полукруга, с каждой секундой осознавая огневое превосходство противника. Тут тебе не

задержание сумасшедшего, а целая банда, вооруженная до зубов. Через несколько секунд затворы на автоматах все-таки щелкнули, но Игорь всеми силами сдерживал бушующее внутри волнение и не опускал пистолет.

Сержант вновь увидел Лизу. Понял, что не зря искал ее, что подоспел вовремя, несмотря на протесты Ярика, считавшего, что Игоря мощно приворожили. Полураздетая Елизавета вновь замерзла, вновь дрожала – она снова одна, снова в беде. Теперь-то Игорь не отпустит ее, надеясь на взаимность. Сомнения отпали: девушка взглянула на него так, как ни на кого прежде не глядела – с любовью и надеждой. При их первой встрече она просто играла роль невинной жертвы, преследовала собственные цели. Нынче же ее эмоции искренние, ибо Игорь продемонстрировал даме силу настоящих чувств. Они помогли ему разыскать Лизу. Она еле сдерживала слезы при виде отважного и одновременно неуверенного Игоря – доблестного рыцаря, приехавшего спасти принцессу. Ему глубоко наплевать на ее прошлое, на ее пороки. Он готов любить ее не как товар, а как человека. Не этого ли она искала, по сути, всю свою жизнь? Игоря тоже одолевали эмоции. Сила притяжения между ними возрастала с каждой секундой, будто поблизости спрятаны два мощных магнита.

– Зря это, мужики, – произнес сержант, – лучше вам не поднимать стволы на инспектора...

– На дорогу возвращайся, инспектор хуев! – рявкнул Коля. – Не в твоих это силах.

– Ты не прав. Не каждый день увидишь, как невинным людям устраивают публичную казнь.

– Невинным?! Громко сказано.

– Хорош, мужики, не будем нервничать.

– Сержант, – взял слово Озеров-старший, – у меня десяток заряженных стволов против ваших двух. Здесь важные переговоры...

– Переговоры?! – очумел от формулировки Ярик.

– ...Поэтому лучше вам свалить отсюда подобру-поздорову и забыть о том, что вы видели. Или мы вас перестреляем. А вам еще жить и жить. Это не ваша война.

– Не знал, что в Челябинске настолько суровые и страшные преступники, – крикнул Ярик.

– Я знаком с каждым полицейским начальником города лично. Скажите мне, кто отдал вам приказ? – продолжил Озеров, не замечая, как в него целится Игорек.

«Все серьезнее, чем предполагалось», – нахлынувшая любовь заставляла Игоря идти напролом. Влюбленные часто не ведают, что творят. Игорь изначально настраивался на то, что просто спустит с лестницы непутевого ухажера Лизы.

– Мы неофициально здесь, – объявил Игорь. Ярик на заднем плане закатил глаза. – Мы не станем никому сообщать об инциденте. Но с одним условием.

– Что эти мальчишки себе позволяют? – возмутился Николай, крепко сжимая АК-47.

– Тише-тише.

– Я майор в отставке. И какая-то мелюзга будет указывать мне, что делать?!

– Успокойся! Пушку брось, дядя! – выкрикнул Ярослав.

– Да мы тут вашу работу делаем, лодыри! Вам всем рты и глаза деньгами закрыли!

– Колян! – рявкнул Озеров-старший, сохраняя самообладание. Приближенный Владимира Аполлоновича все понял по глазам.

– Правильно, нечего тут безобразия разводить.

– Парни, сделайте что-нибудь! – крикнул Арчи. – Вызовите подкрепление. Арестуйте их. Я управляющий клуба «Хамелеон» Артур...

– Заткнись! – не сдержался Николай.

– Твой клуб в руках СОБРа, а ты здесь. Свалил, что ли, трусишка?! – комментировал Ярик.

– Полиция не знает, что совершает ошибку. Как и вы. Да вас за бездействие...

– Не ты ли случайно, гоблин, ее парень?! – спросил Игорь.

– Ответ как-то повлияет на мое спасение?

– Тебя бы по-хорошему СОБРу сдать, – предложил Ярослав. – Не каждый хулиган привлечет к себе внимание доброй половины городских ментов.

– Я в курсе, – Арчи не знал, где ему будет лучше.

– Ясно одно: ты мудозвон, что с клубом, что с девушками.

Лиза...

– Что, личные счета? Да только ты опоздал, парень. Он

наш.

– Откуда ты ее знаешь? – взглянул на Игоря Артур.

– Я спас ее сегодня.

«Если б я замерзла там, то не встретила бы его», – думала Лиза, понимая, что ее новая спокойная и счастливая жизнь возможна только с Игорем.

– Хочешь сказать, что влюбился в нее? Сочувствую. Или она госпошину за спасение оплатить забыла?

Озеров видел, как разнятся эмоции на лицах Елизаветы и Артура: «Принципы, говоришь?» Кто из них первооснова его бед? Сутенер и больше никто. С высоты собственного опыта Озеров-старший решился на беспрецедентный маневр – когда как не сейчас можно положить конец токсичным отношениям Артура и Лизы:

– Можешь забирать ее, сержант.

Лизочку поразило великодушие Озерова, который, несмотря на все, дарит ей шанс исправиться. В отличие от двуличного Артура.

– Ты ебнулся, Вован?! – разочарованно выдал Коля.

– Я так решил. Пушки опустите, – ответил босс и обратился к гайцам. – А этот лощеный наш. Вы сваливаете и молчите.

Игорь с благоговением протянул руку Елизавете – они буквально не спускали глаз друг с друга. «Потеряли парня», – думал Ярослав. Лиза уверена, что найдет с Игорем ту самую искренность, а он готов раскрыть ее лучшие сто-

роны, о которых она забыла за годы работы в «Хамелеоне». У Артура же отстегнулась челюсть – когда только она успела влюбиться? Не привык сутенер что-либо отсоединять от своего сердца, даже если образование злокачественное. Сам ведь говорил, что их пути обязательно разойдутся. И вот она окончательно и бесповоротно покидает Артура, даже не смотрит в его сторону. Правильно, он выбрал другой путь – он поплатится.

– Ты так и оставишь меня, Лиза? Пожалуйста, сообщи хоть кому-нибудь, – взмолился Артур и хотел подняться, как его вновь опустили наземь.

– Привыкай разочаровываться, голубок. Лафа и красивая жизнь кончились.

– Игореха, нас точно наградят, если мы отнимем его, – начал заезженную пластинку напарник, намекая на Артура.

– Это лишнее, Ярик.

– Но...

Елизавета, прежде чем сесть в автомобиль ДПС, одарила Игоря теплым взглядом и заговорила. Но ее речь адресована не Артуру, а Владимиру Озерову, который заставил ее поверить в воистину православное всепрощение:

– Ты хороший мужик, Володя, – она сунула замерзшую руку под полы платья и вынула оттуда флешку. – Уничтожь ее. Видео там. Оно в единственном экземпляре. Копий нет – я позаботилась об этом, – она кинула флешку в ладони ближайшего солдафона из группы поддержки Озерова.

– Папаша, – произнес Ярик, – скажи своим сторожевым псам не палить по нам, когда мы поедем, лады?

Озеров сдержанно кивнул, понимая, что поступил правильно. Флешку ему передали. Елизавета наломала дров и сейчас вину загладила, подарив взрослому мужику ценный урок. Теперь осталось разобраться с утырком Артуром.

Автомобиль ДПС спешно отдалялся от места стрелки.

– Пронесло так пронесло, – Ярик в зеркале заднего вида узрел, как голубки держатся за руки. – Одного не понимаю: тот очкарик все же темным оказался типом и не исполнил обещания?

– Нет, – ответила Лиза, – его не обвиняйте. Он помог мне.

– Чем же?

– Он помог мне все понять...

Елизавета взглянула на Игоря как на дар, искупление, второй шанс. Он намеревался ни при каких обстоятельствах не разочаровывать ее.

– Ну, чего скажешь? – спросили подавленного Артура. Ему хотелось верить, что он обретет счастье и покой с Татьяной, если посчастливится выбраться отсюда живым. Однако приспешники Озерова уж очень кровожадно пялятся на него – он ведь виноват в том, что каждый из них что-либо потерял в этой войне. Каждый желает отомстить.

– Великодушно, приторно, сказочно, – объявил Артур. – Я опустошен.

– Нечасто ты испытываешь подобные чувства, верно?

– Вижу, Владимир, вы еще способны на конструктивный диалог.

– Добро обычно возвращается к тому, кто его дарит, – непривычно слышать такие слова от человека с пистолетом.

– В начале встречи мне показалось, что вы настроены противоположным образом.

– Тебе не показалось.

– Может, тоже проявите милосердие и...

– К тебе? Ни за что.

– Размечтался, – сказал кто-то позади.

– М-да, умеют бабы любую ситуацию в свою сторону обернуть.

– Хочешь великодушия?

– Не помешало бы.

– Даю тебе минуту, – объявил Озеров, – на поиск подходящих причин, почему мы не должны проломить тебе башку за все твои злодеяния.

Предложение отрезвило Артура. Он надеялся, что Господь простит его грехи. Чем он хуже Лизы? Пришлось делать то, в чем он силен – соображать и юлить:

– Послушайте: из любой ситуации есть выход. Весь «Хамелеон» сейчас забит полицией, говорите? Олега наверняка арестовали. Если все пройдет, как задумано, я займу его место. Я прекращу войну, оставлю в покое вашу семью. Мы все решим мирно – я разберусь с теми, кто заказал вас Олегу...

– Тебе не приходило в голову, что эта облава – дело рук

ваших же заказчиков? Ты уверен, что сможешь с ними договориться? Такая размазня, как ты, способна поднять из руин столь могущественную группировку? Да кто из тех, кто уцелел, за тобой пойдет? Не лечи меня. Я в бизнесе с тех самых пор, когда ты еще пешком под стол ходил.

– Как же тогда объяснить тот факт, что пару часов назад вы хотели сдаться нам? – за эту фразу Озеров не сдержался и хорошенько огрел Артура своим тяжеленным кулаком по лицу.

Владимир Аполлонович намеренно сгущал краски вокруг ситуации, чтобы надавить на Артура.

– Олег – достойный противник. Он и из тюрьмы до всех дотянется. В моих силах приструнить его. Поверьте, Владимир Аполлонович, я смогу это сделать. Ему перережут глотку в колонии.

– Мне нужны не твои догадки, а гарантии. И сын, которого вы держите.

– Что ж вы опять заладили про сына. С чего вы взяли, что мы его держим?!

Озеров-старший все равно злился на Артура – подонок точно не заслуживает амнистии. Необходимо преподать ему урок, оставить неизгладимый след.

– Тебя нет резона оставлять в живых.

– Во-о-о-т! Другой разговор! – радостно воскликнул Колян.

– Вам это аукнется. Не смейте.

– Даже в такой момент ты умудряешься нам врать. А Озеров-отец гораздо страшнее и мстительнее Озерова-бизнесмена. Я тоже сегодня многое понял... Ты мне выдашь контакты тех, кто хотел забрать мой бизнес – поименно. И я сам продам свои магазины и склады. Черт с этим бизнесом. Из-за него я чуть семьи не лишился. Хотя чего я тебе рассказываю? Тебе не понять. Всему вашему потерянному поколению не понять. Вы не живете, чтобы трудиться и ценить то, что имеете. Вы живете, чтобы кого-нибудь нагнуть, обокрасть, обмануть. А как заработать честным трудом, своими руками, кровью и потом, вы не в курсе. Ничего дельного вы не постройте, в том числе и собственную жизнь – будете несчастны вечно. У вашей с Олегом своры даже в мыслях не было договориться – вы только ждали, когда я сломаюсь. Вот так нынче молодежь отношения выясняет, мужики! Но вот трогать моего сына вы не имели никакого права, как и впутывать его.

– Он сам впутался, – вставил Арчи.

– Ложь! Вы сами краев не видите. Вас вот-вот уничтожат. Но и тогда вы не поймете человеческого языка. Поэтому я отвечу вам пропорционально. Отвечу на бесчеловечном языке, которому нас научили моджахеды.

– Нет-нет...

На Артура налетели люди Озерова, взяли сутенера под руки. Потасили к ближайшему пеньку от некогда большого дерева. Коля больно схватил Артура, сжал его кисть так,

словно лимон давил, выгнул ему указательный палец на правой руке и прижал его к спилу, будто на гильотину водрузил. Его напарник схватил автомат Калашникова и прижал дуло к пальцу Артура. Сутенер безуспешно пытался освободиться – его придавили со всех сторон.

– Что ты придумаешь сейчас, мудель жалкий?! – плевался Коля, кровожадно скалясь. – Уже обмочился, небось?! Давай заплачь, проси о пощаде! – Артура трясло. Он не мог и слова вымолвить. – Ты у нас главный выдумщик. Не думал ведь, что подобные поехавшие методы применят на тебе самом, а-а-а?!

– Пожалуйста, – плакал Артур, – дайте мне шанс... один шанс. Я признаю свою вину, я все исправлю. Господи, пожалуйста, простите меня, простите... Только не надо, не надо, – дуло автомата было ледяным. Артур не мог вынести ожидания перед роковым выстрелом.

– Этого мало, Артур. Ты и только ты довел меня. Так что я вынужден опуститься до ваших методов общения с врагами.

– Я... Молю... Пожалуйста...

Озеров покачал головой.

Прозвучал оглушительный выстрел.

В воздух взметнулись щепки от пенька вместе с каплями крови Артура, окропившими пень, снег и всех стоящих рядом. На несчастный палец словно опустился острейший нож, проделавший дыру в мясе и раздробивший фалангу. В пальце, что превратился в месиво, как в гейзере булькала кровь.

Еще немного и он развалится на две части.

От крика Артура закладывало уши. От боли он забыл себя. Чуть не умер от разрыва сердца, перенапряжения и собственного вопля:

– А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

Парень готовился грохнуться в обморок от вида раскучеренного пальца, пузырящейся крови, ее лужи на пенке. Болевой шок застилал сознание, ибо сейчас нечто подобное изверги наверняка сделают с остальными конечностями. И будут садистски наслаждаться. А он никак не сможет им воспрепятствовать. И ни на что нельзя отвлечься – кругом лишь всеобъемлющая и нескончаемая боль. Арчи отныне не думал, как он себя ведет и как выглядит со стороны – он в крови, в поту, в слезах, слюнях, соплях. Его одолевала такая дрожь, что хоть в смирительную рубашку лезь. Он бился в конвульсиях у пенка, словно на эшафоте. И никто отныне не утешит его. Артур никак не предполагал, что в стане врага с ним сотворят подобное. Ситуация безвыходная; ему не хватило природных талантов, чтобы избежать расправы – от этого становилось еще больнее. Никто вокруг особенно и не поразился произошедшему.

У Озерова зазвонил телефон. Он отошел в сторонку. Звонил полковник Меркурьев. Армейский друг Владимира Аполлоновича успокоил безутешного отца: Вячеслав не сохранил, с Данилом все в порядке, а клуб под контролем полиции, Олег арестован и вряд ли когда-нибудь выйдет на сво-

боду.

– Могу я увидеть сына?

– Слушай, сейчас нужны небольшие формальности, – ответил Меркурьев, который и без того нарушил множество инструкций, – и мы тут же вернем его домой. Не беспокойся. Все с ним хорошо. Ты, надеюсь, ничего лишнего там не затеял?

– Нет-нет, – неуверенно отмахнулся Озеров.

Положив трубку, полковник повернулся к адъютанту. Лейтенант доложил начальнику о том, что сообщает наружное наблюдение: Озеров-старший неподалеку захватил Артура... и там постреливают. «Лишь бы только пугал», – подумалось Меркурьеву. Вслух он произнес иное:

– Пусть продолжают следить и ждут указаний.

– А еще к компании Озерова мигалки подъезжали.

– Почему ты не доложил об этом сразу?! Кто посмел?!

– ДПС.

– А они чего там забыли?! – разъяренно спросил Меркурьев.

– Записали номер экипажа – отыщем.

– Доложите мне тут же. И сообщите Новикову, чтобы для него не стал неожиданностью наш неприятный разговор.

Владимир Озеров так хотел увидеть сына, живого и невредимого, что чуть не забыл о том, что необходимо закрыть вопрос с Артуром, который корчился от боли.

– Там менты в нашу сторону идут, – доложили Озерову.

– Сворачиваемся, – распорядился он. – Калеку под руки и ко мне в машину. Постелите там что-нибудь, чтобы салон не запачкал. Колян, ты за руль.

Артура затащили во внедорожник Озерова. Их картеж тронулся в обратный путь. Пока наскоро Артура заматывали кисть, Озеров-старший говорил с ним. Вряд ли сутенер в тот момент мог адекватно воспринимать услышанное – боль не утихала, пульсировала, горела адским пламенем.

– Мы сделаем так, – хладнокровно вещал Озеров. – Ты получишь инструкции, что делать и что говорить. И прекращаешь все это безумие. Отказываешься от притязаний в мою сторону. И наши дороги расходятся. Мои люди с тебя глаз не спустят. А задумаешь сделать что-то не так, как условились... мы тебя прихлопнем, – Владимир Аполлонович уже знал, как использовать новую марионетку.

– Думаю, я сдохну раньше.

– Нет, ты возглавишь организацию Олега. Слушай меня, хватит ныть...

– Вряд ли там кто-то остался. Менты же всех закроют, а самых кровожадных перебыют – типа при оказании сопротивления, при попытке к бегству.

– Будь оптимистом, Артур, – издевательски заявил Озеров, хлопнув врага по коленке.

– У меня есть просьба.

– Тебе еще один палец пробить, паскуда?! – отреагировал Николай.

– Что ты хочешь?

– Дайте мне увидеться с невестой. Всего минуту.

– У такого говна еще и невеста есть?! Любовь слепа.

– Я тоже имею право на счастье, – пытался вытерпеть боль

Артур.

– Ты просрал это право, – произнес Николай.

– Знала бы она, какой ты на самом деле урод, – произнес

Озеров.

– Нет, – закачал головой Арчи, надеясь на спасение в объятиях Тани (или хотя бы на временное душевное успокоение), – теперь прежнего «Хамелеона» не существует. Поэтому жизнь станет другой.

– Не уверен, что такие люди, как ты, имеют свойство меняться, – скептически ответил Озеров-старший.

***

Совершив круг почета по кварталу, я с новыми знакомыми занял наблюдательную позицию у клуба, что под завязку забит сотрудниками правоохранительных органов. Наши автомобили стоят у самого края отцепления, почти вплотную к заградительной ленте. Тихо подойди, открой, сядь, заводи и уезжай – дело в шляпе. Если б не шныряющие туда-сюда полиция да саперы с собаками, что тщательно обнюхали все окрестные машины (на одну даже помочились).

– Не можем же мы просто так туда пройти?

– Может, как-то отвлечь всех? Петарду взорвать?

– У тебя есть петарды сейчас?

– Подойти да отвлечь внимание... словами. Как типичный любопытный зевака. Или как нетрезвый прохожий.

– Ага, – отреагировал Илья. – Только зайдешь за ленту и заговоришь с ними, будет тебе дело за нападение на сотрудника при исполнении и препятствие оперативно-розыскным и следственным действиям.

– Им же наверняка нужны понятые? Сказать типа, что готов. Только паспорт возьму, который в машине.

– Как это будет выглядеть? «Ой, а вот, кстати, и моя тачка – прямо тут стоит»?

– Да, так себе идея.

Впервые за ночь я осознал, что креатив подходит к концу – я окончательно и бесповоротно устал. И в ту же минуту как по божьему провидению со стороны квартала на всю улицу отчетливо прозвучал хлопок от одиночного выстрела.

– Опа, вот это уже серьезно.

– Калашников вроде, – определил Илья.

Полиции у отцепления в один момент встрепенулись и как по команде передислоцировались в сторону звука выстрела.

– Да, полиция – она и в Африке полиция. А если это отвлекающий маневр, а они тут все позиции побросали?

Я обратил внимание, что и часовые на крыше переместились в другое место.

– Пора, – я первый метнулся к заветному авто. Остальные побежали следом.

Через полминуты со стоянки, разорвав ленту, на широкий, но пустой проспект задним ходом на полной скорости вылетел «BMW X5». Я даже успел привыкнуть к этому автомобилю. Чувствовал я и благосклонность судьбы-шутницы, надеясь, что никто в меня не станет палить из всех орудий.

В «KIA» поочередно прыгнули Лев и Миша. Но они были героями историй на тех страницах, которые в моем сознании уже перевернулись. Впереди лишь финишная прямая (хочется верить).

На середине проспекта я дал по тормозам, крутанул руль. Машину развернуло влево. И в легкой пробуксовке «BMW» под рев турбины понесся прочь. Чем дальше от «Хамелеона», тем лучше.

История тридцать шестая. «Погоня»

Сколько бы раз капитан Барзило не прокручивал в голове все произошедшее после штурма «Хамелеона», он так и не смог понять, каким образом два квалифицированных сотрудника полиции допустили такую оплошность.

– Надо было сжечь тебя в том вагончике, – рычал в сторону Андрея Рыжий, что согнулся в три погибели – его вел Виталий.

Все шагали быстро – до одиноко стоящего на обочине «УАЗика» оставалось всего ничего. Спешили так, что соблюсти формальности решили позднее. Какую опасность могут представлять детишки, верно? Весьма опрометчиво для лиц в погонах.

– Вы устроили этот цирк из-за старой машины?! – недоумевал Андрей, что бежал вприпрыжку за капитаном, ибо наручники с него никто не снимал.

Меньше всего противился Руслан, которого вел Барзило.

– Это не просто машина. Это моя репутация! – злобно вещал Глеб. – Хочешь сказать, что моя репутация ничего не значит?! Ты, видно, забыл, кто я такой, Андрюша?! – амбиций у главаря шайки (даже в руках полиции) ничуть не убавилось. – Я будущий хозяин этого города.

– Таким взбалмошным, как ты, города не даются, – парировал Андрей. – Нынче никого не удивишь мелочью, кото-

рой ты промышляешь. Если бы не твое маниакальное влечение, нас бы здесь не было.

Нужны ли правила, процедуры и регламенты лишь для того, чтобы их нарушать? В ту ночь сотрудники Тракторозаводской ППС пренебрегли многим: то ли ради забавы, то ли ради справедливости, то ли из-за стремления распутать необычайный клубок разномастных правонарушений. Рапорт капитана будет смахивать на остросюжетный детектив (если до него дойдет).

– Шкет, – подошел к служебной машине Барзило, – напосмотри-ка, что мы там обязаны соблюсти, прежде чем предъявить обвинения?

Валерий Александрович копался с ручкой автокамеры, откуда вовсю раздавались возгласы Романа:

– Неслыханно, что сотрудник полиции в таком звании незнаком с элементарными процедурами. Может, вы ими совсем не пользуетесь?! В таком случае вы недалеко отошли от преступников.

– Хорош придуриваться, правозащитник хренов! Встречай подельников.

Таксист с укором взгляделся в новые лица и заявил, что видит их впервые.

– Хочешь сказать, что твоего пироманьяка среди них тоже нет?

Роман отрицательно покачал головой.

– Да, ребята, – констатировал Барзило, – вас бы всех рас-

пределить в тюрюгу с театральным кружком. Вы стали бы ведущими артистами. А пока что, Ромашка, принимай соседей, с которыми заправку грабил.

– Пиздеж! – попытался выпрямиться и возразить Глеб.

– Где же ваша общая баба?

– Какая еще баба? – спросил Глеб.

– Вы не в той ситуации, чтобы идиотами прикидываться, сосунки! – строго заговорил капитан. – В деле замешана некая Виктория...

– Вот те раз! Ты и ее сюда приплел? На хуя?!

– Ага, здесь у нас, значит, любовный квадрат вырисовывается, – сделал вывод Валерий Александрович.

– Полоумный все выдумал! – заявил Глеб, обращаясь к полицейским. – Мы вообще ни при чем. Ублюдок так мстит. У нас с ним личные счета. Да вы на его рожу взгляните...

Да рожу-то у нас у всех хороши.

– Личные счета? – уточнил капитан, потерев подбородок. – Не из-за дележки награбленного, случайно?

– Капитан, да он...

– Почему тогда оказывал сопротивление при задержании?

Или привычка такая?

– Мало ли чего вам, мусорам, надо, – рявкнул Рыжий. – Знаем мы вас.

– Я же ваши рожу сейчас по всем РОВД разошлю, коль приводы были. Но они ничто по сравнению с тем, что вы выдали сейчас.

Андрей продолжал стоять на своем в противовес Глебу:

– Все, что я говорил – чистая правда. А ему... в аду самое место.

Глеб предпринял попытку вырваться из захвата Наташи, но не смог.

– Но-но-но! Только дернитесь – пеняйте на себя. А ты, умник, молчи. Ты тоже отличился, – сказал Андрею капитан и сделал знак стажеру, чтобы тот первым провел за решетку непримиримого Рыжего.

Глеб не затыкался и посылал проклятия в сторону Андриюхи. Последний чувствовал, что чудовище (даже плененное) все еще представляет серьезную опасность. Андрей несколько не сомневался в правильности выбранного пути самопожертвования (ради любви к Вике и справедливости), ибо Глеб со своими подручными должны понести заслуженное наказание.

– Вот, значит, как ты решил все обставить? Умно. Да только ты ответишь за все, когда нас отпустят.

– По тебе же тюряга плачет.

– Да ты что?! Стоит легонечко копнуть, и менты выяснят, что нас там не было. А после мне ничего не помешает ударить тебя голыми руками.

– Ничего, я вспомню на допросе сколько угодно злодеяний, что ты сотворил. Столько висячков закроется.

– Хм, ты зря времени не терял. Я же жалел тебя, мудака. Эх, зря. Надо было бить в полную силу, чтобы ты в овощ

превратился и не отвечивал. Всегда под ногами путался и вот решил, что можешь меня раком поставить?!

– Теперь ты точно поедешь далеко и надолго. В колонии осознаешь, что ты мелкая сошка по сравнению с настоящими головорезами.

– Но прежде... я разделяюсь с тобой.

– Разговорчики в строю! – рявкнул капитан Барзило, и Наташа с силой надавила на затылок Глеба.

«Понял я, понял, что ты сильная, бойкая. Но, как говорится, против лома нет приема, – Глеб ощущал металлический холодок от ножа, спрятанного под правой штаниной. – Я просто так не сдамся. Его хитрый план не пленит, а освободит меня. Я не позволю себя обыграть!» – предводитель шпаны загадочно взглянул в сторону Рыжего, которого к тому времени обыскали. Подручный Глеба сразу понял, что ничего еще не потеряно.

– Впервые вижу сообщников, которые так рьяно друг друга ненавидят, – произнес Виталий, положив руку Руслану на плечо. Третий член банды не участвовал в диалоге и вообще напоминал престарелую черепаху.

– Надо ли их в одну камеру? – спросила Наташа. – Они же поубивают друг друга.

– У нас здесь не лимузин, – хоть Барзило и солидарен с девушкой, слов поддержки он не произнес. – Давай этого субчика сюда.

Виталик гордился возлюбленной – Наташа была образцом

выдержки. Он рассчитывал, что ее содействие при задержании обязательно отметят. Стажер периодически замечал и взгляды капитана, одобряющего амурный выбор подчиненного. Однако любование женской красотой что дома, что на службе (даже мимолетное) чревато серьезными последствиями. Не женщина на корабле, конечно, но все же...

Глеб насупился и процедил сквозь зубы:

– Я не полезу туда.

Все особо и среагировать не успели. Глеб нанес сокрушительный удар.

Молодчик со всей силы пнул Наташу по голени. Девушка на миг расцепила хватку. Заминки Глебу хватило, чтобы расчехлить складной ножик, который у него не изъяли. Жажда мести и превосходства, а также адреналин смешались в гремучий коктейль – выпитый алкоголь лишь усилил все ингредиенты. Парень возник за спиной у Наташи быстрее, чем полиция поняли, что преступник вырвался, и достали пушки. Девушка недооценила Глеба. Глаза у Руслана и Андрея округлились, а Рыжий лишь торжествующе улыбнулся.

Наташа хотела, как ее и учили, нейтрализовать противника, но юркий и пластичный юноша с отталкивающей внешностью и диким взглядом больно схватил ее сзади. Даже при таком раскладе она знала, как его вырубить. Пока не почувствовала, как лезвие наточенного ножика прислонилось к ее шее и угрожало без промедления воткнуться в нее. Мышцы по всему телу напряглись до предела – любое произволь-

ное движение может стоить ей жизни. Как же неуклюже и беспомощно на ее фоне выглядят мужики.

Бывшая начальница службы безопасности «Хамелеона» не предполагала, что салага способен зайти так далеко. Такие обычно любят острить, а как только доходит до дела, сразу опускаются до ясельных понятий. Глеб опасен и непредсказуем. Его предохранители сорвало раз и навсегда. Он готов пойти на крайние меры и судить всех по собственным законам, на которых он вырос, которым его научили улицы и собратья по воровскому делу.

Глеб крепко удерживал заложницу и ножик возле ее шеи, впившись в ментов горящими яростью глазами. Пистолеты его несколько не пугали, даже подзадоривали, приятно щекотали нервы. Если и пристрелят, то на районе точно легенды станут слагать, как Глеб не прогнулся и стоял за свои идеалы до последнего. Бешенство застелило глаза – он не боялся последствий, он не почувствует боли от возможного сопротивления. Он улыбался... как ребенок... как психбольной... как садист.

– Дернешься – убью! И без фокусов, поняла?! И вы оба – назад! – Глеб оттащил Наташу на два шага поодаль, не спуская глаз с сотрудников ППС.

Неужели он отныне может повелевать мусорами? Еще чуть-чуть, и он унесется прямиком в нирвану от исполнения собственных желаний – это добавляет сил, задора, тонуса. Очевидно, времени у него не так много – бежать теперь

смысла нет, однако месть по горячим следам никто не отмечал. Пока имеешь превосходство, нужно реализовывать задуманное, ибо иной возможности может не представиться, а с ней и долгожданного катарсиса.

Сколько Глеб себя помнил, его, маленького, несурзадного, нелюдимого, не воспринимали всерьез, недооценивали, ограничивали, наказывали, унижали. С самого детства он копил в себе злобу от нелюбви, обиды, недостатка самовыражения. Поэтому, когда появились первые мальчишеские силы, он отправился крушить весь мир вокруг, вредить людям, добрым и злым. Чтоб видели, на что он горазд, на какие гадости способен изощряться его мозг, ибо все остальные в глазах Глеба не заслуживали ничего кроме мести и вечного страха. А неудачи, приводы в полицию, общественное порицание – все только воодушевляло его. С годами он становился опаснее. И теперь перед всеми предстал апогей становления анархиста, хулигана, вандала, который не приемлет ничего кроме языка силы, боли, ножа и биты.

Невыразительные потуги полиции только забавляли Глеба. Рост позволял ему защищаться живым счетом – Наташей, попутно просчитывающей, как поскорее освободиться. Не очень хорошо думается, когда в твою сторону целятся из огнестрельного оружия, а горлу угрожает нож.

– Воу, мужики! Вы же не стрелки с Дикого Запада. Попадете в девушку.

– Слышь, чертенок! Отпусти ее! Ножик в сторону, руки

за голову!

– Ха-ха-ха-ха! Еще чего?! Я здесь командую! Это я вас на колени поставлю!

– Последнее предупреждение! – видно, как дрожат руки у молодого патрульного. Глеб чувствует его неуверенность за версту.

– Хотите сказать, что у вас все под контролем, стражники?! Гляньте, чего могу, – Глеб стремительно перенес лезвие ножа как можно ближе к глазкам Натальи. – С чего начнем, господа?! За что мы там любим баб?! За глаза?! Может, за нос?! За пышные губки?! За грудь?! Скажите же, что вам по душе?! Все отдать не могу – лишь по частям! Ну же! А-а-а?! Один выстрел... и вы лишитесь всего!

Барзило не мог как следует прицелиться в противную морду Глеба – пару часов назад у него уже был негативный опыт стрельбы.

– Теперь я здесь закон, ясно?! Стволы на землю! Оба! Я не шучу. Я же прирежу ее!

Бессилие истощало Виталика.

– Эй, Рыжий, выходи! Забери ствол у салаги. А ты не сопротивляйся. Травмированных не бьют.

– Я и с одной рукой пятерых раскидаю, – заверил Рыжий, выпрыгнув из «УАЗика».

– Ты тоже, капитан. Хорош играть в доблестного мента. Пистолет бросай! И смирись уже – тебя давно пора в утиль сдать. Только дернись, сука!

Виталик не мог ухватиться за нужную мысль, не мог сообразить, что предпринять. Боялся за любимую. Тем временем руки его ослабли и опустились. Рыжий с самодовольным лицом выхватил пистолет из пальцев Виталия.

– Сержант, мать твою! – грозно и разочарованно выдал капитан.

– Виталю, не надо, – произнесла Наташа.

– Я не могу подвергать тебя опасности.

– Гляньте, товарищ капитан, – торжествовал Глеб, – кого вы воспитали. Труса. Принципиального пораженца. Смысл сопротивляться, а? Зачем вам такая морока? Горячего стажа хоть отбавляй.

Барзило тоже не мог решиться на стремительную атаку. Уж слишком высока цена ошибки. Тем временем Рыжий передал пистолет Глебу – бандюк почувствовал прилив сил.

– Опустим ствол, капитан. Иначе я прикончу ее. Не промахнусь, теперь уже точно.

– Тебе это с рук не сойдет, дьявол!

– Ты безоружен, сержант. На твоём месте я бы помалкивал. Наши требования такие. Вы даёте нам уйти. Забываете о нашем существовании и обо всем, что случилось. А ещё ты, капитан... отпускаешь его, – Глеб показал на Андрея. – С крысенышем я сам разберусь. Давайте, чего встали?! Исполнять!

– Глеб, ты чего творишь, маньяк?!

– Руслан, тебя никто не держит – можешь валить, пока я

добрый.

Валерий Александрович попросил прощения у Господа Бога и направил пистолет в сторону вросшего в землю Руслана – это единственный шанс продолжить торги с неадекватным преступником.

– Уравняли шансы?

Русланчика от неминуемого обморока отделяет каких-то полмиллиметра.

– Хорошая попытка, капитанишка. Руслан, он ничего тебе не сделает – забери у него пистолет. Смелее, – подручный Глеба не сдвинулся с места, ибо думал, что его пристрелят, если он шевельнется. Шок – привычное для него состояние сегодня. – Видишь, кэп: лошара нам ни к чему. Можешь делать с ним все что хочешь. Он бесполезен. Давай, мусор, отстегивай Андрюху... Пиши завещание, стукач!

– Вы сбрендили, капитан?! Даже не думайте, – пытался вразумить мента Андрей.

За последний час Наташу шквалом захлестывали истинно женские чувства, которые обычно ее не посещали. Она не могла поверить, какой в одночасье обузой стала. Девушка видела, как с Андрея сняли наручники. И все из-за нее.

Маска траура не сходила с Барзило – давненько он не был настолько беспомощным. Капитан посмотрел на стажера – одним лишь взглядом дал понять, что он идет на такие унижения только ради Виталика и его невесты. Волевой поступок для такого человека, как Барзило. Бездарностью почу-

ствовал себя и Виталю – он ведь может голыми руками броситься и... Нет, второй раз ему точно не повезет. Все полномочия и так превышены – возможно, стоит действительно обо всем позабыть, но ведь «вор должен сидеть в тюрьме».

– Парень, – шептала Глебу Наташа, – отпусти меня. Обещаю, они дадут тебе уйти. Не нужно переводить ситуацию в пат.

– Ты полицейская сучка, что ли? Не похоже.

Андрюха не мог вообразить, что ждет его впереди. Он свободен и заперт одновременно. Здесь – его враг, где-то там – его любовь. Полиция беспомощна – впрочем, как и всегда.

– Как же легко, оказывается, поставить вас в безвыходное положение, да?! Бросай уже пестик, капитан, не нужно нарываться. Вы не поверите, каково это – держать на мушке мусоров, хе-хе-хе.

– Не дури, чертенок! Не порть себе жизнь окончательно. Мы все...

– Сейчас вы всего лишь беспомощные подкаблучники. пожалели бабенку, что подвела. Да вам выпишут пеню под зад, если узнают. Так что я вам одолжение делаю. Ваши коллеги уж очень заняты «Хамелеоном» – им не до вас, – Глеб все еще угрожал пистолетом Наташе. – Знаете, почему я так опасен? А?! Потому что мне нечего терять. Это и есть истинная свобода – вседозволенность. Обретаешь ее, только когда все теряешь. А это про меня, – Глеб стал отходить вправо, в темноту, куда не падает свет уличных фонарей, не отпуская

Наталью. – Я сейчас пристрелю ее... лишь для того, чтобы посмотреть на ваши рожи.

– Мы найдем тебя и закроем надолго, – хотел сделать выпад стажер.

– Стоять!!! Не так все просто, как вы думаете.

– Отпусти ее.

– Ах, я понял! Между вами любовь, да?! Ситуация стала гораздо пикантнее, – облизнулся Глеб. – Тебе повезло, дорогуша, ведь сейчас я жажду пролить другую кровь. Не правда ли, Андрюшенька?!

«Сейчас или никогда», – подумал Андрей.

– Рыжий, хватай эту крысу, и уходим.

Мысли, вернее, нервные сигналы летали по мозгам со скоростью света. Про боль в плече пришлось забыть. Андрей более-менее очухался, когда на максимально возможной скорости летел прочь с места разборки, преодолевая заборы, сугробы, бордюры, кусты и лесенки, минуя улицу за улицей, перекрестки, кварталы, подворотни, гаражи, завалинки. Паренек несся сломя голову, не чувствуя усталости и одышки, ибо речь идет о сохранности его жизни. Некогда оборачиваться и смотреть под ноги – мягкий снег сменяется обледенелыми тропинками, потрескавшимся асфальтом, раскрошенной плиткой. Вокруг все смешалось, словно в абстракции. Андрей будто крутит планету своими ногами, приближая к себе все новые и новые локации: однотипные, бесцветные, пугающие своей неизвестностью. В этом весь Челя-

бинск. Андрей бежит, не имея за собой ничего кроме главной движущей силы (после инстинкта самосохранения) – любви к Вике и веры в то, что она ждет его в назначенном месте, у часовни на вокзале. Парень летел вперед, пересекая наискосок Калининский, а после и Центральный район, спиной чуя, что цепкие руки прошлого не отпускают его, желают ему смерти. Да, Глеб маячит позади.

Ранее Андрюха не дался в руки Рыжему. Предвосхитив возможную стрельбу, беглец ногой ударил Барзило по запястью – пистолет отлетел в сторону. Не успел он приземлиться, как Андрей сорвался с места и побежал куда глаза глядят.

– Куда????!!!

Руслан беглеца не остановил. Хватка Глеба слегка ослабла. Наташа резко нагнулась и перекинула хулигана через спину как мешок с картошкой. Тот перекувыркнулся и рухнул на нечищенный тротуар, потеряв ориентацию в пространстве, но сохранив пистолет. Виталий решил окончательно нейтрализовать Глеба, однако на него налетел Рыжий и отодвинул молодого полицейского от своего кореша. Стажер закрыл своим телом Наташу и не позволил Рыжему к ней приблизиться.

– Назад!!! – закричал Глеб и пригрозил стволом тем, кто оказался в его поле зрения. – Я шмальну! Шмальну! Назад! Прочь!

Глеб увидел Барзило. Выстрелил спонтанно – лишь бы распугать всех вокруг.

Хлопок оглушил. Пуля просвистела рядом с капитаном – мужик даже почувствовал вибрацию воздуха, что она создала. Глеб увернулся от кулаков Валерия Александровича и побежал вслед за Рыжим, продолжая беспорядочно размахивать пушкой, прикрывая тыл.

– Он не должен уйти! Его нельзя отпускать! Нельзя! – кажется, Рыжий взял след Андрея.

«Не уйдет!» – Глеб следовал за напарником.

Виталья крепко прижал Наташу к себе. Барзило от разочарования, что упустил Глеба, так и остался валяться на тротуаре.

– Прости меня. Я вас подвела.

– Мне все равно. Ты со мной. Ты жива. Больше мне ничего не нужно.

– Провал, голубки, – заявил Барзило. – Кто-то решил поиграть с огнем. И совершенно забыл лекцию о табельном оружии.

– Товарищ капитан, – начал стажер, желая загладить вину, – мы обязаны поймать гниду и засадить его. Это наш долг.

– Дело чести, – ответил капитан.

Наташа посмотрела на проезжую часть и замерла. Дверца в камеру «УАЗика» настежь раскрыта. Рядом с автомобилем лежит Руслан. Девушка подлетела к нему. Видно же, что паренек угодил к рецидивистам случайно. Выпущенная Глебом вслепую пуля угодила в Руслана и глубоко засела в

его правой ногое. Кажется, паренек тихо молился Аллаху.

– Аптечку неси! – скомандовала Виталику Наташа.

Парень смотался до аптечки и обратно.

– Его бы в лазарет, – сказал сержант, наблюдая, как его невеста распоряжается содержимым чемоданчика с красным крестом.

– Штанину ему порви. Давай же, – попросила жениха Наташа. Тот выполнил указание. – Я мельком видела скорую у клуба. Я дотащу его туда.

– Я помогу.

– Я справлюсь сама. Вы оба должны поймать ублюдков, – проговорила Наталья, одновременно успокаивая Руслана, что всхлипывал и дергался. – Терпи, казак – атаманом будешь, – девушка оказывала помощь пострадавшему. Кровоточащая рана ее нисколько не смущала, словно медсестру в окопе во время ожесточенных боев. Прочие девахи давно бы уже в обморок попадали, а Наташа сохраняла хладнокровие.

– Но... – пытался возразить Виталий.

– Без разговоров, – отрезала она.

Виталий не сдержался и поцеловал ее в щечку.

Мимо промчалась древняя «Копейка».

– Товарищ капитан, – стажер увидел, что Барзило пялится в каталажку «УАЗика». – Я за руль? Пора ехать, – оба хотели поскорее изловить и покарать беглецов. – Надерем им... зад...

Внутри передвижной тюрьмы сжался в угол Роман. Как

только таксист понял, что на него смотрят, он выпрямился:
– Заметьте, – торжественно произнес он. – Я не сбежал.

***

– Мужики, вы что, реально искали меня? – восторженно спросил Лева.

Клуб любителей ретроавтомобилей вновь в полном составе. Илья неторопливо вел машину по пустынным улочкам.

– А что мы, по-твоему, должны были делать?

– Я поражаюсь, Лева. Ты взрослый мужик... и не смог с молодчиками справиться?!

– Поправочка: я пьяный взрослый мужик. Не буду напоми-
нать, по чьей вине.

– Тебе кровь из носа нужно восстановиться к обеду, иначе твоя супружница из тебя кастрированного взрослого мужика сделает. Позвонил бы ей, кстати.

– Ох, наслушаюсь же я, – почесал голову Лев.

На этой фразе Илюха резко дал по тормозам. Чуть не пой-
мал на капот двух пацанов, перебежавших дорогу. Один вы-
ставил руки вперед, словно этот жест гарантированно помо-
жет не попасть под колеса. Обтерев ладонями капот, беглец
мимолетно встретился взглядом с пассажирами и водителем
«КІА», отчего еще быстрее дал деру, стремительно перепры-
гивая заборы и перелетая сугробы, и скрылся в ближайшем
неосвященном проулке.

– Едрить-колотить! – воскликнул Илья.

Адвокат надавил на газ и резко крутанул руль влево, направив машину следом за другой бегущей фигурой (явно с травмированной рукой). Илья целился в межквартальный проезд, куда все и бежали, однако позабыл, что ведет всего лишь автомобиль, а не танк, то и дело цепляя ветки да металлические оградки.

– Я перезвоню, – заявил Лев в трубку, вытаращив глаза.

Миша схватился за ручку над дверью:

– Ты чего творишь?!

– Это же они, Мишаня! Они! Уйдут ведь, подлюки! – Илюха нехило загорелся погоней за молодчиками, что испортили ему день (вернее, ночь).

Стан преследователей Глеба и Рыжего увеличился. При этом они сами преследовали Андрея, который безуспешно пытался избавиться от хвоста, запутывая следы и все больше плутая в дебрях. Всем не привыкать убегать, преодолевая длинную дистанцию со всевозможными препятствиями.

Одно лишь предчувствие скорейшей расправы толкает Андрея вперед, заставляет интуитивно выбирать наилучший путь за доли секунды, протискиваясь меж стен и гаражей, ночующих на стоянках машин, прикрываясь руками от веток голых деревьев и кустов. Нужно бежать, невзирая на лед на тропинках и глубокие сугробы, в которых приходится утопать. Остановка равноценна капитуляции, смерти. Приличное расстояние, как ему казалось, он преодолел за одну-две минуты. Ни в одном из укрытий он не желал задерживать-

ся: считал их ненадежными, к тому же его ждет Вика, а до нее еще далеко. При этом Андрияха абсолютно не ориентировался на местности. И ведь ни одной живой души вокруг. Для Андрея все происходящее – квест, в котором одна типичная локация сменяется другой идентичной: частный сектор с запахом печного дыма в воздухе и гавканьем собак, серые пятиэтажки, недостроенные монолитные многоэтажки, завалинки и полуразрушенные склады, бесчисленные ржавые гаражи, уходившие за горизонт. То крошечная темнота, то открытые освещенные участки, с которых нужно уходить, ибо там одинокий беглец виден как на ладони. Сложно, но Андрей не останавливался и искал выходы.

Вскоре он увидел впереди тропинку сквозь лесополосу. Она ведет к ярким рядам прожекторов, повисших в небе, будто колонны НЛО. Оттуда доносятся свистки тепловозов, стук колес, эхо от коротких объявлений из громкоговорителей. Железная дорога – отличный шанс затеряться. Андрей с новыми силами засеменял по дорожке, петлявшей мимо деревьев, стихийных свалок и полуразрушенных строений. Еще сильнее запахло углем, которым топят пассажирские вагоны. Нужно смотреть под ноги: здесь легко поскользнуться и напороться на что-нибудь острое, спрятавшееся под снегом. Восточная сторона небосклона начинала синеть (чуть-чуть). Мороз уже не так щипает щеки, не обжигает нос и глотку. Во рту царит засуха, кончики пальцев превратились в сосульки, сердце неустанно стучит, стан залился горячим

потом так, что одежду можно выжимать.

Глеб и Рыжий гнались за Андреем на пределах собственных возможностей – дышалки у заядлых курильщиков не хватает, однако их гонят вперед слепая ярость и жажда мести. Пистолет сросся с кистью Глеба. Пацан бежал точь-в-точь по маршруту Андрея, словно чуял врага по запаху, считывал по повадкам, мыслям. Он с каждой секундой все сильнее желал поквитаться с ним: чем изощреннее, тем лучше. За Глебом, придерживая забинтованную кисть, семенил Рыжий, краем глаза примечая, как за ними по пятам следует гражданская машина (порой даже не одна), петлявшая по кварталам и закоулкам, то настигая бегунов, то отдаляясь от них. В одночасье автомобиль исчез из виду – Рыжему даже показалось, что где-то позади мимолетно заблестели красно-синие огни полицейской мигалки.

В центре сквера, через который пролегал путь беглецов, откуда ни возьмись объявился кроссовер «КІА». Прямо на дистанции меж бегущими. Погнув ограду, он влетел на широкую дорожку и бежевым пятном пронесся мимо, раскидав в заносе лавки и урны, взорвав до основания снежную гору собственным капотом. Машину развернуло – дальними огнями осветились спины Глеба и Рыжего, которые не прекращали движения.

Автомобиль поехал за ними напрямик, свернув с главной аллеи и уверенно нагоняя беглецов. «Он же нас догонит и задавит, задавит!» – судорожно мелькало у Рыжего в голове.

Глеб резко свернул вправо, напрямик в снежную трясиину, где смог бы проехать только мощный внедорожник.

– Разделимся, Рыжий! Хуй они нас поймают! – крикнул Глеб – Рыжий подчинился, резко вильнув влево.

Машина свернула за Глебом и подпрыгнула на бордюре, повалив фонарь. Двигатель взревел, колеса принялись вскапывать глубокие сугробы, из-под покрышек вылетал снег. Однако, как бы Илья ни старался, «КІА» вскоре безвозвратно завяз в сугробе посреди сквера. Илюха, посадив машину на брюхо, яростно ударил по рулю. Пятки Глеба сверкали где-то впереди.

– Толкнем?

– Нет, – отрезал Илья, – вы за тем, что с культей. А я за главным.

Илья продолжил погоню, высоко поднимая ноги, чтобы поскорее выбраться из снежных барханов. Его коллеги не успели ничего путного произнести, чтобы образумить жожака. Времени в обрез, поэтому Миша и Лев погнались за Рыжим, который к тому моменту начал выдыхаться. Его фантазия в запутывании следов хромала. Найти его не составило труда.

Механик и сисадмин почти нагнали конопатого у берегов Миасса. Река в том месте неширокая: до ближайшего берега, заросшего деревьями, рукой подать, нежели до моста. Потому беглец, понимая, что деваться некуда, развернулся в сторону преследователей, показал им средний палец и вышел

на лед. Рыжий понесся по застывшей реке к противоположному берегу, минуя заросли камышей и пробуренные рыбаками лунки.

– Пошли! – Лев на кураже тоже захотел спрыгнуть на лед, но Михаил схватил отчаянного паренька за капюшон. – Уйдет же, – топнул ногой от досады Лева.

– Молодой и горячий, да?! – отругал его старший товарищ. – Одного раза тебе не хватило? Провалишься ведь. Глянь, какие там трещины!

Лева не упускал Рыжего из виду – подростков, что измывались над ним, он еще долго будет вспоминать. Бойцовский пес Глеба благополучно преодолел половину пути. Хотя то и дело наступал в лужи и слышал, как трещит под ногами припорошенный снегом лед.

– Неужто добежит? – спросил Лев, наблюдая, как Рыжий издевательски им машет.

– Дуракам везет, – констатировал Михаил и присел на ближайшую лавочку, чтобы отдышаться и закурить. – Бог за чем-то бережет таких. Не переживай, он еще получит по заслугам.

После этих слов Рыжий, практически достигший берега, еще раз решил обернуться, чтобы взглянуть, не решились ли преследователи на переправу. Он заметил, что его следы наполнились водой, а лед начал расползаться. Но ему ведь это не грозит – до берега всего-то пара-тройка метров. В ту же секунду нога Рыжего угодила прямиком в полынью. Запол-

ненная мутной ледяной водой пасть вмиг проглотила бегуна. Жижа сковала парня и обеспечила его такими ощущениями, которые он прежде не испытывал. В кисти возгорелась новая боль, ноги запутались в тине и водорослях, противная вода залилась в уши, нос и рот. Собравшись с силами, он показался на поверхности и протянул руки на примыкавшую к берегу льдину. Прочертив по ней желоба замерзшими пальцами, Рыжий не смог зацепиться, и полынья снова утащила его. Под водой стало ясно, что новый рывок станет последним шансом спастись. Он зубами разодрал бинты и вынырнул вновь, пытаясь ухватиться за льдину, что расцарапала ему руки и больно воткнулась в грудь, разрисовав порезами и ее.

Преодолевая боль, Рыжий, вскричав во всю глотку, вытянул себя на берег. Сугробы казались песочком на южном пляже по сравнению с водой. Он цеплялся за клочки сухой травы, чтобы отползти подальше от реки, подтаскивая за собой обессилевшие ноги. Ужас от того, что никто не придет ему на помощь, не накроет пледом и не напоит горячим чаем (или чем-нибудь покрепче), погрузил Рыжего в шок и отчаяние.

А ведь все могло кончиться летальным исходом. Сейчас он один – травмированный, промокший, продрогший. И велика вероятность плачевного исхода – того самого... Он сбежал, но какой ценой?

***

Светает. Тропинку, что взбирается на освобожденный от снега пригорок (видимо, под ним проходит теплотрасса), видно все лучше. Андрей начинает уставать, при этом прекрасно понимая, что брести вдоль рельсов ему еще прилично – до вокзала точно километра три-четыре, если не больше. Здесь десять путей, не меньше. Почти все заняты бесконечно длинными товарняками с разноцветными грузовыми вагонами, путешествующими по стране. Андрюха остановился, чтобы перевести дух, раздумывая, как надежнее запутать следы. Слева непролазные заросли, изрешеченные трубами и разбомбленными развалинами; справа дорогу преграждает забор гаражного кооператива. Вновь перед глазами беглеца предстала Вика – Андрей искренне верил, что недоброжелатели еще не успели начать ее поиски, что бы она ни натворила. Он обязательно ее увидит.

Не успел паренек сделать шаг вперед (аккуратно, чтобы не свалиться на спуске к железке), как услышал мерный грохот, прошедший по составу, что стоял на ближайших путях. Товарняк пришел в движение. Как же не вовремя! Теперь под него не нырнешь. Очередная преграда на пути к свободе.

Он опасливо обернулся и замер, а по сердцу и всем конечностям будто прошлись молоточком, которым отбивают мясо.

В паре метров от Андрея, отрезав единственный путь к отступлению, стоял Глеб с полицейским пистолетом в руках.

Его бешеный взгляд и победоносная ухмылочка означали, что оружие он намеревается применить. Он загнал добычу в угол – Андрею некуда бежать, отныне он полностью в распоряжении Глеба, им никто не помешает. Ради такого момента стоило пробежать полгорода. Глеб окончательно и бесповоротно перешел границу адекватности: он превратился в помешанного на охоте хищника, который, прежде чем растерзать добычу, хорошенько над ней поглумится.

Из-за давней вражды и неприязни аргументов в перепалке предостаточно. Глеб невзлюбил Андрея с первых же секунд – как же теперь не издеваться над слабым, беззащитным и эмоционально подавленным из-за семейного положения пареньком, демонстрируя таким образом свое превосходство, оттачивая бойцовские навыки и беспощадность на безмолвной груше для битья, которую можно подавлять не только физически, но и морально. Однако Глеб, доходя до экстаза, никогда не добивал Андрея, не позволял делать этого и своим приспешникам, дабы оставить последнего наедине с болью и слабостью. Вскоре выяснилось, что никчемный только и делал, что тренировал выдержку и учился дистанцироваться от бесконечного потока издевательств. Последней каплей стала любовь между Андреем и Викой, отчего Глеб обрушил на соперника всю злобу без остатка, но прежнего удовлетворения уже не испытывал, поскольку дела все чаще стали не ладиться. И сегодня с полной уверенностью можно заявить, что здесь встретились не забияка-драчун и его жертва, а рав-

ные противники. Андрюха дал бой Глебу на скупке металлов, практически оставив визави ни с чем (паническая атака помешала), а позже у него и вовсе хватило смелости сдать свору ментам, что могло на корню подрезать *magnum opus* Глеба. Он не мог допустить, чтобы Андрей вышел из этого столкновения победителем – мерзкий беспризорник должен оставаться безмолвной и бесхребетной боксерской грушей.

Андрей до сих пор не мог поверить в то, что Глеб ему не чудится. Тем не менее он решил встретиться лицом к лицу со своим страхом и ни в коем случае ему не уступать, как решил еще в вахтерском вагончике на скупке, где бандит предстал перед Андреем не как всесильное зло, а как обыкновенный человек. Если же Андрюха, наворотивший сегодня дел, достоин увидеть Вику, небеса дадут ему шанс.

– Я думал, ты благополучно откинулся. А ты вон что учудил – взял и воскрес.

– Не дождешься ты моей смерти, – сжал кулаки Андрей, не спуская глаз с Глеба.

– Что ж, мои тумачи не прошли даром – ты научился переносить любые пытки.

– Напрашиваешься на благодарность? За боль и унижение, что ты мне нанес? За бессонные ночи, за проблемы со здоровьем, панические атаки и обмороки?

– А ты думал, что тебе будет легко на этом свете? Хотел жить и не тужить? А вот ни хуя! Издревле балом правит естественный отбор: выживает тот, кто сильнее и хитрее. Я го-

тов показать тебе настоящее бессердечие. И ты удивишься, когда осознаешь, что это на самом деле великодушие. Я же делаю тебе одолжение. Ты ведь замучился жить, у тебя ничего нет...

– Ошибаешься. У меня за спиной гораздо больше, чем у тебя. А готов ли ты сам замарать руки... по-настоящему? Раз ты избрал меня своей целью, чего ж тогда не добил сразу? Боишься, что найдется соперник посильнее, что прихлопнет тебя как муху?!

– Твое наглое гавканье – мой недосмотр.

– Я ведь тоже могу зубы показать.

– Да ты что-о-о?! Ха-ха-ха! Сейчас ты безоружен и ничего не сможешь мне предложить. Вот к чему тебя привела самостоятельность: если б не высовывался, так бы и влачил свое жалкое существование спокойно. Благополучно бы спился или скурился...

– Я-то как раз понял, что живу полной жизнью. Чего не скажешь о тебе.

– Довольно! – сжал рукоятку пистолета Глеб. В голове у него больно пульсировало. Он еле сдерживал себя. – Сейчас ты поймешь, что ошибаешься. Наступит момент, которого я так ждал – уберу тебя с дороги и пойду дальше. Никто не сможет победить меня: я закален, совершенен и готов к борьбе, – он напряг все мышцы и глубоко вздохнул, словно принимая всю негативную энергию из потустороннего мира.

– Ты король лишь в своем местечковом мирке, Глеб. Спу-

стишься с небес на землю и поймешь, что твои усилия и слова не стоят и гроша.

– Ты что, в себя поверил?! – улыбнулся Глеб. – Ты реально считаешь, что способен наследить и убежать, сдать меня ментам, оставить у разбитого корыта? Не надо меня недооценивать – я покажу тебе, где твое место, уебок!

– Что ты только со мной не делал, Глеб. Как видишь, я живее всех живых.

– Дразнишь меня? Пуля вряд ли поможет тебе уйти живым с этого заплыванного пяточка.

– Я безоружен... сам же сказал.

– С чего ты решил, что мы с тобой играем по правилам?

– Да-а, на что я надеялся? Иного от тебя и ждать не стоит. Конечно. Чего только не сделаешь, чтобы оправдаться перед собственной слабостью.

– Оправдаться?

– Ага, за все неудачи и промахи, что сопровождают твое якобы величие. Не можешь ты смириться, что кто-то обошел тебя, твой гениальный ум и разрушительную силу. В твоей ситуации им грош-цена – только и всего. Как легко все разрушить, верно? Ты сам себе мозги запудрил – оттого у тебя и проблемы, причем серьезные. Ты не смог остановиться в стремлении замазать собственные огрехи. И вот тебя ищут легавые и вряд ли отпустят после того, что ты учудил.

– Если поймают, ты тоже со мной поедешь.

– У меня припасен путь отхода... в отличие от тебя.

– «Макаров» так не считает, – вытянул руку с пистолетом Глеб. – Вот это да! Момент послаще, чем с ментовской девчонкой.

– Чего ждешь?! Стреляй! Давай! Только на гнусность ты и способен. Исподтишка ударить и снова в тень. А только тебе правду говорят напрямую – у тебя кишка тонка. Боишься признаться самому себе, что страшишься конкурентов, что когда-нибудь кто-то обойдет тебя, победит в пух и прах. Ты никто без собственных предрассудков и мнимых врагов. Вот ты и придумал их для себя, несерьезных и слабых. Таких, каким я был... до недавнего времени. Ты упивался властью над ними, а они подняли голову и переросли тебя. Не по силе, так по воле.

– Хорошенько ты за сегодня осмелел. Но на этом, пожалуй, все, Андрюша, – произнес Глеб. Позади Андрея грохотал поезд. – Не нужно было тебе со мной тягаться. Ведь ты позор для семьи, для всей шараги, для своей же бабы, что с тобой из жалости. Ты забыл, откуда пришел. Ты глуп: поверил в то, что жизнь отброса можно изменить и что тебе это по силам. В себя уверовал? Кого ты обманываешь? Всем на тебя насрать. Ты никто!

– Выходит, что ты недалеко от меня ушел.

– Нет, между нами огромная разница.

– И в чем же она? В том, что ты показушник? Даже сейчас без церемоний не можешь. Воображаешь только, что ты великий из-за того, что делаешь. Нет! Тебя переедет грейдер

истории, и люди с облегчением вздохнут. В том числе и твоя безмозглая шайка – сборище неуверенных в себе трусов и прихлебателей. На их фоне ты уникам, что тебя в итоге и погубило.

– Рано меня закапываешь.

– Тебе нужны такие же недоразвитые – ты ими пользуешься, чтобы не чувствовать себя тварью дрожащей. Но это просто гребаный цирк, в который поверили недалекие, включая тебя. А я знаю, почему ты такой, Глеб... Вся твоя жизнь – это злоба. Ты рос в непонимании и жестокости, тебя не любили, не жалели. Вот и получилось, что получилось... Из тебя сделали не человека, а оружие.

«Я, по сути, вырос практически в тех же условиях, но совершенно другим человеком стал», – поймал себя на мысли Андрей.

– Не знал, что пара бомжей могут произвести на свет столь сентиментального задрота, – саркастически отметил Глеб.

– Настоящая сила – это признать правду. У тебя ее нет. А уж о том, чтобы измениться, я вообще молчу.

– Пора завязывать! Ты слишком много говоришь.

– Я тебя прощаю, Глеб, – внезапно произнес Андрей.

– Что?

– За все, что ты совершил, я не держу на тебя зла.

– Что это еще за трюк такой?!

– Интересное чувство, правда? Оно тебе в новинку, к сожалению. Ты заблудился, обозлился на весь мир, ни разу не

ощущал истинных светлых чувств. А они есть в нашем гадюшнике. Ничего у тебя не было кроме злости и обиды. Вот и очерствел.

Глеб на мгновение опустил глаза. Ничего не скажешь, солидно огорошил – простить за все вот так, в одночасье. За-кралась мыслишка, что оборванец прав. Но Глеб не станет с ним откровенничать. Враг не увидит его слабости, его раскаяния, его признания, его слез.

– Пушку брось, Глеб. Тогда у тебя останется шанс исправиться. Ты не станешь пропащим, пойми! Застрелишь меня, и тебе не видать любимого мирка... Все изменится...

– Попрощайся с мамочкой... Считаю до трех. Раз!

Андрей опустошен.

– Два!

Время истекло. Теперь точно все.

– Три!

Он зажмурил глаза.

Раздался выстрел.

***

Андрей ничего не почувствовал.

Он открыл глаза. Боялся увидеть нечто иное вместо лесополосы, железной дороги или синеющего зимнего неба, под которым медленно просыпается Челябинск. Андрей вспомнил, что означает название города в переводе с башкирского языка – кажется, «яма». Все они угодили в нее, не выбрать-

ся...

В нескольких метрах от него на снегу лежит Глеб и корчится от боли.

Андрей огляделся – в округе никого. Тогда он подошел к лежавшему Глебу, увидел его окровавленный живот. Мальчишка силился поднять руку с неподъемным теперь уже пистолетом, но Андрей, беспристрастно смотревший на него сверху вниз, наступил Глебу на запястье, вырвал оружие из лап врага и отбросил подальше. Ощущение скорейшей кончины словно очистило Андрея от всяческих мыслей и эмоций, особенно от вопроса: кто, собственно, подстрелил Глеба, который так и останется валяться здесь без должной помощи, пока не подохнет? Заслужил? Он даже и слова вымолвить не мог, ибо изо рта тоненькой струйкой бежала кровь. Король повержен неведомой, необъяснимой силой, король дрожит и пускает кровавые слюни. Глеб удивился собственной беспомощности. Ему остается смотреть на то, как Андрей с каменным лицом обшарил его карманы, забрал ножик, парочку мятых купюр и покоцанный кнопочный телефон.

– Все в соответствии с твоей же философией, Глеб, – Андрюха напоследок похлопал истекающего кровью противника по груди.

Андрюха побежал вниз по тропинке к рельсам. Дорожка здесь утоптанная, следовательно, людная – кто-нибудь да обнаружит Глеба, живого или мертвого (зависит от его удачли-

вности и кармы). Одним словом, выкарабкается, если заслуживает.

«Ты так жесток, что не поможешь ему?» – задал себе вопрос Андрей. Ответ однозначный. Паренек достал мобилу Глеба и позвонил в скорую помощь.

Ему нужно на вокзал. Ранее преграждавший путь состав давно укатил. Парень спешил к любимой с пустыми руками, однако сегодняшняя ночь доказала: важно лишь то, что он жив. Андрей толком и не замечал, что ранен в плечо. Внезапно мальчонка остановился, осмотрелся – его посетило странное чувство дежавю. Он уже бывал здесь: посреди путей, стрелок, развилок и семафоров. Но когда?

В сегодняшнем сне. Точно.

«Сколько же ты сделал... Надеюсь, для тебя еще не все потеряно», – Андрей не мог слышать обессиленного голоса, что растворился еще раньше среди стволов и веток в лесополосе позади.

По тропинке, конкретно запыхавшись, тяжело передвигал ногами Илья. Он, конечно же, периодически давал себе необходимые физические нагрузки, но их явно не хватает для нынешнего забега. Менее сотни метров отделяет адвоката от места дуэли заклятых врагов. Неожиданно кто-то позади крикнул:

– Стоять! Полиция!

Илюха обернулся. В поле зрения попали бегущие за ним капитан Барзило и сержант-стажер из клуба. Тут же юрист

оступился и рухнул в сугроб, ощутив острую боль в лодыжке: «Неужели подвернул? Вот еще чего не хватало!»

Через мгновение полицаи обступили Илью с двух сторон – Барзило даже пистолет приготовил.

– Ты чего здесь делаешь, мужик? – Виталя узнал мужчину, с которым оборонялся от шпаны в «Хамелеоне».

– Ловлю козлов. Они были почти что у меня в руках, пока вы не...

– Ладно, угомонись, охотник на козлов. Шкет, кто это? – потребовал объяснений Валерий Александрович.

– Мужчина утверждает, что наша любимая компания именно у него увела машину. Из ДОСААФ, да?

– Именно, – кивнул Илья и подчеркнул, что не только машину.

– Ясно. И где же они? Куда побежали?

– Знали бы вы, как быстро бегают эти твари. Видел я, как их главный вроде в эту сторону бежал. Вероятно, они где-то впереди.

– Кажись, железка рядом. Неужели потеряем?

Вдруг все услышали выстрел, раздавшийся впереди. Барзило смачно ругнулся.

– Молись, чтоб не из твоего пистолета, – капитан подарил сержанту подзатыльник и побежал дальше.

«Такое дело заporоли, – думал он. – Еще и пистолет прорасали. Надеюсь, хоть в ноль выйдем в разнице между премиями и выговорами».

Илья, услышав про ствол, взглянул на молодого копа и понял масштабы того, как полицейские облажались.

– Вставайте, а то замерзнете, – произнес Виталий.

– Я б с удовольствием. Да вот только нога...

– Руку давайте, – Виталья помог Илье подняться и дал опереться на свои плечи.

Вскоре они вышли на полянку, где все произошло. Капитан Барзило стоял там неподвижно и смотрел на лежащего Глеба, еще подающего признаки жизни.

– Сивого, кажется, пристрелили, – тихо констатировал стажер.

– Чего же вы стоите как истуканы?! – заголосил Илья, отцепился от Виталика и почти что на одной ноге доковылял до пострадавшего.

То ли из живота, то ли из бедра Глеба обильно сочилась кровь. Илья припал к пареньку и зажал руками рану. Снег вокруг уже порядком покраснел.

– Смотри на меня, парень! Только не отключайся, – так Илюху воспитали: неважно, друг или враг, ибо всегда на первом месте жизнь человека. Кажется, Глеб только сейчас осознал, насколько глубок и правилен смысл такой философии – нечто подобное проделал и Андрей, когда простил его.

Адвокат всмотрелся в лицо дерзкого Глеба, устроившего весь этот переполох, и не узнал его. Пацан просто не хотел умирать. Нынче он не похож на предводителя челябинской шпаны. Здесь лежит всего-навсего напуганный мальчишка,

изо всех сил старавшийся выкарабкаться, стерпеть боль...
выжить...

– Скорую вызывайте, – посмотрел в сторону ментов Илья.

– Мне, наоборот, хочется его удавить, – мрачно отрезал Виталик. – Он угрожал Наташе.

Не их район. Не их дело. Об их провале никто публично не расскажет, если они не будут вмешиваться и все пойдет своим чередом. Однако Барзило все равно рявкнул:

– Отставить! – хотя Глеб и ему солидно насолил. – Напомнить тебе, паршивец, кто снабдил пистолетом этого мудака, а?! А если недоросток кого-нибудь пристрелил по дороге из твоего табельного оружия?! Пуля оттуда уже сидит в ляжке одного идиота. Чего глаза опустил?! Любовь на работе к добру не приводит.

– Прошу прощения.

– В жопу засунь свое прощение! Ты отчет хоть себе отдашь, что за этим может последовать?! Где еще двое?!

– Тот мордоворот с бинтом на руке в другом направлении убежал, я видел, – рассказал Илья.

– А ты, мужик... Ты вообще кто такой?! Народный мститель?! Чего ты полез?!

– Я адвокат, – сурово ответил Илья вместо пространного объяснения.

– Чей? – спросил Виталик.

– Вот ведь дерьмо, сука, – схватился за голову Барзило – он тут еще и про пистолет распинается налево и направо.

– Лучше, чем гробовщик, не правда ли? Не переживайте так, мужики. Сейчас мы вместе со всем разберемся, – Илья огляделся по сторонам, не отпуская рук от Глеба.

– Слушай, мы... – пытался объясниться теперь уже Виталей, понимая масштаб проблемы.

– Мне все ясно, – опытный адвокат уже прочитал всю ситуацию без лишних пояснений.

– Остается одно – ствол уволок тот, который Андрей, – рассуждал капитан. – Надо же, жертвой прикинулся, науськал нас, паршивец. Поймаю засранца. Вероятно, он и стрелял.

– Слышь, молодой! – Илья позвал Виталика. – Там в траве не твой ствол? – Илья соображал в тысячу раз быстрее полицейских.

Стажер незамедлительно кинулся в указанном направлении, схватил свой пистолет и проверил магазин.

– Всего одной пули не хватает, – сказал Виталей. Ее сейчас как раз достают из ноги Руслана. – Ты постарался, говнюк! – он обратился к Глебу.

– Кто тогда стрелял?! – спросил капитан.

– Кто-то другой, – ответил Виталий.

Илюха усмехнулся:

– Вы поразительно догадливы, господа полицейские, – на него сию же минуту обрушились подозрительные взгляды. Илья отреагировал. – Можете меня обыскать. А если вы считаете, что я действительно способен выстрелить в пацана, а

потом пытаться его спасти, то вы глубоко заблуждаетесь. Да и выстрел мы услышали все втроем, если только меня не клонировали.

– Благодарим вас за содействие, – выцедил сквозь зубы Барзило, взявший на заметку мысль о необходимости обыскать каждый сантиметр в округе.

Глеб не мог им сообщить ничего дельного, поскольку сам не понимал, как схлопотал пулю.

За деревьями послышался вой кареты скорой помощи. Стажер метнулся, чтобы подать сигнал медикам.

– Все равно этот Андрей причастен, – сложил руки на груди капитан.

– Кто же тогда вызвал скорую? Точно не вы, – заметил Илья.

Андрюха в свое время не показался Илье совсем уж пропащим пацаном – скорее, отчаянным. Однако в голове адвоката складывалась неутешительная картинка всех событий, в которых замешан Андрей. С некоторой долей вероятности он мог разобраться с Глебом, который его терроризировал. Илья впервые в жизни хотел ошибиться: он верил в то, что пацан последовал совету адвоката-семьянина. На первый взгляд ранение Глеба напоминает именно пулевое, а не ножевое – вряд ли травмат, что был у Андрея, способен на такой урон. Если менты свой ствол прошляпили и уверены, что никто здесь из него не стрелял, ситуация становится запутаннее. Ну что за проклятая ночь?

– Что, он сам в себя выстрелил? – предположил Илья.
Барзило, сложив руки на груди, сурово произнес:
– Разберемся.
На полянке показались фельдшеры неотложки.

История тридцать седьмая. «Пистолет, бита и мостик»

Добраться до дома стало той еще нелегкой задачкой, но Михаил Григорьевич зарядился годовым запасом целеустремленности, поэтому обратная дорога далась ему просто. Дома он ожидал увидеть жену и сына – даже если все спят, он планировал разбудить домочадцев и крепко их обнять. В кой-то веке объявился дома трезвый (почти) и с кристально чистыми помыслами, что стало бы началом новой жизни.

Однако случилось на манер «ожидание – реальность»: дома никого. Пошарпанные стены, скрипучие засаленные двери, местами прогнивший пол, прохудившиеся оконные рамы – ничто не внушает оптимизма. Глава семейства решил подождать. Он пообещал себе, что в лепешку разобьется, но не допустит плачевного исхода для жены и единственного ребенка. Вскоре вспомнил, что жена сегодня в ночную: сначала на автовокзале до самого позднего автобуса, а после уборщицей в офисном центре. Долги нужно отдавать, а уже потом кормиться. Сын сейчас наверняка на скупке – зловещее место, считал папаша. «Да уж, – подумал он. – Можно ли назвать такое нормальной работой? Хотя... кто бы говорил...»

Уставший слесарь подошел к раковине, чтобы налить себе воды в стакан, как обратил внимание на лежащие в му-

сорной корзине обрывки слегка пожелтевшей бумаги, на которых виднеется почерк сына. Михаил Григорьевич достал их из мусора и уселся за круглый кухонный стол с липкой клеенкой вместо скатерти, взял зажатую между пепельницей и сахарницей пачку сигарет, закурил. Положив перед собой четыре ровно разорванных и исписанных с обеих сторон кусочка альбомного листа, он поначалу думал, что не обнаружит в них ничего особенного – наверняка сынок писал что-нибудь по учебе. Но первые же слова говорили об обратном:

«Дорогие мои родители! Не знаю, к чему этот романтизм – вряд ли вы найдете и прочтете мою записку. Если последнее все-таки произойдет, вы, может быть, сразу осознаете весь тот вред, который вы нанесли мне и в первую очередь себе. Хотя о нем вы и так в курсе. Все эти годы я, стискивая зубы, упорно пытался не замечать того, что с вами происходит непоправимое и безвозвратное. Вначале это настораживало, а после и вовсе стало пугать, задевать до глубины души. Я делал все, чтобы огородить вас от пагубной зависимости. Но вы не слушали меня, отгоняли и бранили. Плевали на мое мнение и мои чувства. Когда же дело дошло до точки невозврата, я, чувствуя некую ответственность за родителей и в полной мере выполняя все обязанности любящего и заботливого сына, пытался сделать из вас людей. Вы даже представить себе не можете, каких тягот и лишений мне это стоило. В ответ я получал одни маты, плевки, тумачки. То были всего лишь цветочки. Я не отчаивался, делая

все, лишь бы вас не одолели присущие алкоголикам болезни: чтобы вы не задохнулись, не захлебнулись, не поубивали друг друга. Я не считаю бесконечные уборки, поиск записок, выпроваживание собутыльников, визиты в обезьянник и поиски ваших тел по окрестным пивнушкам и ночлежкам. Я насмотрелся столько, что стал не по возрасту старше. Поскольку вместо обыкновенных подростковых забав, я только и делал, что пахал, взвалив на себя функции кормильца семьи. Старался терпеть и держаться, до последнего надеясь, что все образуется, что мы наверстаем упущенное. Какое же блаженство видеть вас такими, какими вы были прежде. Ради возвращения моих детских воспоминаний мне стоило жить и трудиться... приводить вас в чувство... изо дня в день. Без понятия, как я еще не свихнулся. Но прогресса не было, вернуть воспоминания становилось все труднее. А как вас окончательно не поперли с работы – секрет для меня. Тем не менее я не железный. Миновало предостаточно времени – необходимо принять твердое решение. И я его принял. Осознал, что так более продолжаться не может. Мне уже много лет. Благодаря вам, у меня достаточно опыта, чтобы принимать решения и самостоятельно их реализовывать, какими бы тяжелыми они ни были. Я еще не научился видеть красоту в непролазной и серой повседневности...»

Отец Андрея заметил, что буквы в письме стали расплываться – это слезы застилают его глаза. В некоторых местах

чернила были размазаны – вероятно, расчувствовался и сам автор письма. Где-то чернила прерывались и становились несколько светлее: письмо создавалось в несколько заходов разными ручками. «Твердое решение» давалось непросто.

«...Не обессудьте. Вы мои родители и всегда ими останетесь, но именно вы не оставили мне выбора. Даже после стольких лет... Я хочу свободы, а не тюрьмы, в которую вы меня заперли. Связали меня святой обязанностью заботиться о родителях. Если вы желаете мне счастья, отпустите меня. Но поможет ли это вам завязать? Вряд ли. Прискорбно. И больно... мне в первую очередь. В том, что вы сделаете правильный выбор, надежды не питаю. Если же вы беспокоитесь, то это лишнее – я приспособился выживать своими силами. Работу на новом месте найду без проблем: руки у меня растут из нужного места. Пусть это станет жестоким, но уроком. Не звоните – когда я остро нуждался в вашем совете, в вашей помощи, вы молчали. Вижу, что вам нравится такая линия. И последний просвет уже не внушает доверия. Продолжайте тогда в том же духе. А пока прощайте! Ваш Андрей».

Михаил Григорьевич вскочил с табуретки: «Андрей выкинул записку в мусорку? Зачем? Передумал уходить? Или решил с нами не объясняться совсем?» – отец не мог знать правды.

Через мгновение безутешный папаша уже стоял на улице, оглядываясь по сторонам, словно выискивая отпрыска

поблизости. Внутри все перевернулось. Еще не созданная идиллия уже трещит по швам. Если же бог милостив к нему и уговорил отложить смерть, то сделает так, чтобы мужчина успел к сыну и убедил его не бросать родителей, ибо отец с матерью без поддержки долго не протянут. Михаил Григорьевич уверовал в истинный путь, готов исправиться. А бог берет и отнимает. Безутешный папаша глядел в черное небо, словно ожидая сигнала. Его не последовало. Он готов схватить Андрея и не отпускать, кинуться сыну в ноги и извиняться за все, что тот пережил и чего недополучил из-за пьющих родителей. И как только сына не забрали в детдом?

«Мы оба виноваты перед ним. Нечего себя жалеть. Нужно действовать. Я найду его и остановлю, – мысленно ставил задачи Михаил Григорьевич. Слова таинственного Голоса из парка он запомнил. Побег от родителей слесарь воспринял как то самое «непоправимое», что готов совершить его сын и тем самым начать падение. – Если у Андрея есть к нам хоть капля сострадания, он поверит в мои намерения», – он надеялся в благополучный исход семейной драмы. Если не получится, то свершится действительно непоправимое. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Да уж, навязчивой идее Михаила Григорьевича могли бы позавидовать буйно помешанные шизофреники – любой ценой предотвратить побег сына.

С неба начал сыпаться едва заметный мелкий снежок. От бестолкового топтания на месте мужчина в робе, невзирая на

усталость и нарастающий жар в груди, взял уверенный курс в сторону предполагаемого места нахождения Андрея – на скупку металлолома. «Я не подведу. Я же все осознал. Андрюша, ты же поверишь мне?» – вертелось в голове. Не поздно ли?

Михаил Григорьевич был готов добежать и до другого конца города, не прибегая к услугам транспорта, однако вскоре понял, что сильно переоценивает собственные возможности. Ноги стали подкашиваться уже при подходе к ближайшим улочкам, пустым и безлюдным. Дыхалка быстро сбилась. Казалось, что еще немного и мужик упадет в ближайший сугроб и не поднимется. Но если он не дойдет до сына, то будет ползти до него, пока смерть не остановит окончательно. Очевидно, что силенки в закромах еще есть. Он чувствует, как бьется об грудь припрятанный за пазухой пистолет «Smith & Wesson», а в кармане сложены обрывки прощального письма сына.

Резкая, метущаяся и неуверенная походка одинокого мужчины быстро привлекла внимание компании, сидящей у одного из подъездов.

– Гляди-ка, – произнес Марк – бритоголовый широкоплечий боров с выразительными глазами цвета океанической волны, которые гармонировали с бледностью его квадратного лица. – Чем не подойдет? – у него нынче сильно чешутся руки, поскольку те, кого они тут битый час сторожат, все никак не объявляются.

– А почему бы и нет. Бухарики слабы в самообороне, – согласился его напарник Галиб – рослый, смуглый кавказец с густой бородой в кожанке.

– Вы чего удумали? – встрепенулся третий паренек из полуночной компании – Вадим, выглядевший самым младшим, слабым и миловидным из всех. – Первого встречного хотите замесить?

– Успокойся, малой. Тут старшие решают.

– Да зачем вам этот пьянчуга? Что у него есть-то?

– Даже если и ничего нет, пусть хотя бы грушей поработает, – ответил Галиб. – Меньше будет пить.

– Может быть, придерживаться изначального плана и дождаться тех, кто реально заслуживает.

– Сядь и рот закрой, – произнес Марк, вцепившись в худые плечи Вадика, чтобы тот не дергался.

– Напомнить, чего ты обещал? – забасил Галиб. – Рот на замке держать. Захотел с нами тусить – помалкивай тогда.

– Мы же хотели расходиться.

– Расхотели. Да и не в наших правилах возвращаться с дела без мордобоя, – произнес Марк, положив на плечо бейсбольную биту.

– Мужики, чего-то мне стремно.

– Чего пошел тогда, раз стремно?!

– Вы обещали отмордасить Глеба и сказать, чтобы он больше не трогал меня.

– И где же твой Глеб? Ты говорил, что он явится домой

с деньгами. А его, как видишь, нет. Вся ночь насмарку, – произнес Галиб.

Марк выплюнул снюс и выглянул из-за угла дома, чтобы посмотреть на мужика. Михаил Григорьевич брел по тротуару, оглядываясь на дорогу и желая поймать машину, которых в городе в разгар ночи практически нет.

– Тачку ловит, debil.

– И на что только рассчитывает?

– Короче, Вадя: поднимай задницу, заводи машину, выезжай на дорогу. Остановишься около этого дурака. Тогда-то мы его и приложим.

– И не вздумай смыться, – пригрозил Галиб.

– Для чего все это, мужики?

– Не нравится он мне, – выдал Марк. – Мухой давай.

Вадим сглотнул ком в горле. Он не мог не подчиниться воле старших товарищей. «И когда они только успели с катушек слететь?» – подумал он и засунул руки в карманы по дороге к своей светло-коричневой «Копейке», заниженной почти что до самой земли. Планы на личное авто у паренька, что обучается в шараге, грандиозные. Пока финансов хватило только на сиреневые диски, больше напоминавшие тазы, на которые нацепили покрышки, да пижонский спойлер.

Впервые в жизни он хотел, чтобы его машинка не завелась. Не суждено. Вадик матюгнулся: «А с чего все начиналось? Подумаешь. Всего-то хотели подкараулить и припугнуть засранцев. Сколько я уговаривал Марка с Галибом на-

чистить рыло Глебу. Деваться от него некуда. Вот и повод нашелся. Ребята согласились. В итоге все коту под хвост. А теперь вот это все!» Задев днищем «Жигулей» ледяные ухабы, он покатил к выезду. Сообщники Вадима весело побрели к тротуару, демонстрируя свою крутость и безнаказанность и оглядываясь на предмет присутствия лишних свидетелей.

Григорьевич не сразу заметил мордovorотов позади. А как заметил, то стал семенить по тротуару быстрее. Благо на улице появилась машина. Она просто обязана подобрать его и спасти от преследователей: «Вот еще чего не хватало».

– Дядь, закурить есть?! – крикнул Марк, прикрывая за спиной черную битую.

Ответа не последовало.

– Эй, брат, чего ты молчишь, когда с тобой разговаривают?! – с ярко выраженным кавказским акцентом спросил Галиб.

Мимо них проехал «Жигули». Слесарь истошно принялся голосовать. Когда спасительная тачка остановилась, путник открыл дверцу и с мольбой обратился к водителю – молодому человеку чуть старше его собственного сына – с просьбой подбросить.

Вадим посмотрел на дядьку с опаской, но мигом считал с его лица глубочайшую печаль и... надежду. Парнишка не был испорчен кругом общения, отчего не выдержал и выкрикнул:

– Берегись!

Слесарь резво нагнулся (для своего-то возраста). Поэтому сильнейший удар битой пришелся не по его затылку, а по крыше «Копейки», отчего Вадик зажмурился так, словно дубасят его самого. На крыше осталась приличная вмятина. «Мне капут», – промелькнуло в мыслях у Вадима.

– За предательство ответишь, – прорычал водиле Марк.

Далее его бита, что отпружинила от крыши, опустилась на плечо успешного отползти слесаря. Михаил Григорьевич взвыл от боли. Марк толкнул мужика на обледенелый тротуар. Оскалившийся Галиб подпрыгивал на месте, словно боец смешанных единоборств, который готовился к схватке.

– Легче не бывает, – улыбнулся Марк, самодовольно глядя на поверженного мужика.

Галиб толком не успел выйти на передний план, как Михаил Григорьевич выудил пистолет из робы и шмальнул в воздух.

– Назад, уроды конченные!!!

Прозвучавший выстрел парализовал Марка, но не смутил Галиба. Пока мужик со стволом поднимался с земли, кавказец хотел разоружить его. Он достал ножик из куртки и произвел резкий колющий удар в сторону Григорьевича, порезав ему бочину. Земля стала притягивать слесаря вновь, но он устоял и в отместку выстрелил в сторону врага. Того как ударной волной отбросило. Теперь уже Галиб прилег на землю с раскрытым ртом. Растительность на его лице окропила кровь – пуля лишь царапнула его по щеке. Вадик наблюдал

за всем из машины, затаив дыхание. Ноги даже к педалям прикоснуться не могли.

– Валите по-хорошему, – взявшись одной рукой за бок, а другой рукой целившись в Марка, объявил Михаил Григорьевич. – Терять мне нечего.

Марк изумился столь быстрому преобразению подвыпившего мужика в опаснейшего бойца. Пораженный Галиб размазывал кровь по лицу, пытаясь зажать царапину татуированной ладонью (что была размером с солдатскую лопатку). Он с отвращением и страхом глядел на красную жижу, что капала ему на руки. Проще говоря, оба потеряли былую уверенность и наложили в штаны.

– Валите живо. Пешком. В спину стрелять не стану, даю слово.

Не спуская глаз с дула американского пистолета, Марк помог растерянному Галибу подняться – оба зашагали прочь, оборачиваясь в сторону Вадима, который трясся как тонкая березка на ветру, понимая, что теперь он с душегубом один на один. Вадику сделалось еще хуже, когда пистолет нацелили на него и ожидаемо пригрозили не дергаться – смысла что-то предпринимать нет, ибо нереально промахнуться с пары метров. Через секунду расстояние сократилось до минимального: Михаил Григорьевич залез в «Копейку». Вадим зажмурил глаза и приподнял руки, оторвав их от руля.

– Да опусти ты руки. Не бойся. Ай... – боль в правом боку напомнила о себе. – Вижу, что ты нормальный пацан. Не

ровня тем двоим... Выродки, – он смотрел на дыру в робе и кофте, что проделал нож. – Слушай, ты должен мне помочь, – словно у Вадима есть выбор. – А с ними не водись больше – только жизнь себе испортишь, – мужик чувствовал, как кровь из раны неприятно хлюпает между кожей и кофтой.

Вадик все видел, все понял.

– Аптечка в багажнике, – произнес он.

– Тащи скорей, – принялся сбрасывать с себя куртку слесарь, удивляясь, что у молодого пацана с наполнением багажника все в порядке.

Есть желание убежать да поскорее, но Вадим вернулся за руль с аптечкой и протянул ее нежданному попутчику. Пришлось перевязываться в тесноте, что, несомненно, лучше, чем терпеть боль и терять кровь. Вадим стал пристально изучать Михаила Григорьевича со стороны с серьезной миной, словно несколько его не боялся (что-то внутри подсказывало: опасности нет), переведя взгляд на пистолет на приборной панели.

– Ты езжай. Нечего привлекать внимание.

– Куда?

– Куда-нибудь.

Вадик легонечко нажал на газ.

– Если бы не ты, парень, мне бы точно череп проломили, – Михаил Григорьевич пытался перевязать себе рану.

– Не забудьте продезинфицировать сначала, – посовето-

вал Вадик, аккуратно ведя машину по пустому проспекту.

«Будь он профи, каким-нибудь киллером или серийным убийцей, что так умело маскируется под алкоголика, никогда бы не оставил пистолет без присмотра, – смекнул Вадим. – Выходит, мужик просто попал в замес. Кто ж его знает? Вдруг он сейчас перевяжется и прикончит меня? Хорошо, Вадя, соберись. Чуть замешкается, и все выясним. Люди весьма разговорчивы, когда им угрожают оружием».

Мужик явно не перевязывался прежде, потому и получалось несколько неуклюже и неловко, отчего эффективно всего наполовину. Вадик дал бы ему совет, но язык с трудом поворачивался. Странно все это.

Понимая, что перевязка подходит к концу и его судьба может решиться через несколько мгновений, Вадим молниеносно метнул руку к пистолету, на которую тут же накинута и ошалевший попутчик. Борьбой за оружие оба увлеклись так, что толкали и били друг друга в полную силу. Отчего машина, словно фигурист на льду, рисовала зигзаги на дороге, вылетев на встречную полосу. В итоге после точечного удара по ране противника Вадим завладел пистолетом.

– Парень, не дури. Не на ту дорогу встаешь.

– А ты разве на той дороге, папаша?!

– Правильная дорога ухабистой бывает, но куда деваться, если она единственная, – печально отметил Григорьевич.

– Больно складное у тебя оправдание.

– Послушай, парень, я не хочу тебе зла. Я вижу, что ты

тоже не хочешь. Это просто банальная самооборона и подозрительность. Я не виню тебя. Если б не я, твои друзья хорошенько бы тебя отделали. Поэтому я прошу поверить мне. Я не хочу врать...

– И чего сделать тебе в связи с этим – массаж?!

– Вся вы такая, молодежь. Думаете только о себе.

– Нечего меня учить. Поверь, мужик, я и о тебе думаю, поэтому не шмаляю в твою красную рожу, а просто высажу вон на той остановке.

– Послушай меня, пожалуйста. А потом делай что хочешь. В моей ситуации ты бы поступил точно так же.

– Меня учили не разговаривать с незнакомцами, еще и со стволом.

– Но ты уже со мной разговариваешь. Ты даже пустил меня в свою машину. Забрал у меня пистолет и угрожаешь им. Своими стальными яйцами ты будешь с друзьями мериться. А я прошу тебя включить мозги и сострадание.

– Сострадание? Я наблюдал за тем, что ты вытворял на тротуаре. Согласен, парни заслужили – я их останавливал как мог. Но я все равно не уверен, что смогу поверить твоей истории.

Михаил Григорьевич готов излить пацану душу. Вот прямо сейчас.

– Я рассчитываю на твое понимание. Расскажу все начистоту, а потом ты посмотришь мне в глаза и сам решишь, верить или нет, помогать мне или высадить. Вижу, что ты хо-

роший парень и тебе в тягость тыкать в меня пистолетом.

– С чего такая уверенность?

– Потому что я отец, а ты чей-то сын, глупый, но еще не испорченный. Вы вот думаете, что такие крутые и независимые. Но мы видим вас насквозь. У меня тоже сын... примерно твоего возраста. И я делаю все, чтобы его спасти. Я чувствую: он совершит непоправимую ошибку, которая разрушит нашу семью. А я почти с ним не общался. Я все запустил, я виноват перед ним, – Михаил Григорьевич не мог продолжать спокойно, ведь из глаз снова потекли слезы, что поразило Вадима.

– Что за ошибка? Что он сделает?

– Не знаю. Я просто... чувствую, – такое заявление Вадим не мог воспринять серьезно, поэтому незнакомец пояснил. – А разве это так важно? Он наш единственный ребенок. Наша жизнь. Наше благополучие зависит от него. Даже если я не смогу его остановить, я должен хотя бы с ним переговорить, попросить прощения. Пешком и с дырой в боку я не успею этого сделать. Я так тоскую. И не прощу себе медлительности. Ты должен отвести меня к нему.

Что-то в словах Михаила Григорьевича щемило Вадику душу. Он опустил пистолет.

– В обычной ситуации я бы сказал, что ты гонишь. Но что-то мне подсказывает, что тебе реально не до шуток. Пистолет тогда зачем?

– Я хотел покончить с собой, – Вадим присвистнул от та-

кого ответа. – Но потом решил, что должен все исправить.

– Твоему виду больше соответствует вантуз.

Слесарь незаметно улыбнулся проникательности паренька.

– Веришь или нет, я пошел наперекор себе... Наверное, первый раз в жизни.

– Я тоже в первый раз пошел на дело сегодня. Не думал, что все так обернется. Я всего лишь хотел взглянуть в глаза своему обидчику, но он так и не появился. Вот пацанов и понесло... Что тут скажешь, сила есть – ума не надо, – признался парень. Невооруженным глазом видно, что ему стыдно.

– У тебя есть шанс реабилитироваться.

– Мужик, у тебя точно не белая горячка?

На секунду Михаил Григорьевич призадумался, не чудится ли ему все.

– Нет, было бы не так тошно. Она мне уже не страшна. Есть кое-что похуже.

Вадим посмотрел вперед. Пустой перекресток. Светофор горел красным.

– Так куда едем?

«Если речь идет о какой-нибудь пивнушке или чебуречной, – подумал Вадим, – то сегодня я официально самый глупый и доверчивый человек на свете... дважды».

Михаил Григорьевич указал на вполне конкретное место в промзоне. Что бы там ни происходило, «Smith & Wesson»

должен пока побыть у Вадима.

***

– Я Вадик, кстати.

– Михаил. Можно Миша.

– Прямо-таки можно? У меня язык не повернется.

– Брехня. Я еще ого-го.

– Гонишь?

– Можешь с уверенностью убавлять от моего возраста десять лет.

– Верится с трудом.

– Часто я к бутылке прикладывался.

– А сейчас? – поддерживал непринужденную беседу Вадим, чтобы для собственного спокойствия получить больше информации. Не придумал же он своего сына?

– Сейчас я в завязке.

– Сколько?

– До недавнего времени – почти полгода.

– А после недавнего времени?

– Пару часов.

Вадим усмехнулся.

– Да, поздновато до меня дошло. Но я раскаялся и все исправлю. Здесь вообще не до смеха – это водоворот, угодить в который раз плюнуть, а потом без последствий не выплывешь. Причем я совершенно не заметил всех этих лет. Лишь когда все вокруг стало рушиться, я... Надо барахтаться, по-

ка еще есть силы и надежда. Но момент истины наступил неожиданно – во время великой слабости.

– Расскажи о своем сыне, – попросил Вадим.

В боку Григорьевича завывала боль.

– Хочешь меня помучить?

– Если все выложишь как на духу, полегчает. Проверено.

«Да и я буду знать, к чему готовиться», – думал Вадик.

– Эх, Вадя, если ты узнаешь всю подноготную, то будешь иметь полное право плюнуть мне в харю.

– Даже так?

Михаил Григорьевич печально замолк.

– Может, с беспристрастным незнакомцем будет легче наболевшим поделиться? – настаивал Вадик.

– Сначала ответь мне на один вопрос, Вадим.

– Что за вопрос?

– Какие у тебя отношения с предками?

– Обязательно отвечать? – недовольно спросил парень.

– Ясно. Могу ответить за тебя. И думаю, что не ошибусь несколько. Все сложно, – по глазам Вадима понятно, что Григорьевич попал в точку. – Нетрудно догадаться почему: шляешься непонятно с кем и непонятно где посреди ночи с чужим пистолетом в руках.

– И часто постреливаешь?

– Пистолет, кстати, не мой.

– Ну ты даешь, – удивился паренек. – Спер?

– Одолжил на время.

– Угу, – не поверил Вадик.

– В школе ходил в кружок стрельбы. Весьма успешно, как я помню. Потом армия. Охота еще, пока ружье было и билет охотничий. Миллион лет уже прошло – будто в прошлой жизни.

– Так избавься от пестика от греха подальше.

– Нет, у меня такое чувство, что он еще мне пригодится.

Вадим подозрительно уставился на Григорьевича.

– Да не ссы ты. Не для тебя. И не для себя. Не переводи тему. Сам же настаивал, чтоб я выговорился.

– А переводишь на меня. Это моя жизнь, все у меня в порядке. Не мне нужно выговориться.

– Все вы такие. «Не лезьте в мою жизнь, папа с мамой. Это моя жизнь. Я сам решаю, а вы ничего не знаете, ничего не понимаете», – цитировал подростков детей слесарь.

– Разве не так?

– По малости лет всегда так кажется. Но позже становится очевидно, как сильно ошибаешься, когда дерьма наворотишь, что мама родная... И ты думаешь, что дружки тебе помогут, выслушают и защитят? Как бы не так. У каждого своя жизнь, и альтруистов сейчас как целых лампочек в подъездах. И знаешь, к кому ты в итоге побежишь? К маме с папой. Они тебя всегда приютят, обогреют, защитят и дадут совет, даже если ты чертовски вляпался и виноват. Вот где настоящее, усек? И все твои проблемы разрешатся только благодаря близким. Но совсем край, когда мама и папа никак не

реагируют на тебя и твои мольбы о помощи. Либо ты сам испортил с ними отношения, либо родители и вовсе не родители, а так... Живете под одной крышей, жрете вместе иногда. Вот тогда точно все... Поэтому пока хлипкий мостик к ним не обрушился, нужно схватиться за него и держать изо всех сил, не отпускать, ибо он твоя опора, поддерживаемая с другой стороны твоими близкими, которые любят тебя, каким бы ты ни был, и всегда ждут, – несбыточная мечта для него. – Одному хуево жить на этом свете. Вот и существует этот мостик, который всегда приведет к нужным людям. Его нужно укреплять. По разным причинам он постоянно норовит разрушиться. Главное, чтоб были те люди, кто сможет перехватить его на той стороне. Ежели там никого, тебя лишь остается жалеть...

– Мои предки меня не понимают.

– Все родители когда-то были молоды. Нам известно, что наступает после юности, а вы этого знать не можете. Поэтому поверь: мы понимаем, очень даже понимаем, – вот, кажется, еще один заблудший малец – его срочно надо переубедить, – но по-своему. Не надо игнорировать родителей, иначе потом будет поздно. Жизнь ведь так скоротечна.

– А что с твоим мостиком, Миша?

Тот молчал. Не знал, что ответить.

– Сегодня я понял, что на протяжении большей части жизни я целенаправленно пытался его разрушить. Но мой сын изо всех сил держал мостик. И вот пару часов назад я, ка-

жется, решил обрубить его со своей стороны, но вовремя опомнился и тяну за последнюю ниточку, понимая, что на том конце уже отпустили. Все, что я делаю сейчас – только ради того, чтобы мостик не рухнул окончательно. Его держал сын. Если я опоздаю и не удержу, как и делал раньше, наплевав на все, то ничего уже нельзя будет обернуть вспять. Тогда-то никакого смысла нет в этой беготне, – в голове шумело, в груди немного сдавило, во рту будто в пустыне. – Есть, чем горло промочить?

Вадим растерялся:

– Они что-то оставили на заднем сиденье... Пиво.

– Алкоголь не буду, – отказал слесарь.

– Полегчает, может?

– Точно не полегчает. Я знаю, что говорю.

– Еще осталось немножко энергетика... безалкогольного.

– Давай, – Михаил Григорьевич осушил небольшую жестяную баночку и продолжил рассказ. – Мои слова о родителях, Вадим, ты запомни навсегда. И детям своим внуши. Лучше учись на чужих ошибках. Я вот не учился и наделал своих. А прозрел, когда завалил к чертовой бабушке все, что только можно. Да, я тот самый «типа папаша», которому было срать на свое дитя, свою жену и, как оказалось, свою жизнь. Она сейчас ни гроша не стоит. Знаешь, кто во всем виноват? С чего все началось? С бутылок, которые у тебя на заднем сиденье, на полках магазинов повсюду, в холодильниках россиян – да везде, куда ни сунься. Всюду все только

и желают тебя спойть – со многими прокатывает.

– Ну, скорее, виноваты те, кто ведется и колдырит, не просыхая, так что...

– Я своей вины не отрицаю нисколько. Я даже не заметил, как поддался. Начиналось-то все невинно: с проблем на работе, с безнадеги, из-за дефицита, смертей близких, болячек, порождающих боль... и от алкоголя, который ее глушил, впоследствии прибавив этих самых болячек. Разовые акции переросли в привычку, а привычка – в систему, отступать от которой подобно смерти. Ни о чем не думаешь, ничего не замечаешь – так все вокруг и приходит в негодность. А ты все лежишь и не просыхаешь. В периоды просветления трудишься, не поднимая головы, суетишься, ищешь, чем бы себя занять, чтобы прийти и мигом спать завалиться. Силенок быстро поубавилось. Так или иначе, все возвращалось к изначальной точке – к бутылке. И не было видно ни конца ни края этому ужасу. Сколько ж миновало лет – хата обветшала, мы постарели, сын уже взрослый, сбережений никаких, плоть как дуршлаг. Одно лишь поменялось – всегда и везде дико хочется пить. Жажда нескончаемая, соблазнительная. Лекарства от нее продаются на каждом шагу: открыто или из-под полы. Величайший обман. А ведь в самом начале я легко мог остановиться, соскочить. Глядишь, все пошло бы по-другому. И сейчас я не жалел бы себя и не гонялся бы за сыном, который всей душой меня ненавидит. Моя родительская любовь к нему, словно дым, что не поймать руками. И

он это понял. Я все эти годы не ценил его усилий... не уважал его, пока не потерял. Не считался с ним, нанес ему много боли и обид. Жизнь ему испортил. Но не отпускаю его, ибо он наш единственный луч света – мы только ради него и можем продолжать бороться с нашими привычками, понимаешь? Мы никто без него. Он – наша последняя надежда. А как мы вели себя... На что он смотрел... Мой мальчик...

Михаил Григорьевич словно видел перед собой Андрея и обращался к нему, не замечая Вадика. Водиле стало не по себе – как уж тут не поверить: у мужика горе, и он кается. Однако сказанное далее, по мнению Вадима, практически обнуляет шансы на прощение и исцеление изрезанной язвами души мужика.

– Мне так стыдно перед тобой. Я слабак, я поддался... Прости, сынок... За то, как я подверг твою жизнь опасности впервые, когда упился до чертиков... Мне до конца жизни будет сниться в кошмарах тот день, ведь вместо тебя это нужно было проделать со мной. Я заслужил. Ты тогда маленький был, не старше пяти лет. Тогда поступали лишь первые плохие звоночки. Я сидел на кухне и пил с какими-то мудаками по-черному – они сейчас в могиле все. Я думал, что это лишь временная забава... для успокоения. В тот день я интересовался исключительно попойкой, а никак не тобой. Ты мирно играл в другой комнате, пока взрослые ломали себе жизни на кухне. Помнится, мы повздорили сильно: браниться стали, кричали, бросались друг на друга. Не помню толком,

из-за чего схлестнулись... А ты впечатлительный был, испугался и заплакал... громко-прегромко. И что сделал твой изверг-отец?! Нет, не побежал тебя успокаивать – от запаха перегара ты бы точно задохнулся. Я же захотел показать, кто в доме хозяин. Будто бес в меня вселился и увидел в тебе помету – я не отдавал себе отчета... До сих пор стынет кровь в жилах от тех минут... Я залетел в комнату и отвесил тебе такую пощечину, что ты чуть на месте не перекувыркнулся. Клянусь, я не хотел. Ты заревел еще сильнее – меня это донимало, слушать этот вой было невыносимо. Откуда у такой тряпки, как я, только силы взялись? Я схватил тебя за ноги, поднял верх тормашками, вынес на балкон и вытянул над пятиэтажной пропастью. И меня как парализовало. Будто ангел и бес схлестнулись внутри. Я злобно смотрел на тебя – ты плакал и размахивал руками в воздухе. Мне ничего не мешало разжать пальцы. Руки затекли. Видимо, что-то человеческое во мне не давало этого сделать. Я и не пытался опомниться. Поверить не могу, что я мысленно прощался с тобой, прежде чем выкинуть тебя и вернуться за стол. Тогда-то меня схватила за майку твоя мама и втянула обратно в комнату. Так, что я чуть не выронил тебя. Проспался бы потом и в петлю, если бы увидел внизу твое маленькое бездыханное тельце. Вовремя мама с работы вернулась – она спасла тебя... Как чувствовала. Задержись она хоть на секунду... Ты ударился тогда подбородком об поручень балкона – до сих пор у тебя маленький шрамик там. Прости, чер-

ная метка... от твоего отца... напоминание о тяжелом прошлом... Варя кричала погромче тебя, принялась мутузить меня: не больно, по-женски – хотела забрать моего сынишку. Источник докучавшего мне шума теперь исходил от твоей матери. В тот день я так и не очнулся. Она спасла тебя... и поплатилась. Родная, и ты меня прости. Я молча развернулся и ударил ее кулаком по лицу. Она беспомощно повалилась на пол. Я, не помня себя, принялся бить ее, куда только можно. Она кричала, редела, молила прекратить, а потом затихла, свернулась в клубок и терпела, пока мне самому не надоело тупое избиение и я не вернулся к собутыльникам. А вы оба так и лежали в зале – тихо и неподвижно... в разных углах, словно свалились с небес. Так у нас все и началось... Сын боялся меня как огня. Жена засобиравалась уходить, но куда ж она без меня: идти некуда и не к кому. Тогда я еще не знал, что своими руками открыл затворы, через которые в нее хлынули все болячки и хвори, приступы, припадочки, срывы. С моими тогдашними побоями они несравнимы. Из-за банального плача я запустил процесс плача молчаливого, падения неминуемого, отдалив от себя ребенка и надломив жену. Скоро и Варя стала глушить боль и депрессию тем же пагубным средством, что и я. Постепенно, год за годом, мы встречались на кухне друг напротив друга все чаще: стеклянная бутылка и две рюмки переросли в два граненных стакана. Сына мы бросили на произвол судьбы. До сих пор не верится, как я смог такое сотворить. Я же души не чаял в

жене, обожал Андрея. Пару сотен грамм – ничего не помню, позже ужасаясь хаосу, что наводил: сломанная мебель, разбитые стекла, побитая жена, едва не сгоревшая хата, выговор на работе, забившийся в угол сын – его ненавидящие глаза, словно у маленького зверька, которому не оставили выбора. Сколько ты пережил, сынок... И ведь вырос нормальным и ответственным человеком, воспитанным и нестигаемым. Наша гордость, о чем мы тебе ни разу не сказали. Ты не должен превратиться в отброса и упыря как твой папаша. Я всегда хотел как лучше – для тебя в первую очередь. И чем все обернулось? Ничем! Но ты никогда не терял лица и мирился со всем. Ты жил с нами, терпел нас, оберегая, защищая, выгораживая... во вред себе... И где он только брал столько сострадания и доброты? – вот, кажется, он сменил вектор рассказа на Вадима. – В такой среде никто об этом не думает, а он как с рождения научился. Вот и его терпению пришел конец. Все случилось недавно. Андрей – добрый мальчуган. Каким бы уродом и пьяницей я ни был, он никогда не желал мне зла, не хотел моей смерти. Но тогда словно осерчал и хорошенько меня побил. А я был невменяемый... да и возраст не тот – я молчал и принимал его злые молодецкие удары, понимая, что это месть за все годы и особенно за тот первый раз. Так не должно продолжаться. Уверен, что он до сих пор очень стыдится, но он не виноват. Куда ж ему еще ярость девать? На пару дней он исчез. Я и договорился с Варей завязать вместе – ради Андрюшки. Сколько сможем, столько

протянем. Но тот так и ходил подозрительным и замкнутым. Решили сделать ему сюрприз: достали, значит, забытую выходную одежду, мать пирог испекла яблочный... Не оценил. Сказал, мол, мы нашли повод выпить. И добавил, что с детства у него аллергия на яблоки. Что ж, родительский тест мы провалили. Расстроились, конечно, но решили с выбранного пути не сворачивать. С каждым днем он нам давался все тяжелее и тяжелее – изнурительное, скажу я тебе, испытание силы духа. И вот сегодня я нарушил свое же обещание. Вот и скажи мне, Вадик, чего я заслуживаю после этого?

Вадим никак не ожидал, что непрезентабельный алкоголик способен выдать столь душещипательную историю. Она надолго западает в память. Попутчик словно наяву видел то, что пережил. Алкоголь для Вадима после услышанного будет пахнуть по-особенному мерзко.

– Теперь я понял, о чем он думал и что готовил. Сегодня он просто ушел, – закончил рассказ Михаил Григорьевич, опустил голову и снова залился горькими слезами. – Останови машину. На воздух хочу, – Вадя без разговоров выполнил просьбу.

Свежий снежок тонким слоем накрыл дороги в округе, будто тополиный пух летом. Слесарь в слезах вышел из «Жигулей» и опустился на колени перед ближайшим сугробом на обочине, потянулся к снегу, зачерпнул его в ладони и испустил в нем раскрасневшееся лицо. Не отдышаться толком; замучила изжога.

– Мы вроде бы как почти на месте, – произнес Вадим.

И правда. Впереди возвышается бескрайний бетонный забор, за которым бесчисленные горы и лабиринты металлолома, которые сегодня должен сторожить Андрей. Михаил Григорьевич готов хоть сейчас идти туда – с пылу с жару.

– Точно.

– И какой у тебя план?

– Идти к нему.

– Туда, что ли?

– Здесь недалеко дыра в заборе. Лом там подворовывается.

– Ты еще и с работы сына воровал? – Вадику не ответили. Он задал иной вопрос. – Помощь нужна? – любой другой на его месте давно бы унес ноги. Приключений у Вадима сегодня в достатке. Кореша явно предъявят. Но ему стремно бросить мужика в беде. Вадик мельком слышал об Андрее (ходили разговоры в шараге), но не знаком с ним.

– Езжай домой. Ты и так сделал для меня предостаточно.

– Пестик свой возьми, – напомнил Вадим, протянув оружие Михаилу Григорьевичу. Тот и позабыл про неожиданную находку в бачке рядового с виду унитаза.

***

Пробираясь сквозь горы металлолома, Михаил Григорьевич очень хотел увидеть сына. Сомневался, найдет ли нужные слова для тяжелой беседы и захочет ли Андрей видеть

горе-отца? Мужик решил идти до конца, однако порывы слабости стали одолевать все чаще. А сердце в один момент стало стучать как заведенное. В глазах темнело. Пришлось припасть к земле, отдышаться и брести дальше. Сильнейшее желание реабилитироваться боролось с уставшей, немощной, потрепанной физической оболочкой, которая отказывалась работать. Дорога от ограды до будки скупщиков оказалась невероятно длинной.

На время нечто заставило Михаила Григорьевича забыть о боли, промокшем бинте и шалившем сердечке – где-то впереди прозвучал выстрел. Михаил Григорьевич побежал на звук, интуитивно прикоснувшись к пистолету за пазухой.

– Неужели опоздал? – шептал слесарь, преодолевая метр за метром.

Он терялся в догадках, что происходит впереди. Ежели стрелял Андрюша, он зайдет к нападавшим с тыла и умертвит их всех без промедления. Папаша следовал воле Голоса, при этом не желая верить в самый плохой исход событий. Нет сомнений: смена сына именно сегодня.

Открытая площадка предоставила хороший обзор на то, что происходило у вагончика. Григорьевич узрел, как полицейские схватили его отпрыска, причем тот явно ранен. Менты упорно этого не замечали, только допытывались до Андрея, переговаривались друг с другом. «Подонки продажные! Он же ни в чем не виноват!» – отец Андрея уперся об трубу, почувствовав озноб. Пришла и сумасшедшая

мысль, которую захотелось немедленно реализовать. «Smith & Wesson» Владимира Озерова очутился в руках слесаря-сантехника. Он принялся целиться в сотрудников ППС из укрытия – расстояние приличное, но убойной силы должно хватить. Мысли о сыне так затмили сознание, что он готов отправиться в ад и убить Люцифера ради воскрешения Андрея. Назвать мужика ангелом-хранителем язык не повернется, однако обстрелять полицейских Михаил Григорьевич хотел, не представляя, за какие заслуги Андрея вяжут легавые. Вряд ли за полезное и общественно значимое дело. Вряд ли таким чудовищным поступком можно загладить вину перед сыном. Хорошенько прицелиться не получается – давненько он не стрелял. Нужно вспомнить, каково это и что необходимо сделать, чтобы вышло поточнее и хладнокровнее, иначе ответным огнем его шлепнут в два счета.

Однако полицейай, что пониже ростом, отправился в вагончик. Сержант же – на удивление безутешного отца – схватился за аптечку и стал оказывать помощь Андрею. Адекватное восприятие действительности ненадолго вернулось к слесарю: однозначно, люди не заслуживают шквального огня из укрытия. Решено затаиться и подождать, пока вся компания вдоволь наговорится теперь уже в полицейском «УАЗике». Сидеть без движения на морозе вскоре стало невыносимо: все затекло и замерзло. Выпить бы, закралась мыслишка. Отличный ведь способ согреться и времечко скоротать. «Jack Daniel's» уже выветрился: Григорьевич ведь вы-

пивоха со стажем – этого напитка ему маловато для насыщения. И вновь он решил, что сию секунду нападет на машину и, угрожая пистолетом, заставит ментов отпустить Андрея. Или же самому взять на себя вину? Допустим, сына освободят – и что потом? В голову лезли спонтанные соображения без всякой логики – действия во имя сына походили на помешательство, словно иного пути не существует, словно его время на общение с Андреем стремительно истекает.

Когда же Михаилу Григорьевичу стало совсем невмогуту ждать у моря погоды, он, кряхтя, поднялся, чтобы подойти к «УАЗику», как пришлось вновь броситься в укрытие, поскольку автомобиль решил наконец отчалить. Вот сейчас слесарь напугался по-настоящему, ибо ни годы, ни состояние здоровья не позволят ему преследовать «Бобик» – проще лечь посередине дороги и помереть. Мужчина обратил внимание и на бежвую «Победу», одиноко стоявшую напротив вагончика: «Вряд ли на ходу», – заключил он. Посему пришлось бежать за набиравшим скорость «УАЗом», что удалялся все дальше и дальше. Михаил Григорьевич еле поднимал ноги, что вязли в снегу, а ледяным воздухом невозможно было полноценно дышать. Он несколько раз падал, но находил в себе силы подниматься и продолжать следовать за сыном. Откуда взялась полиция и куда она направлялась, непонятно.

– Стойте... Прошу... Пожалуйста... Стойте...

Задыхаясь, отец Андрея продолжал шевелить ногами, по-

нимая, что его глаза застилают слезы от досады, что он опоздал на объяснение с собственным ребенком, что не уберег его от несчастья и что жестокое пророчество Голоса из старого парка сбывается – это начало конца для его семейства. Чем дальше уезжал «УАЗик», тем меньше Михаила Григорьевича подпитывала надежда – отечественный автомобиль словно служит спасательным кругом в беспощадном течении реки жизни, в которой беспомощно барахтается слесарь. Захотелось достать пистолет и пальнуть в воздух, привлечь внимание. Но в округе неожиданно-негаданно завывли собаки.

Пистолет направился к виску, но не добрался до него, ибо Михаил Григорьевич достиг ворот скупки, не представляя, в какую сторону бежать. Полиция успела скрыться. Мурашки укрыли тело броней, сердце болезненно стучит, но все еще подсказывает верный путь – бежать в левую сторону. И он побежал, словно по инерции. Знал, что движение поддержит в нем жизненные силы и веру. Если он остановится, то конец, провал, проигрыш... смерть. Он надеялся до последнего...

Позади послышалось тарахтение двигателя. Превозмогая боль и продолжая шагать по обочине, Михаил Григорьевич повернул голову и узрел уже знакомую «Копейку».

– Дядя Миша! – приветливо воскликнул Вадик, заметив, в каком тяжелом состоянии находится его полуночный знакомый. – Я как знал, что вам еще пригожусь.

– Я велел тебе ехать домой, – закашлялся слесарь, продолжая идти вперед, словно древний старикашка, вышедший на

пробежку впервые за 50 лет. – Почему ты еще здесь?! Уезжай, я сказал!

– Тебе же плохо, я вижу.

– Заслужил я. А ты не ввязывайся и живи спокойно.

– Посмотри же правде в глаза – без меня ты не справишься, – настаивал Вадим.

– Не с чем справляться. Я упустил его, – всхлипывал мужичок.

– Прыгай давай. Мы их нагоним.

– Кого ты пытаешься обмануть?

– Тащи свою жопу сюда, старик! – повысил голос хозяин «Копейки».

Михаил Григорьевич взглянул Вадиму в глаза – в них искреннее желание помочь, а прежнюю подозрительность как рукой сняло. Слесарь решил подчиниться настырному пареньку, которому не было и 18-ти лет.

– Уйдут, – изрек Михаил Григорьевич, оказавшись на переднем сиденье.

– Догоним, если плакаться не будешь. Сомневаюсь, что твой сын желает увидеть перед собой размазню. Ради чего тогда ты проделал такой путь? Чтобы руки опустить? Или чтобы заново заставить себя жить, а?

– Ты прав.

– Здесь всего одна дорога. Никуда мусора не денутся.

– Не ошибся я в тебе, – безутешный отец видел все больше сходств между Вадимом и Андреем.

– Просто я вспомнил, что мне частенько матушка говорит: когда тебе трудно и что-то не получается, судьба обязательно подойдет к тебе помощника, главное – не отвергать его. Думаю, твой помощник – это я, – Вадик взглянул на мужика и нашел понимание в его уставшем взгляде. – Но ментов гасить я не буду.

Старенький «Жигуленок» вдруг весьма резво разогнался, подключаясь к преследованию затерявшегося в декабрьской ночи «УАЗика».

– Не думал, что твое корыто способно на такую скорость. Как же часто Вадик слышал подобное.

– Я с моими умельцами немного модернизировал ласточку. Даже хотел одно время в уличные гонки податься. Собираю тут как-то раз отчаянных один тип – Генерал у него кличка. Может, слышал?

– Ты серьезно хотел гонять на этой штуке? Она же асфальт скребет.

– Поверь, дядя Миша, некоторые ее свойства нам сегодня сгодятся.

***

За без малого час Вадим насмотрелся всякого. Причем ненавязчиво преследовать полицию, дабы не привлечь внимания на пустых городских улицах, стало легкой прогулкой по парку. Далее пришлось наблюдать за всем происходящим – тяжело, если не знаешь всей подноготной: слов-

но смотришь увлекательный фильм без звука и даже без субтитров.

Для начала менты тормознули неподалеку от клуба «Хамелеон». Сходили внутрь на разведку, а после выволокли из машины Андрея. Вадик наконец смог его как следует разглядеть. А сколько же раз слесарь порывался кинуться туда. Вадим всеми силами уговаривал его не делать этого, поскольку чувствовал подвох, который крылся в первую очередь в нетипичных действиях патрульных.

– Нужно вмешаться, – то и дело повторял Григорьевич. А ведь совсем недавно он еле дышал на переднем сиденье, водрузив ладонь на солнечное сплетение.

Вскоре легавые вылетели из клуба, прихватив оттуда еще троих. При этом Андрея приковали наручниками к одному из полицейских. Вадим среди арестованных узнал-таки человека, которого прождал сегодня на морозе полночи: «Вот, значит, где лазила эта гнида», – речь о Глебе. Вадик толком и не успел удивиться, как всех отвлекло иное событие (ставшее впоследствии эпохальным) – слаженный штурм СОБРОм клуба «Хамелеон».

Михаил Григорьевич не спускал глаз со сценки неуклюжей посадки задержанных в «УАЗик». Мужчина буквально с мясом отодрал внимание Вадима от клуба, когда у ППСников что-то пошло не так. «В этом весь Глеб», – подумал Вадим, когда увидел, как лидер шайки малолеток схватил девочку, что вышла со всеми из заведения, и принялся разма-

хивать ножом, угрожая ментам.

– Что происходит? – изрек наконец Вадик.

– Шанс сбежать, – Григорьевич с надеждой следил за Андреем.

Беспомощные полицейские один за другим освобождали задержанных. Глеб подозрительно указывал на Андрея.

– Будь наготове, Вадик. Мы должны подобрать Андрея, как только будет безопасно.

«Не хотелось бы, чтоб в спасительную машину запрыгнул Глеб», – Вадим не мог допустить такого стечения событий, при котором он помогал бы этому невыносимому человеку.

– Они что, все заодно?

Развязка конфликта наступила внезапно. Андрей вырвался и побежал наутек. Его отец встрепенулся:

– Газуй! Надо забрать его! – к мужику вернулись сила и уверенность (будто ради последнего рывка).

Вадик переключил передачу и надавил на газ, как двигатель крякнул и заглох. Оба мигом залились потом: такое с «Копейкой» Вадима происходит впервые. Парень стал настойчиво крутить ключи в замке зажигания. Но не успел Вадик под капот заглянуть, как Михаил Григорьевич выскочил из салона и побежал за сыном.

– Куда?!

– За Андреем. Я знаю район как свои пять пальцев. Заводи колымагу и догоняй! – с некоторым азартом крикнул дядя Миша.

– Отбитый старикан, – прошипел Вадик, наблюдая, как тот скрылся меж домами. Припомнив его состояние четверть часа назад, Вадим понял, что мужика надолго не хватит, ибо очередной забег, помноженный на эмоциональное потрясение, вполне способен убить Михаила Григорьевича.

Через секунду Вадик машинально припал к земле, ибо позади прогремел выстрел. Глеб, размахивая пушкой, побежал вместе с напарником в ту же сторону, куда унеслись Андрей и Григорьевич. Не хотелось бы пересекаться с Глебом. Однако сумасшедшую семейку без помощи Вадима никто не соединит.

Кто-то схлопотал шальную пулю. Чтобы не последовать примеру доходяги, Вадик опасно поднялся, пошевелил под капотом парой трубок, после чего механическое сердце машины заработало как часы.

Вадя повел «Жигуль» в дебри здешних микрорайонов, чтобы нагнать бегунов. Во-первых, некоторые могут идентифицировать его наружность и проявить враждебность (даже с использованием оружия). Во-вторых, к гонке наверняка присоединятся ППСники, когда отойдут от шока.

Исколесив полрайона, Вадим осознал, что человек способен пролезть везде, чего не скажешь об автомобилях. Периодически в зеркала то и дело бросался «КІА», тоже кого-то здесь разыскивающий. Спешим актуализировать число преследователей Андрея той ночью – девять человек.

Через несколько минут Вадим все же обнаружил бегущего

го (уже не столь рьяно) Михаила Григорьевича, явно сбившегося с пути. Старикам у нас почет, но молодым все-таки дорога. Мужик вновь выглядит слабым и отчаявшимся. Он метался по одному из кварталов, потеряв след сына, отчего чуть не утратил рассудок. Огни «Копейки» для него равноценны спасительной руке Господа, сигналом продолжать поиски.

– Кровь на боку у тебя, ты в курсе? – заметил Вадим, когда запыхавшийся слесарь залез в машину.

– Уже все равно.

– Здесь вроде больничка недалеко.

– Нет, – отрезал Михаил. – Мне поможет только...

– Думаю, мне известно единственное лекарство, что тебе поможет.

– Я упустил его, – твердил в забытьи Михаил Григорьевич, – потерялся.

Вадим приметил изменения в его внешности: зрачки расширились, кожа побледнела, грудь вздымалась от дыхания, руки непроизвольно поддегивались.

– Сейчас мы его отыщем, – подбадривал мужика Вадик, считая, что попутчик солидно застрял в собственной же утопии. Однако парень твердо решил содействовать ему до последнего. – Он пешком, а мы на колесах.

Вадим терпеливо крутил рулем, исследуя каждый уголок, поворот и тупичок спящих районов и пустырей. С каждой минутой Михаил Григорьевич заметно сдавал. Видно, что

безутешный отец уже не надеется нагнать сына. Однако он оживился сильнее обычного, когда заметил вдалеке паренька, похожего на Андрея, что скрылся в лесополосе возле железной дороги.

– Туда, Вадик! Туда, туда, туда!

Либо здесь и сейчас, либо нигде и никогда.

Нестерпимым огнем горит сердце мужчины. Огонь разливается по всему телу, однако Григорьевич намеревается биться до самого последнего вдоха: во-первых, не хочет огорчать Вадика, который искреннее жаждет ему помочь; во-вторых, желает, чтобы сын запомнил отца человеком, что раскаялся, но до последнего сохранял лицо.

Стало невтерпеж. Михаил Григорьевич уверовал, что Андрей ждет его – он хороший мальчуган, он простит непутевого отца. Но никто не мог предугадать, уйдут ли они из всей заварушки вместе.

Прежде чем выскочить из машины практически на ходу, Михаил Григорьевич обратился к человеку, что поддержал его в минуты нужды:

– У меня к тебе последняя просьба.

– Почему последняя?

– Ты сейчас высадишь меня здесь, развернешься и поедешь домой.

– Но я могу дождаться...

– Нет. Ты исполнишь мою волю, понял? И без разговоров.

Слушай старшего.

– Уверен?

– Да, уверен. Дальше я сам – это мои грехи, и замаливать их мне... в одиночку. Это мой крест и мое желание.

– Смысл спорить тогда, – Вадик развел руками и опечалился, заметив, что мужик уже на последнем издыхании. Будто сверху ему нарочно продлевают жизнь, чтобы он закрыл гештальт.

– Если б не ты, Вадик, я бы ни за что...

– Знаю, дядя Миша. Не трать энергию на слова, пожалуйста, – он взглянул на попутчика. – Многое ты сделал в своей жизни неправильно, но в конце концов осознал все, признался самому себе и готов исправиться. Будь я на месте твоего сына, я бы простил. Иди, он ждет тебя, – произнес Вадик и печально опустил глаза, лишь бы не видеть, как на самом деле плох Михаил Григорьевич (буквально седеет на глазах).

– Ты редкий экземпляр. С чистыми помыслами и добрым сердцем. Таких уже не встретишь. Все у тебя будет хорошо – ты только на чепуху не отвлекайся. Родителям передавай привет. Спасибо за все.

Григорьевич вылез из машины и направился напрямиком в лесополосу. Вадим медленно повел «Копейку» прочь, исполняя волю мужика. Поворачивая за угол, он не приметил, как в зеркало машины попал еще один человек – злейший враг многих из сегодняшних героев.

С каменным лицом Вадик ехал домой. Где-то на середине пути он резко крутанул руль и рванул назад.

***

Защитка у железнодорожных путей стала для Михаила Григорьевича непролазными джунглями. Глубокий снег на-поминал зыбучие пески. Мужчина хотел пойти наперерез маршруту Андрея и встретиться с ним лицом к лицу. Отец чувствовал, что сын бредет где-то очень близко, но нечто неизвестное сдерживает его подать клич в столь нужный и ответственный момент. Окрестности подозрительно схожи с тем самым старым парком, в котором слесарь слышал Голос.

Силы иссякали с бешеной скоростью. В один прекрасный момент по телу прошла такая сильная дрожь, что подкосила Михаила Григорьевича. Он упал: сначала на ближайший более-менее надежный ствол, а после и на нетронутый белый снег, оставив кровавые следы вокруг. Тело отнималось, но он продолжал ползти. Дышать становилось все труднее. Воздух не насыщал нутро. Мужчина жадно хватал его ртом. На голову словно нацепили тесные стальные оковы. В груди проснулся самый настоящий вулкан – сердце билось неровно... из последних сил. Слесарь окончательно загнал его работой, алкоголем, переживаниями. Еще с детства мотор пошаливал. Сейчас он уже неспособен терпеть и намеревается опустить занавес, прекратив ужасающий спектакль под названием «жизнь».

Впереди Григорьевич узрел бетонные блоки, сложенные

друг на друга – коллектор, из которого обильно выходят клубы пара. Доползти до него невероятно тяжело. Он не мог и на помощь позвать – лишь еле слышимо хрипел:

– Андрей... Андрей... Андрюшенька... – товарняк заглушил его голос.

На почти безмолвный зов пришел тот, кого Григорьевич столько лет не желал замечать. Мужчина присмотрелся. Меж деревьев впереди себя он узрел Андрея в профиль, что стоял напротив другого типа. Того самого, стараниями которого все и сбежали от полиции неподалеку от «Хамелеона». У мерзкого пацана в руках виднеется пистолет. Без слов ясно – он ненавидит Андрея. Он убьет его...

Руки Михаила Григорьевича подчинялись мозгу неохотно. Резервы быстро таяли: «Боже, дай мне сил. Всего лишь раз. Я не прошу многого...»

Пальцы ухватили рукоятку «Smith & Wesson». Тот весит будто целую тонну. Всеми силами мужик напряг память. Припомнил, как учили в стрелковой секции: выпрямить руку, прицелиться, задержать дыхание и нажать на спусковой крючок, освободив голову от всего, что может отвлечь. Мужчина будто наблюдал за собой со стороны: он еще ребенок, школьник, одно из первых занятий в тире, тренер поправляет руку, легонечко ударяет по локтю, проговаривает на ухо порядок действий. Ствол то и дело гуляет. Нужно хорошенько сосредоточиться, чтобы не допускать этого – второй попытки не будет. Тянуть нельзя – Голос окажется прав, если

не вмешаться. Но он ведь нематериален, отчего неспособен поменять расстановку сил и действий, а вокруг люди, которые могут все.

Зрение на несколько секунд прояснилось, сфокусировавшись на цели. Рука выпрямилась и застыла без дрожи. Мушка совпала с разрезом в прицеле – как раз по центру художавого силуэта Глеба, который что-то злобно выговаривает Андрею.

Михаил Григорьевич уходит, переносится в иное место, но дело свое он обязательно завершит.

– Сынок... Прости...

В грудь как кинжал воткнули. От боли хотелось вскричать на всю округу, но голос уже покинул его. Пистолет отклонило в сторону, но мужчина терпеливо вернул его в изначальное положение. Его никто не видел.

Он выстрелил – не раньше и не позже. Именно тогда, когда суждено.

Пистолет выпал из ослабевшей руки и утонул в снегу.

– Прощай... – прежде чем глаза застелила непролазная вечная темнота, Михаил Григорьевич взглянул в сторону Андрея.

Он не знал, что ожидает его впереди, ибо больше всего в жизни мечтал защитить сына. Он это сделал. Иного не предусмотрено.

Благодаря последним нотам, что играло сердце, Михаил Григорьевич сквозь снег и сухостой практически сле-

пую дополз до теплоколлектора и свалился внутрь – к трубам, кранам и вентилям. В темноте укрытия, на теплой земле, свернулась в клубок дворняжка, вокруг которой пищали недавно родившиеся щенки, толком не окрепшие. Их мать даже не зарычала на чужака, понимая, что опасности незнакомец не представляет, словно уже была свидетелем подобной сценки в своей собачьей жизни (либо в иных жизнях).

Именно в этом месте и наступил предсказанный конец одной человеческой семьи. И начало новой – собачьей...

Сердце Михаила Григорьевича перестало биться.

История тридцать восьмая. «Мама»

Все было точь-в-точь как во сне.

Прожекторы, парящие где-то в небесах, освещают параллельные и пересекающиеся вены железной дороги – рельсы и шпалы – уже не так ярко, ибо светает. Их резво перепрыгивает невысокого роста худощавый голубоглазый парнишка, спеша к первой платформе, побаиваясь споткнуться и упасть на припорошенный снегом щебень. Белобрысый беглец будто огорчен, раздосадован чем-то. Жадно глотая морозный воздух раннего субботнего утра, он не сбавляет скорости, перелетая через полотно как заправский гимнаст, высоко задирая ноги. Видавший виды рюкзак, набитый под завязку чем-то жизненно важным, придерживать за лямки отныне не нужно – его нет. Паренек, преодолевая своеобразную полосу препятствий, скользкую и холодную, лавируя между пассажирскими и грузовыми вагонами, стрелками и семафорами, держится лишь за свою мечту, как скалолаз держится за спасительный трос на отвесной скале.

После бесчисленных перегонов, линий, фонарей и столбов парнишка наконец взобрался на ровную вымощенную платформу и из последних сил устремился к оговоренному месту встречи – у часовни на перроне. Пахнет углем, где-то на путях гудит маневровый локомотив, неподалеку с дребезжанием тронулся в путь бесконечный товарный состав.

Сбавив ход, парнишка зачерпнул в ладони горсть снега и умыл разгоряченное лицо. Пирамида «Синегорья» затерялась в тумане и легкой измороси.

Часовня. Именно здесь они условились встретиться. Неужели он опоздал, ибо возлюбленной не было. Без устали бьющееся сердце выдало подозрение, что девушка наверняка уехала без него. Или того хуже – ее арестовали. А может быть, она не настолько любит его, чтобы вот так все бросить, собрать манатки и убежать черт знает куда – в новую жизнь, жизнь с чистого листа: без этого города, без этих проблем и предрассудков, без этих обязанностей, без этих надоевших людей вокруг. Любит или не любит?

Внезапно вдалеке показался чей-то изящный одинокий силуэт, еле проглядывающий из дымки: бордовое пальто, белая блузка, распущенные волосы.

Позади послышались шаги, прервавшие безмятежность и предвкушение долгожданной встречи. Припомнив, что случилось во сне, Андрей нащупал в кармане ножик Глеба и готовился ударить преследователей с разворота. Он резко обернулся – это путевые обходчики с фонарями, только и всего. Андрей выдохнул и вновь взглянул в сторону силуэта.

Да, это она, его единственная. И это не сон, не предсмертная агония. Все наяву.

Влюбленные медленно побрели навстречу друг другу, мысленно щипая себя побольнее, чтобы окончательно и бесспорно убедиться, что все вокруг – реальность, а не гре-

зы.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Как ты?

– Сложная ночка выдалась.

– Лучше и не скажешь.

В их отношениях до сих пор витают неловкость и стеснение, которые в первую очередь исходят от Андрея. Паренек робко улыбнулся, обхватив затылок ладонью, стараясь точно маленький мальчик не смотреть на статную красотку Вику, словно такие взгляды неприличны (притом, что после всего пережитого он несказанно рад ее видеть). С ней все хорошо, слава богу.

– Что с твоим плечом? – Вика заметила, что оно явно беспокоит Андрея.

– Так, пустяки, – отмахнулся он, погладив себя по большому месту. После беготни по городу легкие можно выплюнуть. – А что с тобой? – он заметил легкий беспорядок в ее образе.

– Ничего особенного, – отмахнулась она. Оба загадочно и виновато посмотрели друг другу в глаза. – Хочешь начать новую жизнь налегке?

– Что?

– Ты даже вещи не взял.

– Есть такое. Но у тебя тоже...

– В дамской сумочке многое можно спрятать, – ответила

Вика и нервно хихикнула.

Оба тянули время, раздумывая, как бы деликатнее признаться друг другу в том, что стряслось.

– Вик, слушай...

– Я тоже хотела кое в чем тебе признаться, – Вика переложила сумочку из одной руки в другую.

– Я пустой. Я пытался, но... Как же теперь ехать?

– Я тоже ничего не смогла, – с сожалением произнесла девушка, разводя руками. – Пару тысяч всего.

– Все насмарку. Зачем мы только это затеяли? Разве нельзя было все отложить? Это моя вина.

– Но ты же так хотел...

– Я и сейчас хочу.

– Тогда что нас держит? Проживем как-нибудь первое время.

– Не стоило так рисковать.

– Что-то случилось?

– Как бы объяснить... – поджал губы Андрей, удивляясь, чего же она ждет: он с ней откровенен полностью, а она не признается, что тоже влипла. Неужели не хочет расстраивать его? – Я вляпался в историю, когда хотел добыть денег на наш побег.

– Я тоже. Но разве это что-то меняет? Разве мы не начнем все с чистого листа?

– Я и сейчас не отказываюсь от своих слов.

– Тогда что с лицом? Чем ты опечален?

Закрались мыслишки: не высока ли цена?

– Меня ищут менты.

– Ох, вот как?

– Тебя, кстати, тоже, Вика, – увидев ее удивление, он продолжил. – Позже расскажу, как я узнал.

Она печально вздохнула.

– Глупышка. Ладно я, но ты-то зачем это сделала?

– Как зачем?! Ради нас. Ради нашей мечты. Ради наших планов. Что же за отношения такие, когда общие трудности на плечах у одного человека? Неправильно это.

– Ты отчаянная у меня.

– Ну... прости, е-мое. Там, где я была, заслужили.

– У меня та же тема. М-да, наворотили мы дел...

– Ничего не мешает порвать билеты и...

– Нет.

– Тогда к чему слова? Встали и пошли.

– Билеты с тобой?

– Еще бы. Вторая платформа, отправление через 15 минут.

– Блин, мой паспорт, – похлопал по пустым карманам Андрей.

– Разрулим как-нибудь, – улыбнулась она.

– Не думал я, что все так обернется.

Вика видела, что уверенность Андрюхи пошатнулась. Поглядывая на любимого, она сама нечаянно вспомнила свою семью, которую вот-вот покинет. Правильно ли так посту-

пать? Она ведь любит и родителей, и Андрея.

– Так что, мы идем или нет? – попыталась отогнать собственные мысли она.

Андрей хмуро кивнул и пошел за Викой.

Поезд на Москву, идущий из Сибири, стоит на втором пути. Поезд в новую жизнь, опасную и неизвестную, кажется бесконечным. Его пассажиры в раннее субботнее утро еще спят. Лишь проводники, закутавшись в одинаковые тулупы, стоят у своих вагонов; железнодорожники простукивают колеса. По платформе бродят нетерпеливые курильщики и те, кто намеревается сесть в поезд. Среди последних выделяются два молодых пассажира налегке с угрюмыми и задумчивыми лицами.

У парочки, желающей покинуть родной город, перед глазами без остановки пролетали воспоминания, которые они собираются оставить позади. Закрома памяти решили вывалить на детей, принявших столь серьезное решение, все самые приятные и нежные моменты жизни, чтобы те мигом противопоставили их пугающей неизвестности, что ждет их впереди. Достаточно ли они зрелы для побега? А о других подумали? Подобные мысли одолевали то Викторию, то Андрея по пути к нужному вагону. Из-за крыш и струящегося из вагонов дыма выглядывает вокзальная башня: «ЧЕЛЯБИНСК». У города осталось несколько минут, чтобы попытаться вернуть беглецов.

– Доброе утро, – поприветствовала проводницу Вика,

принявшись искать билеты в сумочке.

Глеб стоял рядом и молчал. Нахмурившись, он оглядывал вагоны. Никогда прежде ему не было так трудно садиться в поезд. Но какой он мужчина, раз не в силах принять судьбоносное решение?

В сумочке завибрировал мобильник Вики.

– Кто там еще? – недовольно изрек Андрей, глядя, как его девушка копается в сумочке.

Парень и не надеялся, что кто-либо из тех, кого он хотел бы услышать, внезапно встрепенется и вспомнит о его существовании. Андрюха то и дело всматривался вдаль – вдруг оттуда возникнут его преследователи.

Увидев имя на экране телефона, Вика очень удивилась и поглядела на Андрея, отправив того в легкое замешательство.

– Что-то случилось...

– Кто звонит?

– Прежде никогда не звонила.

– Да кто там? – сгорал от нетерпения Андрей, не зная, радоваться или переживать. Он подошел к девушке и взглянул на дисплей телефона. – Откуда у нее твой номер?

– Я оставила. На всякий случай. Вдруг что-то случится у тебя дома... с тобой, с родителями.

– Интересно. Ну... это только мои проблемы. Зачем тебе в них вмешиваться? Я способен решить их сам.

– Никто и не спорит.

– Чего же ты тогда хотела?

– М-да, Андрей, тебе еще многое предстоит узнать о любви. В том числе и то, что твои проблемы теперь и меня касаются.

– Я не хотел, чтоб ты...

– Поздно, – Вика прислонила мобильник к уху. – Алло!

– Вика, это ты? – вещал старческий голос. – Я... Прости, что так рано. Я... я просто уже не знаю, что делать, куда звонить, о чем думать.

– Марья Степановна, все нормально. Говорите.

На проводе была шумная, тучная и вечно взволнованная бабулька, живущая этажом ниже квартиры Андрея и его родителей. Женщина пожилая, одинокая, со своими тараканами в голове. Она то помогала и сочувствовала Андрею, то грозилась добиться выселения их семьи из дома. Притом, что ее непутевые сыновья (ныне покойные) в свое время только и делали, что безвылазно бухали с отцом и матерью Андрюхи. Вот у нее и зуб на жильцов сверху, хотя, если поразмышлять, она сама виновата. В общем, доживает свои годы в тесной квартирке совершенно одна с кучей болячек и бессонницей, лишь изредка выползая на лавочку у подъезда и частенько путая соцработника с дочерью, что живет в другом городе и не желает общаться с матерью. В таком возрасте стариков колышет в разные стороны. Неясно, что ей взбрело в голову на этот раз: добро или подлянка. Но Виктория вновь удивила Андрея: когда только она успела найти контакт с та-

кой непростой особой, как Марья Степановна? Бабка от скуки недавно решила, что она старшая по их обветшавшему подъезду, обязана знать все обо всех и единолично решать, кто хороший, кто плохой, а кто вреден. Нетрудно догадаться, к какой категории она отнесла семью Андрея.

– Хоть кто-то откликнулся...

– Что у вас случилось?

– ...Мы звонили, стучались – никто не отвечает.

У Вики екнуло в груди.

– Что произошло? Объясните.

– Так, – тетка на другом конце провода взяла себя в руки, – этот паршивец Андрей с тобой?

– Да, он рядом. Но с каких пор он паршивец?

– С давних, внученька, с давних. Срочно дай ему трубочку, – доброта в ее голосе исчезла.

Вика протянула телефон Андрею – он твердо решил отгородиться от всего, что может на него сейчас вылиться.

– Андрей! Где тебя носит? Приезжай немедленно и прекрати это безобразие!

– Доброе утро, во-первых, – сурово начал Андрей. – Какое еще безобразие?

– Вы меня топите! У меня течет с потолка: в ванной и в коридоре. А подо мной еще три этажа, между прочим. Там же люди, – Андрей припомнил своих соседей – еще те люди: алкаши, нарики, воры. – С кого за ремонт спрашивать?! Чего вы там устроили?!

«Всегда у нее виноваты только мы», – подумал Андрей.

– А меня это не касается. Мне без разницы, – решил отфутболить соседку он.

– Как это понимать?

– В аварийку звоните.

– Мы же дверь выломаем.

– Сомневаюсь, что вы вообще способны кого-нибудь разбудить в такой час... Вообще, делайте что хотите, – такие резкие ответы поразили даже Вику – Андрей не хотел связываться с прошлым.

– Андрей, что с тобой? Ты пьян?

– Я трезв как никогда. А вы, Марья Степановна, все ищите повод упечь меня в детдом или в тюрьму, да?

– Что ты несешь?! Приезжай сюда немедленно!

– Почему вы не соизволили так же строго сказать своим сыновьям, чтобы они завязали бухать и прекратили спаивать моих родителей?!

– Ты, гаденыш, даже не смей поднимать эту тему.

– Почему же?! Вам всем... всем вокруг было плевать на то, что происходит в нашей семье. Сколько красивых слов вы говорили. Но ничего не сделали. Только ждали, когда нас попросту не станет над вашими головами. А сейчас хотите, чтобы я решал ваши проблемы? Да сколько лично вы уперли вещей из нашего дома?!

– Ты... ты...

– Всем, в том числе родителям, пол моей жизни было пле-

вать, что со мной творится. Отчего следующий остаток жизни я хочу придерживаться вашей же позиции. Так что мне плевать!

– Но...

– У вас еще аргументы есть?! Я поражаюсь. Вы дружили с моей мамой. Мой отец помогал вам, когда ваши отпрыски бросили вас.

– Хочешь бросить своих родителей?

У Андрея кольнуло в сердце.

– По-моему, у твоих родителей очевидные улучшения.

– Ничего бы не случилось, будь кто-то с ними рядом.

– Разве это не твоя роль?

– У меня уже нет сил. Счастливо оставаться!

Трубку выхватила Вика. Ей показалось, что Андрей сейчас метнет мобильник куда подальше.

– Молодые люди, ваши паспорта и билеты, – напомнила проводник.

– Секундочку, – сказала ей Вика. – Мария Степановна...

– Вика, ты хоть образумь этого идиота.

– Скажите, кто-то дома есть?

– Топал кто-то. Видела, вроде Варя домой шла с ночной смены. На телефоны никто не отвечает... Вика, нельзя же так.

– Мы что-нибудь придумаем, – прошептала она.

Объявили о завершении посадки на их поезд.

– У меня плохое предчувствие, – Вика подошла к Андрею.

– И ты туда же?! Их дела меня не касаются.

– Уверен?

– Да.

– Она говорит, что видела, как твоя мама возвращалась домой. А если с ней что-нибудь случилось?

Девушка на мгновение увидела в глазах Андрея страх и трепет из-за больной матери, но луч сострадания перекрыло мальчишеское упрямство. Паренек подошел к вагону и обернулся к Вике, что стояла в отдалении:

– Доставай билеты. Чего стоишь?

Виктория не сдвинулась с места – не позволяли совесть и интуиция. Если они сейчас уедут, то совершат грандиозную ошибку, уверена она.

– Через две минуты отправление, – напомнила проводница.

– Мы можем уехать и завтра, – предложила Вика.

– На что ты намекаешь? Хочешь, чтобы мы вернулись и проверили? После всего, что я сделал, лишь бы откреститься от прошлого, которое мешало мне всю жизнь?

– Только убедиться, что все в порядке.

– Не думал я, что в самый решающий момент наши позиции станут диаметрально противоположны.

– Я желаю тебе только добра, Андрей. Но одновременно я чувствую: что-то не так. И ты тоже это чувствуешь – не ври, незачем скрывать.

– Ты ошибаешься.

– Нет, никогда. Я просто... люблю тебя. Если ты веришь, подойди ко мне и обними меня.

– У тебя, оказывается, такие высокие моральные принципы. Для всех ты такая бунтарка.

– Ради любимых все мы меняемся. Бунтарство – это лишь способ защиты.

– В таком случае я недостоин твоей любви.

– Ты столько лет защищался. Я не верю, что ты... настоящий ты сможешь вот так взять и...

– Ты не понимаешь. Завтра мы уже ничего не сможем – нас найдут.

– Никак я понять не могу, чего ты боишься больше: уехать или остаться?

– Я не боюсь.

– Докажи. Я стою здесь – поезд до Москвы перед тобой.

Андрей понял, что стоит перед сложнейшим выбором в жизни. Он зажмурил глаза, чтобы сосредоточиться.

Глубоко вздохнув, проводница поднялась в тамбур вагона, взглянув на наручные часы. Она не стала поднимать подножку и затворять двери – лишь смотрела на парня, который, кажется, вот-вот должен запрыгнуть в вагон. Тот мысленно метался между поездом и девушкой, что с надежной смотрела на него, не сдвигаясь с места.

– Правильно ли, что мы ищем дом в других городах? Ведь наш дом здесь.

«Железнодорожный билет возбуждает больше надежд,

чем лотерейный, – подумалось Андрею. – Престарелая метелка с четвертого этажа нечаянно подсказала, в чем все-таки смысл земного счастья. В обретении любви. Счастлив тот, кто любит, кто вместе не разлей вода – таким все невзгоды нипочем. Что ты можешь значить, если ты один? Некому подставить плечо, утешить, стать моральным ориентиром. Одиночка – даже самый стойкий – обязательно набредет на преграду, которую не сдюжит без партнера, без друга, без второй половинки. Так случилось и с нами... Мама с папой отделились друг от друга и сломались поодиночке – их бы давно не стало, если бы не я. Однако моя жизнь тоже висела на волоске: Глеб, что сейчас лишился всего и остался один, мог уничтожить меня. Я бы раскололся, если бы не Вика. Когда-то она сама была нелюдима и склонна к необдуманным поступкам, но после нашего знакомства изменилась. И вот она уже сомневается, стоит ли бежать, хотя раньше уже бы давно затащила меня в вагон. Та же Марья Степановна сдаст с каждым днем, ибо осталась одна. Отпрыски-алкаши, пока их не зарыли в землю, хоть и тянули жилы из матери, но оставались ее сыновьями, ради исправления которых стоило продолжать жить. Отныне причин у нее особо нет. А куда же теперь мне? В Москву, где я быстро пропаду, ибо без Вики не представляю нормальной жизни. А что же она будет делать в Челябинске без меня? Я же люблю ее, а она любит меня. Мы не имеем права оставлять друг друга – ради нас же самих».

Поезд тронулся. Двери в вагоны захлопнулись.

Андрей и Вика так и остались стоять на платформе. Влюбленные не предали друг друга. Потому что нужно держаться вместе. Так правильно. От их тандема зависит множество других судеб. Им просто нужно быть вместе – вот тогда ничего не страшно.

***

В столь ранний час, к тому же в субботу, на Привокзальной площади паслось не так уж и много таксистов. Приезжие к тому времени разобрали самых доступных бомбил. Парню и девушке достался не самый лучший из них: боров согласился довести их втридорога, будто Андрей с Викторией – неместные, которых можно нагреть на бабки. Ребята особо не думали о финансах, поскольку волнение от возвращения домой нехило так дезориентировало, а время беспощадно уходило. Оба будто надолго уезжали, а сейчас вернулись в родной город, где родились и выросли, где живут их родители, где осталось столько воспоминаний. Только «Сказ об Урале» у вокзала смотрит на прибывающих уж больно хмуро: «Урал – опорный край державы, ее добытчик и кузнец».

Таксист не торопился и язвительно отвечал на комментарии пассажиров прибавить скорость в духе «не доросли еще, чтобы дерзить и указывать». На дорогах свободно, а большинство светофоров как нарочно загорались красным. За такие деньги водила мог бы и пренебречь правилами на со-

вершенно пустых перекрестках. Так же пусто было и на душе у ребят. Их беспокоил всего один вопрос: что же случилось и почему предчувствие не такое радужное? Тем временем их поезд в новую жизнь бежал по рельсам, все дальше отдаляясь от Челябинска.

***

Варвара Петровна никак не могла дождаться, когда же кончится этот длиннющий и тяжеленный день, который еще в самом начале выкачал из женщины все соки, что оставались к концу недели. Он особенно загружен у человека, что пашет на нескольких работах, дабы заработать лишнюю копейку, чтобы поскорее выйти хоть в мизерный, но плюс, чтобы рассчитаться с долгами, чтобы приобрести лекарства, купить поесть чего поразнообразнее и утварь в квартире немного обновить (та в ужасном состоянии). Отдыхать некогда. Чуть сбавишь темп, чуть оглянешься по сторонам, призадумаешься – так и хочется забыть о той яме, где оказалась. Ничего так не помогает забыться, как алкоголь. Но обещание, данное мужу, и моральный долг измениться ради сына она не могла забыть, отчего сносила все. Правда, здоровье по многим аспектам уже не позволяло быть в полной мере продуктивной. Матери Андрея даже стыдно в зеркало смотреться: слезы наворачивались от того, во что она превратилась. Тогда они были молодые, амбициозные, годы были лихие – вот и шевелились как могли. С Мишей познакомились еще

в училище, стали жить вместе, нашли работу по специальности, СССР развалился, успели отхватить небольшую квартиру, работа абы какая была, платили плохо, часто товарами, что производили. После многочисленных попыток судьба наградила их рождением Андрея, что стало вторым дыханием для новоиспеченных родителей. Пока зеленый змей не обвил вокруг шеи сначала супруга, а позже и саму Варю. Она довела себя до того, что пару раз лежала в психиатрической лечебнице, страдала от головных болей. Алкоголь добавил неприятных ощущений и в печени, поджелудочной, желудке.

Они совершенно не заметили, как опустились, лишились всего... и как вырос их сын. И вот возник шанс зажить, не опускаясь на самое дно – напоминает утопленника с булыжником, привязанным к ноге, что пытается барахтаться и спасти себя. Но они, взрослые люди, должны ведь взять себя в руки и доказать единственному сыну, что еще ого-го. Прошедшие месяцы дались Варваре Петровне с трудом – она столкнулась не только с моральным испытанием (проверить на прочность силу духа), но и с трудностями, что подкидывали ей отравленное спиртным нутро и больная от побоев мужа голова. Женщина старательно скрывала от других, что боли с недавнего времени практически не покидали ее – лечь в больницу, обследоваться не было ни средств, ни возможности. Вряд ли мужу и сыну станет легче в таком случае: еще одна лишняя дума в их головы, а быть обузой она не хотела, потому и молчала, горстями принимая то обезболива-

ющее, то снотворное, чтобы банально заснуть, хоть немного забыться и поднакопить сил, но особых продвижек не наблюдалось. Дни словно слились в один: «Старая рухлядь сама доигралась», – думала Варвара Петровна, но не хотела расстраивать сына, а таблетки тщательно прятала. Конечно же, Андрей находил тайники – в них некогда прятали бутылки. Женщина на пороге депрессии и с подорванным здоровьем ежедневно совершала подвиг. Она сама невысокого роста, некогда худенький стан немного располнел, кожа когда-то приятная стала болезненно желтоватой, лицо сморщилось, сальные волосы ослабли, пережив многочисленные перекраски, руки напоминали натруженные кузнецкие коряги.

Сегодня боль бушевала особенно сильно. А ведь нужно весь день простоять на улице в тулупе, проверяя билеты на автовокзале, а ночью – перемыть целый этаж в офисном здании на Кировке. Дома боль слегка утихла: видимо, от предвкушения единственного свободного дня на неделе и отдыха на стареньком раскладном диване, на котором можно вытянуться. А если удастся уснуть без лекарств, так вообще праздник. После мороза хотелось успокоить руки и ноги в теплой ванне.

Женщина с передышками добралась до пятого этажа. Все тяжелее с каждым днем. Долгожданное облегчение – сбросить теплую одежду, что весит тонну. Под ногами скрипят половицы, тусклая лампочка норовит вот-вот перегореть. Советский холодильник громко тарыхтит на кухне. Периоди-

чески капает кран. Варвара Петровна заметила, что мужнин ящик с инструментами небрежно брошен у раковины. Давно пора смеситель отремонтировать. Она тихо заглянула в зал, мужа там не было. Наверное, опять на аварию вызвали. Убежал без инструментов?

Руки отнялись так, что спичку поджечь не вмогуту, но получилось. Из холодильника на плиту встала кастрюлька с супом – готовит Варвара Петровна вкусно (мастерство, как говорится, не пропьешь). Правда, суповые ингредиенты порезаны несколько небрежно и грубо – руки уже не так уверенно держат нож. Разогрев то единственное, что есть в холодильнике, хозяйка взяла половник, налила себе суп в слегка битую тарелку и села ужинать глубокой ночью, стараясь выбрать из кастрюли наваристый бульон и только те кусочки, что соответствовали диете, положенной при ее болячках. Пошарив в хлебнице, она нашла приемлемый кусочек хлеба, что без плесени и еще не превратился в сухарь, ибо зубов с каждым годом все меньше. Тепло от супа несколько успокоило женщину. Хотелось спать, но в то же время очевидно, что заснуть сходу не получится.

Покончив с приемом пищи, Варвара Петровна отправилась в старенькую ванную комнату. Открыв вентили горячей и холодной воды до комфортной температуры и заткнув слив пробкой, женщина обратила внимание на стиральную доску, что валяется в углу. Машинка окочурилась полгода назад. Работы по дому накопилось уйма: что Миша, что Ан-

дрей пропадали на работе, всем некогда – хватит ли ей сил на такой обширный список дел? Отходя назад, она задела ногой тазик с замоченным в нем бельем и чуть не рухнула на пол, в последний момент схватившись за умывальник. Чуть не взялась за шторку – гардина точно бы огрела ее по голове. Вот чего еще не хватало. Вода из тазика расплескалась на пол, на растрескавшуюся плитку коричневого цвета. Варвара Петровна побранила саму себя за неуклюжесть и наклонилась под раковину за тряпкой, дабы вытереть брызги с пола, а после помыть тарелку, вернуться в ванную, сесть на табуреточку и подышать паром, пока набирается вода.

Нагнувшись, Варвара Петровна почувствовала укол боли в подреберье, словно внутри лопнул шарик, наполненный раскаленным металлом, что стал медленно растекаться по животу, прожигая все на своем пути и мгновенно затвердевая, отчего любое движение превращается в пытку. Женщина выпустила тряпку из рук и, опираясь на раковину, полки, косяки, стенки, поспешила на кухню за лекарствами. Самое время их принять, ибо приступ по ее ощущениям предстоит сильный. Она упала на колени перед кухонным гарнитуром, раскрыла дверцы и принялась дрожащими руками отбрасывать в сторону все лишнее на пути к заначке, чувствуя, как боль пульсирует внутри, становится невыносимой. Приходится стонать все громче и морщить лоб, зажмуривать глаза, чтобы стерпеть. Пальцы не слушаются – никак не получается зацепить упаковку таблеток. От боли женщина при-

валила лоб к столешнице и нетерпеливо разорвала картонку, тщательно прощупывая фольгу с нужными пилюлями... снова и снова. Таблеток, что приносят облегчение, не осталось.

Попытавшись выпрямиться, Варвара Петровна ощутила, как боль огнем обаяла ее. К ванной, где спрятана запасная значка, пришлось ползти на коленках, стараясь не совершать резких движений. Боль сопоставима предродовым схваткам. Пояс болевых ощущений тем временем окружил женщину сильнее и яростнее: невидимое лассо обхватило не только в области живота, но и в поясице, в боках. Стало подташнивать.

Пальцы потянулись к ручке двери – от столь простого движения закружилась голова, словно дом перекувыркнулся. В ванной от пара к тому времени уже запотело зеркало. Вода продолжала набираться. Мама Андрея безуспешно шарила под раковиной в поисках лекарств – держаться на коленях стало невыносимо. На секунду показалось, что она не вырвется из адского круга боли. Внезапно ее одолел дикий озноб. Дрожь распространялась по телу в такт спазмам в животе, в котором разгорелся костер, куда без остановки подбрасывают хворост. Женщина беспомощно схватилась за живот и опустилась на пол. Глаза застелила темнота, лоб мгновенно взмок от пота, глубоко вдохнуть не получается, ибо вдохи сопровождаются острой болью, отдающей в живот и руки. Варвару Петровну будто окунали в кипящий котел с

чугуном, что вылился из домны. К жару в ванной прибавился жар в теле – температура шарахнула так резко, что чуть не лишила женщину чувств. При этом она понимала, что на помощь никто не подоспеет. Наверняка она умрет здесь, на полу... совершенно одна. Пришлось прощаться с жизнью, поскольку терпеть перманентные боли не получалось – она тихо вскрикивала и корчилась. Никто ее не услышит. Тут же она ощутила сильнейшую изжогу, словно обожглась кипятком. А через мгновение к горлу подступили кисло-зловонные рвотные массы, что фонтаном изверглись изо рта. Ей хватило сил перевернуться на бок, чтобы не захлебнуться, но движение аукнулось очередным взрывом мучительной боли. В животе пульсировало сильнее, чем в сердце, которое не справлялось с нагрузкой. Попытки перетерпеть, перебороть боль, что бушевала в груди и в животе, облегчения не приносили. Попытки сдвинуться сопровождались опустошающей рвотой. Она усиливалась, но облегчения не наступало.

Приступ прогрессировал, словно через трубочку высасывающая память, ориентацию в пространстве, мысли и все прочее, заполняя пустоту одними только думами о конце, страшном и мучительном. Выступили слезы. Руки и ноги, словно в припадке, хаотично дергались. После спазмов на свет выбралось жидкое содержимое желудка, что обволакивался всепрожигающим ядом. Его привкус ощущался в горле, во рту, на губах. Желчь вперемешку с кислотой, сгустками крови и остатками ужина продолжала выливаться на пол изо рта. Нервы

и чувства Варвары Петровны перегорели, кончились, слились с болью и страхом смерти, словно другого и не существовало прежде. Вонь от рвотных масс уже не беспокоила нос, поскольку всю уносила водой, что выплескивалась на пол из переполненной ванны, обволакивая лежащую на полу женщину, растекаясь по комнате, затекая под мебель, плитку, плинтуса. Поток не прекращался ни на секунду. Вода обязательно найдет себе дорогу.

***

Андрей проделывал такое много раз. И столь же искусно сделал это сейчас – даже человек невысокого роста смог бы открыть запертую дверь в их квартиру так, что замок слетит с креплений и с щепками сломает половину дверного косяка, что, собственно, и случилось. Дверь не менялась с самого возведения дома. В тусклом свете коридора блестела мутная вода, что стояла на полу и стала вытекать в подъезд, унося с собой сор. Поплыла обувь. Разбухли половицы.

Парень понесся в ванную комнату, хлюпая обувью по лужам:

– Мама! – звал Андрей, но никто не откликнулся. – Мама! Папа! Где же отец, блин?!

Следом за ним в квартиру вошла Вика. Гнетущая обстановка бедняцкой ветхой хаты, которая окончательно сгниет от потопы, оставляет гнетущее впечатление. Девушка не растерялась и побежала в зал, думая разбудить того, кто заснул

и забыл про воду, но в комнате никого не оказалось. Пахло намочшей древесиной, влажной штукатуркой.

Андрюха чуть ли не с корнем вырвал дверь в ванную, когда дернул ее со всей силы. В ноги ему вылилось еще больше теплой воды. Он без промедления припал к лежащей без сознания матери. Душераздирающая картина просто разорвала сердце безутешному сыну. Такого и врагу не пожелаешь. В ванную заглянула Вика, которая до последнего верила в лучшее, однако узрела перед собой худший из всех возможных сценариев. Интуиция ее не подвела – вряд ли уехать в такой момент стало бы наилучшим решением.

Лицо Андрюши, искривленное шоком, в момент раскраснелось, брызнули слезы. Он не мог поверить в то, что видит: – Мама... Мама... Да что же с тобой, мама? Мама... Услышь меня... Это я... Андрей, твой сынок... Я здесь... Я пришел... Очнись... До чего же ты себя довела? – он ошупывал маму так нежно и осторожно, обнял ее, как давно не обнимал, гладил ее, пытался разбудить, словно та спит. Он и не заметил, что сидит в воде. Он не мог оторвать взгляд от лежащей матери, не мог поверить. – Это же я... Я... я во всем виноват. Прости, мама, прости...

Вика быстро закрыла воду, вынула пробку. Невыносимые страдания ей приносила любая встреча взглядом с Андреем. Она и представить не могла, каково ему сейчас. Несмотря на все плохое, что он наговорил о родителях за последнее время, его поведение доказывает, как нежно и беззавет-

но он любит маму, как привязан к ней. Таковую связь очень сложно обрубить. Видеть близкого человека в таком состоянии – невыносимая боль. Словно от твоего сердца отрывают огромный шматок, предварительно вскрыв грудную клетку без наркоза.

Девушка тогда еще тверже решила, что будет рядом с Андреем всегда, что бы ни случилось. Он способен ценить, он способен любить, он не заслуживает никаких страданий более. Нужно быть рядом – вместе они все преодолеют.

Андрей не вставал с пола, обхватив маму руками. Смотрел на нее и ревел как никогда прежде. Плечи его вздымались от рыданий, лицо дергалось, будто от болевых ощущений. Паренька разрывало на куски. Он не представлял, как будет жить дальше. И куда он хотел сбежать? Гнусный и трусливый поступок.

«Господи! За что ты со мной так?! Разве я заслужил такого наказания?! Дай хотя бы шанс...» – молил Андрей.

– Дышит... Андрей, она еще дышит. И пульс есть, – сказала Вика.

– Звони в скорую! Мама, держись, слышишь? Помощь идет... Только... не умирай... не оставляй меня... Молю тебя, пожалуйста... За все, что я говорил и сделал, прости меня...

Парень поцеловал Варвару Петровну в щеку. Он верил, что ее еще можно спасти. Эту миссию он поставил на первое место, отбросив на потом размышления о причинах ее бо-

лезни и о том, что спровоцировало приступ. Он не мог спокойно сидеть и ждать приезда неотложки. Его мать лежала на боку, словно в глубоком анабиозе, а ее сын обливался болью и терзаниями около ее стана. Нарастала и ярость оттого, что скорая до сих пор не прибыла, хотя прошло-то всего 30 секунд, как приняли вызов.

– Мама, держись, слышишь? Знаю, что слышишь... По-терпи еще немного, – он не представлял, что с ней случилось, однако ее физическая боль была равнозначна его душевным страданиям. Он уже проклял все на свете и себя в первую очередь за то, что допустил произошедшее – мама умирает на его глазах, а он лишь беспомощно сидит в луже на полу. Но нынешняя ночь показала, что он способен на грандиозные свершения. Для чего же тогда ему сохранили жизнь, как не для спасения матери? – Нет, так нельзя. Это долго... очень долго...

– Ты чего?

– Вика, возьми куртку.

– Андрей...

– Делай, что говорят!

Кинувшись к вешалке, она схватила куртку, обернулась и увидела, как щупленький с рождения Андрей держит на руках тело матери. С обеих ручьями стекает вода. Вика слышала истории, как в экстренных ситуациях людей посещает недюжинная сила, но никак не думала, что увидит наяву что-то подобное. Видно, что пацана надолго не хватит.

– Накрой ее.

– Неужели ты собрался...

– Нужно отвести ее к знакомому врачу.

– Это же рискованно. И на чем? Скорая сейчас приедет.

– Долго. Она умирает. Нужно будет – пешком донесу, – его решительное лицо блестело от слез. Он направился к выходу.

– Там же холодина.

– Пойдем со мной, Вика. Ты нужна мне.

Не успел Андрей договорить, как Вика уже бежала впереди. На такси надежи никакой: машин поблизости нет, устало твердила оператор. Виктория принялась стучать в двери с мольбой о помощи и с вопросом, есть ли у кого машина. Естественно, ни одна живая душа носа за порог не высунула.

– Так и знал. Твари! – на весь подъезд выкрикнул Андрей. – Отсюда вижу ваши хитрые глазенки за дверями. Только и ждете, как подняться к нам в квартиру и последнее забрать. Да мне пофиг! Подавитесь, крысы! Вика, позвони врачу. Он надежный – он поможет. Давай же, – он продиктовал ей номер, который помнил наизусть.

– Не берет.

– Еще звони! – они спускались все ниже и ниже.

– А что, если он не на работе?

– Я знаю его график – сегодня он в ночную. Звони!

Вика впервые в жизни почувствовала, как от ее действий зависит чья-то жизнь. Ей многое приходилось видеть, но в

такой ситуации она изо всех сил сохраняла спокойствие, однако некоторые поступки и решения Андрея ее пугали. Хотя кого она обманывает – на его месте она сделала бы то же самое.

Неловкое движение. И ее телефон вдребезги разбился об бетонный пол.

– Возьми мой... в кармане.

– У тебя же другой был?

– Долго рассказывать. Набирай.

И вот врач поднял трубку, зажимая ее между плечом и ухом и одновременно споласкивая руки в ординаторской. Ему пришлось экстренно принять одного паренька с пулевым ранением в живот.

– Здравствуйте, я Вика, девушка Андрея. Вы его знаете, он... Мы сейчас нашли его маму... без сознания... на полу. Но она еще дышит. Пульс слабый, но прощупать можно.

– Я знал, что рано или поздно это случится, – устало изрек доктор. – Скорую срочно вызывайте и сюда. Скажите, чтобы сразу ко мне. Андрей знает куда.

– Хорошо.

– И как можно скорее. Следите, чтобы не захлебнулась рвотой, ясно?

– Ясно.

– Андрей. Он держится?

– Держится.

– Вика, не оставляйте его. Мама для него все. Нельзя, что-

бы он оставался с этим один на один. Мы врачи, а не волшебники.

– Я знаю, доктор. Я буду с ним, обещаю.

– Умница. А теперь поспешите, – врач решил предупредить коллег, что сейчас прибудет острый пациент. Он давно наблюдал Варвару Петровну и прекрасно знал, что следует делать. Ему искреннее жаль хорошего мальчугана, который потратил всю свою юность на уход за пьющими родителями.

– Надо было попросить его приехать.

– Нет времени, Вика. Сколько ж он будет ехать, а потом еще назад, – Андрей почувствовал, как сильно знобит его маму. Она слаба, но ее сын сделает все, чтобы ей не стало хуже. – Держись... – прошептал он.

Выбежав на улицу, Андрей и Вика осмотрелись: скорой не видно. Зато у подъезда, оперевшись на капот, стоит тот самый неприятный хам-таксист, что вез их сюда с вокзала. Заприметив парочку, он вытащил сигаретку из зубов и съязвил:

– Вы где тетку уперли? А ну-ка верните на место!

Вика ответила жалобно, хотя прекрасно понимала, что со столь токсичными кадрами нужно общаться иначе:

– У нас беда. Довезите до больницы, пожалуйста.

– Может, сразу до кладбища? – бесцеремонный бомбила явно издевается, чего не мог стерпеть Андрей, которого затрясло от ярости.

– Закрой хлебало, гондон толстый!

– Чего ты там вякнул, прыщеньш?

– Ладно, тихо! – вмешалась Вика. – Сколько?

– Пять тысяч.

– За что?!

– За срочность и за салон. Вы же его уделаете. Тем более вокруг никого. Потому я имею полное право назначать цену единолично.

– Вы серьезно сейчас? Человек умирает.

– Мне от этого ни жарко и ни холодно.

– Ты в аду сгоришь, тварь!

– Смотри не надорвись, пацан. Думаю, что в аду не хуже, чем в Челябинске.

– У нас нет столько.

– На нет и суда нет. Я вам не скорая – бесплатно не возжу, – противный водила попался, совершенно равнодушный к беде других.

– Сережки бери. И телефон, – произнесла Вика. – Хватит?

– Сдай в ломбард и возвращайся с деньгами, – таксист хотел уехать, без зазрений совести оставив ребят на произвол судьбы.

– Стой, – попросила Вика и подошла к Андрюхе.

Таксист остановился, даже водительскую дверь открыть не успел.

Девушка взглянула на Андрея – они поняли друг друга без слов.

– Возьми в кармане.

Виктория засунула руку в карман к Андрею и нащупала складной ножик. Ей не нужно пояснять, как им следует воспользоваться.

– Все-таки у вас есть деньги. Согласитесь, для такого случая ничего не жалко.

– Есть кое-что получше денег, – объявила Вика.

Андрей коварно ухмыльнулся – бомбила заслужил.

Не успел мужик пикнуть, как Вика поднесла лезвие ножа к его второму подбородку и оттолкнула от машины. Надменная улыбка тут же стерлась с его хари.

– Сам виноват, мудака! – свободной рукой Вика открыла дверь на пассажирское сиденье, куда Андрей принялся укладывать больную мать. – Как еще свет носит таких, как ты?

– Зря ты так, девочка. Я вас запомнил. Вас как миленьких вычислят и посадят.

– Ну и пусть. Зато мы спасем жизнь одного хорошего человека и накажем одного плохого.

– Бонни и Клайд недоделанные, – приподнял руки бомбила.

– Только дернись, понял? Я твою тушу без задней мысли продырявлю. Машину потом сам найдешь. А теперь – прыгай в сугроб... Прямо туда. Дальше, дальше!

Тучный водитель подчинился и отдалился от своей машины, не спуская глаз с юных угонщиков, особенно с отчаянной девчонки, что угрожает ему ножом. За ее спиной сообщник прыгнул за руль, а она уже нацелилась сесть назад, чтобы

быть рядом с женщиной без сознания. За сценой с балкона пристально следила Марья Степановна.

Только Вика опустила ножик и метнулась к двери, толстяк, чьи жирные ноги увязли в сугробе, побежал к своему такси, желая успеть зацепиться хотя бы за что-нибудь.

– Газу! – Вика плюхнулась на кресло рядом с лежащей Варварой Петровной.

Андрей вдавил до упора педаль газа в «Ниве-2131». Доли секунды отделяли толстяка от его машины. Он прыгнул и не долетел до цели пару сантиметров: только шмякнулся на обледенелую дорогу – пузо несколько смягчило удар. Вдохнул напоследок выхлопных газов от тачки, что унеслась вдаль.

– У нее жар, – произнесла Вика, поднеся ладонь ко лбу Варвары Петровны.

– Сейчас-сейчас, – Андрей управлялся с автомобилем как заправский гонщик – они должны оказаться в больнице вовремя, иначе парень никогда не простит себе такой медлительности: в конце концов найдет Глеба и попросит его завершить дело, что тот начал рано утром у железной дороги.

История тридцать девятая. «Хозяин»

Есть, знаете, такие скользкие, лицемерные, хитрые пройдохи-авантюристы, которые убьются за собственный имидж, за собственную значимость и влияние в глазах других, без вазелина в задницу пролезут, готовы изворачиваться, лгать, подлизывать там, где выгодно. При этом такие кадры сами по себе пустышки смазливового вида – особо ничего не стоящие, если убрать одежду, тонны бессмысленного словоблудия и самомнения. Они только и делают, что убаюкивают себя ожиданиями золотых гор, упиваются мнимым величием без какого-либо намека на серьезность. У людей, обладающих реальным капиталом и солидными достижениями, такой набор вызывает улыбку. Да что там, улыбка возникает даже от одного вида таких людей, особенно когда те желают попасть в тусовку богатых и успешных, казаться в ней своими, чуть только свезло на каком-нибудь поприще, часто в бизнесе (случайно). Представили себе такого рода личностей, которые в лепешку разобьются, лишь бы их заметили, оценили и приняли?

Таков от кожи до костей Игорь Лопушанский, владелец так легко и нелепо угнанного «BMW X5». Большая машина «большого» человека. Как он гордился собой, когда забирал тачку из автосалона вчера, опустив при этом некоторые детали. Например, то, что денег на приобретение столь дорого-

стоящего автомобиля он не заработал, а наскреб в нескольких банках, а также у друзей и знакомых в долг. Элитная машина – это ж показатель солидности человека, что ее водит. По представлениям Игоря, он, если появится на «BMW» в обществе, в челябинском свете (если можно так назвать челябинскую элиту), то мигом сойдет за надежного партнера и произведет нужное впечатление, представит себя в выгодном свете. С ним станут считаться. Не будут смотреть на него как на необразованного и недалекого выскочку-нищоброда.

Итак, средств хватило лишь на минимальную из всех минимальных комплектаций вышеупомянутого авто: с базовыми функциями и без излишеств в салоне, без достойной резины, сигнализации, магнитолы. Но кому какое дело до таких мелочей? Игорь заиклился на цели стать богатым и влиятельным и с большим упоением воображал, как станет щеголять на новом «BMW». Столько розовых очков надето на парне, что нос скоро сломается под их массой – причем он только и делает, что стоит да любуется собой в зеркале. Только сними их и станет ясно, что он водит кредитную тачку в своем единственном приличном костюме, с кучей долгов и тремя временными пломбами в зубах. Но понты, как известно, дороже денег. Игорю на данную статью расходов ничего не жалко, ибо многие клюют – обычно такие же, как он сам. Но парень метит в людей покрупче: в городской бомонд, в промышленников, бизнесменов, власть имущих да прочих звезд. А они толком и не помнят имени надоедли-

вого выскочки-позера, готового выпрыгнуть из штанов ради их внимания и их инвестиций, материальных и моральных, ибо даже фраза типа «мальчик, подсказки, где здесь туалет?» может значить для него многое, стать сигналом для других. А какой там у него перспективный стартап, всем до фени.

Единственная, кто хоть как-то пытается образумить своего придурковатого спутника – молодая супруга Игоря. Даша вынуждена сопровождать мужа на всех светских мероприятиях, ни одно из которых он не пропускал, порой дико унижаясь, лишь бы достать проходку на очередной светский раут. Там приходится выслушивать воздыхания Игоря о желании пожать руку или поговорить (порой просто постоять) с теми или иными важными гостями. А еще Игореша дрожит, когда видит, что его приветствуют – это чаще всего выражается в невольном опускании рядом с ним головы каким-нибудь известным в городе человеком на одну миллиардную градуса ниже. Определенно, он хочет взять элиту штурмом – чем больше мелькаешь перед глазами, глядишь, и вспомнят в нужный момент. Муж, кажется, абсолютно не замечает свою жену, которая старается одеться элегантно и быть не хуже прочих дам – ему интереснее поцеловать в засос не ее, а какого-нибудь топ-менеджера завода, что ищет перспективные разработки или просто мальчика на побегушках. Как же ей неловко стоять рядом с подхалимом и подлизой, аж тошно становится, но она, кажется, временами любит его, поэтому пытается найти плюсы в том, что стоит, терпит, красне-

ет (в туалет даже толком не отойдешь). Одинокие мужики, разведенные и не очень, обращают на нее внимание, которое тут же захватывает Игорь. Дарья, изо дня в день лицезрея этот спектакль, понимала, как же на самом деле недосягаемы цели Игоря, но он был не только авантюристом, но и оптимистом, поэтому не отчаивался и продолжал. Порой нужно было играть с ним в счастливую любовь и семейную идиллию. Она считала, что инвесторов могло бы привлечь ее откровенное декольте, правда, показывать в нем особо нечего. Муж однажды проговорился, что на первые дивиденды даст ей денег на пластическую операцию, отчего сию секунду схлопотал по лицу – как он мог не знать, что Даша хочет сделать себе нос, чтобы он отныне и впредь не напоминал никому клюв пеликана? Вначале девушку даже забавляли такие мероприятия, ибо супруг умел убеждать, нарисовать безмятежную картину: в скором времени он найдет интересное знакомство, обретет связи, заключит соглашение с инвестором, и вот тогда они ни в чем себе не будут отказывать. Они бы не тратили столько времени на вечера и наряды, заработали бы гораздо больше денег, размышляла она, если б Игорек втюхивал пылесосы на дому: он умеет пустить пыль в глаза, его внешность и выправка располагают к себе всяких рядовых простачков. Однажды он применил перечисленные выше умения, и его супругой стала Даша.

После каждого возвращения домой – в скромную родительскую двушку в обыкновенной панельке недалеко от вок-

зала – Игорь говорил, что нужно потерпеть. В отместку она твердила, что без секса он тоже может потерпеть ночку-другую. В критические дни – на контрасте с богатыми домами – Даша бесилась от того, в каком дерьме они проживают: без шика, без лоска, без перспектив – от таких слов потенция Игоря оставляла желать лучшего. Он мог впасть в депрессию от одного вида квитанций за коммуналку, сломавшегося унитаза, время от времени постукивающих в дверь коллегторов. В иные моменты он как зачарованный лелеял собственную мечту. С мертвой точки дело не сдвигалось, а женаты Игорь с Дашей были целых три года.

Перед недавним мероприятием в театре девушка начала противодействовать.

– Тебе же всегда нравилось ходить? – недоумевал находившийся Игорь в свежем после химчистки приталенном пиджачке и зауженных брючках – и это в 25-градусный мороз.

– Я эту оперу уже наизусть выучила.

– Какая ты у меня молодец, – сделал комплимент муж. – Я до сих пор не разбираю, чего они там орут со сцены три часа.

– Что ж ты тогда тащишь меня туда?

– Говорят, что губернатор собирается прийти.

– Да тебя к нему на километр не подпустят.

– Не сбивай настрой.

– Тю-ю-ю, какой нежный.

– Даша.

– Нет, напомни-ка мне: когда я тебе сказала, что мне нравится с тобой ходить? Не в тот ли вечер после дегустации кубанских вин?

– Ну не капризничай, зай.

– Котя, а давай ты пойдешь сегодня один, а?

– Нет, мы так не...

– А я возьму сейчас и порву мое вечернее платье. Оно же тебе нравится?

– Хватит паясничать. У нас нет денег купить тебе другое, – растерялся Игорь. – К тому же скоро предновогодние званые ужины. Мы не можем так рисковать.

– Это никогда не кончится, – психанула Дарья. Как же ей порой хочется взять с собой контейнер и на виду у всех попросить официантов завернуть им еды с собой.

– Я чувствую, что сегодня мне улыбнется удача. Ты же... мой талисман, дорогая.

– Боже! Я слышала это миллион раз. И где результат?

– Будет тебе результат, – Игорь поймал себя на мысли, что жене срочно нужно доказать, что все не так плохо, что все под контролем, что они многое могут себе позволить (если только они перестанут питаться – желательно исключить завтраки, обеды и ужины).

– Езжай один, Игореша. Может, сегодня твои толстосумы спросят у тебя, куда я подевалась, – взмахнула руками она. – Вот тебе и полноценная беседа.

Но муж был непреклонен. Тогда-то и решился на доста-

точно безрассудный поступок – задобрить жену, продемонстрировать ей крупицу той жизни, которая, по его мнению, у них не за горами, чем в глазах супруги сравнивал с землей собственную адекватность. За приобретение «BMW» и сдачу в утиль старой малолитражки Даша могла вытолкнуть Игоря в подъезд в одних трусах и подать на развод. Однако плут придумал, как грамотно преподнести покупку, чтоб любая девушка растаяла (поначалу). Вождение солидного автомобиля слегка притупило чувство реальности, расчетливости и меры у Игоря. Он так вжился в роль богача в тот день, что оставил машину на неохраняемой стоянке во дворе, не удосужился забрать из бардачка документы, что дали в автосалоне (включая запасные ключи), отложил заполнение необходимых бумаг в ГИБДД, чуть не забыл запереть иномарку, поскольку в одной руке держал шикарный букет, а в другой – коробочку с пирожными (любимым лакомством жены). Именно вечером в пятницу на оставшиеся деньги, что Игорь зажал на хорошую сигнализацию для автомобиля, он решил сводить свою даму в лучший ресторан города, в котором оплатил каждую мелочь: швейцаров, официантов, оркестр, индивидуальное меню от шеф-повара. От перспективы по-настоящему вкусить красивой жизни Дарья растаяла с первых же секунд – к тому же годовщина знакомства пришлась к месту.

– Откуда деньги? – ехидно поинтересовалась она, думая про ресторан и «BMW».

– Дорогая, давай забудем о деньгах хотя бы на один вечер, – только Игорь мог произнести эту фразу столь гипнотическим тоном, что Дарья купилась и не стала даже размышлять об этом, отключив тем самым адекватную часть их семьи.

Так быстро Дашенька прежде никуда не собиралась.

– Мы поедем на новой машине?

– Милая, мы же наверняка выпьем за нашу любовь. Я не хотел бы омрачать наш праздник штрафами, – Игорь банально хотел сэкономить на бензине (чтоб побольше осталось на важные поездки), а также решил, мол, пусть жена предвкушает первую поездку на «BMW» подольше.

Дарья же всерьез считала, что в ресторане супруг признается наконец, что их муки кончились и его проект все-таки обзавелся щедрым финансированием. Поехали на такси, поскольку милую нужно поскорее напоить, чтобы лишних вопросов не возникло. Игорь все продумал. В кармане оставалось наличности строго на такси туда и обратно. Ключи и пульт от «BMW» благополучно поселились на тумбочке в тамбуре. Если с транспортом или рестораном что-то пойдет не так и потребуются дополнительные затраты, он пропал. Семейный бюджет на тот момент равнялся нулю (с учетом всех долгов он еще и в минусе), отчего Игорь заказал побольше алкоголя, чтобы самому забыться и потом легче перенести ругательства и возможные побои от жены. Игорь объяснит ей, что рестораном и всем прочим хотел подарить неза-

бываемые эмоции – неужели она станет ругать его за такие добрые намерения? Выплачивать огромный кредит следующие несколько лет – тоже новость, вызывающая бурю эмоций.

Вся распрекрасная история с рестораном случилась akurat в тот самый день, когда в сотне метров от дома, в котором проживают Игорь с Дарьей, хоккеисты из Магнитогорска задумали грандиозную попойку. А новенький «BMW» считал часы до того момента, как будет угнан.

Давненько выход в люди для Дарьи не был столь спокоен и приятен. Наконец-то можно расслабиться, ни о чем не думать, в том числе и о «мероприятиях» мужа. Создавалось впечатление, что ресторан действительно работает только на них. Все к их услугам. Поначалу девушка даже подумала о подвохе, поскольку Игорь выглядел слегка взволнованным. Но после нескольких бокальчиков шампанского, что наливал приставленный к Даше официант, напряжение и неловкость улетучились. Парочка отведала изысканных ресторанных блюд. Поговорили о временах, когда познакомились, вспомнили романтические моменты конфетно-букетного периода. Галантный кавалер Игорь пригласил жену на медленный танец. Без сомнения: Игорь с Дарьей были в числе самых красивых пар того вечера. Вот, чего ей не достает – романтики. Воплотилось то, о чем постоянно слагал сказки ее муженек. Они были так близки к подобной жизни и одновременно отдалялись от нее. Но нужное чувство в жене

Игорь все же разжег. Дашуля надела лучшее вечернее платье, танцевала в обнимку с лучшим мужчиной на свете (спасибо вину), которого прежде могла огреть скалкой за машину. В ведерке со льдом поджидала очередная бутылка. Что еще нужно для счастья в такой прекрасный вечер? Предложение руки и сердца? Стоп, они ведь уже в браке. Игорь же светился от счастья.

– Даже неловко как-то перед персоналом, – шептала Игорю супруга. – Они так обходительны с нами весь вечер. Может, дать им на...

– Ничего страшного, привыкай – это их работа, – пытался отвлечь ее от ненужных мыслей муж.

– И все-таки...

Лишних трат допускать нельзя, потому Игорь не придумал ничего лучше, как развязно поцеловать Дашу в губы на глазах у всех.

Тем временем дома пульт от новой машины безудержно пищал – сработала сигнализация.

– Так вот что означает твой хищный взгляд весь вечер?

– Ты хочешь того же, чего и я? – мурлыкал Игорь, продолжая слюнявить супруге щеки и шею.

– Ну не здесь же, – смущенно проговорила она. – Люди смотрят.

– Пускай смотрят. Пойдем в туалет.

– С ума сошел? Здесь тебе не студенческая общага.

– А пускай все завидуют. Старики немощные. Это наш

вечер – творим, что хотим.

– Вряд ли твои любимые бизнесмены и депутаты так беспардонно зажимают и лапают своих жен на глазах у публики.

– Они способны на вещи похуже, – дыхание Игоря благоухало алкоголем.

– Тогда поехали домой.

– Ты все доела? – вырвалось у Игоря – все вложенное нужно компенсировать, каждая копейка должна принести пользу.

– Чего говоришь?

– Говорю, не могу дождаться, как доберемся до дома.

– Игорь, это у тебя телефон в кармане или...

Супругу, что немного принял, Даша в тот момент казалась жутко сексапильной. Окончательно усыпить ее страстным сексом – программа «максимум» на сегодня. Завтра у нее рука не поднимется на него, особенно после завтрака в постель, что он запланировал.

Поухаживав за женой в гардеробе, Игорь попросил прощения, вернулся в зал и забрал со столика бутылку шампанского с целью распить ее уже в теплой постельке. За шампанское ведь тоже уплачено. Не персоналу же его оставлять?

Как на него смотрела Даша в ту ночь – это страсть, вождение, желание, уважение, гордость. Она по его указке могла хоть на бале сатаны в качестве Маргариты простоять целую вечность. Игорь не мог дождаться скорейшего соединения их тел, причем так, что чуть не сорвал с супруги одежду

прямо в такси: легкую шубчонку и соблазнительное платье с вырезом на спине. Дарье тоже нравился сегодняшний образ мужа: костюм-тройка, изящная рубашка, бабочка, сверкающие остроносые туфли. Игорь пустил целый «КамАЗ» пыли в ее глаза так, что Даша и не заметила, как из элитного ресторана они вернулись в менее респектабельный район у вокзала. Но она смотрела на своего мужа и думала, почему же она не ценит некоторые его положительные черты: как же он у нее чертовски хорош, умен и талантлив. Такому и отдаться не в тягость – пусть только попробует взглянуть на другую.

Они не помнили, как очутились в квартире, как разделись. Помнили лишь, что добрую половину ночи было повнеземному хорошо. Накопленные эмоции с достатком вырвались в безудержном порыве любви, выраженном в хаотичном движении тел влюбленных, их ласках, касаниях, поцелуях.

***

Немного рассвело. По улице Цвиллинга поехали машины, с грохотом побежали трамваи. Случился обещанный завтрак в постель, наспех приготовленный кофе. Дарья, оттопырив мизинец, с миниатюрной кружечкой в руках подошла к окну и окинула взглядом окрестности.

– Дорогой...

– Что, любимая? – Игорь валялся на постели, гордо бросая похотливые взгляды на спину и ягодицы жены.

– А на какой стоянке ты оставил новую машину? На той, что у магазина?

– Нет. Которая справа, чуть дальше от общаги. Я поставил ее так, чтоб было видно из окна... Что, не терпится порулить? Понимаю. Ты бы видела, с какой завистью на меня смотрели, когда я забирал ее из автосалона.

– Игореша, там ее нет.

– Кого нет? – не понял он, все еще вспоминая взгляды нищевродов в автосалоне.

– Машины... нет.

Сердце Игоря в тот момент упало куда-то вниз с такой скоростью, что едва не достигло земного ядра. Его мир возгорелся огнем, как и каждая клеточка тела. Шарахнуло так, что мама не горюй. От ночной идиллии и праха не осталось.

– Мы не расплатимся... – прошептал он.

Белоснежная кружка выпала из рук Даши. Кофе заплескало ее любимый ковер. Девушка все поняла. Дорогой ресторан сгорел дотла. Шампанское превратилось в уксус, индейка от шефа утонула в опарышах, медленный танец воспринимался как дикая пляска на костях, низвергнутая на ее живот сперма преобразовалась в кислоту. Занавес упал. Вот она, суровая действительность! Миллионы рублей исчезли как испарина на стекле душевой кабины после их совместного ночного душа. От миллионов остались лишь следы протекторов на снегу.

– Ты взял кредит?

– Милая, я...

– Без моего ведома?!

– Дорогая...

– Жлоб!

– Зайка, послушай...

– И даже на сигнализацию нормальную денег зажал?! – жилка на лбу Даши готова взорваться.

«Да кто она такая, чтобы ругать меня за это? Да кто она такая, чтобы я терпел ее нападки и обвинения? Я сам знаю, что делать и как. Зачем только я трачу драгоценное время и деньги на ее уламывание? – подумал своенравный Игорь, однако понял, что умудрился за день просрать не только автомобиль (ступень к успеху), но и жену. – Мы пропали. Полхаты в залоге...»

Не успел Игорь вздохнуть, как Даша прыгнула на кровать, больно надавила коленом ему в причинное место и принялась душить, царапать, бить нерадивого муженька с такой яростью и остервенением, что Игорь не на шутку испугался и толком не знал, что противопоставить такой агрессии.

Во время неистовой борьбы в спальне яблоко раздора – «BMW X5» – благополучно проехало под окнами. К точному месту, где и стоял автомобиль, с энтузиазмом и легкостью угнанный хоккеистами поздним вечером вчера. Я валился с ног, крутить руль во время парковки было так же тяжело, как и одному тянуть гигантский танкер за канат. Но я понимал, что нахожусь в миллиметре от успеха рискованной опе-

рации. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. И поскорее. Конечно же, я не подозревал, что впереди мне предстоит финальное испытание – встреча с хозяином угнанного автомобиля.

– Ты жалкий еврейчук! Позер! Машину захотел?! Не нашел ничего лучше – залез в долги, залез в кредиты?! Со всем нюх потерял! Ты нас по миру пустил. А обо мне ты подумал? Понтоваться нужно семьей, женой, домом, детьми, нормальной работой, а не бесполезным прихлебательством, как у тебя! Значимость свою хотел показать? Связями обрести? В высшее общество попасть? Да ты там и минуты не продержишься! Кому ты нужен? Ты искусственный! В тебе пустота! Хамелеон ты! Авантюрист! Говнюк! Показуха твоя никому и даром не сдалась. Как был неудачником, так им и останешься. Даже если тебя гениальные бизнес-идеи будут целыми днями посещать! На трех мы уже прогорели. И что я только в тебе нашла? Ты и меня обманул! Обществу нужно соответствовать, а не делать вид. И кончать нужно не на живот! – кричала Даша, восседая на Игоре как наездница на диком скакуне.

– Постой. Ты... хочешь от меня ребенка?

Дарья скривилась и вонзила ногти мужу в волосатую грудь:

– Для начала ты летишь вниз и ищешь «BMW». Минуту тебе даю. Без машины можешь не возвращаться.

Игорь с расцарапанной грудью и вытаращенными глазами

бежал по лестнице в халате и в тапках. Жenu он боялся и, кажется, полюбил еще сильнее.

Он выскочил на улицу и направился к стоянке. В тапочках скользко, однако. На полпути ему показалось, что он видит мираж, галлюцинацию – если сильно возжелаешь что-то, оно появится. Но такое ведь невозможно. Может, Даша ошиблась? Или нет?

***

А что, если я умер и перед чистилищем мне демонстрируют то, что случилось бы, поступи я правильно? «BMW» стоял точь-в-точь там, где и должен. Но я не мог сдвинуться с места и поверить в то, что все удалось... с легкими шероховатостями, конечно, от которых еле удалось унести ноги. Меня с головой наполнило новое чувство. Чувство чего-то неизведанного и одновременно покоренного. Ощущение такое, будто жизнь стала иной и отныне ничего не будет прежним, отныне думать и действовать придется иначе, взрослому. Я изменился, словно перешел на другой уровень мировосприятия, к которому еще следует привыкнуть. Видимо, так себя чувствуют все, кто совершил нечто грандиозное и неординарное, прыгнул выше головы, освободился от предрассудков. Следовательно, желая оказаться в чуждом для меня мире хоккея, я тайно хотел еще и освободиться от оков собственного мирка – миссия выполнена. А еще я за один присест спас дюжину разномастных людей, что угоди-

ли в хитрый переплет. Поймут ли они всю ценность того, что я для них сделал? Остается лишь верить.

Внезапно водительская дверь распахнулась. Меня посетило дежавю – будто я снова у клуба «Хамелеон» с Лизой и сейчас меня в который уже раз вырубят. «Что, опять?!» – устало подумал я.

Меня схватили за куртку и выволокли из автомобиля. Нападавшего на секунду удивило мое безэмоциональное лицо. Я столько насмотрелся, что несколько не удивился. Не удивил меня и потрепанный видок парня в халате и тапках. «Не дай бог, он меня по лицу ударит – я не переживу», – мелькнуло в мыслях.

Смуглый паренек с чернильно-черными волосами и аккуратной бородкой схватил меня за грудки и прижал к машине. «Да кто ты такой?! – без усталости кричал мой внутренний голос. – Я пару часов назад с такими людьми боролся, что тебе и не снилось. Чем ты можешь меня напугать? Хотя... Пойдите-ка...» – где-то я уже его видел.

Я напряг кипящие мозги, и меня осенило – это же тот че-пушила, что чуть не задавил у магазина Бусинку, пропавшую собачку. Я даже услышал сейчас, как она лает где-то за кадром. Тогда паренек был в щегольском костюмчике, а не в халате, словно только из душа вылез. И face у него был не такой возбужденный.

Нет! Нет-нет-нет, не может быть, как же я раньше не догнал?! Элементарно же, Ватсон! Это же... его машина. Хок-

кеюги угнали машину человека, с которым я перекинулся парой ласковых вчера. А теперь он застукал меня с поличным. И что он подумает? И как теперь не верить в загадочные совпадения?

– Попался ты, выродок! – рывкнул Лопушанский, вглядываясь в мое лицо горящими глазами. – А-а-х, так это ты, зоозащитник хренов?! Ты на чью машину замахнулся?! Мусор ты вывалил на крышу?! Ты кого хотел нагнуть?! Я крепко тебя держу – даже не рыпайся. Сейчас ты у меня присядешь... за угон.

– Ничтожество.

– Что ты сказал?!

– Я хотел нагнуть ничтожество. Но машину я тебе вернул. А ты ее просрал. Кто же ты после этого?

– Как ты смеешь?! Да я тебя...

Лопушанский замахнулся, чтобы ударить меня. Он не мог допустить, чтобы кто-либо посягнулся на самое дорогое, что у него есть – на его мечты и устремления. Ударить он не успел, поскольку внезапно получил по затылку увесистой... клюшкой.

Удар был сильным и в момент вырубил Лопушанского. Игорек распластался на снегу. Клюшка, что послужила орудием, была не хоккейная, а старческая. Я взглянул на костлявого старичка, что меня выручил. Его-то я узнал быстрее, чем хозяина тачки. Рядом пробежала одетая в зимний костюмчик Буся.

– Все в порядке, парень? – как ни в чем не бывало спросил меня отец гаишника Игоря. Да, им-то я и вернул потеряшку сегодня вечером. Вернее, уже вчера. Даты совсем спутались в башке.

«Да, не зря, – подумал я, улыбнувшись деду. – Добро всегда возвращается».

– Ну и удар у вас, – восторгался я, отлепившись от «BMW».

– Всю жизнь ментовке посвятил. И не таких удельывал, – произнес старик и посетовал, что с пенсией его конкретно обидели.

Лопушанский застонал и зашевелился.

– Беги отсюда скорей.

– Спасибо, – я на всех парах юркнул в кусты, где и обнаружил узенькую тропинку в сторону общаги. Надо же, словно десять лет прошло, как меня там не было.

Боевой пенсионер потыкал клюшкой в живот хозяина «BMW».

– Эй, вставай, дубина! Замерзнешь.

Игорь очнулся, присел на снегу и схватился за голову, пытаясь сосредоточиться.

– Ты чего, морж, что ли? Или из бани сбежал?

– Чего?

– Почему в халате?

– А-а, да так... Нет! – опомнился он, стал вертеть головой. – Где он? Убежал, гад? Дед, ты угонщика не видал?

– Какого еще угонщика? – удивился пенсионер.

– Он терся около моей машины. Я подбежал, взял его с поличным. А потом...

Старик оказался весьма находчив:

– Да ты чего, милоч? Перепил, что ли? Или болеешь чем?

Не было тут никого. Ты шел к машине, поскользнулся и, видимо, голову сильно зашиб. Немудрено, ты ж в тапках. А здесь лед кругом. Хоккейная площадка самая настоящая – все из-за дармоедов-коммунальщиков.

– Хоккейная?

– Ну если любишь фигурное катание, то...

Буся залилась лаем, поддерживая хозяина. Лопушанский взглянул на собачку и глазам не поверил. Та самая... Вчера, у магазина... Быть не может! Хорошо он себе желток взбил. Игорь протянул руку и прикоснулся к «Бэхе» – машина здесь, на том же месте, куда он ее и припарковал вчера перед свиданием с Дашей. Что же произошло? Неужели элитное шампанское так на него подействовало? А как же следы от ногтей жены на груди? Может, она перепутала машины?

– Ничего не понимаю.

– Чего тут непонятного? – продолжал гнуть свою линию дед. – Тебе надо бы домой пойти, согреться и проспаться как следует. Выходной все-таки.

– Пожалуй, так и сделаю.

– Слушай. Моя бабка – медработник бывший. Пошли? Может, она тебя посмотрит? Кажись, сильно ты ударился.

– Нет, не надо, – Игорь неуверенно поднялся на ноги.

– Лады, как знаешь. Пойдем, Буся, хулиганка ты наша, – старик, опираясь на клюшку, неторопливо продолжил путь. Собачка бежала рядом.

Игорь толком не мог вернуться в струю. Он словно угодил в зазеркалье, а сознание раскололось на две части. Авантюрист со стажем сел за руль своего «BMW X5». Ключ в зажигании. Видимо, он схватил его с тумбочки, когда выбежал из квартиры. А разве он уже садился в машину? А бежал зачем? «Ничего не понимаю, – парень обнял себя руками. В голове шумит, отчего собрать весь пазл никак не удастся. – Черт, меня ведь жена выгнала, – как же теперь ей объяснить, что покупка машины – вещь необходимая? – Так, она же хочет ребенка, точно. С ним Даше сложнее будет уйти в свободное плавание». Он предположил, что из него получился ужаснейший муж. Но, может быть, выйдет первоклассный отец?

Хочется побыть в «BMW» еще немного. Дома наверняка грядет скандал еще хлестче – заставят продать машину. И что же, на маршрутках ездить? Ни в коем случае. Данное занятие ниже достоинства Игоря Лопушанского. Ради чего тогда совершались все эти телодвижения? Коль «BMW» стоит как новое жилье, Дарья с высокой степенью вероятности скажет ему жить в автомобиле, если он станет возникать. Цветами да пирожными здесь явно не отделаешься.

Как же болит голова...

***

Раннее утро.

Я зашел в общежитие на Комсомольской, 18 с главного входа. Вахтер совсем недавно открыл входные двери и выглядел слегка помятым. Он проводил меня взглядом до лестницы, поскольку я, несмотря на угрюмое окружение и жуткую усталость, светился от счастья.

История сороковая. «Построение»

Давно это было. Будто в прошлой жизни.

Погожий зимний денек. Мороз и солнце. Воскресенье. Утро. Голубое небо почти без облаков. Нетронутые сугробы искрятся на солнце – аж глаза слепит. Щекочет щеки морозец.

В автобусе почти никого. Тепло. Попахивает бензином. Сиденья мягкие, обивка слегка оборвана. Шестилетний Арсений, крепко сжимая в руках любимую клюшку, смотрит в окно, дожидаясь нужной остановки. Личико у смышленного мальчугана счастливое и беззаботное. Он ждет не дождется момента, когда сможет выйти на лед. Переодеваться там негде – вот и надели экипировку под одежду, заметно ограничив мобильность.

Рядом с мальчиком сидит его отец; Сеня как две капли похож на папаню. Дмитрий Валерьевич пришел с тяжелой сменны на комбинате глубоко за полночь, валился с ног. Однако он ни за что бы не подумал нарушить обещание и отказать сыну в воскресной тренировке на катке. Арсений отца уважает, ибо тот находит силы и время, чтобы лично потренировать начинающего хоккеиста. Дмитрий Валерьевич не был профессиональным игроком, но всячески поощрял увлечение сына, возлагал на него большие надежды, отчего каждую свободную минуту проводил с ним, дабы тот не оставался

со спортом один на один. Упражнения придумывал сам либо где-то вычитывал, высматривал. Необходимо воспитать пацана сильным, техничным и выносливым, вложить в него максимум, пока тянется. В жизни точно пригодится. Мама Сени не уступала мужу в возможностях и рвении сделать из сына первоклассного спортсмена, несмотря на скромный семейный бюджет. Да где это видано, чтобы деньги решали судьбу и вмешивались в вопросы воспитания? С ними или без них родители верили в своего старшенького и ставили его на ноги, обутые в коньки. А ведь хоккей – удовольствие не из дешевых, учитывая также, что ребенок растет не по дням, а по часам. Но ничего не может помешать родителям любить свое чадо и делать для него все возможное... и невозможное.

Лед заливался на открытой площадке посреди бескрайнего поля, которое периодически заносилось снегом. В воскресное утро там никого. Каток полностью в распоряжении отца и сына. Вдали стоят покрытые инеем деревья; за широкой рекой, что местами не замерзает из-за сбросов, возвышаются бесчисленные трубы меткомбината, производившие облака в огромных количествах, что улетают за горизонт. Комбинат несется на город подобно гигантскому крейсеру, но на самом деле противоположный берег неподвижен – здесь Европа граничит с Азией. Магнитогорцы живут в одной части света, а работают – в другой.

На добрую половину льда кидает тень кирпичное строе-

ние; на другой половине – властвует яркое солнце, не дает взглянуть вперед. Раскаленный шар завис прямо над зданием Ледового дворца имени Ивана Харитоновича Ромазана, в пристройке к которому располагается хоккейная школа, куда и ходит Арсений. Посещение секции влетает родителям в копейчку. Однако сын в полнейшем восторге после каждой тренировки. Как же его отвлечь на школу в будущем, если он от хоккея отвлечься не может? Ото льда его не оттащишь. Нелегкая задача для родителей: если сын будет делать успехи на спортивном поприще, такая необходимая учеба может отойти на второй план, ибо времени на нее не будет (и сил тоже). Ладно, нужно решать проблемы по мере их поступления.

Сеня бежал по узкой дорожке до катка быстрее отца, что нес с собой ранец, сумку, коньки, термос с бутербродами да прямоугольный кусок фанеры, служивший и лопатой, и воротами.

– Не торопись, чемпион! Коньки надеть не забудь.

У самой кромки льда несколько лавочек. Арсений плюхнулся на одну из них, спешно сбросил пуховичок, достал из сумки шлем, краги, коньки, неуклюже отбросив ботинки на снег и оставшись в одних носках.

– Смотри, намокнут же. В чем назад пойдешь? – расположился рядом отец.

Ребенок сгорает от предвкушения. Для него тренировка с отцом сродни празднику, на котором можно пахать в

удовольствие, ибо все внимание отдано одному лишь тебе. Мальчик принялся спешно шнуровать коньки.

– Помочь? – присел на корточки Дмитрий Валерьевич.

Арсений отрицательно мотнул головой. Парнишку охватила недетская серьезность, с которой он подходил к любым тренировкам. Вскоре он нацепил краги, схватил клюшку и стремительно выпрыгнул на лед, что уже наполовину очистил от снега отец.

– Э-э-э, – свистнул батя. – Шлем!

Сеня сделал вираж в сторону лавки и схватил со скамейки шлем.

– Езжай сюда. Застегну.

Мальчугану хочется прокатиться, хорошенько размяться, а отец не дает, шепетильно проверяет шлем и решетку. Супруга ведь из него душу вытрясет, если с сыном что-нибудь случится.

– Голову береги, сынок.

Когда разрешили, маленький Сеня понесся по льду как угорелый, выписывая круги, перебирая ногами на виражах, раскручивая клюшку руками на полном ходу так, что полы поношенного свитера развиваются на ветру, а из-под решетки шлема то и дело вырываются всполохи пара. Мальчик занимался самостоятельно, припоминая упражнения с разминки на секции.

Закончив со снегом, Дмитрий Валерьевич поспешил переобуться в собственные (еще советские) коньки, посильнее

натянул на шею воротник вязаного свитера, поправил шапку и опустошил ранец. Оттуда на лед вывалились покоцанные шайбы, которые удалось заполучить в ледовом дворце (всевозможными способами), а одну Арсений отвоевал в честном кулачном бою у дворовых пацанов. Этими самыми каучуковыми снарядами они и пользовались.

Арсений всю летал по катку, позабыв о том, что нужно беречь силы: не просто носиться, а разминаться. Чувство полета, что дарят коньки, воодушевляло пацана – он хотел делать это снова и снова. Мысли об играх с заполненными до отказа трибунами и дружной командой настолько его занимали, что он не сразу услышал голос отца, призывающий не маяться дурью, а заняться делом.

Отец обозначил план тренировки. Маленький энергичный хоккеист одобрительно постучал клюшкой по льду, сигнализируя о своей готовности.

Он смаковал каждую секунду тренировки на воздухе и не хотел, чтобы занятие заканчивалось. Отец периодически спрашивал, устал ли сын, но тот продолжал настаивать на продолжении.

– Давай хоть минуту на лавочке посидим?

– Нет, сам сиди, – разбирая игры «Металлурга», что показывали по телевизору, мальчик понимал, что плохо протирать лавку, когда все действие происходит на льду, даже если передышка необходима, чтобы перевести дыхание и восстановить силы.

Владение снарядом и технику катания они отработывали усиленно. Нужно суметь завладеть шайбой, развить приличную скорость, чтоб никто не догнал, точно бросить по воротам и удержаться на ногах, если к тебе применили силовой, а также дать в морду, если применили его чересчур грубо. Старались оба. Отец хотел быть не тренером, а именно отцом, который поможет, подскажет, научит и не станет ругать, если чего не выходит, а объяснит, даже если на все уйдет миллион подходов, которые давно бы вывели из себя самого терпеливого детского тренера. Арсений впитывал все как губка и старался не разочаровывать отца, усваивать все уроки.

По прошествии времени настрой у мальчика не пропадал, но он чаще стал падать, а ноги бежали уже не так резво.

– Думаю, на сегодня хватит.

– Нет, папа! – стукнул коньком по льду Арсений и надул губы.

– Ты чего, нюни хочешь распустить? Как девчонка-фигуристка?

– Если я не буду тренироваться, то не буду лучше всех и меня выгонят. И я не стану... – вещал с придыханием ребенок.

– Мера, сынок. Во всем нужно знать меру. Вот что делает простых игроков настоящими чемпионами.

– Ну еще один разок, папа, пожалуйста, – Арсений словно молил отца.

– Ладно, но только недолго.

– Ура!

– Но если ты хоть раз упадешь...

– Вот еще, – весело фыркнул пацан.

– Давай в центральный круг, – разметки там, естественно, не было – центр определяли на глаз.

Митяев-старший схватил в руки фанерку, на которой фломастерами нарисованы мишени. Он выкатился на место предполагаемых ворот, присел, крепко удерживая фанерку, и крикнул сыну, что стоял на другом краю поля и пытался сладить с шайбами у ног:

– Буллиты! Поднимаешь шайбу на крюк и бросаешь по мишеням. Я буду держать ворота.

– Я не попаду по мишеням на скорости.

– Не уйдем, пока не попадешь. Сам же хотел, Арсен!

– Я же попаду... в тебя.

– Ты же сказал, что не попадешь?

– Попробую...

Мальчик наклонился, оперев клюшку об колени. Нужно хорошенько настроиться. Прицелиться – только первый этап. Необходимо рассчитать скорость, силу удара, умудриться поднять шайбу и банально не запутаться в собственных ногах. Причем вокруг никого. Надо же, как можно попасть по воротам в реальной игре и не угодить во вратаря, когда тебя прессуют со всех сторон? Арсений принялся пробовать...

Банк-банк-банк!

Шайбы летели и ударились об фанерку, но не попадали точно в мишени. Дмитрий Валерьевич терпеливо держал «ворота». Руки в перчатках начали замерзать. В распоряжении сына оставалась последняя шайба – последняя попытка.

– А сейчас решающий удар, сынок! – объявил отец. – Не попадаешь по мишени – проигрываешь финал! Ты шел к нему всю жизнь. Аншлаг на трибунах. Тебя показывают по телеку. Команда смотрит на тебя со скамейки с замиранием сердца. Тренеры ставят тебя, доверяют. Права на ошибку нет. Давай, сынок... Я смотрю, мама тоже, братик здесь. Ты должен. Сосредоточься на мишени и бросай. Буллит!

Отец погрузил сына в обстановку реального матча. Фантазия у детей бурная. Некоторые фразы отца засели у Арсения в подкорках навсегда. Мальчик вздохнул, сосредоточился, крепко сжал клюшку и взглянул на ворота. Вместо отца в них стоял готовый к обороне вратарь противника. Вместо сугробов вокруг – бортики и полные трибуны. Позади – ледовая дружина, город, семья, мечты, годы тренировок. Арбитр дал свисток – его слышал лишь маленький форвард. Он подхватил шайбу и устремился вперед, мигом взвесив прошлые неудачные попытки. Кажется, нужная комбинация владения клюшкой и силы удара найдена. Отец не спускал глаз с сына и ничуть не смутился серьезности шестилетнего ребенка, который на всех парах несся к нему. И вот Сеня невольно почувствовал, что нужно бросать. Он делает замах и, сам того не ведая, встает на один конек, словно желает вытянуться

вперед, дотянуться клюшкой подальше для точности. Равновесие идеальное и контролируемое. Удар!

Шайба летит в ворота. Банк!

– Го-о-о-о-л! – кричит отец. Юный Арсений попал точно в мишень.

Пацан, обернувшись в сторону ворот, закричал во всю глотку и вскинул руки вверх так, что краги улетели в разные стороны, будто от реальной победы в финале. Это настоящий успех.

– Ура-а-а! Мы чемпионы!

Арс уверовал, что находится в центре вставшего на дыбы стадиона. Одноклубники несутся к нему: ликуют, прыгают, обнимаются. На самом деле в момент маленького триумфа на катке никого нет. Только его отец, загадавший в тот момент свое самое сокровенное желание – чтобы воочию увидеть победу сына в финале и кубок в его руках: не понарошку, а по-настоящему.

Хоккеист еще слишком мал, чтобы в должной степени осознать: простое увлечение (забава даже) способно перерасти в нечто большое и серьезное, что в перспективе может круто изменить жизнь. Морально он пока что не сделал нужного шага вперед, хотя увлечен хоккеем, не понимая, чем на самом деле рискует и чего может достичь при должном желании и определенных успехах. А пока хоккей – всего лишь увлекательная игра, что-то вроде догонялок. У Арсения, несомненно, есть талант, есть перспективы, есть ку-

да развиваться. Но он еще ребенок, не понимающий, что его хобби – не просто игра, а смысл жизни и возможность солидного заработка.

Пока что ему заметно то, что лежит на поверхности. К примеру, клюшка у него деревянная, а у кого-то – навороченная пластиковая, однако он попадает деревянной, а они мажут пластиковой. Галоши у Сени слегка отличаются друг от друга по цвету, поскольку они из разных комплектов, однако он так быстро перебирает ногами по льду, что толком и не рассмотришь. Да и за ним не успевают отпрыски тех родителей, которые могут себе позволить хоть тысячу таких галош, как и краг – перчатки у Арсения постепенно приходят в негодность, но мама их латает, продлевая им срок службы.

Только мальчуган касается льда коньком, вся остальная суета, что будоражит его вне катка, стихает. Он полностью сосредоточен на тренировке, впитывает каждое слово тренера, запоминает каждое движение, каждый прием. Вот и сейчас на льду он один – отвлекаться на посторонние мысли некогда. Лед не терпит частичного погружения. Если ты не сконцентрирован, то можно и упасть, влететь в борт, попасть шайбой в отца. Арсен запомнил свое состояние в момент триумфа и готов бросать точно по мишеням сколько угодно раз. А Дмитрий Валерьевич, прикинувшись вратарем, терпеливо отбивать броски сына, как и мама, Марина Анатольевна, готовая сменить его на этом посту. Родители – именно они держат мост, по которому Арсений идет в большой

спорт, и держат достойно, даже когда силы на исходе.

Тренировка с отцом подошла к концу.

– Присядь на лавку, чемпион. Мы сегодня здорово поработали. Я соберу шайбы, и чайку из термоса хлебнем.

– Пап.

– Что, сынок?

– А я буду играть вон там? – маленький хоккеист указал на Ледовый дворец через дорогу.

– Думаю, ты будешь играть на чем-то покрупче этого старья – на большой и современной арене. А мы с мамой и Кириллом будем посещать каждый твой матч. Таковую обязательно построят. Ладно, беги на лавку.

Арсений покатил к лавочкам, а отец вновь взглянул в его сторону. Ему не терпится дожить до тех времен, когда парень повзрослеет, мышцы его окрепнут, а техника будет отточена до мелочей. Тогда он обязательно пробьется в Чемпионат России. Или даже уедет за океан. О том, что Дмитрий Валерьевич к тому моменту моложе не станет, мужчина старался не думать.

Юный нападающий приземлился на лавочку и, пока отец не видит, стал глубоко и часто дышать, чтобы нормализовать дыхание и сердцебиение. Мальчуган жутко устал, а еще ведь нужно ногами до дома дотопать. Мама наверняка уже состряпала что-нибудь вкусненькое. Спать он явно будет без задних ног.

Он потянулся к рюкзаку, как позади тихо прозвучал

незнакомый голос. Арсений уверен, что, когда он подъезжал к лавке, вокруг никого не было. Мальчик замер от страха, а больше – от неожиданности.

– Можно присесть? – спросил Человек – с виду молодой человек, возникший будто из воздуха.

Сеня молча кивнул и опасливо посмотрел в сторону отца, что катался по льду, собирая разбросанные шайбы. Отец будто бы и не видел незнакомца, что сел на лавочку рядом с его сыном. Пацан знал, что с чужими разговаривать не следует, но он же не из робкого десятка. К тому же поблизости отец, а в Человеке есть что-то знакомое и успокаивающее, словно Арсений давно его знает, но видит впервые: очки, зачесанные вправо волосы, серо-зеленые глаза, взвинченный нос, несколько выпирающие щеки, черные брюки и пальто, шарф с орнаментом и кожаные перчатки, сдержанная выправка, всезнающий и гипнотический взгляд, легкая небридность.

– Папа, должно быть, гордится тобой. Ты отлично катаешься, – Человек заметил гордость на лице мальчика от столь лестного комплимента.

– А вы чего не катаетесь, раз пришли?

Человек подумал: «Даже не стесняется, несмотря на относительно небольшой возраст».

– Я не умею, – вздохнул незнакомец.

– Хотите научу?

– Научишь? Правда? Ты ж еще...

– Меня папа учит. Я могу его попросить. Он много упражнений знает... как на настоящих тренировках.

– Мама, наверное, души в тебе не чаёт.

– У меня лучшая мама на свете. Так что, учиться будете? Папу позвать?

– Хм, у меня и коньков нет.

– Кто ж на каток без коньков приходит?

– Зрители, наверное.

– Трусите?

– Нет-нет. Просто спорт – это не мое. У меня другое предназначение.

– Какое?

– Учеба, скорее всего.

– Откуда вы знаете, если ни разу на коньках не стояли?

– Трудно объяснить. Знаю и все. Как и ты...

– Раз вы все знаете, – Сеня с интересом повернулся в сторону Человека, – расскажите и про меня что-нибудь?

– Детям многое знать необязательно. Основные знания с годами приходят. А детство должно быть радостным и беззаботным, с мечтами и планами.

– Я уже взрослый... почти.

– Не хотелось бы портить твои детские ориентиры.

– Мне интересно.

– Что ж, Арсений, все просто...

– Вы знаете, как меня зовут? – удивился мальчик.

– Ты же сказал, что я знаю все.

– Здорово!

– В общем, все достаточно просто: есть цель – нужно к ней стремиться. Вот и все. У тебя есть цель? Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Хоккеистом.

– Просто хоккеистом? Или...

– Самым лучшим в мире.

– О-о.

– Хочу играть в первом звене, выигрывать кубки, зарабатывать много денег. Но...

– Что же мешает? – хорошая детская мечта, подумалось Человеку.

– Иногда мне кажется, что я не смогу. Сделаю что-нибудь неправильно и... – понурил голову мальчик.

– Да ты не вешай нос. Удача не терпит уныния. К тому же идеальных людей не существует. Без ошибок никак. Важно то, какие уроки ты извлечешь из них – это и сделает тебя сильнее и умнее. Не добьется победы тот, кто никогда не ошибается. Но вот, что я тебе скажу... – Человек нагнулся к Арсюше и на два тона понизил голос. – Не жди милости от судьбы – придется уповать не только на везение, но и на самого себя. Придется побороться, многое понять и пережить. Ты станешь хорошим хоккеистом, Арсений. У тебя будут успехи. Будут и падения. Сначала ты станешь новичком, а затем станешь профи, даже поведешь команду как капитан. И все к тебе придет рано или поздно... при должном раскла-

де. Главное, не зазнаваться, не задирать нос слишком высоко, ибо вся игра ведется на льду, а не на потолке. Это опасная дорожка, которая вначале может вознести тебя, а потом придать забвению. Сегодня ты силен и дерзок, а завтра – уже не так бодр и быстр, и на твое место обязательно придут те, кто моложе, лучше, упорнее, быстрее. Такие всегда приходят. Но отчаиваться не стоит: нужно найти свою фишку, которой нет ни у кого – тогда ты и станешь недосягаемым. А еще с плеча рубить не стоит; честным нужно быть, гибким, сдержанным и мудрым. Знай, когда нужно промолчать, а когда высказаться. Ищи силы умерить пыл, успокоиться, все взвесить – лишний раз срываться и психовать не надо. Много у тебя будет получаться, но, чтобы не потеряться, будь самокритичным и продолжай тренироваться. За труды тебе воздастся. Терпи и работай во что бы то ни стало. Нельзя хоккеем заменять деньгами: финансовую выгоду на рынке ищут, а не на катке. Это не тот путь, который тебе нужен. Он, конечно, соблазнительный, но верный лишь отчасти. Нужно вовремя понять, что для тебя важнее: мимолетная прибыль сейчас или копеечный шанс, но прорыв в будущем. А сколько же соблазнов несет этот мир, голова кругом: деньги, девчонки, слава, друзья, вечеринки, любовь – обычно все несерьезное приводит лишь к минутному облегчению, поэтому доверять нужно вещам серьезным, надежным, долгосрочным, а не лезть во всякие авантюры. Хоккей – командный вид спорта, как известно. Индивидуальные тренировки – это, конечно, кру-

то, но здесь не место волкам-одиночкам. Твоя вторая семья – это твое окружение, твоя команда. Люди, которые смогут подставить плечо, отдать передачу, выручить. Суди о людях не по словам, а по поступкам. Не задевай людей за живое, даже если заслуживают – запомнят, найдут и в момент твоей слабости отомстят. Море нынче предателей, обманщиков и лицемеров. А надежных, преданных и ответственных – единицы. Сложно таких найти и склонить на свою сторону, пока ты варишься в спорте, в школе, в компании парней и девочек. Но такие люди у тебя будут – в один момент ты будешь очень сильно нуждаться в их помощи. Они выручат тебя и ничего не попросят взамен. Не отвергай таких, не забывай их добрых дел, ибо в дальнейшем вокруг тебя останутся только они, а все притворщики исчезнут. А вообще... родители, жена, дети и настоящий друг – вот кто по-настоящему заслуживает твоего внимания и твоей любви. У-у-у, как же по стране тебя помочает: где ты только не сыграешь, но найдешь ли то, что ищешь, только тебе решать. Может, ждет тебя богатство, но будут и болячки, и самокопание, и проколы, и мысли, что жизнь якобы не удалась. Хотя ты все сделал для того, чтобы ни в чем не нуждаться, как тебе кажется – тогда и откроется истина, что жил ты лишь для себя любимого. А чем же ты пожертвовал ради других, ради хоккея как смысла твоей жизни? Перешагнул через себя? Встретил испытания достойно и остался после пережитого человеком, а не бездушной машиной? Вот, что ценится и имеет

истинный смысл. Готовься, придется через многое пройти. Где-то повезет, где-то придется пахать. Будь готов к этому. Лучшим быть тяжело. И не факт, что ты таковым станешь. Но ты всеми силами постарайся доказать, что достоин – всем и самому себе. Тебя будут ругать, ненавидеть, презирать, ломать, а ты будь собой, что бы там ни говорили и ни делали. Только себя переоценишь, и ты в пролете. Причем сначала будут мысли, что лучше и быть не может, но это всего лишь ширма перед забвением. Свернешь с дорожки и не заметишь, как ни на что не годен. Вернуться будет трудно, практически невозможно. А иногда надо принимать тяжелые решения, что пора заканчивать. Спорт – это, конечно, хорошо, но он имеет свойство резко исчезать из жизни людей, что ему преданы. Он окрыляет и одновременно замыливает глаза. Поэтому всегда должен быть запасной вариант. В жизни должно остаться что-то на замену хоккею, если с ним придется попрощаться. Позаботься об этом. Обрисованный мной путь тяжел. Миллионы, миллиарды вероятностей того, чем все может обернуться. Нужный момент не упустить – вот главная суперсила. Твоя жизнь целиком и полностью в твоих руках: ты можешь стать великим хоккеистом, легендой, а можешь оказаться крепким середняком. Первый может быть несчастлив и одинок, а второй – наоборот. Но одно скажу точно: хоккей не уйдет из твоей жизни, мой друг, – Человек успел увидеть как расцвет, так и завершение карьеры пацана, но распространяться о последнем не стал.

Маленький хоккеист внимал каждому слову незнакомца, причем многое не понимал, но верил, что со временем постигнет абсолютно все. Время словно замедлилось: речь произнесена объемная, а Митяев-старший все еще собирает шайбы. Арсений и слова в ответ вымолвить не мог, пытаясь заглянуть в будущее. Человек сказал многое.

– А теперь, чемпион, закрой глаза и представь свою заветную мечту, о которой ты мне рассказал, – произнес Человек.

Юный форвард подчинился.

– Ага, – звонко объявил Сеня, закрыв глаза и ожидая, что сейчас таинственный волшебник исполнит его сокровенное желание.

– Представил? Так все и будет, – шелкнул пальцами Человек.

Мальчик открыл глаза – незнакомец исчез. Арсений в замешательстве огляделся. Не мог же он все это нафантазировать? Именно тогда мальчуган понял, чего хочет в этой жизни – играть еще. Еще и еще.

Даже если ты попробовал хоккей на вкус всего-то минуточку-другую, ты в его плену. А все потому, что эта игра зиждется на лучших элементах всех популярных видов спорта: скорость, выносливость, техника, борьба, реакция – сердце и разум пополам. Лучшее, что только можно придумать и от чего нельзя отказаться. Высшее наслаждение...

Давно это было. Будто в прошлой жизни...

Арс резко проснулся, ибо причины пробудиться – весомее

некуда.

***

Суббота, 17 декабря 2011 года, раннее утро.

Гостиница, что на три четверти занята приезжими хоккеистами, спит глубоким сном. Ни шороха, ни звука. Я решил не нарушать утреннюю идиллию. Приятно наконец-таки оказаться в тишине и умиротворении.

«Ну вот, теперь все в ажуре», – подумал я. Все позади – можно расслабиться.

Я на цыпочках прошел в комнату. В той же позе, что и перед моим уходом, на своей кровати лежал Степанчук. Надеюсь, он ничего не заметил из того, что здесь творилось. Я разделся и улегся на холодную постель, накрылся ледяными одеялами и закрыл глаза, понимая, что абсолютно выбился из сил и через секунду-другую погружусь в сон. Я мгновенно ощутил легкую дремоту. Она подобна пенке от кофе, к которой прикасаешься губами, прежде чем испить сам напиток... Как вдруг совершенно несвязные, громкие и назойливые пиликанья издал мой телефон. Это будильник – пора вставать. Что ж за мука?

Мои глаза распахнулись от неожиданности. Как на пружине мой торс поднял с кровати все остальное. Ни простыня, ни подушка, ни одеяла даже прогреться от тепла моего тела не успели. От трезвонящих телефонных звуков уши в трубочку сворачиваются, а тренеру хоть бы хны: он даже с

места не сдвинулся, лишь стал похрапывать чуть тише. Но я-то знал наизусть, что от меня требуется: «Есть, сэр. Да, сэр. Конечно, сэр. Не вставайте, сэр. Я прекрасно знаю, что делать, сэр», – думал я, показывая Степанчуку язык.

Кровать тянула меня обратно в свои объятия со страшной силой: «Да пошла ты!» – мысленно прорычал я. Через щели в деревянной оконной раме в комнату пробиралась прохлада – хотелось скорее одеться. Я успел осмотреть повязку на груди – на удивление с ней все в порядке. Хотя наклоняться все еще слегка больно, а наклонялся я к сумке, в которой лежал мой персональный свисток. Им я пользовался не только в хоккейной школе, но и в школе обычной – судил волейбол на физкультуре (единственное, что мне нравится на физкультуре).

По жутко трескучему линолеуму, который только что вымыла комендант, я направился в сторону соседнего блока. С каждым метром я шагал все быстрее, предвкушая грандиозный спектакль, что я планомерно устраивал после тренировок и проигранных матчей. Однако сегодня он будет кардинально отличаться от прежних, ибо для большей части команды я якобы не осведомлен о тусе. Зная хоккеистов, я даю беспроигрышную вероятность того, что они попытаются скрыть очевидное. Притом многие явно не в курсе, что шестерка избранных еще и сбежала из гостиницы и вляпалась в неприятности. Такой расклад сил интригует – ситуацией можно манипулировать вечно. Знание всего произошедшего

(со всеми щекотливыми и компрометирующими подробностями) дает мне карт-бланш, отчего с виновниками бессонной ночи можно обращаться как душе угодно. Однако ночные события натолкнули меня на мысли отойти от всего, что я совершал раньше. Я не мог позволить себе выручить парней только ради собственной выгоды, последующих интриг, шантажа и провокаций. В момент, когда все вскрылось и когда я принял решение о своем крестовом походе, я ни секунды не помышлял о корысти. Неужели мне теперь не интересен грандиозный эксперимент, что я затеял, когда угодил в хоккейную школу? Кажется, сейчас я узнаю, стою ли чего-то, достоин ли я настоящего уважения, либо я все тот же, кем и был. Но без театральности все равно никуда – я был бы не я, если б не сделал того, что сделал.

Я протиснулся в одну из комнат через скрипучую дверь так, чтоб сильно не впускать внутрь свет из коридора (даже номер запереть не удосужились). Осмотрелся. Комната Смурина, Зеленцова, Костицына и Шабашкина. Все дрыхли так, будто ничего не произошло – спиртное знатно сморило команду. Припомнив начало столь волнительной ночи, я омерзительно щелкнул зубами: если б они соблюдали режим, ничего б не случилось. Я с неприязнью взглянул на обитателей номера, который сейчас смахивает на неприбранный чулан. Самих лежебок как взрывом по комнате разбросало – словно их вместе с одеждой и постельным бельем прополоскали в стиральной машинке: подушки в одной стороне, одеяла –

в другой, матрасы – в третьей, спящие туши – в четвертой. Раскардаш, затхлый запахок алкоголя, свисающие с коек ноги и руки. Кто-то похрапывает. Я отступил назад и нечаянно повалил на пол стоящие в рядок опустошенные бутылки. Из одной даже вылилось содержимое – слегка выдохлось за ночь.

Этот номер – отличное место для начала утренней разборки: я нащупал доисторический выключатель; пластиковый свисток на шнурочке я всунул в рот и готовился начать кипиш.

Свет резко озарил комнату. За ним незамедлительно последовал оглушительный свист, способный устроить ядерный взрыв барабанным перепонкам: я старался – всю дыхалку выдул.

Квартет спящих от внезапности синхронно подлетел на панцирных кроватях. Шабашкин вскочил так резко, что носки его ног и пальцы его рук соединились где-то в воздухе, будто он зарядку делает. После чего он свалился на пол вместе с одеждой и постельным. Костицын вытарачил на меня глаза. Смурин закрыл уши. Зеленцов не мог сообразить, где очутился и что творится.

Я вложил в свой голос все рвение и громкость, что на тот момент имел:

– А-А-А! ПОДЪЕМ! Подъем, алкашня! Через минуту всем строиться в холле! Кого не будет – пусть пеняет на себя! И чтоб одеты были как на парад! Все в ваших руках! Время

пошло! – хлопнул в ладоши я, сделав еще пару свистков.

В комнате наступило мгновенное оживление. Все кинулись спросонья разбираться, где и чья одежда. Выглядит потешно. И это только начало.

– Чего вылупился, Костицын?! Бегом остальных будить!

Толик быстро спрыгнул с кровати и в одних трусах ринулся к остальным товарищам по команде, залетая в их комнаты как ураган или истошно тарабаня по дверям с призывом просыпаться.

Я же вновь дунул в свисток – покой иных жильцов меня интересовал мало (вообще много спать вредно). В голове уже давно шел обратный отсчет. Я торжественно расхаживал вдоль комнат, где стремительно поднимался шум, а после и паника. Остановившись в холле, я принялся ждать. Словно муравейник водой окатили – именно так нынче выглядит расположение «Магнитки-95».

Из номеров с распахнутыми дверями издавались непечатные выражения. Никто и не подвергает сомнению то, что нужно подчиниться помощнику тренера, чтоб не возникло лишних подозрений. К тому же неподчинение тренеру всегда карается – сюда же с недавнего времени относится пренебрежение указкам помощника тренера. Сегодня срыва никак нельзя допускать, ведь все конкретно накосяпорили.

Хоккеюги повскакивали с постелей и стали метаться, будто только что вылупились. Одно удовольствие лицезреть подобное зрелище. Каждого из спортсменов охватили страх и

желание обставить других.

– Мужики!

– Пацаны!

– Сука! Шухер!

– Палево!

– Бля-я-я-я!

– Физкульт-привет!

– Шмотки, мать твою!

– Прячь! В окно, в шкаф, под кровать!

– Жри! Пей! Глотай давай! Скорее!

– Ну ты и тормоз! Жопа просто!

– Сам виноват!

– Зачетные боксерки! Где брал?!

– Бутылки! Убирай, а то присядем на них сейчас!

– Зачем разбудили? Мне снились бабы.

– Потом! Не то! Вот это сначала!

– Кто здесь блевал?! Признавайтесь!

– Проснись же, говнюк! – послышался знатный шлепок по лицу (либо по заднице).

В одной из комнат послышался грохот – это на луже недопитого пива поскользнулся Вова Шабашкин.

– Чего разлегся, ебалай?!

– Все в порядке! Я в порядке!

– Булками шевели!

– Не успеем!

– Чего ржете?! Водички дайте!

– Вылетишь в окно!

– Да я лучше под землю провалюсь!

– Ха-ха-ха, да как тебя так угроздило, мешок?!

– Снимай, не твой же шмот!

– 30 секунд! – объявил я. – Толик, не забудь нижнюю ком-

нату разбудить, – хоккеисты ведь заселились и в номер этажом ниже.

Костицын сломя голову помчался туда, сверкая пятками и уйдя в занос на мокром полу.

– Ты босиком, что ли? – удивился я. – А позвонить им не судьба?

– Живее, раз-два! Ziegel, ziegel! Schneller!

– Сдурел?! Убери это подальше, а то увидят еще!

Таковыми возбужденными, взъерошенными и несобранными я прежде хоккеистов не видел. Даже правильный Андрей Волчин потерялся в суете, словно обездоленный. Всюду гремели, шуршали, топали, шныряли, кричали, матюгались. Да невозможно за минуту ни улики скрыть, ни себя в порядок привести, размышлял я. Остается четверть минуты – возня явно разбудила людей снизу и сверху. Вещи летали только так. Кто-то шевелился сонно, не имея возможности попасть ногой в кроссовок, а кто-то летал по комнате, будто выжрал цистерну энергетика, чуть ли не на потолок запрыгивая. «Стоит, наверное, и комнаты проинспектировать? Нет, это лишнее, – думал я. – Надо же, вещи толком не разложили, а до бутылок дорвались!»

– Не спи!

– Надзиратель! Атас!

– Гоблин, сука! Ты чего сделал?!

– Прости!

– Помирать, так с музыкой, – раздалось из крайней комнаты.

Отведенное для приготовлений время заканчивалось, но переполох в номерах и не думал подходить к концу. Хаотичное движение из угла в угол продолжалось вместе с попытками припрятать или уничтожить улики вчерашней пьянки, а также натянуть штаны, носки и футболки, попытаться зубами схватить полотенца со спинок кроватей, удерживая при этом мыльные принадлежности подбородком или прочими частями неповоротливого тела. Такая невероятная концентрация здорово отрезвляет и бодрит спортсменов, а мне служит отличным лекарством от сна. Пора завязывать с балаганом.

– Все! Время!!! – крикнул я – меня услышали даже на улице.

Тут же в холл высыпали 16-летние пацаны, надежда магнитогорского хоккея – одной толпой, словно во время беспорядков, кто во что горазд. Парни выстроились в три шеренги и уставились прямоком на стену или на затылки одноклубников впереди, лишь бы не встречаться с моим разъяренным взглядом. Холл превратился в импровизированный плац. Хоккеры как смогли построились по-армейски в

надежде, что я не замечу ничего странного. Однако я знал неимоверно много. Со своего места я видел и шесть пар глаз тех, кто отличился больше остальных.

Отметив такую покорность, я ощутил некоторый прилив задора: «Сейчас-то я оторвусь по полной».

Я с важным видом неторопливо прошелся вдоль первого ряда. Чего я только там не увидел. Картина передо мной одновременно смешит и пугает – будто маленькую комнатку обклеили обоями тысячи видов и цветов. Бросились в глаза футболки наизнанку, штаны шиворот-навыворот, разная обувь на ногах, свисающие или разорванные треники, шорты, майки – в основном чужие, поскольку кому-то они тесны, а на ком-то и вовсе смотрятся как мешки. На головах красуются набекрень кепки, шапки, шлемы в качестве несуразных попыток скрыть взъерошенные волосы, которые можно уложить лишь путем их полного сбривания. Некоторые особо креативные на славу потрудились над образом за одну-то минуту: видимо, ночевали не там, где положено. На то, что легли не по разрядке, еще можно закрыть глаза. Так вот, эти кадры соорудили себе из пододеяльников, наволочек, простыней и полотенец утренние костюмы – как из Древней Греции. Но давайте по порядку...

– Чем лучше вечером, тем хуже утром. Так, кажется, в народе говорят? И не надо такие гримасы строить, будто вы не сечете.

– Так ты...

– Я никому слова не давал, – заткнул я Никиту Глыбу. – А кто скажет «доброе утро», того убью на месте, – заложил руки за спину я. – У меня плохой день на протяжении нескольких месяцев, а тут еще вы.

– Ясно теперь, чего ты ходишь вечно такой кислотный.

– Отставить разговорчики! На себя лучше повнимательнее взгляните сейчас. У каждого голова будто декоративное приложение к жопе. Выпускной год, во что вы превратились?! А я не зеркало, чтоб вас пугать, – я искал, с кого начать разнос, который должны стерпеть все без исключения (провинились ведь). Накипело. – Если выглядите как свиньи, это не значит, что нужно вести себя по-свински.

– Да ладно тебе, Петь, – махнул рукой Богатырев весь в белом, – будь проще!

– Прямо как ты, Серега?! – ответил я. – Ты уже прост настолько, что к тебе микробиологи в очередь выстроились, – по рядам прошел редкий смешок. Я подошел к Сергею вплотную и поинтересовался. – Скажи на милость, у тебя под простыней что-нибудь есть?

– Есть, – гордо заявил Богатырев, придерживая пододеяльник, завязанный на груди.

– Я про трусы, идиот.

– А-а, тогда нет.

– Что ж, ты отправишься...

– На хуй? – предположил Митяев откуда-то с дальних рядов.

– Нет. Сергей пойдет умываться первым. А затем снимет весь этот позор, но не в комнате, а в коридоре, чтоб еще кого-нибудь не заразить своей тупостью.

– Будет исполнено, – заявил неунывающий Богатырев, не отводя глаз от невидимой точки на стене. Я повернул голову и убедился, что на ней ничего нет.

В холл, запыхавшись, влетела бригада, расселенная этажом ниже: Пирогов, Акмальдинов и Зленко выглядели ухоженными и бодрыми, чем разительно отличались от остальных.

– А вот и наши сони подоспели, – всплеснул руками я. – И как понимать ваше опоздание?!

– Не надо ругать ленивых, Петь. Они ж ничего не сделали, – Волчин попытался предотвратить мою агрессию в их сторону и поймал себя на мысли, что ничего хорошего из ночных посиделок так и не вышло, как он и прогнозировал.

– Ребят, а чего тут у вас? – недоумевал Ваня Пирогов.

– Меньше вопросов, Пирожок. Вставайте в строй к остальным. Скажите-ка, вы чего ночью делали?

– Спали, – ответил Никита Зленко.

– М-да, скучно вы живете, мужики. Правильно, но скучно.

При попытке «правильных, но скучных» пристроиться в шеренгу ряженые с этого этажа нарочно их отталкивали типа «с законопослушными не водимся».

– Хорош там, – я искал следующую жертву. – Костицын! – Анатолий кроме стоптанных кроссовок, майки и мятых тру-

сов предпочел больше ничего не надевать. – Тебе не холодно? Ты на пляж, что ли, пришел?!

– Я всех будил. Вот и не успел.

– На раздачу мозгов на небе ты не успел, – вновь в рядах захихикали.

Сашка Патрушев тоже недалеко ушел: успел натянуть на себя трико, нацепил на голову кепку и совершенно забыл про обувь.

– Сашок, ты так дома ходишь? – тот что-то промычал в ответ. – Чего? Рот открой? – выяснилось, что хоккеист засунул в пасть капу, чтобы никак не комментировать происходящее. – Ты случаем не баран по гороскопу? Так, еду ему не давать – пусть капу жует.

Невысокий Пашка Брэдобреев пристроился в конец своего ряда, вплотную к горшку с раскидистым комнатным растением. Однако этим утром он как-то странно прибавил в росте. Дойдя до форварда, я до такой степени удивился, что не знал, смеяться или отвесить ему оплеуху, чтоб на пол шмякнулся.

– Искривления ног не будет, Пашка? Хотя куда еще хуже, – я любовался коньками, что Брэдобреев надел на построение. – Креативно. Так и ходи. Ладно, хоть догадался резинки на лезвия надеть.

– Куда ж нынче без резинок, Петь. Одно неловкое движение... и ты отец, – улыбнулся он.

– Глядя на тебя, понимаешь, что у бога тоже отличное чув-

ство юмора. В книге «Кто есть кто?» твоё место в главе «Что это?», – я обернулся. – Мухин, ты не те шорты надел, – тезка Брэдобреева стоял в сланцах, единственной гамаше на левой ноге, одном налокотнике и в шортах из экипировки. – Шлема не хватает.

– Он у нас для дамского журнала фоткаться собрался, – раскрыл рот Тоха Малкин.

– Журнала кройки и шитья, – продолжил мысль Малкина я. – В ракушку только не гадь, Мухин. Малкин, проследи.

– А почему я? – спросил Антон. Из-под его мятой футболки выглядывает этикетка, словно её с самой покупки не удосужились сорвать.

– Потому что, – подошел к нему я. – Что у тебя там? Цена твоя указана? Интрига, – легким движением руки я сорвал бумажку с воротника футболки, ибо висела она на груди, а не на спине, будто ценник. – Кукла резиновая «Антошка». Для особо взыскательных покупательниц.

– Да там не это написано!

– Пупсик, – улюлюкали сзади.

– Что там на самом деле, Петя? – спросил Митяев.

Я встретился с ним взглядом – спокойствие, как и обычно, но будто бы какая-то печаль, вина. С Сеней я разберусь позже.

– Как думаешь, у него получилось все разрулить? – шепнул Митяеву Степа.

– Наверное, раз спектакль тут устроил, – ответил за Ми-

тяева Абдуллин.

– Не знаю, – сурово ответил Арс, сложив руки на груди.

– *«Любимому и заботливому зайчику Никите от Арины!»*

Сердечко, – прочитал я. – Имя сменил за ночь, Малкин? Сначала, значит, одеждой обмениваетесь, потом девчонками махнетесь, а дальше что? – я смял бумажку с посланием. – Чья зайчиха?! Глыба, Зеленко, чего молчим? – те отрицательно покачали головами. – Понятно. Видимо, вы сами своих баб подарками закидываете, лишь бы они с вами встречались. А бабы перспективы хотят. Иного им не надо. Что ж, хорошо... Зеленцов! Так, а где у нас Зеленцов? Не вижу что-то его метелку на башке.

– Здесь я, – ответил суровый бритый парень из второго ряда, глядя на меня исподлобья.

– Где? – не узнал Зеленцова я.

– Тут, – он выступил вперед. Я изумленно уставился на него. Некоторые даже глаза протерли, ибо не признали Никитоса. Его внешность претерпела серьезные изменения – стоило лишь избавиться от кудрявых золотых локонов.

– Матта Миа! Ты чего с собой сотворил?! – воскликнул Абдуллин.

– Сотворил необходимый upgrade. Давно хотел.

Да, вынужден признать, что Зеленцов отныне кажется гораздо выше, крепче, внушительнее, суровее и устрашающе. А в глазах его, помимо испепеляющей ярости, стало проглядывать уныние, словно что-то его гложет.

– Я могу взять свою футболку?

– Можешь, – разрешил я.

Малкин остался голым выше пояса, пристально взглянув на Никиту, что выдернул футболку из его рук.

– Холодно, – обнял себя руками Тоха.

– Терпи. Мухин с Костицыным вон стоят. И ничего. Не трясутся.

Я продолжил вглядываться в ряды. У кого-то невооруженным взглядом заметны следы вчерашней попойки, у кого-то – не слишком явно. Временами в ноздри залетал разномастный запах выпивки, словно в цехах завода по производству алкогольных напитков. Степанчук легко мог выкупить таких, отчего придется объясняться всем без исключения. Мне же в таком случае можно прощаться с репутацией и местом. Так что пусть пацаны умоются и освежатся, плотно позавтракают – глядишь, с обликом станет получше.

Дальше взгляд пал на Артура Гайтанова, чересчур сильно хмурившего брови:

– Артурчик, чего ты весь в зеленке измазан?

– Получил травму в темноте – хотел обработать.

– Боюсь спросить: травму чего? – поинтересовался я. – В нос, что ли, дали? – Артур странно покосился на соседей по комнате, что еле сдерживают смех. – Или ты पहले всех уснул? – уточнил я.

После моей фразы Серега Соловьев неистово заржал. Гайтанов хотел броситься на него с кулаками – он сильно-силь-

но их сжимал и так же сильно себя останавливал, дабы не сорваться на провокатора.

– Я тебе отомщу, выблядок, – прорычал Артур в сторону Соловьева.

Я заметил пятна от зеленки на футболке Гайтанова и на его руках.

– Не все ведь остальным позориться, верно? Давай уж глянем, что там Соловей намалевал, – Гайтанов залился краской, когда остальные даже строй нарушили, чтобы поглазеть на него. – Футболку приподними.

– Давай, Гайтан, все свои, – корячился на коньках Брэдбреев, подбадривая товарища.

Артур задрал футболку. На его смуглом торсе жирными буквами зеленой написали: «*ДЕРГАТЬ ТУТ*». Зеленая стрелка от надписи показывала вниз, утопая в растительности ниже пупка.

– Красава! – дал пять Соловьеву Кошкарский.

– Правый кулак разожми. Не левый, а правый, – настаивал я.

Команда залилась хохотом, ибо Серега нарисовал Артуру на ладони пенис с мохнатой мошонкой.

– Ты прямо-таки заморочился, Соловьев. Непревзойденный мастер.

– Онанизма он мастер!

– Хрен теперь отмоешь, – лыбился Сергей.

– Точнее, хуй! – уточнил Брэдбреев.

Гайтанов замахнулся на Соловьева. Тот мигом ретировался с тупым гоготом за угол.

– Пряма как кот: нагадил и в кусты. Со своего органа срисовал, небось?

– Маловат, – в шутку бросил Богдан.

– А ты почем знаешь? – спросил я Чибрикова. – И где только зеленку нашли... Так, а ты чего такой замученный, Богдан? Тебя в темноте с вантузом перепутали?

Богдан лишь скорчил недовольную рожу.

– Где у меня Смурин?

– Вот я, – отозвался Сергей.

– Ай, ты всегда спросонья такой страшный? Как водяной прям. Накинь на лицо тряпку и вернись в строй.

– Воды вчера перепил. Вот и опух чутка, – оправдывался Смурин.

– Говорю же, водяной. А подобные отмазки годятся только для утренней зарядки.

– Товарищ командир! – внезапно выкрикнул Абдуллин. – Есть ли возможность выдать нам еще дополнительный часок сна? Вчера день был так себе.

– Ты совсем припух, Абдуллин?!

– Дельное же предложение, нет? – Тема вертелся в поисках поддержки.

– Будешь базарить, зарплату сухарями получишь. А ты чего, Митяев, свитер свой игровой напялил? Забыл свою фамилию?

– Не угадал. Хотел вот выйти без всего. Только не хочу лишний раз свой пресс светить, чтоб парни не комплексовали сильно, – все мигом глянули на выпендренника и прощупали свои кубики на животе, а Брадобреев даже футболку приподнял и, показав Арсению язык, постучал по своим мышцам, дабы кореш убрал свою высокомерную улыбочку.

– С тобой все ясно. Ты в своем репертуаре. Шабашкин, ты чего так вылупился на Пашкин пресс? Рот закрой, а то слюнки потекут. Брадобреев, аккуратнее теперь в душе.

Кого я еще не охватил? Взгляд мигом пал на капитана. Андрей Волчин нарядился в зимнюю куртку и шапку.

– Ну что, капитан?! – я не упустил ни единого шанса кольнуть золотого медалиста Волчина. – Распустил команду донельзя. Засунул ответственность, рассудительность и здравый смысл в задницу?! Напрашиваешься на то, чтобы возглавить колонну, идущих на хер?! Ты бы отлично смотрелся в роли ее лидера.

– С точки зрения элементарной эрудиции, – завернул в ответочку Волчин, – каждый локальный индивидуум стремится мистифицировать абстракцию, но ни в коем случае нельзя пренебрегать тенденциями парадоксальных иллюзий, а также мотивировать критерии абстрактного субъективизма. Так как твой потенциальный уровень в сухом остатке равен нулю и стремится к минус-бесконечности, дальнейший беспредметный разговор считаю бессмысленным.

– Чего он сейчас сказал? – задался вопросом Бречкин.

– Он назвал меня дураком. А я назвал его безответственным и напыщенным индюком. Кого здесь не хватает, капитан? Все на месте?

– Филиппова нет, – доложил Волчин.

Я, памятуя о вчерашней драме, заволновался, мельком глянув на Бречкина.

– Где же у нас Филиппов? – спросил капитана я.

– Я могу его найти, – вызвался Костицын.

– Ты собственную задницу в штанах не найдешь, Толя. Вернись в строй, – произнес я и обратился к Волчину. – Позор капитану. Распустил всех.

Из строя с серьезными лицами вышли ночные стражи порядка в общаге – Дима Коротков и Никита Глыба. Они отвели меня к Филиппову. Неожиданные открытия продолжались.

– Почему он связан? – взглянул на лежащего Филиппова я. – И почему в его ротовой полости носки?

– Это кляп, – пояснил Глыба.

– Это не подводит нас к разгадке, – намекнул я, размышляя о том, что Филиппов, видимо, всех хотел сдать, но не тут-то было.

– Привязали его. Фанат ролевых игр, видите ли. С садомазо завязал, козь травмировался, – хохмил Брадобреев, хотя и сам в шоке от увиденного.

– С кем же он хотел поиграть? Сам с собой? Или с тобой, Брадобреев?

– Свят, свят, свят.

Я посмотрел на Короткова:

– Твоя версия.

– Буянил.

– Смысл ему буянить? Газировкой отравился?

– На Бречкина кидался.

– Понимаю его, – ответил я.

В разговор включился и сам Леша Бречкин:

– Елизаров, ты вроде что-то там говорил: мол, устал и все такое. Может, тебе реально отдохнуть, съездить куда-нибудь? В челюсть, например?

– Ясно, – взглянул на него я. Медальон Бречкина лежал у меня в кармане. – Дима, Никита, приведите Филю в чувство. А то Степанчук расстроится. Остальных прошу обратно в холл – нужно перетереть кое-что, – все недвусмысленно переглянулись.

Спустя некоторое время Глыба с Коротковым достучались до спящего Антона и освободили его от оков. Парень спокоен как удав (в отличие от ночи) и искренне не понимает, почему его связали. Говорит, что ни черта не помнит, а голова трещит как после рок-концерта: либо врет (подумал о содеянном и отложил месть Бречкину на потом), либо зелье Озерова в алкоголе так на него подействовало.

– Степан, ты чего тоже в кепке? – спросил я. – Зима на дворе.

Глаза Степы театрально округлились.

– Ты не понимаешь, – он схватился за головной убор. – Это кепка-невидимка.

– Да ты что?! Я ж тебя вижу.

– Вот падла, испортилась, – выкрутился Кошкарский.

– Находят же детей в капусте, да? А тебя сегодня нашли под кроватью, завтра найдут за домом, послезавтра – за гаражами или в парке. Завязывай бухать.

– А как же аисты, которые детей приносят?

– Чибриков, твой аист, видимо, скинул тебя с очень большой высоты.

– Постой-ка, – опомнился Волчин, – ты в курсе, что мы...

– Даже слабоумный при взгляде на вас догадается, что вы вчера кутили. А некоторые, – я взглянул в сторону беглецов, – позволили себе лишнего.

Договаривать и не нужно.

– Так вы все-таки свалили в клуб?! – предъявил Митяеву и его отчаянной компании насупившийся Патрушев.

– Отмечают и пьют обычно после успешно выполненного дела, а не перед ним. У вас на носу ответственная игра, а вы хорошенько так залили себе томный вечерочек без причины. Ну кто вы после этого? Я никого не оправдываю. Соглашусь, что иногда мы принимаем решения, от которых тараканы в голове аплодируют стоя. Речь не только о пьянке, а о кое-чем посерьезнее. И абсолютно у всех злостное нарушение режима – ему нет оправдания.

– Я спал как убитый. Никогда прежде так не выспался, –

объяснился Зленко, будто в отрыве от остальной команды. Многие не оценили.

– Из вас троих команды не построишь.

– Знатная шайка бы вышла: худшие из худших, – шепнул Смурина Бречкин.

– Остальным за демарш самого сурового наказания мало, – продолжил я. – Кому вы нужны такие пустоголовые и несобранные, будь вы хоть 100 раз лидерами первенства? Там, куда вы метите, некому будет с вами цацкаться. Один лишь я с вами бьюсь об стенку который месяц. И все ведь ради благой цели, как вы не поймете? Ради вас, дебилов. Чтоб не было неприятностей. А вы взяли и создали их. На ровном месте. Вы хоть понимаете, что за этим может последовать? Так недолго и из команды вылететь.

Все молчали.

– Мы и тебя хотели пригласить, – произнес Смурин.

Интересно, что бы я ответил на такое экстравагантное предложение, если бы оно поступило вечером?

– Это шутка?

– Людей часто приглашают, чтобы посидеть в компании, отметить, побазарить, – объяснил Соловьев. – Своих типа.

Я печально усмехнулся. Неужели такое и взаправду могло произойти? Тогда бы я не стал ничего никому доказывать. Все бы пошло совсем по другому сценарию. Неужели меня наконец признали? С другой стороны, предложения ведь так и не поступило. Да и не факт, что я бы принял его.

– Чувствуем потребность извиниться, – говорил за командой Чибриков. – За все, что произошло.

– Даже не представляешь, как этого чудовищно мало, – вздохнув, произнес Митяев вместо меня. Он все прекрасно понимает.

В каждом в то утро сидела толика сожаления – даже у тех, кто всю ночь дрях.

– После такой ночки, Богдан, потребностей вообще никаких быть не должно, – ответил я.

– Покурить если только, – неуместно хохотнул Брадобре-ев.

– Я тебе сейчас устрою! У кого еще какие предложения?

– М-да, проблема.

– Есть один путь, – ответил Андрей Волчин, тщательно все взвесив, – лечь на рельсы. И все проблемы исчезнут сами собой.

– Дельное предложение от капитана.

– Степанчук нас в порошок сотрет.

– И это по-божески, – отреагировал я.

– Когда же нам сдаваться с потрохами? – поинтересовался

Волчин.

Многие понимали, что последствия могут негативно отразиться не только на хоккее, отчего на душе у каждого бушевал сильнейший ураган, особенно у тех, чьи шалости замять не получится.

– Никогда, – заявил я, выкинув главный козырь.

– В смысле?

– В прямом.

– Подожди. Ты... – Митяев не мог собраться с мыслями. –

Тебе удалось?

Я победоносно взглянул на Арсения – он понял все без лишних слов.

– Прознав обо всем ночью, я понял, что наступило время не слов, а поступков. Посему и принял всевозможные меры, чтобы замять ваши шалости, – многие не представляли всего объема неприятностей, которые я разрулил. Вскоре все случившееся наверняка превратится в легенду.

– Хочешь сказать, что Степанчук не в курсе?

– Нет, – улыбнулся я. – Удивлены?

Все заметно оживились и радостно зашумели.

– А вот приберете в палатах, и все уж точно в тайне останется. Чего, не верите в свою удачу? Подвоха ждете? Зря, дуракам же везет.

– Так что, мы не вылетим из команды, получается? – опомнился Брадобреев.

– Не поздно еще все поменять. Тренера зову? – произнес я.

– Нет-нет-нет! – заволновались остальные.

– Испугались? Я шучу. Мне самому не особо хочется так делать. Я прикипел к вам за последние месяцы. И вы прекрасно знаете, что я не привык проигрывать.

– Но когда-то ведь все тайное станет явным...

– Когда? Не имею ни малейшего понятия, Андрюха. Если только ваши внуки узнают, когда вы захотите им рассказать о вашей бурной молодости. Хоккейная школа не в курсе, тренер и родители не знают, а полиция ни о чем не догадается.

– А при чем здесь полиция?

– Были причины.

Коротков и Глыба посмотрели на Митяева и его сподвижников с подозрением.

– Обо всем знаем только мы. Я же сделал все, чтобы тайна сохранилась. Здесь, конечно, не Лас-Вегас, но... все, что случилось в Челябинске, остается в Челябинске. Как-то так. Благодарностей не стоит.

– Получается, ты спас наши задницы.

– Ваши задницы меня не интересуют. Я спас ваши жизни и вашу дальнейшую карьеру. Ради того, чтоб включить через пару лет телек и сказать себе, что этих игроков и этого хоккейного праздника в Магнитогорске или где-нибудь еще не случилось бы, если б не я. А пока у нас большие планы на сегодня... Ах да, кстати, Бречкин, это твое? – я выудил из кармана целехонький медальон.

– Украл? – тихо предположил Патрушев.

– Вряд ли, – направился ко мне до глубины души пораженный Бречкин, протянув к медальону трясущиеся руки. Таким Леху прежде не видели.

– Пашка, лови! – потрепанное портмоне полетело в сторону хозяина – он и не надеялся его снова увидеть, оттого

и не успел среагировать и схватить его в полете. Аксессуар смачно хлопнул Павлика по щеке. – Можешь пересчитать – все на месте. Шапку потом отдам. Остальные потери у меня в номере, так что милости прошу.

– Да ты шутишь? Это постанова! – выступил вперед Патрушев. Шестерка ночных героев точно знала, что я не лгу и не украл все их добро, пока они спали, как думал Сашка.

– Тогда я здорово заморочился, выходит? – парировал я.

– Ты нас наебываешь, как и всегда! Хлебом тебя не корми, а дай найти косяк и против нас обернуть. Других учи, долбаеб.

– Не говори, чего не знаешь, Патрушев, – угрожающе произнес Бречкин.

– С каких пор ты за него, Бреча?! – возмутился Сашка.

– Давай мы потом тебе объясним, – мирно подошел к возмутителю порядка Кошкарский.

– Потрудитесь.

– Знаешь, Патрушев, – произнес я, – болезнь равнодушия разрушает многое. Я ей не страдаю.

– Выходит, мы перед тобой в неоплатном долгу, – констатировал Чибриков.

– Получается, что так.

– В голове не укладывается. Ты и...

– Надо прийти в себя и все осознать, – произнес Брэдбреев – многие не понимали, о чем эти шестеро ведут разговор с помощником тренера.

– Ты нас... спас, – прямолинейно изрек Богатырев.

– Если мы сейчас можем что-то сделать...

– Мужики, есть просьба. Лично для меня. Сделайте сегодня «Мечел».

– Пережить бы этот день, – вымолвил Филиппов, словно спал целую неделю.

– Выше нос, братва! Думаю, с этой маленькой проблемой вы справитесь.

– Пиздец, у меня отлегло, – признался окружающим Абдуллин. – Я, кажется, знаю, кто у нас MVP этого выезда.

– Хорош трепаться, – отрезал я. – Вся концентрация на игре. Всем умываться. Каждый должен выглядеть идеально – прям как мятная жвачка.

Брадобреев на коньках по дороге к умывальникам прошел мимо меня и добродушно похлопал по плечу. И многие, я заметил, менялись в лице, глядя в мою сторону. Прежде такого не было. Разве не на такой эффект я рассчитывал? Многие сейчас вздохнули с облегчением (кроме всяких там пофигистов), ибо успели представить грядущие катастрофические последствия собственной глупости. Теперь я командовал парадом – уже по-настоящему.

Хоккеюги толпились у душа, раковин и уборных. Я наблюдал за пацанами, что стояли будто у билетных касс, как ко мне подобрался восхищенный Арсений Митяев. Даже и не сомневаюсь, что он верил в мой успех. А у меня сейчас даже язык не повернется предъявить за то, что ночью он слегка

дезинформировал меня, не предупредив о многом.

– Вот ты и добился своего.

– Не за что, Арсений, – ответил я, словно на благодарность. – А у тебя были сомнения, что мне удастся все вернуть? Хотя я и был пару раз близок к провалу. Какого хрена ты улыбаешься? Смешно тебе?

– Расскажешь, как ты это сделал?

– Тебе реально интересно?

– И не мне одному.

– Хочешь сказать, остальные станут меня слушать?

– Как никогда в жизни не слушали.

– Но только на пути обратно в Магнитогорск. И подальше от Степанчука.

– Интригу наводишь?

– Нисколько. Мне вот вообще не до смеха, – я потянул свою футболку за ворот. – Арс, – на моей шее блестела его золотая цепочка с крестом.

Митяева словно молнией поразило.

– Братишка, ты...

– Помнишь, при нашем знакомстве ты назвал меня ни на что не способным ботаном? – напомнил я.

– Я уже миллион раз убедился, что был тогда не прав. Но, блять, как ты все провернул? – я вернул другу цепочку, на которую он смотрел как на самое дорогое на планете сокровище.

– Надо ли рассказывать? Меня все равно никогда не пой-

мут – в этом и заключается мой авторитет. Хотя... сегодня я точно спас пару жизней и с десятков репутаций. Надеюсь, наверху зачтут мои усилия.

– Ты спас всех нас. И выручил меня лично. И явно еще не раз это сделаешь.

– Рад, что ты понимаешь разницу: кто-то говорит «раздевайся», а кто-то – «одевайся теплее». Как считаешь, остальные оценят?

– Глупый вопрос, Петь. Ты от такой жопы всех отвел. Остальные пока что не осознали этого до конца. До некоторых дольше обычного доходит. За такое уважать тебя – это наименьшее, что можно сделать. Будь уверен, все благодарны, даже Патрушев. А добро обязательно вернется – я за пацанов ручаюсь, – Сеня, дабы еще немного меня побесить, поставил прежнюю пластинку. – Если все это, конечно, не твоя затея.

– Я бы не смог сам себя перехитрить.

– Да кто ж тебя знает, – хохотнул Митяев.

– Вот кого вы недооценили, так это вашего дружка Озерова.

– Еще тот фрукт, конечно.

– Пришлось столкнуться с его делишками. И с блондинкой, и с таксистом, и с Олегом.

– Ничего себе, – виновато почесал затылок Арсен.

– Все серьезнее некуда.

– Блондинка ничего такая, да? – облизнулся Митяев и

подмигнул мне.

– Для смертника в самый раз.

– Знал, что она выберется.

– А ты что, с ней шпили-вили?

– Почти.

– Ну вы учудили, конечно. Слов нет.

– А ты на что рассчитывал? На банальщину?

– Ты неисправим. Скажи еще, что я виноват в том, что вы бухали.

Любил же я подкидывать аргументы соперникам (специально, конечно же).

– А кто еще кроме тебя и тренера доставляет нам столько страданий? Скоро, глядишь, и к мозгоправам обратимся.

– Вам? Страданий? – я вытаращил глаза на Митяева. Он угорал, как всегда. – Иди ты... умываться! – подтолкнул одноклассника я. – Сегодня важная игра, а от тебя разит как от водителя маршрутки. Пробежку, что ли, вам устроить?

– Не-е-е-т! – протянул Малкин с зубной щеткой во рту.

– Холодно.

– Прибавь к наружной температуре свои 36,6 градусов.

Самое то получится.

– Я могу пробежать, но только за опохмелкой.

– Отставить! Вы у меня так просто не отделаетесь. Нужно прочувствовать вину.

– Петь, даже не начинай, – попросил Митяев.

– Хотя да, куда ж вас еще морозить – вы и так на всю го-

лову отморозенные. Приводите себя в порядок. И будем думать, как вас на рабочий лад настраивать.

Только я хотел сделать очередное объявление, как в холле появилась комендант, уронила швабру с ведром, всплеснув руками:

– Господи! Что здесь происходит?

– Резвее, Пашка! На коньках ты едешь лучше, нежели на прямых ногах ходишь.

Парни напоминают аборигенов, что впервые в жизни соприкоснулись с благами цивилизации. Выделяется Пашка Брадобреев, что так и не переобулся из коньков, словно проверял свою координацию.

– Скажи-ка мне на милость, помощничек, – взяла меня под руки Галина Степановна и указала на Пашу, – чего он тут расхаживает? Линолеум же мне порежет. Здесь вам не каток. Где ваш тренер?!

Богатырев чуть не поперхнулся над умывальником от упоминания тренера.

– Не стоит беспокоиться. На лезвиях футляры, что уберегут полы.

– Это наказание такое?

– Да, можно и так сказать. Он сам себя наказал... Еще давно.

Комендант фыркнула.

– А что же вы хотели, Галина Степановна? Это хоккеисты, спортсмены – народ, которому с утраца лучше препятствий

не чинить.

– Я с каждым разом все больше вам поражаюсь. И это спортсмены? Вот раньше были спортсмены – не то, что сейчас... Они у тебя еще и играть сегодня собираются? В таком непотребном виде?

– Да, представьте себе. И они обязательно добьются высоких результатов. А их видок – всего лишь ноу-хау, воспитательный момент. Сейчас, может, они и выглядят так, словно психи из дурки сбежали. Но через некоторое время – уже на льду – мы узреем сплоченную и уверенную в себе команду, что будет беспощадно крушить соперника. А кухня больших побед у каждого клуба своя – у нас она такая.

– Все равно не верится, – покачала головой женщина.

– Могу пригласить вас на игру.

– Нет, спасибо, с меня хватит.

Я вновь оглянулся в сторону хоккеюг. Действительно. Волчин споласкивал руки в зимней куртке; Брдобреев еле как балансировал на коньках; Мухин пытался управиться с шортами перед дверью в туалет; Гайтанов безуспешно мылил живот и правую ладонь. А Богатырев еле как удерживал простыню, что неминуемо спадет и оголит его полностью.

М-да, сейчас даже забавно, что все так обернулось. Будь все иначе, траур и уныние гарантированы, не считая полиции, челябинской мафии и местных сумасшедших маньяков-таксистов на хвосте. Испорченные карьеры мы уже упоминали. Но столь непринужденная обстановка и уход от всех

последствий с моей легкой руки воодушевили команду, поэтому разгрома сегодня, наверное, ждать не стоит. Победа магнитогорских юниоров ожидается парадоксальной, ибо мне не известны случаи, как можно, будучи с бодуна, забросить больше шайб, нежели противник. А они точно не спутают свои ворота с чужими? Пусть только попробуют. Я прогнозировал наилучший исход. Разве не ради победы весь замес окончился более-менее благополучно? Нужно пристально глядеть за каждым, хотя и Бречкин, и Филиппов – индикаторы настроений с двух разных фронтов в команде – выглядят с утра очень даже многообещающе. Даже смеются.

– Я хотел сказать вам спасибо, – обратился Брадобреев к бабушке-коменданту.

– За что еще?

– Вчера вы оказались правы.

– Значит, ты правильно извлек урок?

– Извлек.

– Надеюсь, тебе хватило одного раза, – Галина Степановна вернулась к своим обязанностям.

В ее комнате тихо работал телевизор. С самого утра на местных каналах с упоением вещали обо всем: ночка пухла от новостей и происшествий.

У Зеленцова то и дело жужжал мобильник, что он положил на раковину перед собой. Его девушка Арина пыталась до него дозвониться. «Вот неймется», – думал Никитос.

– Чего не берешь? – спросил Пирогов. Зеленцов безраз-

лично махнул рукой. Проходя мимо, все только и делают, что пытаются щелкнуть пальцами по бритой голове Никиты.

Тем временем на горизонте объявился Виталий Николаевич Степанчук, хмурый и нелюдимый, как, впрочем, и всегда. «Лишь бы не заметил чего странного», – подумал я.

– Что за маскарад? – спросил он меня сразу же, как появился в холле.

– Профилактика.

– Не понимаю, откуда ты берешь эти странные идеи?

Я пожал плечами.

– Как ночь?

– Да как обычно. Тихо.

– Как-то без энтузиазма ты это говоришь.

– Немного не выспался.

– Да и остальные, я смотрю, тоже.

– Вам кажется. Не знаю, ночь как ночь.

– Ну что скажешь, выиграем сегодня?

– Уверен, что парни сделают все, что от них зависит.

– Нет, они должны все силы из себя выжать. Без остатка.

Подключайся давай.

– Я уже в деле.

– Нужно брать реванш и выходить на первое место. Кровь из носа. Все заряжены, говоришь?

– Еще как.

– Признавайся, вагоны ночью разгружали? Меня не обманешь, я же вижу.

– Я же вам объяснил. Это просто сосредоточенность перед важным матчем.

– Инцидентов ночью не было? – продолжал пытаться меня тренер.

– Никак нет.

– Точно?

– Точно.

– Хорошо. Может, ты еще и тренировку проведешь? Сто раз ведь присутствовал – все видел, все знаешь.

– Виталий Николаевич...

– Чего ты охаешь? Не нужно на меня так смотреть.

– Кажется, я начал понимать, почему вам так и не дали младшего тренера.

– И не надо. Выпущу этих охламонов и все... до свидания, Магнитогорск. А для чего же тогда ты? Я тебе отстегиваю достаточно.

– Разве?

– Да, за методы, которые я считаю действенными. Ты даже неспособен прочувствовать, сколько я терплю, пытаюсь научить этих идиотов в хоккей играть. Ты сам хотел участвовать – тебе еще и денег подавай?

– Моего аванса точно не хватит, – я подумал о сегодняшней ночи. – Но моя работа приносит плоды, согласитесь?

– Ты здесь появился почему?

– Вы испытывали нужду в некоторых кардинальных методах по отношению к команде. Зашли в тупик и...

– Нет. Ты критиковал. А если критикуешь, то предлагай.

– Предложил.

– А раз предложил, так реализовывай. Я твою стратегию разгадал давно, но все чаще ты забываешь о главном: мы с тобой и они, хоккеры криворукие, априори по разные стороны баррикад. С ними в десны долбиться не положено. Иначе бояться не будут. А если не будут бояться, то и слушать не станут. Глядишь, и пошлют.

– Я, конечно, уважаю старую школу, но многое сейчас...

– Вздор! Ты размяк.

– А вот и нет, – оскорбился я. – Даже наоборот. Стоит признать, что благодаря моему участию результаты серьезно улучшились. И вы, Виталий Николаевич, увидите, что мои методы работают. Далеко не надо ходить. Вот сегодня, на игре.

– Спорим? Если остолопы сольют игру, мне спрашивать с тебя?

Я решил принять вызов.

– Да.

– Ты так уверен в себе? Ты знаешь, что мало тебе не покажется. И им тоже потом.

– Они выиграют. У них не остается выбора.

– Ладно, – сощурился Степанчук.

Я верил в ребят, отчего не побоялся поспорить с тренером. Такая уж у него натура. Он все равно не оценит по достоинству проделанную мной работу. Повторить ее он не

сможет ни при каких условиях. Но результаты налицо – он их замечает, но публично признает неохотно. Какая же у него будет репутация, если станет известно, что какой-то случайный шкет с улицы умудрился провести воспитательную работу и сплотить команду за два месяца (методы опустим), чего не смог сделать опытный тренер за два года. Степанчук, несомненно, профи в хоккее. Я же профи в других областях, а с недавнего времени еще и специалист по выходу из безвыходных ситуаций.

– Пирогова в рамку ставьте – не прогадаете.

– Не забудь: мы должны выселиться из этого клоповника и сразу во дворец, чтоб не возвращаться. Эти обязанности с тебя никто не снимал, – напомнил коуч.

Я держал на контроле и этот оргмомент. Еще я помнил о прошедшей ночи. Со дня на день зимнее солнцестояние – темного времени суток мне оказалось достаточно. С каждой минутой под бинтом становилось легче – в сердце, не в синяке.

Предчувствие хорошее. Я верил в нашу победу.

***

«Магнитка-95» победила «Мечел» в повторной игре.

ЭПИЛОГ

«Справедливый обмен»

Первая половина субботы (и даже больше) прошла у членов клуба любителей ретроавтомобилей в полиции, в которой кипела такая грандиозная работа, словно это не местечковый отдел, а самый настоящий милицейский главк в разгар рабочих будней.

Весь Тракторозаводский райотдел полиции стоял на ушах; вот-вот обещали дать подмогу из города, а позднее и из областного Главного управления. Федерацию вызывать желание отсутствует – не краснеть же челябинским генералам и полковникам, когда из Москвы приедет какой-нибудь шкет-суперспециалист и все раскроет за один присест. Местные толком не успевали обговорить все в курилках – высасывали весь табак из сигарет за полминуты и возвращались на рабочие места. Поэтому слухи и детали передавались в основном через блатных и ленивых (часто это одни и те же люди). Только и ходили фразочки, что статистика раскрываемости к концу года пробьет небосвод, что якобы полковник Меркурьев избрал тактику упреждающего удара, а не ожидания всяких там митингов и провокаций. Пусть такие штучки в Москве и Питере выделявают, а провинциалам некогда ми-

тинговать: они не покладая рук работают, а местные правоохранительные органы всем продемонстрировали свою силу, так что провокаторы будут тише воды и ниже травы. Кто-то утверждал, что «Хамелеон» – это цветочки. Мол, со дня на день произойдет еще одна масштабная операция – в местных КПЗ придется потесниться. Ей тоже заправляет Меркурьев лично. Неужто в министры внутренних дел метит, посмеивались в кабинетах: да и зачем, портрет челябинского полковника все равно у всех в кабинетах висит.

Илья, Лев и Михаил проходили свидетелями по множеству дел, в которые они успели вмешаться за прошедшую ночь или просто пройти мимо. Допрос по каждому из них не терпел отлагательств. Даже у опытного Ильи не уложился в голове весь замес: ясно, что кража «Победы» из ДОСААФ стала лишь небольшим отростком чего-то крупного и грандиозного, что произошло в ночь с пятницы на субботу. Сюда же попадали события, что независимо от Ильи и его друзей произошли на скупке вторсырья, на небольшой заправке, посту ДПС, в клубе «Хамелеон» и прочих местах. Причем все детали настолько сильно сплелись воедино, что разгадка одного преступления могла крыться в мельчайшей детали второго преступления, которое совершило лицо, пострадавшее в третьем преступлении и ставшее идейным вдохновителем преступления четвертого. Интересно, какому следователю свезло распутывать такую клоаку, отложив прочий повседневный хлам? Причем сделать все необходимо во весьма

сжатые сроки. Очевидно, что дело мигом оказалось на контроле у всех высочайших начальников. Тут не до формализма. Скоро, глядишь, и журналоги подтянутся.

Мужики очень удивились, когда их стали спрашивать, натыкались ли они ночью на опаснейшего пироманьяка, неуравновешенного таксиста или на пьяную бабу в сияющем платье. Прорабатывались все варианты и точки соприкосновения. Также мельком пытались узнать, голосовали ли они на выборах и за какую партию (если не секрет). Друзья терпеливо дожидались друг друга на жестких стульях в коридоре, ибо времени на все про все уходило море – попробуй-ка залпом рассказать о произошедшем в мельчайших деталях. Какой, наверное, у следователя в голове кишмиш – он одних только свидетелей и подозреваемых будет все выходные допрашивать в режиме конвейера. Наверняка в понедельник с раннего утра запросят отчет. Посему все автоматы с кофе в радиусе трех километров мигом опустели.

Ладно, если б все шло по плану и без лишних эмоций. Вот, к примеру, механик Михаил в кабинете, что выделили следователю по особо важным делам из Следственного комитета Челябинской области, под конец допроса эмоционально выпалил:

– Я все же скажу вам по поводу нашей «Победы»...

– Я прекрасно понял вашу позицию, – ответил мужичку голубоглазый круглолицый следователь со светло-рыжими волосами, понимая, что сейчас последует бравада.

Но дядя Миша не слушал его.

– Я люблю советские автомобили. Они добротные и надежные. И вообще СССР я тоже люблю. Думаете, раньше все, что произошло, оставили бы без внимания? Как бы не так! В те времена государство хоть как-то отвечало за каждого гражданина, причем с малолетства. И ты мог спокойно жить, учиться, работать, уйти на пенсию и не бояться завтрашнего дня. А сейчас что?! У нас свобода, гласность, демократия – делай что хочешь, и всем будет плевать. Вся эта история, в которой мы погрязли – она ведь произошла потому, что люди нынче не знают, что же такое сотворить с этой свободой. Вот и бросаются во всякие крайности. В СССР каждому из этих уникалов и оболтусов нашли бы применение. Они не слонялись бы без дела и никогда бы не придумали, что...

– Позовите, пожалуйста, Илью Александровича, – следователь оказался крепким орешком и настоял на своем.

Михаил, поставив подпись на бланке, молча вышел, а следователь устало посмотрел на коллегу-блондинку, что сидела за соседним столом в пилотке, покрывающей изящное каре. Деваха при всем своем опыте не успевала вести протоколы допросов. Дельце явно выйдет многотомным, а на часах еще даже не обеденное время – придется посылать за обедом кого-нибудь посвободнее, если здесь вообще такие присутствуют. Она понимающе покачала головой и всунула в принтер чистый бланк.

Когда на стул напротив следователя сел Илья, служитель закона тут же учуял перед собой прожженного юриста, умеющего кратко излагать суть вопроса, то и дело применяя юридическую терминологию. Однако сказывалась усталость, и эмоции все чаще посещали рассказ Ильи – все же он и свидетель, и частично пострадавший. Тем не менее его показания работники Следственного комитета сочли выверенными и отточенными, чего не скажешь о потоке ненужного субъективизма от коммуниста Михаила и впечатлительного Льва. Также Илья не стал впутывать в рассказ незначительных лиц, с которыми он столкнулся ночью – у него было достаточно времени, чтобы все обдумать.

– Прошу прощения, а не могли бы вы мне кое-что подсказать. Меня интересует...

Следователь непреклонно отчеканил:

– Спасибо вам. Вы пока что свободны.

Взглядом Илья понял, что следак ничего разглашать не желает. Собственно, Илья только хотел прощупать почву. А еще узнать бы что-нибудь об Андрее.

Он оперся на костыли, вышел в узкий коридор и направился к выходу. К нему присоединились кореша. Проходя мимо обезьянника, Илья среди сидящего внутри отребья узрел удрученного Руслана. Неужели сухари из Следственного хотят сделать из него козла отпущения, пока остальных не поймали? Парень явно не заслуживает решетки. При первом взгляде на пацана еще в клубе Илья все понял. Очевид-

но, что паренек неспособен на такие злодеяния – его банально принудили псевдодрузья. Чувство справедливости разыграло в Илюхе с новой силой: Андрея не спас, поэтому и чувства выполненного долга нет. Ему бы идти в спасатели, а он пошел в адвокаты.

Руслан рассказал все дознавателю без прикрас от начала до конца. Наверняка он сейчас жутко опасается мести дружков, что еще на свободе (как минимум один). Все реализовали Глеб с Рыжим, а сидит он. Илья остановился неподалеку и взглянул на парнишку.

– Идите в машину, мужики. Я сейчас.

– Забыл что-то? Чего напрягаться, я схожу.

– Лева, ты уже находился за сегодня. Подожди в машине.

Тут одно дело осталось.

– В сортир, что ли, тебя проводить? – предложил Миша.

– Нет. Идите, – еле сбагрил друзей Илья, подошел к окну дежурного и попросил того вызвать из комнаты отдыха Виталика, сержанта ППС.

– А вам зачем? Вы откуда? – спросил дежурный, хотя прекрасно видел, как Илья выходит из отдела. А до этого он же в красках рассказывал, для чего они пришли и к кому. Осталось лишь беспомощно закатить глаза и пояснить вновь. – Как вас представить?

– Скажи, что я сегодня предотвратил его избиение в «Хамелеоне».

– В «Хамелеоне»? – удивился надсмотрщик, оглядев юри-

ста с ног до головы.

– Нет, в «Игуане», мать твою! Видишь, стоять мне трудно.
Шальная пуля.

Виталик прибежал достаточно быстро и Илью узнал. Адвокат кратко изложил ему суть вопросов, что его беспокоят. Видно, что к партнеру по кулачным боям Виталия относится с должной степенью уважения.

– Отойдем, чтоб никто не... Не очень положено с вами говорить вот так.

– Само собой. Сейчас доковыляю только, – они отошли в сторонку.

– Думаю, что вопрос по парню можно решить, – деловито заявил Виталик. – Я согласен с вами, что он, скорее, жертва.

– Слышал, что ему первую помощь оказала твоя девушка.

– Уже невеста.

– Поздравляю. Да ты счастливчик.

– Спасибо.

– А теперь относительно инцидента у железной дороги.

– У вас есть новые соображения? – с интересом спросил стажер (видно, подхватил жажду расследования от Барзилы).

– Да от соображений уже голова пухнет. Я все изложил следаку, но в ответ должной отдачи не получил. Была б информация, новые идеи не заставили бы себя ждать. Чего интересного ты еще слышал по этому поводу?

– Много чего. Неподалеку от места перестрелки обнаружили труп мужчины.

– Вот те раз, – присвистнул Илья. – Неужто наш стрелок поработал?

– Пистолет у меня отобрали и сейчас смотрят на отпечатки. Но самое интересное впереди. Ни за что не угадаете, кем предположительно является труп.

– Кем?

– Родным отцом Андрея. Того самого пацана, что умотал от нас.

Лицо Ильи исказилось от удивления.

– Что он там делал?

– Кто бы знал... Причем ни до кого не дозвониться: естественно, ни главы семейства, ни его супруги. Наши уже поехали шерстить их хату. Но и это не все.

– Да ты смеешься надо мной?

– Труп бы ни за что не нашли, если б вокруг него пацан не крутился.

– Какой еще пацан?

– Вам он не знаком? – Виталик показал фото Вадима.

– Нет, не видел такого. Может, поживиться решил или чисто мимо проходил?

– А вот и не угадали. В снегу нашли пистолет, а в тачке пацана – следы крови.

– Сам-то задержанный что-нибудь говорит?

– Говорит, мол, батя Андрея голосовал на дороге и попросил подбросить. На месте мужик вылез из машины и скрылся. Парень разволновался, долго типа попутчика нет, пошел

по его следам, а тот... тью, мертвый.

– Зашибись. И где парень сейчас?

– У мозгоправа. Он слегка в шоке от того, что случилось.

– Немудрено, – покачал головой Илья, никак не приблизившись к разгадке, кто же стрелял в Глеба.

– Но вы ничего от меня не слышали.

– Конечно. Благодарю, – юрист пожал руку патрульному. – Глядишь, в будущем сработаемся. Слушай, все так охотно с тобой делятся ходом расследования... – Илья возьмет это на заметку, спасибо неопытному стажеру.

– Да, я просто стараюсь поддерживать со всеми добрые отношения.

«Вот тебе и тайна следствия», – подумал адвокат.

– Срочно переводись из ППС.

Илья поковылял назад за Виталиком. Последний мигом позаботился о том, чтоб Руслана выпустили из камеры. Все трое отправились назад к следователю.

– Сержант, – удивленно воскликнул старший по званию, когда все трое оказались в кабинете, – на каком основании вы освободили задержанного?

– Это же тот самый патрульный, – оборвала его протоколистка, – которого сегодня отметили за бдительность.

– Один день сделал свою работу хорошо. И все уже радуются, – кинул следак.

– Не без косяков, – засмутился Виталий.

– Согласен. Чья пулька-то в ляжке у пацана? – злорадно

намякнул следователь.

Виталик нахмурился, но тут же улыбнулся, глядя на помощницу следака.

– Где же ваш шеф? – интересовалась она. – Кто ж не слышал о капитане Барзиле? – двусмысленная улыбочка посетила их лица.

– Отдыхает. Сами понимаете, тяжелый день. Прямо перед отпуском.

– А вы вспомнили что-то еще, Илья Александрович? – немного высокомерно обратился к Илье следователь. – Кажется, мы с вами уже все обговорили в конструктивном ключе.

– Я по поводу пацана.

– Какого из них? – следак явно с юмором (хоть чем-то разбавляет рутину).

– Того, что с пулей в ляжке.

– Ее уже там нет, – тихо отметил Руслан.

– И что же с ним не так?

– Меня интересует его судьба.

– Илья Александрович, при всем уважении к вашему вкладу в дело...

– С какой целью несовершеннолетний содержится в камере с другими отморозками? Не самый главный фигурант, а только свидетель. Вы его уже допросили.

– Мы уведомили обо всем его мать. В данный момент она не может его забрать.

– Я могу его сопроводить. Я, как вы помните, адвокат.

– Его адвокат? Как-то не сочетается с вашей заинтересованностью относительно будущего процесса. Вы же утверждаете, что пострадали. Как раз от противоправных действий... этого пацана в том числе. Обычно адвокаты предъявляют претензии и протесты на нашу работу в части проведения необходимых процедур при расследовании. Мне не хотелось бы...

– Человеком будьте. Лучше бросить все силы на поиски беглецов.

– Это не в вашей компетенции. Люди уже с ног сбились.

– Я бумагу напишу, – продолжал Илья, размышляя, следует ли звонить кому-нибудь весомому. – А почему мать не может его забрать?

– Она инвалид-колясочник, – пояснил сотрудник Следственного комитета.

– Ты идиот, парень, – Илья не мог снести то, как Руслан мог пойти на правонарушение, зная о состоянии матери, за которой должен ухаживать день и ночь. – Чего ты вообще сунулся?! А отец?

– Отец работает на ЧМК. Сейчас на смене. Мать, естественно, не хочет, чтобы сын находился в обезьяннике, но мы ничего не можем поделать, раз так все сложилось. Где же ему еще сидеть?

– Посмотрим правде в глаза, товарищ следователь. Он дал всю необходимую информацию. Он не Олег из «Хамелеона»,

а свидетель. Вы же не предъявили обвинения. Или вы уже в убийстве его подозреваете?

– В похищении человека. Пока неофициально.

– Ему же угрожали.

– Еще и в краже из ДОСААФ... вашего, между прочим, имущества.

– А у вас есть заявление от пострадавших относительно похищения и угона?

– Нет. А у вас что, нет претензий?

– К нему нет. А вот к тем двоим...

– Ну знаете, так не бывает. Он, по-вашему, что, всегда находился рядом, в телефон долбился и ничего не заметил? Все видели сотрудники полиции при исполнении. Поэтому все необходимые выводы будем делать мы, а никак не вы. Или хотите изменить свои показания?

– Пацану 16 лет, – увяз не по-детски. – Кто из взрослых присутствовал на допросе?

– Представитель отдела по делам несовершеннолетних.

– И только? Повременить не могли с расспросами? Пацан пулю схлопотал. Дайте угадаю: на учете не состоит.

– Не состоит.

– Тогда какие проблемы?! – взмахнул руками Илья – из-под мышек выскочили костыли.

Следак вздохнул: «Мне еще тут адвокатов не хватало в субботу с утра. Хотя-я-я... высказывания капитана Барзилы с пеной у рта относительно дела – лишь эмоциональные

предположения».

– Мы повторно вызовем его на допрос.

– Может, сразу в тюрьму его?! – не сдержался Илья.

– Не сгущайте краски, Илья Александрович, – терпеливо попросил следователь, думая о целесообразности реального обвинения на фоне солидного содействия следствию, что оказал Руслан.

– Подписку о невыезде? – напомнила сотрудница.

– Нет. Напиши бумагу, чтоб его отсюда выпустили. Парень свободен... пока. Чуть что, мы с Ильи Александровича спросим, раз он так ручается за... жертву обстоятельств, – следователь встал из-за стола и посмотрел в окно, зацепив руки в замок. – А вы, сержант, свободны. Не забудьте, что у нас и с вами будет разговор по душам. Можете идти.

Виталик вышел.

– Надеюсь, не стоит вам напоминать, как вы рискуете и как рискую я, – холодно сказал Илье следак.

– Когда-нибудь мы станем правовым государством, – словно издевательски бросил Илья.

Оба хромых покинули кабинет следака.

– Что это было? – поинтересовалась помощница следователя.

– Справедливость. В специфическом понимании адвоката. И какая муха его укусила? Он ручается за совершенно незнакомого пацана, что упер его автомобиль. Ты можешь себе такое представить? Ну, – потер ладоши он, – чуть пацан

поведет себя не так, Илья Александрович может прощаться с карьерой.

– Но с твоего ведь попустительства.

– Я тебя умоляю, я мог и не знать. Стажер вон как безобразничает.

– Может, это такой адвокатский маркетинг на грани фола?

– Впервые с таким сталкиваюсь. Ничего страшного, всех из-под земли достанем. Даже если несильно хотим, – следак подумал о полковнике и ППСниках, что раскопали тяжеловесное дело, от которого все городские органы отнекивались очень долго. Еще и под Новый год.

– Не думаю, что пацан так в себе уверен, что будет скрываться. Выложил ведь все как на духу.

– Безобидный, тут я соглашусь. Один его подельник в больнице, другой где-то бегает. В их ветке показания Руслана – это пока что самая полная картина преступления.

– Хотя, может, адвокат и прав. Паренек все-таки не хозяин «Хамелеона».

– Вот будет понимание, будет и обвинение. Четко и по делу. Условку точно получит.

– Кстати, ты не знаешь, кто допрашивает этого самого Олега?

– Самому интересно.

– Меркурьев? ФСБ?

– Зная влияние «Хамелеона», я даже предполагать не стану. Ладно, со своими бы разобраться. Как азиатов из подвала

допрашивать, не представляю... Кто там у нас дальше?

В коридоре Илья поделился с Русланом костылем. Оба побрели к выходу.

– Тебя с больнички прямо сюда привезли, что ли? – спросил Илья.

– Вроде того. Менты готовы были на руках меня к следователю занести, что никаких костылей не нужно. Торопятся, – с кислым лицом поведал Руслан. – Если б не та девушка – минус нога и литр крови.

– Да, хоть где-то повезло.

– Спасибо, что впряглись.

– Знаешь, я с первого взгляда понял, что ты нормальный парень, потерялся просто. И как тебя угораздило на таких уголовников нарваться?

– Сам не понимаю.

– Ладно, ты протокол допроса хоть прочитал?

– Да какой там. Я сейчас два плюс два сложить не смогу.

– Ты в чем-либо признался следователю?

– Рассказал все, как было.

– Он задавал вопросы относительно твоей роли?

– В основном слушал. А блондиночка текст набивала.

– Сочувствую, что тебе приходится отдуваться за других.

Но советую тебе готовиться. В ближайшие дни у коронера в голове все сложится, и он вызовет тебя повторно, чтобы предъявить обвинение.

– Чего ж он не сделал этого сразу?

– Сразу за решетку валят настоящие преступники, чья вина очевидна. Не появись вы в «Хамелеоне», не стали бы косвенно причастны. Да уж, дело резонансное. Нужно иметь пытливый ум и стальные яйца, чтобы раскрутить его в правильную сторону. Здесь никуда без согласования начальства. А ты со следствием сотрудничаешь и не так опасен, как те двое. Угнанная машина на месте, похищенный человек тоже. Следак тебя отпустил, но это пока. Он проницателен, понимает, что бежать тебе незачем, – Илья смекнул, что Руслан может привлечь к себе беглецов, которых можно будет взять на блюдечке. Наверняка за домом пацана установят наблюдение. – Это остальным нужно скрываться – заслужили. Советую тебе в ближайшие дни не высовываться и являться по требованию точно в срок. Думаю, наказания тебе не избежать, но оно будет снисходительное. Я найду тебе хорошего защитника – есть на примете парочка спецов, которые мне обязаны, потому не откажут.

– Не описать словами, как я жалею.

– М-да, парень, представляю, что у тебя сейчас на душе. А так бы спал спокойно дома.

Они вышли из дверей райотдела полиции. Необходимо преодолеть лестницу. Пандуса, конечно же, не предусмотрено.

– Черт, теперь я понимаю инвалидов, – ругнулся Илья, думая, как же спуститься, чтоб без болевых ощущений. Хромой Руслан тоже не помощник. – Я тебя подвезу.

– Это лишнее. Вы и без того много для меня сделали. И сами ногу повредили.

– До свадьбы заживет. Гнался за твоими дружками на общественных началах. В дружинники, что ли, податься?

– Никогда бы не подумал, что кто-то способен так фанатично биться за старенькую тачку.

– О-о-о, она много для меня значит. Мой дед ездил на такой. «Победа» – это воспоминание из моего детства.

– Найти бы тоже себе дело по душе.

– Ты вот сейчас как идти собрался в таком состоянии?

Руслан промолчал, понимая, что дорога до дома предстоит долгой и тяжелой.

– Я тебя доброшу. И без разговоров. Вон моя машина... Едрить-кудрить, как же она далеко, когда ты на одной ноге, кхе-кхе. Знаешь, дело делом, но сейчас твоя главная задача утрясти все с родителями.

Паренек заметно поник.

– Как я теперь к ним?

– Да уж как-нибудь. За свои поступки нужно отвечать.

– Отец меня убьет...

– А ты думал, когда шел на дело, что папа тебя по головке погладит?!

– Я уже тысячу раз пожалел, что туда поехал. Извините.

– Перед матерью извиняться будешь. Вот вы, молодые, не понимаете ни хрена, что чувствуют ваши родители, когда вас нет рядом. Они наверняка тебя потеряли. А от всех новостей

– тем более из мусарни – места себе найти не могут. Воображаю, каким подарком для них станет возвращение блудного сына, что бы ты ни сделал. На то они и родители. И они выслушают тебя.

– Вы не знаете моего отца. Я... боюсь...

– А следить за людьми и красть машину у тебя смелости хватило, – осадил Руслана Илья. – Слушай, я все же адвокат – всякого насмотрелся на своем веку. А еще я медиатор – веду переговоры, улаживаю различные споры, чтобы до суда не доходило. Давай я поговорю с твоими предками.

– Вас и слушать не станут.

– Ты меня недооцениваешь. Или у меня до того рожа неинтеллигентная?

– На меня тут же набросится отец. Без разговоров.

– Я попробую что-нибудь сказать за это время, пока его кулак летит в сторону твоего шнобеля. Но все будет серьезно, по-взрослому.

– Кажется, я больше никогда не улыбнусь. Детская беспечность, досвидули.

– Зачем же ты так? Плохая компания. Всего лишь плохая компания. Не отчаивайся – все образуется. Руки, главное, не опускать, к бутылке не прикладываться и нос в дьявольской перхоти не топить.

– Мне капец как неудобно перед вами.

– Неудобно на велике без сидушки гонять. Так или иначе, из вашей преступной троицы ты оказался самым честным и

стойким, так что не все еще потеряно. Ничего не бойся.

– Как вы думаете, их поймают?

– Да куда они денутся. Я так понимаю, твои соратники – люди в городе знаменитые. Их может сдать кто угодно. Сивый с пулей в животе в больнице, а Рыжий наверняка вот-вот замерзнет от переохлаждения.

– Откуда вы знаете?

– У меня свои информаторы.

Они подошли к «КІА» Ильи.

– Прыгай.

Адвокат открыл пассажирскую дверь, и Руслан узрел перед собой Мишу и Льва. Ему показалось, что они сейчас съедят его живьем, а сам он готов улепетывать отсюда – даже на одной ноге.

– Чего застыл? – произнес Илья. – Садись. Они не кусаются.

– Вот, значит, какое дело у тебя осталось, – с недовольством сказал Михаил.

Чего им, собственно, радоваться: Рыжего упустили, еле как машину из сугроба вытолкнули и искали Илью по всем закоулкам, чуть ли мысленно не похоронив председателя клуба. Ночка вышла та еще. А как же хорошо она начиналась. Ладно, хоть остались целы (почти).

– Теперь пьем только в присутствии родных и близких.

– Так тебе дома не разрешают пить.

– Глядишь, и бросим, – вывернул механик Михаил.

– С прошедшим днем рождения, Лева! – объявил Илья, садясь на заднее сиденье рядом с Русланом. – Ты где живешь-то, малой?

– В Колупаевке.

– Туда и держим путь.

За руль сел Михаил. По практически свободным в субботу улицам они быстро добрались до места.

Руслан вышел из машины, взглянул на небольшой одноэтажный домишко с резными воротами, напоминающими деревенские, и застыл в нерешительности. Следом вышел Илья, попросив друзей подождать.

– Чего стоим? Кого ждем? – хлопнул Руслана по спине адвокат.

– Вы сами прекрасно знаете.

– Знаю, еще как знаю. Но ты вот хотел почувствовать себя взрослым, почувствовать себя мужиком, ощутить экстрим и безнаказанность. Учись теперь принимать последствия. Найди уже яйца в штанах и нажми на звонок. Я тебя прикрою.

– Ладно, – растерянно произнес Руслан.

– Прости, а что случилось с твоей мамой?

– Сбил один гонщик... прямо на зебре.

Не успел Руслан прикоснуться к звонку, как калитка шумно распахнулась. Из двора на визитеров исподлобья взглянул суровый мужичок-татарин, как две капли воды похожий на Руслана: только постарше, побледнее и помордатее, с выразительными серыми глазами и лицом, по которому ясно,

что мужчина еле как сдерживает неистовый гнев (явно увидел гостей из окна).

– Что я вижу? Доигрался, щенок?! Мать бы пожалел...

– Атай...

– В дом пошел! – сквозь зубы прошипел отец Руслана, больно схватил его за шею и резко дернул на себя. Парень, потеряв костыль, свалился на дворовую землю. – А вы кто? Из полиции?

– Можно и так сказать. Мы приехали из полиции, – технически Илья никого не обманывал.

– Я на работе был. Ваши звонили моей жене. Она мне рассказала, что произошло. И, честное слово, я никак не мог подумать, что услышу такое о своем сыне хотя бы раз в жизни.

– Я могу пройти в дом и поговорить с вами? – деловито попросил разрешения Илья Александрович.

– Конечно, проходите, – папа Руслана пригласил гостя внутрь и прикрикнул на растянувшегося у входа сына, чтоб тот не позорился и поднялся. – Я тебе еще задам, гаденыш.

Илья зашел в сенцы, а из них попал в кухню и словно перенесся в деревню. Убранство прямо-таки вторит сельскому духу: домик компактный, потолки низкие, русская печка, но удобства вроде не во дворе.

На кухне у окна с грустным видом сидит худая русская женщина в платке. Сидит на инвалидной коляске. Адвокат застыл в дверях. Мимо него в кухню швырнули Руслана – он упал на пол, его лицо исказилось болью, но с колен он

не поднялся, а только стал кланяться в пол, будто неуклюже отжимается.

– Мама, прости меня... Прости, – из глаз паренька брызнули слезы, а женщина даже не смотрела на сына, словно так расстроилась, что потеряла дар речи. Явно натура чувствительная.

– Садись, мерзавец, и молчи! – рявкнул отец. – Еще про машину мне расскажешь.

Руслан заполз на табуретку у печки и превратился в предмет интерьера. Внимание домочадцев переключилось на Илью.

– Садитесь, пожалуйста, – хозяин подставил к столу стул. – Чаю хотите?

Илья внезапно осознал, что целую вечность ничего не пил (из безалкогольного). Он уселся на приготовленное ему место и представился, кто он есть на самом деле. От этой информации мужик долго не мог опустить чайник на плиту, пытаясь переварить то, что у него в доме сидит пострадавший от действий Руслана. При этом враждебности на его лице не наблюдается. Женщина же печально взглянула на Илью.

– Мне стоило бы попросить у вас прощения за моего сына, – глава семьи с трудом подбирал слова. – Я как-то сразу не...

– Пустяки, – махнул руками Илья. – Все, что случилось – это всего лишь недоразумение, если разобраться. Однако си-

туация вокруг вашего сына вышла неприятная. Давайте я...

Здесь Илья боковым зрением заметил, как кто-то низенький в розовой пижамке с интересом за ним наблюдает из большой комнаты. Он повернулся и увидел милую девчонку с пухленькими щечками, черными косичками и с баранкой в руках, что стоит на ковре и большими как у отца глазами изучает незнакомца. Ей от силы годика два.

«У тебя еще и сестра маленькая есть? Да ты должен отцу помогать безвылазно, а ты шляешься, где попало!» – Илья ментально послал Руслану сигнал, что выразилось в пристальном взгляде в его сторону. Тот явно сгорал от стыда.

– А это наша дочка, – пояснил Илье мужичок и обратился к маленькой девочке. – Тебя братик непутевый разбудил, да?! – мужик прошел в комнату и взял на руки дочь, покачал ее, что-то шепча ей на ушко.

– Вы хотели нам что-то рассказать? – заговорила Наталья Михайловна, мама Руслана. Ее голосочек Илья ассоциировал с тонкой струйкой пробивавшегося меж скал родничка. – Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

– В общем, дело такое, – Илья обстоятельно пояснил все от начала до конца с упором на то, что Руслан всего лишь попал под плохое влияние и не смог от него освободиться, отчего пришлось нарушить закон. Сам рыцарь дня понурил голову, зацепив ладони в замок, и готов был под землю провалиться от всех подробностей. Проклял он себя достаточно.

Илье не привыкать излагать суть процесса родственникам

подзащитных, поэтому его нисколько не сбивала перемена выражения лица хозяина дома: удивленное, яростное, беспомощное, трагичное, стыдливое. Лишь мать поразительно спокойна и безэмоциональна. Адвокат упомянул, что найдет отменного защитника для их сына.

– У нас не хватит средств на адвоката.

– Думаю, я смогу договориться. Уверен, что до серьезных трат не дойдет. Они обычно возникают, когда производство дела затягивается.

– А пусть ему впаяют условку, чтоб неповадно было, – вспылал отец.

– Равиль, – тихо назвала его по имени супруга.

– Условка или штраф в данном случае – это замечательный вариант, как бы ужасно это ни звучало, – обратил внимание Илья. – Думаю, все переживания, что испытывает ваш сын, послужат ему хорошим уроком и без всего прочего.

– И чего тебе только не хватало, сынок?! – опять заговорил Равиль.

– Что ж, думаю, я сделал достаточно. А вам всем нужно остаться в семейном кругу, чтобы...

– Если нужно оплатить вам за все хлопоты, то я... – вскочил Равиль.

– У меня есть одно предложение, – начал Илья, – в качестве урока для вашего сына, которое вы, Равиль, наверняка поддержите.

– Я вас слушаю, – опустил на табуретку мужик.

– Я теперь обращаюсь к вам не как правозащитник, а как, к сожалению, пострадавшая сторона. Я всеми фибрами души буду добиваться, чтобы тех двух уродов, что обмазали грязью имя вашего сына, хорошенько засадили. И буду болеть, чтобы ваша семья не лишилась нужных мужских рук.

– Мы вам благодарны.

– Дело в том, что я на досуге занимаюсь восстановлением советских и не только автомобилей. Поэтому – я ни в коем случае вас не заставляю – я хотел бы забрать пострадавшую машину вашего сына. Думаю, это будет справедливо. Как считаете?

– Знал бы я, когда брал себе новую, что старая принесет Руслану столько зла, спалил бы ее на огороде. Кстати, а где она?

– Наверняка еще у клуба, да? – Илья посмотрел на Руслана, что утопил свое лицо в ладонях. – Явно она станет вещественным доказательством, как и моя «Победа». А когда уже криминалисты и все прочие эксперты с ними наиграются...

– Конечно, забирайте, я не против, – согласился отец Руслана. – Вы так добры. Спасибо, что не оставили нашего сына в беде, даже несмотря на...

– Поступить иначе я не мог. А насчет машины...

– Не переживайте. Пешком будет ходить, ножку разрабатывать, – подхватил отец, обратившись к Руслану. – Эй, слышишь? Ты у меня ее себестоимость полностью отработаешь, засранец.

– Равиль...

Илья все это время оглядывал кухню: все чисто, все прибрано. Явно основной заработок и хозяйство на плечах отца. Вот и сын заодно вернется к непосредственным обязанностям. Да уж, видно, как неуютно чувствует себя его мать в таком положении, беспомощная и угрюмая.

– Что ж, мне пора идти, – раскланялся Илья и оставил свою визитку. – Приятно было познакомиться.

– Жаль, что обстоятельства такие...

Как только «КІА» исчез из окна, отец Руслана стал чернее тучи.

– Какой позор! – воскликнул он, стукнув кулаком по столу. – Я не знал, как из-за этой гниды, – он указал на сына, – человеку в глаза смотреть. Он к нам со всей добротой, а ты...

– Равиль, – произнесла жена, – он еще ребенок.

– Наташа, разве ты не поняла?! Маячит суд. Да что там суд... Он у нас в обезьяннике сидел. Как это скажется на его учебе, на будущей работе? А что про нас теперь говорить станут? Кто-то думает об этом вообще?! Ребенок, говоришь? Он уже мужик без пяти минут. И должен отвечать за свои поступки. Машины уже лишился. Да срать я, конечно, хотел на эту рухлядь. Но так нас опозорить. Никогда такого не было в моей семье! Он должен нам помогать, а он вон что вытворяет, – Равиль нервно бродил по кухне.

– Отец... – начал было говорить Руслан.

Мужчина мгновенно шандарахнул сына по лицу, что тот

слетел с табуретки на пол, словно его пулей прошило. Руслан признал свою вину, потому не оборонялся и терпеливо молчал.

– Не думал я, – продолжил Равиль, – что когда-нибудь воспользуюсь этим. Метод дедовский, рабочий, проверенный, – приговаривал он, выйдя в сенцы и вернувшись с толстым ремнем.

– Равиль...

– Ничего, Наташа, на всю жизнь запомнит. Потом еще спасибо скажет.

Руслан не сдвигался с места. Равиль поднял с кровати дочку и отдал ее в руки матери, чтобы та в случае чего успокоила малышку, если напугается. Дальше отец схватил сына за шкуру и потащил его во двор. Там он швырнул провинившегося отпрыска на пенек, предназначавшийся для колки дров, резким движением руки спустил штаны с его тощей задницы и высек Руслана ремнем.

Когда же на Челябинск опустились очередные зимние сумерки, Руслан все еще валялся на кровати в своей комнате на животе: с ягодиц словно содрали кожу, сидеть на них невозможно, как и надевать что-либо из материала грубее семейных трусов. Он просто неподвижно лежал, иногда плакал в подушку. Отец запретил матери приближаться к сыну и жалеть его: мол, пусть как следует подумает над своим поведением и наберется смелости, чтобы выйти, а когда сие произойдет, можно его пожалеть и обсудить, что же делать

дальше.

В окошко комнаты постучали. Руслан вздрогнул и сделал над собой усилие, чтобы отдернуть занавеску. За окном нарисовался Рыжий. Его видок несколько шокировал: лицо в синяках, шрамах и кровоподтеках, разодранная и промокшая вязаная кофта, измазанная кровью и грязью, дрожащие от мороза ноги и плечи, почерневшая рана на руке. Бывало, он умудрялся пробраться к Руслану огородами, чтобы тот его спрятал. И сейчас он в надежде вглядывался в окно, ожидая, когда створки распахнутся и его запустят внутрь согреться.

Руслан равнодушно глядел на Рыжего, чего обычно за ним не водится. Парень просто представил, что сейчас может произойти... Гавкнет собака во дворе, отец спохватится и выбежит с двустволкой в огород, а дальше два варианта: либо он стреляет в лоб одному Рыжему, предварительно поставив его на колени, либо он беспорядочно палит в темноте по таким же темным очертаниям, во-первых, вора, что лезет в его дом, и, во-вторых, предателя-сына, что помогает вору залезть.

«Противодействие коррупции»

На заполненном бланке проставлена дата: «17.12.2011».

– Итак, уважаемые члены комиссии! – объявил Валерий Бережной. – Можем считать наш выездной осмотр завершенным. Отметьте, пожалуйста, в протоколе точное время проведения мероприятия и недельный срок на подготовку всех необходимых документов и заседания комиссии для коллегиального принятия решения. Семь дней всех устраивают, коллеги? – он оглядел разномастных членов комиссии, представителей различных организаций и учреждений, специалистов (каждый в своей сфере), мужчин и женщин, молодых и пожилых, в дорогущих шубах и куртках с китайского рынка. Бережной получал несказанное удовольствие от ощущения, что перед ним челядь, цыплята, ожидающие от него пшена, ради которого морозятся сегодня здесь, а он правит балом, решает, сколько кому достанется. – Что ж, хорошо. Подготовили акты? Замечательно. Остается только подписать у арендатора, – он незаметно подмигнул членам комиссии – все оживились: надежда вспыхнула в их глазах, ибо зря, что ли, они лазили по этой свалке.

Все шло по заранее обговоренной схеме. Тигран Хасанович забурился в вагончик, как и договаривались, поставив своего подручного Гордея на стреме, чтоб отгонял ненужных свидетелей. Гордей с недовольством сложил руки на гру-

ди: его хозяин от мандража умудрился ночью нажраться, помощник еле привел Тиграна в чувство вместо того, чтобы съездить ночью на скупку и проверить, как ее охраняют.

Комиссия кучкой сбилась на дороге, не спуская глаз с Бережного.

– Что-то Тигран Хасанович в вагончике застрял. Пойду позову его, – Бережной зашагал в сторону сторожки с документами в руках.

«Надо же, – он посмотрел на вагончик, – ну и срач. Заранее же предупредил. Мог и в порядок его привести – хотя бы для вида». Сильно чешется левая рука – еще бы, столько денег в качестве взятки Бережной прежде не назначал, мысленно гладил себя по головке от грандиозного развода, на который купился Тигран. Посему такая мелочь, как выбитые стекла вагончика, не способна испортить ему столь замечательный день. Все утро он пребывал в приподнятом настроении, не ходил по базе, а подпрыгивал от предвкушения. Все шло как по маслу.

– Приготовиться к захвату, ребята, – прошипела рация у СОБРа. Вещали из командного пункта.

Спецотряд уже давно взял в кольцо место коррупционного преступления – причем так искусно, что никто и не приметил присутствия бойцов. Привлечение СОБРа, надо сказать, чисто для красоты, демонстрации силы и жирного намека от полковника Меркурьева прочим коррупционерам.

– Не знаю, что лучше: брать «Хамелеон» посреди ночи

или морозить жопу здесь, – вели переговоры сослуживцы.

– Мужики говорили, что знатно оторвались в том клубешнике. На голых баб насмотрелись вдоволь.

На другом фланге шел аналогичный разговор, но в ином ключе:

– Гляди-ка, какой веселый, аж светится, – глядел в бинокль на Бережного СОБРодец. – Через минуту его вонючая физиономия не будет такой радостной.

– С удовольствием утку его в снег. Всю страну разворовали, сволочи!

В командный пункт доложили:

– Товарищ полковник, к месту операции направляется «УАЗик» патрульно-постовой службы. Что делать? Остановить?

Полковник Меркурьев, руководивший операцией, не на шутку встрепнулся – ночью ДПС, а теперь ППС:

– Чего там патрульные забыли?! Им заняться, что ли, нечем?! – обратился он к своему адъютанту – тот лишь развел руками. Полковник схватил рацию. – Нет, ничего не делайте. Заблудились, наверное.

– Принято.

Через минуту тот же боец доложил, что машина заехала на территорию базы.

– Сука! – выругался Меркурьев. – Набыю морду начальнику ППС! – он переключился на другой канал. – Что там? Доложите!

– Объект еще не вышел с деньгами.

– Давай же, Тигранчик, шевелись, – приговаривал Меркурьев в надежде, что штурм случится раньше того, как полицейская тачка прибудет к месту действия. – Как только объект выйдет с деньгами, начать захват немедленно.

– Есть.

Бережной не шел, а дефилировал. Поднимался по ступенькам к двери вагончика неторопливо и вальяжно. Внутри ждет солидный куш.

Распахнув дверь, Бережной обомлел от увиденного. Внутри полнейший беспорядок, а Тигран Хасанович находится в весьма компрометирующей позе. Тучного кавказца словно пополам согнул радикулит. Кровожадная тахта раскрыла пасть и проглотила голову хозяина скупки, а его безбрежная задница в спортивных штанах осталась снаружи, ибо не пролезла.

– Что с вами? – Валерия возмутило, почему толстяк до сих пор не приготовил наличку.

Тигран Хасанович болел после ночной попойки. В довершок под тахтой он обнаружил то, что погрузило его в глубочайший шок, отчего вылезать во внешний мир никак не хотелось. Мужик периодически вздрагивал, отчего жир на его теле волнообразно трясся. Небритым лицом, окропленным слезами, он глядел в раскрытый сейф, который совершенно пуст. Меченые деньги пропали.

– Убью скотину... Прессом раздавлю...

Он не мог объяснить, почему предпочел нажраться, а не сидеть до утра самолично в обнимку с сейфом или послать пустоголового Гордея сторожить деньги. А этот пацан, Андрей, за секунду положил их на лопатки. И что он сейчас скажет Бережному, что он скажет Меркурьеву? Они же сотрут его бизнес с лица города, а после и вовсе засадят. Нужно было пойти в вагончик раньше и во всем убедиться. Но он предпочел ни на шаг не отходить от комиссии: вдруг обманут, подтасуют что-нибудь. Только он заметил, что вагончик из плохого состояния перешел в худшее, сразу же кинулся внутрь... и вот...

– Тигран, кончайте ломать комедию, – напомнил о себе Бережной. – Не нужно заставлять должностных лиц ждать. Я не поставлю подпись в акте, пока...

– Деньги... пропали... – послышалось из-под тахты.

– Что-что? – не поверил своим ушам Бережной.

– Клянусь... я ни при чем.

Улыбка стерлась с лица чиновника в пальто, при галстукке, но без шапки. Его шевелюра от такой новости волшебным образом зашевелилась, а зубы чуть не содрали губы в кровь.

– Вы что же, так шутите надо мной? Вы... вы... Ты, слонopotам потлатый, захотел, чтоб вышло как с «Хамелеоном»?! Я же тебе это устрою... сегодня же.

– Меня обокрали, – заплаканный Тигран наконец-таки вылез.

– Хорош дурочку валять. Где бабки?!

Людам в сторожке стало в сотню раз страшнее, когда в окошко они узрели, как к ним приближается полицейский «УАЗик». Комиссия глядела на все как из зрительного зала. Гордей напрягся, посмотрев в сторону вагончика, и стал размышлять, помочь хозяину бежать или быстренько смыться в одного.

– Ты что, – Бережной озверел и покраснелся как дракон, – сдал нас?! – он схватил Тиграна за грудки, выпустил из рук планшетку с бумагами.

– Нет-нет-нет, – вертел головой Тигран, еще сильнее расширяя запах перегара вперемешку с клубничной жвачкой.

– Да я тебя здесь сгною, падла неблагодарная! Сколько лет я возился с твоей помойкой!

Бережному противно прикасаться к Тиграну. Он стал соображать, как нивелировать последствия столь щекотливой ситуации. В итоге серый кардинал выскочил из вагончика и слетел со ступенек, что никак не согласовывалось с миной полнейшей невозмутимости. Глаза слезились от снега, что искрился на солнце. Он готовился вскричать во всеуслышание, что хозяин скупки предложил ему взятку.

– Объект без денег! Он пустой, пустой! – сообщали СОБРовцы, сидящие в засаде.

– Отбой! Никому ничего не делать! – выкрикнул в микрофон Меркурьев. Такой исход явно не входил в его планы. – Всем ждать приказа!

– Кажется, – не выпуская из рук автомат, произнес один из замаскированных бойцов, – только что кто-то спугнул взятку на лимон и накрыл всю операцию медным тазом.

– Полковнику за нее обещали повышение, – слышалось в рации.

– А разве не за «Хамелеон»?

– Видимо, он решил на две операции, чтоб наверняка.

Валерий с высоко поднятым подбородком, застегивая пальто, решил сыграть роль. Уверенный в том, что сможет отвертеться, он у всех на глазах поднял руки, показав, что чист перед законом, что ничего не брал в вагончике и пошел навстречу «УАЗику», словно хотел загородить своим телом пулеметный дот.

– Такую операцию загубили, – сбросил с себя наушники полковник. Ему сообщили, что объект в данный момент поднял руки и идет на полицейскую машину, словно сдается с поличным. – Ага, с тысячью рублей в кармане и билетом на трамвай, на котором он сюда приехал. Сколько лет его пасли! И теперь его нужно брать только за то, что он вознес руки к небу?! – ругался Меркурьев, мысленно подав сигнал Тиграну, мол, выкручивайся сам.

«Пускай докажут. Я ни за что не сяду!» – как мантру крутил в голове Валера. Сколько раз он прорабатывал всевозможные сценарии его поимки с поличным, изучил тонны нормативно-правовых актов и судебную практику – одним словом, подготовился к любому развитию событий. За ним

стояли сильнейшие юристы и обязанные ему люди в исполнительной, законодательной и судебной власти в Челябинске и за его пределами. Бережной быстро догадался, кто его па-сет.

Однако молодой мент, что вышел из «УАЗика», не проявил к человеку, готовому оправдываться хоть 24 часа подряд, никакого интереса.

– Там что-то случилось? – спросил Бережного Виталий.

– Я ни в чем не виноват.

– Что?

– Что? Вы о чем вообще?

– Ну вы же мне руками показываете дальше не ехать, – предположил стажер.

Фраза поставила Бережного в тупик – такой вариант развития событий он точно не прорабатывал. Он не так представлял себе арест, потому и остался стоять около «УАЗика» с поднятыми руками, ожидая дальнейших действий патрульного.

– Мне нужен хозяин базы. Где его найти? – вежливо поинтересовался Виталий, обратившись к Бережному.

Валера молча указал в сторону вагончика. Туда и отправился улыбчивый Виталик, предварительно прихватив с собой ранец Андрея и поздоровавшись по дороге с членами комиссии, что стояли в сторонке и продолжали наблюдать за действием. Бережной взглядом следил за Виталиком, став медленно опускать руки, понимая, что прибыли-то не по его

душу. Но сердцем чуял: что-то здесь не так.

Виталий поднялся по ступенькам, на которых прошедшей ночью его чуть не пристрелили, и отворил дверь. В центре вагончика сидел хозяин базы с растерянным видом. Узрев человека в форме, Тигран Хасанович весь затрясся, поднял свое большегрузное тело с пола и принялся в качестве оправдания нести какую-то ахиною с ярко выраженным кавказским акцентом, активно жестикулируя. Виталик не понял ни слова, но решил убедиться напоследок:

– Вы хозяин скупки?

– Да, – плаксиво ответил Тигран, готовый сознаться во всех смертных грехах.

– Тигран Хасанович? – уточнил Виталик.

Как же тот хотел ответить «нет». Он чувствовал, как на глаза налетает темнота, как становится нечем дышать, но он героически не терял сознания. Пролетела мысль, что долго ведь он продержался в этом бизнесе – неужели все кончится именно так?

– На дворе суббота, а вы на работе. Похвально.

Тигран посчитал, что эта реплика полисмена ему почудилась. Он состряпал такую мину, словно не расслышал сержанта.

– Вы, я вижу, очень расстроены. Оно и ясно – вас же ограбили.

Менты так над ним издеваются, прежде чем арестовать? Хозяин скупки хотел ударить себя по щекам, чтобы очнуться

и понять, что он уже давно в тюрьме. Вместо этого он, вытирашив глаза, закивал.

– Но хочу вас обрадовать. Мы задержали грабителей и при них оказались ваши деньги. Они в...

Виталик не успел предъявить Тиграну ранец, как тот неистово выхватил его из рук стажера. Как и сейф, ранец пуст.

– А где же деньги? – вопрошал Тигран.

– Понимаю, сумма солидная. Но ваши деньги – это вещественное доказательство, которое будет вам выдано только после завершения расследования.

– Вот оно что, – выпустил ранец из рук Тигран.

«Что же будет, когда они поймут, что купюры меченые?» – подумал он.

– Вы еще не заявляли?

– Нет, не успел. Я тут... У меня вон...

– Понятно. Ваши деньги унесли в этом самом ранце. Он вам знаком? – Виталий словно вспоминал страницы из учебников, в которых описывался процесс расследования, допроса свидетелей и пострадавших.

– Вроде бы нет, – покопался в памяти хозяин скупки, – хотя-я-я...

– Вот запомните сейчас, что вы хотели сказать. И проедем со мной в отдел, где вы дадите показания.

– А вы разве не...

– Я всего лишь сотрудник патрульно-постовой службы.

Дело в том, что в отделе аврал, людей не хватает. Вот меня и попросили как осведомленного в этом деле разыскать вас. Но у меня в планах перейти в подразделение посolidнее.

– Успехов вам.

– Поздравьте меня. Это мое первое настоящее дело, так сказать. Первый опыт, первый достигнутый результат, – Виталик не мог скрыть радости. Он никак не предполагал, что косвенно виновен в срыве грандиозной операции по поимке злостного коррупционера. Ох, как бы орал на него Барзило, но он в отпуске.

– У меня к вам ответная просьба.

– Какая?

– Вы не могли бы сказать вон тому господину в пальто, – Тигран указал на Бережного, – что деньги действительно украли.

– Не вопрос.

– Вы очень меня выручите, – одновременно Тигран думал, как ему объясняться с Меркурьевым.

– Так мы с вами едем в отдел?

– Ой, можно ли я сам до него доеду чуток попозже? Что люди подумают, когда увидят меня в машине полиции?

За горами лома сворачивались два СОБРовца.

– Лучше б спал дома, – сетовал один.

Только они собрались незаметно исчезнуть с территории, как путь им перегородил пес с приветливой мордашкой, но с грустью в глазах.

– Ого, гляди, – второй СОБРовец показал пальцем на дворнягу, вилявшую хвостом.

Местный пес по кличке Гаврик держал в пасти крупную кость.

– Надеюсь, кусаться он не собирается.

– Еще бы, рот вон чем занят.

Как по указке Гаврик освободил кость из пасти и спокойно скрылся.

– Ну молодец, пес! Спасибо, мы сытые.

– А кость-то крупная, капитан.

СОБРовец постарше присел, чтобы поближе ее рассмотреть.

– Слышь, лейтенант, – объявил капитан, – давай-ка мигом сообщи по рации начальству. Надо брать ублюдков, что тут заправляют, пока не ушли.

– С чего такая спешка, товарищ капитан? Из-за кости коровы?

– Если бы коровы, лейтенант. Кость человеческая. А кладбищ в округе нет.

«Его глаза напротив»

– Останови вон на той заправке, – попросил Артур.

– Ты чего там забыл? – огрызнулся с водительского места Колян. – Ты с Владимиром Аполлоновичем только на одну просьбу договаривался.

– Хочешь, чтоб я с твоим шефом вопрос про «поссать» обсуждал? Все равно по пути.

– Не привык твой напозаженный конец в поле на морозе мочиться, да? Ладно, так уж и быть, – Николай кивнул напарнику в кожанке. – Но учти: мы парни небрезгливые – если надо, в твою кабинку зайти не постесняемся, чего бы ты ни задумал.

– Не бойтесь, вены себе резать не стану. Достаточно крови на сегодня.

– Хорошо я тебя подстрелил, да? Хрен пришьют, – злорадствовал Коля, поворачивая к заправке, на которой трудился Леша, друг детства Артура. Он хотел сказать однокласснику, что тот был прав от начала и до конца. Остается объяснить с Таней, что в миллион раз сложнее предстоящей пробы пера.

Замки на дверях щелкнули, и Артур вылез из машины.

– Помни, он нам нужен живым, – напомнил напарнику Коля. Тот молчаливо кивнул и пошел вслед за Артуром.

Опальный сутенер стал подходить к заправщикам и загля-

дывать им под капюшоны в поисках Лехи. От такого интереса те шарахались.

– Он чего, полоумный?

– Эй, потерял кого?

– Странно, – задумчиво произнес Арчи и направился в мини-маркет при заправке. – Может, не его смена?

Со вчерашнего дня ничего не поменялось. И персонал как под копирку. Артур подбежал к кассе – точь-в-точь та же оператор.

– Здравствуйте, девушка. Скажите, вы помните меня? Я вчера заходил к вам, просил позвать администратора и купил кондомы?

Девушка слегка отстранилась от настырного клиента (неуравновешенного, судя по глазам), приметив на забинтованной кисти отсутствие одного пальца.

– Нет, я бы вас точно запомнила.

– Как же так? – удивился Артур. – Быть не может. Вы за дурака меня держите?!

– Что у вас случилось? – тут как тут возник администратор заправки. Тот же, что и вчера. Он обязан отшатнуться от Артура как от огня. А этот стоит как ни в чем не бывало да светит своей высокомерной рожей во все стороны.

– О-о-о, а вот и ты! Привет! Помнишь меня?

– Не помню. А с чего бы мне вас помнить?

– Странно. Я вчера грозился подорвать твою заправку.

Сопровождающему Артура показалось, что тот желает

привлечь ненужного внимания своим вызывающим поведением.

– Хватит. Пойдем.

Арчи вырвал руку из лап сподвижника Озерова-старшего.

– Я не помню такого, – спокойно ответил администратор.

– Да быть не может! Ты что, самый смелый?! – терял терпение Артур. Рассудок не может сыграть с ним такую злую шутку. Или может?

– Довольно! Я сейчас вызову полицию. Пускай разбираются.

– Слушай, если ты сейчас же не сознаешься в спектакле, что вы устроили, я разнесу заправку вот этими руками, – забинтованная правая кисть ничуть Артура не смущала.

– Пошли, – уже настойчивее просил мужик в кожанке.

– Что с вашим знакомым такое?

– Прошу прощения. Он слегка не в себе. Травма сказывается.

– Не смей делать из меня психа! – вскричал Арчи. – Леха!

Позовите мне заправщика Алексея. Немедленно!

– У нас такого нет.

– Как нет?! Он уволился?!

– У нас заправщики с таким именем и до этого не работали.

– Ты врешь!

– Я настоятельно прошу вас покинуть помещение.

Артура, что взялся за голову, легонько вывели из ми-

ни-маркета и посадили в машину. Неужели откровенный разговор с одноклассником целиком и полностью смоделировало его воображение? Когда же он успел свихнуться?

Ноющая боль отрезвляла. Указательный палец правой руки зудил, хотя пальца уже не было. Отчекрыжили окончательно.

В одном из дворов Копейска в навороченном «Порше» пробудилась Татьяна. Она так и уснула за рулем, припарковавшись аккуратно у подъезда, в котором проживает ее мама. И как только Таня умудрилась с такими бурлящими эмоциями добраться до пригорода Челябинска без происшествий? Водительское кресло мягкое; в ногах валяется бутылка вина (пустая). Она потянулась, зевнула. В салоне душно, работает печка, мерно гудит движок (его не заглушили), горят фары.

Таня посмотрелась в зеркало. Так себе видок для девушки, следящей за внешним видом. Глаза красные, тушь потекла, макияж превратился в сюрреалистическое полотно. Танюша поправила волосы, порылась в бардачке, откуда достала помаду. Однако невидимый затвор в голове напустил на нее целую волну воспоминаний: новость о беременности, предательство любимого, крах всех планов, месть завистливой сучки Лизы, попытка самоубийства. Помада выпала из рук. Таня расплакалась (не опять, а снова). Не знала, что теперь делать. Спросонья она и позабыла, что жизнь ее в руинах, а душа опустошена. Она постаралась отдышаться и взять себя в руки при помощи техники, которой ее обучили

«как бы психологи» на «как бы тренингах». Помогло несильно (совсем не помогло). Вернулись и вчерашние мысли, что она ничего собой не представляет, как неожиданно девушка узрела его...

– И без резких движений, понял? Мы за тобой наблюдаем, – пригрозил Николай, выпуская Артура из тачки. – У тебя минута на телячьи нежности.

– Тебе и суток на них не хватит. Так что завидуй молча, – хлопнул дверью Арчи.

– Педрила дырявый, – бросил Николай.

Тане показалось, что Артур – плод ее воображения. Она всего лишь приняла желаемое за действительное. Но все происходит наяву.

Арчи одиноко стоял посреди внутриквартальной дороги, слегка сутулясь и бережно придерживая пострадавшую кисть здоровой рукой. Он опечален и подавлен. Однако эти эмоции в одночасье стерлись, когда на дорогу к нему вышла она. Возлюбленные встретились взглядами: ее взглядом надежды и его взглядом безысходности. Артур понимал, что с высокой долей вероятности он может больше не увидеть невесту. Поэтому необходимо подобрать правильные слова, емкие и осторожные. Сможет ли он вообще заговорить с Таней после всего произошедшего? Он вспомнил, что ему сказал тот парень в «красной комнате». Таня же воспаряла духом, когда увидела любимого. Надежда на счастье и реализацию ее мечтаний снова заполнила девичье сердце прият-

ным теплом. Оба не представляли дальнейшую жизнь друг без друга. Но все гораздо сложнее...

– Ты пришел...

– Я не мог не прийти.

– Как ты узнал, где я?

– Хотелось сказать, что меня просто к тебе тянет. Но это как-то по-детски банально, – они неторопливо двинулись друг к другу. – Когда тебе было плохо, ты всегда уезжала к маме.

Девушка лучезарно улыбнулась. Она уже успела позабыть, каково это.

– Нет, мне сейчас нисколечко не плохо. Даже наоборот. Все ведь теперь будет хорошо?

Артур печально опустил глаза – как он может ей такое обещать? Таня подошла к нему вплотную.

– Что случилось, Артур? Что с тобой сделали? – разволновалась она, заметив его травму.

– Пустяки, Тань. Это неважно сейчас.

– Как ты можешь так говорить? Эти твои опасные игры...

– Сейчас только ты важна. И твои чувства. А я обидел тебя... предал тебя. Я подлый человек. Я недостойн твоей любви, – искренне сокрушался Артур. – То, что я сделал, непростительно. Мне никогда не искупить свою вину.

– Я прощаю тебя, Артур.

– Таня...

– Я не смогу жить без тебя. Ты самый лучший, нежный,

чувственный... Не оставляй меня, прошу. Я же не просто мать твоего ребенка. Я... люблю тебя.

У Артура будто гора с плеч свалилась. Так легко и комфортно стало на душе – он готов преодолеть любые испытания, что ему предстоят, дабы вернуться к ней другим человеком. А совершить задуманное будет титанически трудно, ведь после ареста Олега Артур – ценнейший игрок на арене, важнейший свидетель, ключ ко всему криминальному миру города, половина которого желает его смерти, а другая половина желает информацию о тех, кто хочет Артура убить.

Арчи и Таня крепко обнялись и слились в сладком поцелуе.

– Это еще кто?! – задался вопросом Николай, заметив, как из арки выехал черный «Хаммер» с затемненными стеклами и полностью перекрыл обзор.

Из массивного автомобиля вылезли два мужика в штатском и невозмутимо направились в сторону Артура.

– Не похожи на легавых.

– Что тут вообще происходит?

Артур почувствовал неладное. Нетрудно догадаться, что за ним пришли – отведенное время истекло. Он оторвался от поцелуя и быстро заговорил. А окрыленная Таня, кажется, позабыла все на свете от столь сладострастного чувства, которое способен возбудить лишь самый близкий и любимый человек.

– Таня, а теперь внимательно меня послушай. У меня

очень мало времени... – он тряхнул девку за плечи, чтоб вернуть ее в реальность.

– Артур, кто эти люди? Что им нужно? – очнулась она.

– Послушай, Таня... Так надо... Не переживай за меня. Но я вынужден на время скрыться. Я не могу взять тебя с собой. Нельзя подвергать опасности ни ребенка, ни его мать.

– Нет-нет-нет. Ты так не поступишь, – растерялась девушка.

– У меня нет выбора, милая. Но я обязательно со всем разберусь, и мы с тобой увидимся. У меня есть счет в банке – там достаточно денег для тебя и ребенка, чтобы ни в чем не нуждаться. Я сделаю все, чтобы этот кошмар поскорее кончился. Я всегда буду рядом – вот здесь, в твоём сердце. И ты тоже всегда будешь в моем.

– Зачем ты прощаешься?

– Пожалуйста, только не плачь. Я вернусь к тебе, как только смогу. Потому что... я тоже тебя люблю... больше всех на свете.

Таня хотела еще раз поцеловать его, чтобы вновь ощутить тот неповторимый вкус, но не дотянулась, так как неизвестный схватил Артура за волосы и резко дернул на себя. Безутешная девушка успела посмотреть в глаза жениха – его взгляд навсегда отпечатался в памяти. Горесть и бесконечная любовь.

– Нет! Не трогайте его! Кто-нибудь, помогите!

Похитители непреклонны: словно прислужники дьявола,

– А ну-ка руки! – донеслось с противоположной стороны двора. Браткам пришлось подчиниться. На них с пистолетами наперевес вышли местные опера, что следили по поручению полковника за перемещениями и действиями Владимира Озерова. – Где он?

– Разве не ваши его сейчас забрали?

Вопрос поставил полицейских в тупик.

– Не похоже на наших. Нужно доложить.

– ФСБ? – поделились своими соображениями другие полицейские.

– Девку жалко, – произнес напарник Николая. Его кореш оглянулся назад.

К осевшей на дорогу Тане из подъезда выбежала пожилая женщина в шали и вязаных следках. Она припала к девушке и крепко обняла ее, пытаясь утихомирить. Мама – лишь она способна успокоить дочь, чье сердце разбили, склеили и снова разбили. Не прошло и 12-ти часов. Возлюбленный исчез так же внезапно, как и объявился.

Танюша всхлипывала, но вскоре рыдания накрыли ее с новой силой. Ноги словно откидывали от себя воображаемое одеяло. Она неистово била по земле кулаками, будто маленькая девочка, у которой отобрали любимую игрушку.

Кажется, ее может привести в равновесие лишь боль в животе, которая напомнит девушке, что беременным вообще-то категорически запрещено волноваться.

«Окончательный диагноз»

«Кому мы нужны в этой Москве?» – раздумывал Андрей, не отлипая от сигареты в больничной курилке. Редко он позволял себе курить. Рядом с парнем стоял знакомый врач из приемного отделения и тоже курил, попутно рассказывая о заболевании Варвары Петровны:

– Панкреонекроз, к тому же алкогольный – штука тяжелая и коварная. Вы чудом успели. Еще немного, и в экстренной операции смысла б не было.

– Она бы умерла в диких муках... Я не мог такого допустить.

– Теперь предстоит сложный и длительный период лечения и восстановления. Твоей маме понадобятся лекарства, строжайшая диета, каждодневный уход. Потянешь?

– Будто у меня есть выбор... – Андрей ни в коем случае не казался собеседнику ребенком, который не понимает, что произошло и какая отныне ответственность на него ложится.

– Сколько лет я тебя знаю, Андрей, твоей выдержке стоит только позавидовать. Остальные в твоей ситуации давно бы потеряли контроль над собой, но только не ты.

Андрей горестно улыбнулся, скукожившись от холода.

– Вы мне скажете, что нужно делать, что купить, прежде чем маму выпишут?

– Гастроэнтеролог тебе обязательно все расскажет.

– Я думал, это сделаете вы. Вы же все знаете.

– Хех, если бы. Я всего лишь врач приемного отделения.

– Для нашей семьи вы гораздо больше... А я даже не знаю, как вас отблагодарить по-человечески.

– Благодарность сейчас – не такой уж жизненно важный вопрос, нежели здоровье твоей матери. Где твой отец, кстати? Ты говорил, что он завязал.

– Я ошибался, – отрезал Андрей, бросив сигарету в урну.

– Я никак не думал, что с Варварой Петровной все дойдет до критической стадии.

– Я тоже. Причем в такой момент... Как снег на голову, в общем. Мне можно ее увидеть? Хоть одним глазком?

– Операция прошла успешно. Она сейчас отдыхает.

– Мне только убедиться, что с ней все хорошо. Я сын все-таки.

– Я постараюсь переговорить с ее лечащим врачом.

– Спасибо большое, – Андрей протянул руку доктору, и тот пожал ее.

Они зашли обратно в здание.

– Вы вместе оперативно сработали. Мне же позвонила твоя девушка?

– Угу.

– Решительная, – похвалил Вику врач. – Береги ее и не вздумай потерять.

– Конечно. Если б не она, я не сдвинулся бы с места от шока. Как вспомню, что увидел ее... лежащей на полу в ван-

ной, – шокирующее воспоминание всплыло в памяти Андрея и больно полоснуло лезвием по сердцу, что на глазах невольно навернулись слезы.

– Ладно тебе, не раскисай. Все же закончилось благополучно.

Андрей кивнул, едва сдерживая эмоции. Ему захотелось уединиться и хорошенько прорыдаться.

– Простите. Тяжелая ночь выдалась.

– Пойдем-ка в процедурку. Я обработаю твою рану на руке.

– Как вы узнали, что она у меня есть?

– А нечего стараться ее скрыть. Только и всего. Пойдем, я не скажу никому.

С самого приезда в больницу Андрей дежурил у операционной бок о бок с Викой. При этом оба валились с ног от усталости. Врач предложил девушке пойти вздремнуть на диван в ординаторской, но Вика не хотела оставлять Андрея одного. Как у Булгакова: тот, кто любит, должен разделить участь того, кого он любит.

Вскоре Андрей увидел спящую на перевозной больничной кровати маму. Опасаясь резких движений, словно обращаясь с карточным домиком, он затаил дыхание и легонько прикоснулся к маминой руке, дряблой и измученной.

– Знаешь, мам, – прошептал Андрей, – я хочу тебе признаться... Я сегодня хотел сбежать от вас с папой. Мне просто хотелось другой жизни. А сейчас я даже не хочу покидать

тебя, выходить из палаты, ведь снаружи совершенно другая жизнь... Да, та самая... правда, гораздо хуже старой. Надеюсь, ты простишь сына. Отныне я не оставлю тебя. Все будет хорошо. Но... врач сказал, что еще одна капля спиртного или одна сигаретка могут стать смертельными для тебя. Заодно с тобой погибну и я, мама... Отец же, по всей видимости, выбрал другой путь и сорвался. Ведь... будь он дома... – Андрей вновь не смог сдержать слезы и всхлипы. – Не обращай внимания, мам. Это всего лишь временная слабость. Я не могу видеть тебя такой. Но я буду сильным. Мне нужно быть сильным. Сильнее, чем прежде. Прошедшая ночь изменила все, – сын пристально глядел на мать, надеясь на лучшее.

Покинув палату, Андрей ощутил, как наступили совершенно иные времена, будто другая реальность. Он хотел крепко обнять Вику. Дождаться, когда очнется мама, и обнять ее тоже. Парень побрел по коридору мимо врачей, медсестер и пациентов. Коридор оказался длинным, но в его конце Андрей четко разглядел две фигуры в полицейской форме.

Вначале он озадачился, но вскоре испугался. Пришлось резко отвернуться, прикрывшись одноразовым халатом, и, шурша бахилами, юркнуть в соседний коридор, где тоже располагаются палаты. Там он оцепенел еще сильнее, поскольку у одной из дверей дежурит полицейский с газетенкой в руках. Видимо, по-другому коротать время он не может. Правда, сейчас служитель закона не на шутку взволнован, поскольку

дверь в палату распахнута, а внутри копошатся и переговариваются медики.

Из комнаты выехала каталка с пациентом – ее повезли в сторону операционного блока (видимо, уже не в первый раз за сегодня), обступив больного со всех сторон. На простынях виднеются свежие кровоподтеки. Медперсонал здорово то-ропится, отчего Андрею пришлось отпрыгнуть к стенке, чтобы не загоразивать проход. Трубки, капельница, кислородная маска, бинты, простыни не помешали Андрюхе узнать Глеба, которому, судя по всему, резко поплохело, и он потерял сознание. Грозу городской шпаны провезли на расстоянии вытянутой руки от Андрея. Он не мог спутать своего врага с другим бедолагой. Андрей чувал опасность от этого человека издалека.

«Сравните пули, – лихорадочно думал Андрей. – Очевидно, что в Глеба стрелял кто-то другой и из другого оружия. Не мог же он сам выстрелить в себя? Я ведь тогда зажмурил глаза. Я только боролся за собственную жизнь», – адвокатская карточка Ильи промокла, но все еще лежит в кармане.

Андрей вернулся в основной коридор. Полиция, явно искавшая его, приближалась, но тоже уступила дорогу каталке. Андрюха сообразил, что чисто теоретически можно сбежать в туалет, откуда через окно спуститься вниз по водостоку и скрыться. Но как они обнаружили его так быстро? Наверняка кто-то навел: таксист, соседи, медики? А не все ли равно?

Парень не сделал ни шага в сторону. Он решил не остав-

лять ни маму, ни Вику. Если он сбежит, органы возьмутся за их обработку, чего Андрей допустить не может. Родных бросать нельзя – ничего дельного не выходит из подобных начинаний (он это прекрасно усвоил). Иначе он просто трус, достойный того, чтобы хулиганы вроде Глеба регулярно его мутузили. У железной дороги он доказал самому себе, что не такой. А дальше будь что будет.

Полицейские уверенно шли навстречу Андрею, никуда не сворачивая.

«1999»

Было когда-то смутное и лихое, но в то же время дружное и искреннее время, когда люди были ближе и добрее, когда могли безвозмездно и бескорыстно помочь друг другу, поддержать в трудную минуту. Когда дорожили друг другом, ходили в гости, дружно выезжали на природу семьями: с ночевкой, на все выходные, с палатками и лодками, на нескольких машинах. Милое дело – летом да в лес, на озеро, на речку, в горы. Занять укромную полянку, искупаться, порыбачить, шашлыки пожарить, по лесу побродить, воздухом подышать, грибов собрать, позагорать – одним словом, провести время в лоне природы и в хорошей компании. Здесь и взрослые, и целый выводок разновозрастных детишек, для которых опушка леса или берег реки – место для приключений и новых открытий.

Чистейшее озерцо, зеленая травка, песочек, камыши, слепни да стрекозы. В самом разгаре лета 1999-го года на берег озера недалеко от города приехали четыре семьи. В первые же минуты над разбивкой лагеря засуетились в основном взрослые дяденьки и тетеньки. Кого-то пятилетний Даня видел прежде, кого-то видел да не помнил. С детьми он частенько пересекался на посиделках в квартирах и на таких же вылазках на природу. Поначалу ему хотелось держаться поближе к родителям. Уже тогда мальчик понимал

гендерное разделение труда на таких посиделках: дяденьки, включая его отца, занимались машинами, лодками, удочками, палатками, дровами, мангалами; женщины же целиком и полностью отдались кулинарным делам и сплетням, периодически отвлекаясь на детей. Малыши и детишки повзрослее кучковались своими группками, дружно исследуя берег озера: пацаны с пацанами, девчонки с девчонками, а совсем уж маленькие тусовались то с одними, то с другими.

Вскоре мужики натянули меж машинами полог, расчехлили стулья со столиками и уселись в теньке со стеклянными бутылками в руках, что предварительно опускали охлаждаться в прохладную воду озера. При этом женская половина коллектива до сих пор занималась едой и посудой, периодически язвительно и со смехом выкрикивая что-то в сторону мужчин, которые нарочно интересовались, когда же их будут кормить. Да уж, порой готовка гораздо труднее и объемнее технической части организации пространства и досуга, но все поголовно мужики сочли, что свои обязанности выполнили в полном объеме.

С детства Данила особенно сильно занимал мир взрослых, который, кажется, слабо интересовал его сверстников. Он то и дело поглядывал на маму с папой. Отец и его друзья сидели на стульях и что-то активно обсуждали, попивая из бутылок то, что мама называла «плохой водой». Действительно, пахло не очень. Но мужики бутылка за бутылкой употребляли «плохую воду» с большим удовольствием. Быва-

ло, Данька видел, когда детям повзрослее давали глоточек попробовать, тут же встречая сопротивление, в основном от мамочек. Мол, детям еще рановато пробовать – да и в целом не очень это хорошее занятие. Даня задавался вопросом: раз «плохая вода», исходя из ее названия, совсем не полезна, почему же взрослые ее пьют? Или она становится полезной при достижении определенного возраста – школьного, например? Или тебе все разрешают, когда ты взрослый? Нет такого: туда не ходи, это не бери, то не ешь, здесь не играй, придет серенький волчок и укусит за бочок. Невольно взрослым хотелось подражать – одновременно наклеывались мысли, что старшие на самом деле обманщики, самые настоящие. Причем не только по вопросу полезности «плохой воды».

Данил то и дело наведывался в стан взрослых, чтобы уловить изменения, происходившие в их компании. На ребенка внимания почти не обращали: отец занят разговором с мужиками, активно обсуждалась тема «что там у кого?» не без ноток хвастовства (Данька толком не понимал сути); мама же занималась столом с другими тетями, периодически бросая фразы о лежебоках, что нежились под тентом, оставив жен «на кухне» (как и всегда).

Данька, конечно же, чувствовал свою принадлежность к мужчинам, поэтому вернулся в компанию к отцу, желая просто побыть рядом. Говорили, как он понял, о работе, на которой пропадал отец. Время от времени мама сильно вол-

новалась, не находила себе места, когда папа подолгу отсутствовал дома. Но рано или поздно он возвращался – как же в те моменты радовалась маманя, осыпая папу просьбами «оставить это неблагодарное дело». Но отец был непреклонен, хотя и возвращался порой то веселый, то грустный, то озлобленный и недовольный. Когда Даня стал взрослее, Озеров-старший поделился с сыном воспоминаниями о том, как он вел бизнес в 90-е годы и с чем ему пришлось столкнуться. У подростка потом долго не шли из головы плохие мысли, что его успешный и влиятельный отец однажды мог попросту не вернуться домой: даже при условии того, что на дворе уже заканчивались стабильные и пресные нулевые. В детстве мама говорила сыну, что отец трудится не покладая рук, хотя «непросто вести бизнес в наше время», старается, дабы «у нас с тобой все было хорошо».

– Надеюсь, когда ты пойдешь работать, время будет поспокойней, – произнесла однажды мама.

В тот летний денек Даня старался чем-то себя занять рядом с отцом, хотя его и звали поиграть детишки, в том числе одна милая девчушка, что ему тогда нравилась. Кажется, Полина, одетая в шелковое платье и панамку. Отца Даня уважал, поэтому считал, что папе будет приятно и спокойно, если сын сидит под боком. Мальчик подслушивал, приглядывался. Однозначно, все присутствующие безгранично уважали Владимира Аполлоновича, прислушивались к нему. Точь-в-точь как в любимом фильме Озерова-старшего – в

названии там что-то про крест и про отца. Даня понимал, что из-за внушительного и влиятельного папы он мог позиционировать себя так же и в детской компании, но не горел желанием этим пользоваться, приберегая такую возможность для более подходящего случая – постоять за себя он и сам сможет.

– Тут взрослые разговоры, Данька, – ненавязчиво отгонял сына Владимир Аполлонович. – Иди вон с пацанами поиграй. Нечего плохие слова подслушивать, – прочие дяденьки, что восседали подле отца и периодически ехидно глядели на лакомые задние части своих тетенок, одобрительно закивали.

Мама, чьи руки были измазаны маринадом от сочного мяса, не смогла уделить должного внимания сыну. Данилу почему-то захотелось, чтоб она взяла его на руки, как прежде, и выслушала то, что он скажет ей на ушко.

– Сейчас мама закончит с мясом и обязательно подойдет, хорошо? – произнесла она, глядя на сына. – Иди пока поиграй с остальными.

«Иди поиграй», – до чего ж типичная фраза, которая порой раздражала Даню.

Пришлось тусоваться со сверстниками – он всего лишь хотел сказать маме, что папа с друзьями, как ему показалось, слишком сильно увлеклись «плохой водой». Ребенок решил поразмышлять над другим интересующим его вопросом, невольно глядя на девчонку в платице и панамке, что с

серьезным видом занималась собственными вкусными блюдами из песка. Подружки Полине с удовольствием помогали, но у самой хозяйки кухни все выходило изящно и красиво, чего не скажешь об остальных. Даня обернулся – пацаны (один чуть старше, другой помладше его) сначала исследовали отцовскую надувную лодку, после боролись на веслах, словно на копьях, пытались пустить камешки лягушкой по поверхности воды (безуспешно, оставалось только ногами об них укалываться, когда в воду заходишь), а в конце концов вырвали стебли камыша и принялись стегать ими друг друга. Дошло до того, что старший сильно хлестнул камышом по руке младшему. Последний разревелся и побежал жаловаться матери, которая добавила ему шлепка для мотивации, чтобы мог дать обидчику сдачи, предварительно увидев, что на руке, собственно, ранки-то и нет.

Ранее от звонкого ора мальчишек одна из девочек сделала пацанам замечание, а те как-то обидно ее обозвали в ответ.

– Кто обзывается, тот сам так называется, – поднялась с корточек Поляночка, заступившись за подругу. Причем пацан (тот, что постарше) даже не посмел что-либо ей ответить, только смущенно опустил глаза. Девочка и вправду была красива и убедительна – пацан бы с утра до ночи дергал ее за косички, хватал бы за платице, воровал бы панамку: так ведь обычно выражают свою симпатию дети?

– Папа! Когда мы будем рыбачить? – спросил младший из мальчиков, что никак не мог определиться, куда ему хочется

больше: в лодку, лицом в песок или в воду (чтоб отец играючи зашвырнул его подальше).

– Подожди, сынок! Поиграй пока.

Так о чем же там думал Данил, поглядывая то на взрослых, то на сверстников? Вот у каждого дяди вроде бы как есть своя тетя. У них обычно бывают дети или один ребенок. Девчонок находят в капусте: вот они и готовят да за куклами ухаживают. Пацанов приносят аисты, ибо не девичье это дело так высоко забираться – опасно же так путешествовать, зато пацанам в самый раз. И у кого из взрослых больше детей, те выглядят как-то спокойнее, нежели остальные, но и усталости в глазах у таких гораздо больше, чем у иных, менее обремененных.

На том загородном выезде присутствовала одна парочка, что, по наблюдениям Дани, сильно отличалась от других взрослых. И дело не только в относительной молодости. Они суетились наравне с остальными: молодой человек вхож в компанию Озерова, а его спутница – в дамский круг. У Дани язык не поворачивался назвать эту парочку семьей – он, посещая детский садик и бывая на всяких там мероприятиях с родителями, заметил, что у взрослых обязательно должны быть дети, после чего они создают семью, то есть обязаны одеться празднично и «жениться» при большом скоплении народа. А эти не были полноценной семьей в его понимании – скорее, близкими друзьями, ибо детей с собой не привезли. Хотя Даня ведь тоже с кем-то дружит в садике: играет, сидит

рядом за столом, вместе гуляет, однако вечером приезжают родители и разлучают корешей, забирают домой до следующего дня. Он думал, что семью между взрослыми создает именно ребенок, и никак иначе, ибо по-другому неправильно (сколько ж примеров вокруг). Интересно, этих тоже вечером родители домой забирают? Как же они живут вместе без ребенка? Даня любил и своих родителей, и своих друзей, но понимал, что по факту эти разновидности любви отличаются, но не мог толком объяснить, чем именно. Вот, допустим, стегает камышами старший брат младшего – несмотря на их недомолвки, им все равно жить под одной крышей, у них ведь одни родители на двоих. Как-никак, а любить всех придется одинаковой любовью. Наверняка они бы испытывали сейчас разные чувства, если б были просто друзьями с разными родителями. Сложно для понимания, однако.

– Тебя что, тоже эти дураки обидели? – спросила Даню третья девчонка, что отвлеклась от помощи подругам на песочной кухне.

– Нет.

– Грустный ты... Пойдем к нам?

– Как же это? Я... и к вам?

Неужели он обретет равновесие с теми двумя, что сейчас носятся по отмели за мальками и головастиками и брызгаются?

– Как хочешь, – будто обиделась смуглая девчонка в цветастых шортиках и маечке.

Даня невольно заметил, как на него глядела Поля – она словно бы разочаровалась, что он к ним не подошел. Озеров-младший, исходя из возраста, не мог сформулировать, что же он испытывал к Полине. Ох уж этот мир взрослых – трудно, наверное, ими быть.

Мальчик обернулся и увидел дядю Гришу и тетю Оксану. Они стояли на берегу и мечтательно глядели на озеро.

Наверняка в жизни взрослых присутствует такой вид любви, что не связан с мамами и папами и их детьми в границах одной жилой площади. Глядя на босоногую парочку у воды, Данил счел их веселее и энергичнее остальных: они больше времени проводили именно друг с другом, чем другие, занятые то палатками, то посудой, то мясом, то поглощением «плохой воды». Методом сравнения Данил понимал, что его родители, несомненно, тоже любят друг друга, но иным способом, который противоречит поведению Гриши и Оксаны. Наверное, дело в разном возрасте? Молодая парочка целовалась, обнималась, подшучивала друг над другом, заливаясь веселым смехом. Они даже позволяли себе подурачиться, побеситься, чего другие взрослые запрещали своим детям. Даня понял, что ему даже интереснее будет пообщаться с дядей Гришей, нежели с дядей Павликом или дядей Николаем. Гриша то и дело подхватывал кричащую Оксану на руки и тащил ее купаться, а затем заботливо укутывал ее полотенцем и, пока она вытиралась, успевал подействовать остальным женщинам в готовке, а позже и мужикам – в за-

жжении костра, надувании лодки, сооружении палаток, установке мангала. Но дядя Гриша обязательно находил время раз в час каким-нибудь образом проявить свое внимание и заботу к тете Оксане, хотя другие мужики, что прицепились к бутылкам, могли просидеть в одной позе и в окружении себе подобных хоть все выходные. Возможно, все следовали своим ритуалам, своим ролям в этой поездке и, наверное, не только в ней, но и в жизни. Стоило кому-то из детей заплакать, как к нему тут же подбегали его родители – при этом Гриша с Оксаной всегда находились в стороне от этого, многозначительно переглядываясь. Им-то подбегать не к кому. Но ведь они внешне счастливы, разве нет? А когда дело заходит о детях, так и не скажешь. Выходит, заведут детей и станут такими же строгими, принципиальными и постареют, потому будет уже не до обнимашек с поцелуями. Видимо, такова жизнь. «Папа с мамой тоже такими были... до моего рождения», – предположил ребенок.

Разрешили купаться, отчего мальчик отвлекся от мыслей, чтобы вовремя отпрыгнуть с дороги, ибо дядя Николай с безграничным рвением и шумом потащил своих сыновей в воду. Даня обернулся к машинам в надежде, что отец тоже потащит его так же неистово купаться и брызгаться, но Владимир Аполлонович все еще сидел на своем месте под пологом. Мимо него прошел к своей машине дядя Гриша и, оглянувшись по сторонам, открыл багажник – отец обратил на него внимание и встал с раскладного стула. Любопытный Данил

невольюно решил приблизиться к ним.

– Что ты здесь прячешь? – Владимир Аполлонович незаметно подобрался к дяде Грише, подтянутому, доброму молодому человеку со светлыми кудрявыми волосами и ослепительной улыбкой. Григорию было не больше 30-ти лет.

– Вы прям застали меня врасплох, Владимир Аполлонович. Здесь и так не скрыться, – добродушно перешел на шепот дядя Гриша.

– Завязывай так меня называть. Можно просто Володя. Давай лучше признавайся, чего задумал? – с интересом спрашивал Озеров-старший.

Григорий вытащил из багажника ящичек, поделенный на секции, в которых лежали опутанные фитилями шашечки, заполненные порошком, что напомнил Дане специи.

– Смахивает на динамит, – несколько насторожился Владимир Аполлонович, как и его сын, что тихонечко стоял с другой стороны машины. При этом бизнесмен сохранял самообладание и непринужденную улыбку.

– Нет-нет, – отмахнулся дядя Гриша с призывом присмотреться. – Это же фейерверки. Я хочу сегодня, – он говорил тихо и отрывисто, оглядываясь по сторонам, – сделать Оксана предложение, – Даня не понял, что именно имеет в виду Григорий.

Тем не менее Озеров-старший обрадовался и обнял молодого человека, пожал ему руку:

– Это же замечательно.

– И это сюрприз, – прошептал Григорий.

– Само собой, – отец Данила провел пальцами по губам в знак того, что никому не скажет.

– Только я немного волнуюсь.

– Да успокойся, мужик. Дрейфить не надо. Особенно в вопросах создания семьи.

– Легко сказать, – вздохнул дядя Гриша, выудив из шорт красную коробочку с обручальным кольцом внутри. – Его удалось купить только благодаря вам.

– Всего лишь достойная оплата за дело чести, Гриша. Твой отец бы гордился тобой, будь он с нами. Я многим ему обязан.

– Его доброе имя я не посрамлю, – дядя Гриша стал серьезен и крепко сжал в руках красную коробочку. – Многие бы этого хотели...

– Тебе больше не угрожали? – так же серьезно спросил Владимир Аполлонович.

– Нет. Я и не жалею того, что сделал. Они этого заслуживали. Бояться мне нечего.

– Но если вдруг...

– Владимир Апо... Володя... Мы все-таки на отдыхе. Не будем прошлое ворошить, ладно?

– Хорошо, – Озеров-старший вновь взглянул на Григория с уважением: парень не побоялся пойти на все, дабы защитить честь покойного отца и наказать виновных. – Я просто хотел сказать, что я в тебе никогда не сомневался. Отец бы

гордился тобой.

– Приятно слышать, что я оправдал ваши ожидания.

Владимир Аполлонович сменил тему:

– Я вот смотрю на кольцо – нахлынули воспоминания о том, как я делал предложение своей жене. Надо же, как давно это было... А вы молодые, у вас все самое главное еще впереди.

– Да, у нас большие планы. Пока вроде как с работой неплохо. Поднакопим денег, купим квартиру. Я хотел бы завести свое дело, как и вы. Встанем на ноги и родим детей – много-много, как у всех вас.

– Давайте. Может, невесту хорошую моему Даньке состроят.

– Дети – это моя мечта. Мама рано ушла из жизни, а отец... В общем, я хочу своих детей иметь, хочу подарить им всю любовь, которую недополучил сам.

– Это большое дело, – Озеров-старший положил руку на плечо дяде Грише. – Ты отличный парень, Гриня. И можешь без проблем обратиться ко мне, если что понадобится.

– Вы и без того много сделали для нас. Не хочется лишний раз вас утруждать. Вон какой у вас бизнес, дел невпроворот. Мне к вам и за 20 лет не приблизиться.

– Кроме шуток, Гриша. Я говорю искреннее. Я к твоим услугам в любое время дня и ночи.

– Благодарю вас.

– Я желаю вам с Оксаной счастья.

– Спасибо.

– Ты уверен, что Оксанка ни о чем не догадывается и не видела всего этого добра? Вы же практически не отходите друг от друга.

– Думаю, она не догадывается.

– На улице жара, а у тебя здесь такой арсенал. Безопасно ли?

– Не беспокойтесь. Все как надо. Лично проверял.

– Ты же в инженерных войсках служил, верно?

– Да, в подрывном деле я профи.

«Мы уже удостоверились в этом», – подумал про себя Озеров-старший.

– А на гражданке решил пиротехникой заняться. Этот набор фейерверков особенный. Специально для Оксанки. Разные цвета, заряды помощнее. Вся округа увидит.

«Будет фейерверк, – подумал Данька. – Здорово! – он обо-жал в новогоднюю ночь выглядывать в окно и наблюдать за яркими залпами. А после они сами выходили во двор и запускали свои – самые красивые во всем поселке. – Наверняка их делал для нас дядя Гриша». Мальчик хотел уточнить у мамы про предложение, но решил соблюсти секретность, хоть и стал тайным слушателем разговора. Остаток дня Данил провел в раздумьях, что такое предложение и зачем необходима такая церемония. Обязательный ритуал признания в любви публично или просьба завести ребенка? Может, ему тоже стоит сделать предложение любимой девоч-

ке в панамке?

Чтобы найти ответы, мальчик сел на хвост тете Оксане. Она, естественно, выкупила слезку.

– Ты что-то от меня хотел, малыш? – ласково спросила она.

– Тетя Оксана, а вы любите дядю Гришу?

Она рассмеялась.

– Конечно.

– Сильно?

– Не описать словами насколько. Он – вся моя жизнь. А почему ты спрашиваешь?

– Интересно просто. Дети ведь появляются из-за любви. Почему же у вас их нет? Вы с дядей Гришей любите друг друга какой-то особенной любовью?

Оксана удивилась любознательности мальчика:

– Знаешь, Дань, у каждого ведь своя любовь. У нас с дядей Гришей она одна. У твоих родителей она другая. У дяди Коли с его женой она тоже особая. К тому же любить можно не только мужа и жену да маму с папой, но и близких, друзей, какую-нибудь знаменитость. При выборе спутника жизни не нужно торопиться. Нужно узнать друг друга получше – нельзя ведь растить ребеночка с ненадежным человеком.

– Но дядя Гриша ведь очень надежный человек.

– Точно.

– Тогда я не понимаю, где же ваши дети?

– Я тебе обещаю, что очень скоро обрадую дядю Гришу

на этот счет.

– Только не тяните.

Даня решил перенести вектор внимания на Григория, а Оксана решилась переговорить с возлюбленным. Устами младенца глаголет истина, решила она.

Дело шло к вечеру. Казалось, что после разговора с Озеровым Григорий слегка изменился – свойственные ему легкость и непринужденность куда-то улетучились. Наверняка его беспокоило предстоящее предложение, решил Данил. Почему же он так переживает? Зачем переживать перед радостным событием? Словно тетю Оксану у него кто-то отнимет. Любят взрослые все усложнять. Данька предвкушал фейерверк, поглядывая на своих сверстников и ощущая превосходство над ними из-за обладания таким инсайдом.

Все чаще мальчик замечал, как дядя Гриша стал прикладываться к бутылкам с «плохой водой». Причем вода эта не похожа на ту, которую все пили днем. Она делала молодого человека раскованнее, озорнее. И аромат у нее иной – более выразительный и терпкий.

Когда все добрались до ужина, загадочный Гриня сидел красный, как сваренный рак. Вроде бы притихнет, но вскоре вновь потянется через весь стол за бутылкой коньячка – Оксана смотрела на своего возлюбленного подозрительно, раздумывая, верное ли решение она приняла, что призналась ему. Он ведь искренне обрадовался, а сейчас уж больно много употребляет. «Волнуется парень», – решил Владимир

Аполлонович.

– Отличный шашлык, Володя!

– По специальному рецепту.

– Руки до сих пор зудят от твоего рецепта, – вмешалась мама Данила. – Девчонки, поддержите меня. А кто ж все сделал-то, а?! Мужчины только шампунрами покрутили.

– Правильно.

– Вот ведь бабы, хе-хе, – ухмыльнулся дядя Коля, запивая шашлык пивом.

В центре полянки горел костер.

Когда достаточно стемнело и даже слегка похолодало, а на небе появились первые звезды, Гриша наконец решился. Вышел из-за стола, сходил за коробкой с фейерверками:

– У меня для вас объявление, друзья! – привлек внимание остальных он.

– Вставай, – толкнул жену Озеров-старший.

– Зачем?

– Я тебе говорю, вставай. Торжественный момент.

Вслед за организатором поездки с мест поднялись и остальные. Встали полукругом у костра, на расстоянии нескольких метров от Гриши, который опустил коробку на землю у самой кромки пляжа. Вперед вышли детишки, не понимая, чего все так всполошились. Практически вплотную к Дане стояла Полина. Он заметил, как она изучающе глазеет на него, отчего решил стоять смирно и никак не реагировать.

В свете костра видно, как у Григория трясутся руки и как он покачивается на месте. «Плохая вода» и волнения не подавила, и уверенности не прибавила. Кажется, Оксана догадывалась, что сейчас произойдет.

– Мандраж у парня, – шепнул Николай.

– Сейчас отдышусь... – произнес Гриша. – Я хотел сказать огромное спасибо всем, что пригласили нас сюда. И когда, как не сейчас, нужно сказать то, что я уже не могу держать в себе. Ибо это несправедливо в первую очередь по отношению к Оксане... Вы знаете, что я пиротехник. Чтобы отметить этот прекрасный вечер, я привез пару зарядов, чтобы порадовать всех вас красочным фейерверком.

– Ух ты!

– Молодца, Гриня!

– Я постарался сделать его максимально ярким, разнообразным, красивым и необыкновенным. И посвятить этот запуск такой же прекрасной и волшебной Оксане, моей девушке, – произнес он, поджигая фитиль.

– Отходи же скорей, – крикнула растроганная Оксана, когда фитиль загорелся и зашипел, начав свой путь по проводам к зарядам.

– Ничего, – уверенно говорил Гриша, неторопливо обогнув коробку и медленно приближаясь к Оксане, не сводя с нее глаз. Ни шипение фитиля, ни возгласы восторженных детей не отвлекали его от главных слов. – Оксана... – сердце сжимается, когда любимая девушка проникновенно глядит

тебе в глаза. Переборов самого себя, Гриша продолжил. – Милая... Я люблю тебя больше всех на свете... И новую жизнь, которая недавно появилась в твоём чреве, люблю точно так же.

– Боже мой, да ладно?!

– Неужели... Ах...

– Оксаночка, мы тебя поздравляем.

– Оглушит же тебя сейчас, Ромео! Отойди.

– Заряды не вылетят, пока я не скажу, – отрезал Григорий, продолжив признание. – Ты именно та, с кем я хочу быть...

– Оксана пискнула. Женщины вокруг догадались, что сейчас произойдет, – и в горе, и в радости... – новоиспеченная невеста прикрыла рот ладонями и расплакалась от счастья. Все – даже самые суровые мужики – умилялись. Даня почувял, как его за руку взяла Полиночка, – в богатстве и бедности... в болезни и в здравии... и пока смерть не разлучит нас... Оксан, будь моей женой, – Григорий опустил перед ней на одно колено и открыл футлярчик с кольцом.

Сойдя с ума от счастья, Оксана кинулась к Грише в объятия.

– Горько! – крикнул самый подпитой из всех дядя Павлик.

– Соглашайся, Оксана, – шептали позади дамы.

– Да... да... Конечно, да! – во всеуслышание произнесла блондинка в оранжевой майке и джинсовых шортах. Новоиспеченный жених взял на руки невесту и под аплодисменты и возгласы компании стал покрывать ее поцелуями. – Если

под венец, то только с тобой. Ни с кем более. Не встретиться ты мне, я умерла бы в одиночестве. Я люблю тебя, люблю... Я согласна...

Детишки медленно подходили к коробке с салютом, не обращая внимания на то, чем там заняты взрослые. Однако в столь торжественный момент фейерверка не последовало.

– Где же салют?! – печально выдал младшенький сын дяди Коли.

– Надо же, подвел...

– Ну и ладно. Без этого все замечательно. Совет да любовь!

– Столько трудов... – приговаривал дядя Гриша, когда опустил на землю невесту, которая разглядывала драгоценное кольцо. – Сейчас посмотрю. Потух, наверное.

– Вот теперь есть повод выпить по-настоящему, – обрадовался дядя Коля, вылив в траву остатки теплого пива.

Даня предвкушал грандиозный салют – неведомая сила толкала его вперед. Он не спускал глаз с дяди Гриши, что пошел проверить коробку с зарядами. Параллельно Данил понял, что его крепко держит за руку Поля и не пускает дальше.

– Пусти.

– Нельзя близко подходить, – беспокойно предостерегла она.

Мальчик в белой футболке бестактно оборвал ее руку и повернул голову в сторону дяди Гриши. Вокруг все гогота-

ли, поздравляли невесту, разглядывали колечко. «Знали бы вы, чем паренек пожертвовал ради него», – думалось Озерову-старшему.

«Вы молодец, дядя Гриша! Больше переживали, – размышлял Даня. – Все ведь отлично прошло. Незачем было пить «плохую воду». Неужели взрослые настолько слабы, что так над собой издеваются ради пары мгновений?» Его мысли вновь прервали. Девчонка в панамке схватила Данила за плечо и дернула на себя так, что тот чуть не упал, но все же отодвинулся от коробки с фейерверками.

Дядя Гриша тем временем озадаченно присел над фитилями и шашками, чтобы разобраться, что же помешало сделать предложение руки и сердца действительно незабываемым. Озеров-младший злобно зыркнул на Полину, что настойчиво оттолкнула его, но не смог ничего вымолвить. Позади взрослые подошли к столам, чтобы разлить по стаканчикам очередную порцию «плохой воды» ради тоста за молодых. Краем глаза Даня заметил: девчонки стояли рядом с матерями, братья предвкушали начало салюта с другой стороны, несколько в тени.

Данил посмотрел на дядю Гришу – его лицо излучало счастье и веру в светлое будущее с любимой женщиной. Кажется, мужичок даже всплакнул.

Григорий протянул руку к фитилю...

Неприметный светло-коричневый ящик то ли со специями, то ли с песком на глазах Дани взорвался так громко и

ярко, словно в нескольких метрах от них на мгновение зажглось самое настоящее солнце. Словно в руках у Гриши рванула граната, оглушительно ударив по ушам, толкнув тебя невидимыми руками в сторону палаток, напустив неприятного порохового запаха, содрогнув землю, застелив глаза прибрежной пылью и песком. Хлопок отозвался эхом по озеру, полям и лесам в округе. А далее воцарилась безмятежность, словно на кладбище в ночь полнолуния: не стрекотали сверчки, не квакали лягушки, даже музыка вдалеке стихла. От бомбы замедленного действия, что должна была принести счастье и праздник, не осталось и следа.

Данил не сразу понял, что непрерывный визг в ушах на самом деле обусловлен тем, что его оглушило. Он в испуге поднялся и понял, что невольно прикрыл собой Полину, что лежала на траве, боясь пошевелиться. Все, кто нетвердо стоял на ногах тем вечером, мигом оказались на земле. Слева ревели оба брата-акробата, раскрыв рты так широко, что в них беспрепятственно поместился бы спелый грейпфрут. Даня толком их не слышал, но представлял, как громко они орут.

Пацан кинулся теребить за плечи девчонку, что упорно не давала ему подойти ближе к источнику взрыва, будто предчувствуя опасность. Выходит, она спасла его. Полиночка неторопливо раскрыла глазки и взглянула на мордашку Дани – его вид ошарашил девочку. Озеров-младший принялся быстро стряхивать грязь со своего лица и волос –

неприятная смесь полностью покрыла его. Пыль все еще застилала глаза, и он толком не мог рассмотреть, в чем испачканы его руки. Он опустил взгляд на белую футболку и увидел на ней крапинки чего-то красноватого и водянистого, что разлетелось вместе со взрывной волной. Он понял, что бордовый сироп с привкусом железа вперемешку с грязью облепил лицо с руками. И откуда он только взялся?

Девочку с выпученными глазами, в которых поселился вселенский страх, подняла на руки мама и принялась оттащить подальше от Дани, попутно рыдая, что-то ей вещая на ухо и стараясь прикрыть дочери глаза. Данил понял, что стоит на полянке как истукан, уставившись на костер: горящие угли разбросало взрывом по всей полянке. Сквозь гул в ушах он отдаленно слышал, что его истошно звали родители – они вот-вот подбегут к нему. Посему он сейчас же должен поднять глаза в сторону дяди Гриши, ибо ослепительно-го солнца на его месте уже нет. Пацан верил, что мужчина остался цел и невредим – как же дядя Гриша был счастлив всего лишь полминуты назад, как хотел наслаждаться жизнью...

На месте взрыва, у ошметков коробки, лежало окровавленное бездыханное тело Гриши, припорошенное слоем пыли. Улыбчивое и доброе лицо молодого человека превратилось в сплошной ожог. В нескольких метрах от трупа, на берегу озера, лежала мускулистая рука Григория, по локоть оторванная от тела.

Мальчик почувствовал себя нехорошо. Во рту возник неприятный привкус горечи, кислоты и металла.

«Плохая вода». «Плохая вода». «Плохая вода».

Все из-за нее. Все из-за нее. Из-за нее.

Она убила его. Убила его. Убила его. Убила.

Кровь. На мне его кровь. Его кровь. Его. Кровь.

Мальчика мгновенно вывернуло.

К нему подлетела мама, обняла сына и прикрыла его глаза ладонью, ибо он не мог оторвать взгляда от кровавого меса на берегу. Кромешный мрак заставил Даню резко провалиться в сон.

Последующие несколько дней он помнил смутно. Единственное, что врезалось в его то ли сон, то ли затяжной обморок буквально через мгновение, как его обняла мать, так это пронзительный и леденящий, словно самурайский меч, крик Оксаны. Так кричат только самые несчастные и одинокие на свете...

Сейчас Даня тоже услышал ее крик, который будто свернул пространство и время, чтобы разбудить его очередным декабрьским утром – в субботу, 17 декабря 2011 года. Парень очнулся в клубе «Хамелеон».

От увиденного во сне ему стало не по себе. Даже сильнее, чем от дезориентации в пространстве и времени. Как он мог забыть то, что произошло тем летом? Время сгладило углы, стерло детали, но мораль осталась с ним навечно. Выходит, дело не в желудке и не в индивидуальной непереносимости.

Дело в голове. А парень уже потерял надежду разобраться в том, что послужило источником его заболевания.

«Плохая вода» во всем виновата», – эхом раздавалось в подкорках его мозга. Вот и ответ на главный вопрос. Не события, а именно их главный вывод навсегда врезался в память Данила. В подсознании впечатлительного мальчика отложился тезис о смертельном вреде алкоголя («плохой воды»), причем так сильно, что организм стал отторгать любые его проявления, попадавшие внутрь: даже при желании самого хозяина, когда он мыслил, что пьет простую воду.

Далее он осознал, что совершенно не помнит, как долго испытывал шок от увиденного. Наверняка такие события просто так не забываются. Однако ему это удалось. Но сколько он их помнил? От такого и не спят, и не едят, и с ума сходят в итоге. Покопавшись в памяти, что устроила рассекречивание архивов, Даня вспомнил, что взрыв на озере сильно его подкосил, а потом все как-то пришло в норму. И вот эта самая норма наступила как раз после визита в их дом того приезжего дядьки – парень смутно его помнил. Не этот ли детский супермозгоправ (гипнотизер) из Екатеринбурга поставил Озерову блок на те воспоминания еще в детстве? Он не мог знать, что стер все события частично. А сильнейшее эмоциональное потрясение, что он испытал сегодня, явно заставило обо всем вспомнить. Тяжелые воспоминания невозможно уничтожить.

«Если б дядя Гриша тогда не пил, возможно, он бы вспом-

нил о технике безопасности и не пошел бы проверять тот злополучный ящик, – размышлял Данил. – Через 12 лет события того вечера – особенно подслушанный диалог – видятся совершенно иначе. Не просто так ведь мозг четко выстроил и показал мне хронологию того дня. Что же сделал для отца подрывник Григорий? Почему честь Гришиного папы задела и кто на нее покушался? Может, этот взрыв – месть за то, что совершил Гриша? А они точно целились именно в Гришу, а не в кого-нибудь другого вроде моего отца?» – такие вопросы никак не могли прийти в голову дошколенку.

Картинки далекого прошлого так ясно всплывали в голове, словно все произошло вчера. Причем настоящее вчера Данька помнит смутно.

В темной подсобке с воздухом напряженка. Озеров в холодном поту принялся вертеть руками вокруг себя, пытаясь на ощупь за что-нибудь зацепиться. Пару раз ему в голову прилетело черенком от швабры. Он решил прощупать стену с другой стороны и весьма удачно обнаружил дверную ручку. За ней пустой коридор клуба «Хамелеон». Свет залился внутрь и явил его взгляду подсобку. С чего бы это он вздумал валяться там, когда провалил свою миссию?

Что вообще случилось? Который час? Неужели эта ужасная ночь еще продолжается? Вряд ли, ибо музыка не орет, а толп посетителей не видно. Даня шурился от света, неуверенно шагая по коридору напрямик к барной стойке. В танцевальном зале бросились в глаза несколько сидящих в ло-

жах и за столиками посетителей, недовольных и уставших, с которыми общались люди в форме и в штатском. Дане пришлось протереть глаза, чтобы убедиться в реальности того, что у дверей тут и там стоят вооруженные люди в камуфляже и бронежилетах с надписью «СОБР».

– С добрым утром! – крикнули ему откуда-то сзади.

Озеров развернулся так резко, что в глазах потемнело. Это Вячеслав, бармен. Даня, все еще не понимая, спит он или нет, вскарабкался на стул у стойки.

– Что будешь пить? – спросил бармен.

– Впредь я буду только есть, – зарекся Данил.

– Может, хотя бы водички хлебнешь?

– Пожалуй.

Осушив стакан за секунду, Озеров попросил бармена повторить. И так четыре раза.

– Сушняк?

– Что здесь произошло? – спросил Даня.

– Полицейский штурм.

– Вот те раз. И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я привык уже.

– Гонишь?

– Ни грамма.

– Впрочем, какая мне разница... Сидел бы да не высывался. Все шло бы своим чередом.

– Я не согласен. Ты даже представить себе не можешь, сколько полезного ты сделал.

- Подвел отца, – взялся за голову Озеров. – Это раз. Выставил себя посмешищем. Это два.
- Вряд ли.
- Почему ты, Славик, постоянно так во всем уверен?
- Потому что я знаю, как было на самом деле.
- Ну давай, наблюдательный ты наш, расскажи мне, что вчера было.
- Книжку можно написать о том, что вчера было.
- Конкретно обо мне расскажи.
- Ты просрал Олегу пари.
- Низкий тебе поклон за то, что напомнил.
- Потом твои друзья по хоккею заступились за тебя. Ты внезапно соизволил нажраться и упал в обморок в сортире. Я тебя обнаружил и спрятал в подсобку. А потом был штурм и всех положили на пол. Ты в это время благополучно спал.
- Хорошо. Где же Олег?
- Арестован.
- Шутишь?
- Нет, я серьезно.
- Надолго?
- Вроде навсегда.
- А Артур? Лиза?
- Сбежали.
- Надо же. Какой номер у этой Вселенной? Я точно не сплю?
- Ущипнуть тебя?

– Не надо. Подожди, то есть я пил?

– Да, по-черному.

– И меня потом полоскало?

– Такого не припомню.

– Неужели дальше все на моей совести? – Озеров понял, что недуг, кажется, оставил его. Теперь Даня вправе самостоятельно решать, гробить себя спиртным или нет, зная, к чему это приводит на фоне разблокированных воспоминаний 12-летней давности и событий прошедшей ночи.

– Ты это мне?

– Нет, Славик. Я просто понял кое-что важное... А куда же делись мои друзья?

– После того как Олег пожелал их убить за публичное унижение, они огрели Артура бутылкой по башке и сбежали вместе с Лизой. Больше я их не видел.

– Арсен хотел без моего разрешения...

– Лиза, кстати, потом вернулась.

– Да?

– А потом был штурм и всех положили на пол.

– Как же узнать, где сейчас находится то, за чем я охотился всю ночь?

– Думаю, тебе больше незачем беспокоиться, – Славик достал из кармана мобильник Озерова и протянул его другу. На экране висит уведомление об SMS от Арсения Митяева с текстом: *«Компромата больше нет. Расслабься!»*

– У них получилось.

– И вообще «Хамелеону» нынче хана.

– Чего ж ты тогда бокалы протираешь?

– Профессиональная привычка. Чего ж ты такой печальный? Ты же победил.

– Ага, я еще тот победитель по жизни. Чуйка говорит мне, что не все так просто.

– Ну смотри, – стал загибать пальцы Славик. – Олег в тюрьме. Беглецов рано или поздно поймают. Их сейчас вообще должен заботить вопрос выживания, а не счета с твоим отцом.

– Удачно я уснул. А почему на меня не реагируют СОБРовцы?

– Все из-за полковника Меркурьева, Дань. Он же друг твоего отца. И-и... честно говоря...

Озеров-младший насторожился.

– Та-а-а-к. Что еще интересного ты скрыл от меня?

Вячеслав решил признаться:

– Запахло жареным, поэтому я подлил тебе в коктейль снотворное и спрятал. Но сейчас ты можешь беспрепятственно выйти отсюда и...

– Ты все рассказал моему отцу?

– Это был единственно возможный выход из ситуации...

Озеров не мог поверить, что все обернулось именно так.

– ...И твой отец предложил мне на него работать.

– Я просплюсь, и мы с тобой серьезно поговорим.

– Сейчас пойдут новогодние корпоративы. Я буду рубить

бабки на барах, так что ты меня не найдешь. И в подобные заведения, думаю, ты вернешься нескоро.

– Мне все противно теперь. Алкашка в том числе.

– Немудрено.

– А ты, Славик, у нас на коне, как всегда. Повалил своим снотворным полгорода, а теперь еще и у отца будешь работать. Замечательно.

– Поверь, я все сделал правильно. Лучше б тебе не видеть, что здесь творилось.

– И все из-за меня, получается. Как я теперь отцу покажусь?

– Это твой отец должен стремиться перед тобой, а не ты. Он тебе должен все объяснить – никак не ты. Можно сказать, что ты подтолкнул всех разрешить давно тлеющий конфликт.

– Я, значит, своим идиотизмом...

– Изящным планом, ты хотел сказать?

– Я за одну ночь своим... изящным планом... перевернул весь криминальный расклад в городе?

– Типа того.

– И меня не хотят убить?

– Нет.

– Пиздец!

– Только не грохнись в обморок снова.

– Не дождешься.

– Хм, невольно ты, мой друг, помог идентифицировать

всю побочку нашего снотворного. Хоть диссертацию пиши, как необходимо модернизировать препарат. Пятерка с плюсом обеспечена.

– Наркота это, а не снотворное! Похуже атомной бомбы.

– Да, партия чудом по аптекам не расползлась. А то, глядишь, лунатики устроили бы нам революцию. А вообще я тебе жизнь спас: иначе вместо снотворного понадобилось бы обезболивающее.

– Все равно у меня смешанные чувства.

– А наш мир не белый и даже не черный – он как раз серый. Это естественно. Я б тоже очумел от такого.

Даня спрыгнул со стула.

– Тебя подвести?

– Нет.

– Уверен? – переспросил бармен.

– Да.

– Тогда еще один момент.

– Что еще?

– Сходи и умойся хотя бы. А то выглядишь как обсос.

– Да мне насрать!

– Просто снаружи тебя ожидает девушка.

– Какая еще девушка? – вытаращил глаза Данил. Славик поведал другу об Анне. – Ясно. Жаль ее разочаровывать, но мне хотелось бы побыть одному в ближайшую недельку.

– Зря ты так, Дань. Тебе надо девчонку хорошую, чтоб ты больше не сооружал своих гениальных планов, а отвлекся на

что-то приземленное.

– Вот и забирай эту девчонку себе. Что тебе мешает?

– Нет, ее интересуешь именно ты. Подумай.

– Нечем уже думать.

Озеров тем не менее воспользовался дружеским советом.

Чтобы узнать, кто твой настоящий друг, нужно просто бросить пить.

В уборной он оперся об одну из раковин и взглянул на свою физиономию в зеркало. Опухший, уставший, потрепанный видок: «Надо же, каким-то девушкам еще и нравится». Воспоминания никак не шли из его головы. Они ведь не просто так неожиданно-негаданно нахлынули. Они явили себя как раз в тот самый момент, когда повзрослевший обормот задумал по-настоящему напиться – перед глазами теперь отличное напоминание ужаснейших последствий злоупотребления алкоголем. Вначале парня охранял желудок, но затем организм пошел ва-банк и задействовал потаенные архивы мозга.

Дядя Гриша все еще лежит на берегу... окровавленный... мертвый... И тетя Оксана кричит... кричит... кричит...

Данил набрал в ладошки холодной водички и окатил ею лицо.

– Бармен не обманул, – произнесла Аня, все еще дежурившая неподалеку от ночного клуба. Она восприняла брошенную Славиком фразу буквально: нужно подождать снаружи, и ее счастье обязательно к ней явится.

И вот после томительного ожидания девушка с цветными волосами и вызывающим прикидом увидела, как из «Хамелеона» вышел Даня Озеров, скукожившись от мороза.

– Твой выход, дорогая, – сказала она себе и вылезла из своей миниатюрной машинки, чтобы помахать Данилу.

– Хочу сразу тебя предупредить, – сказал Озеров уже в салоне Аниного автомобиля, – что я смутно помню прошлую ночь. Но мой друг, который бармен, вкратце мне все рассказал.

– Рассказал? Молодец. Я в нем не сомневалась.

– Слушай, Ань...

– О, ты и имя мое помнишь? Бармену я не представлялась.

– Трудно забыть имена девчонок, что сами к тебе подкапывают.

– Восприму это как комплимент.

– Я могу попросить тебя до дома меня довести? Ночь выдалась тяжелая, – он назвал адрес. – Далековато, конечно, но я могу заплатить за...

– Даже не вздумай. Мне не трудно.

– Спасибо.

Они выехали из злополучного квартала – клуб «Хамелеон», опустевший и безлюдный, остался позади. Даня отныне будет обходить это место за километр.

– Я хотела бы внести ясность относительно того, что произошло ночью...

«Симпатичная. Надеюсь, меня не вырвало на нее», – на-

пряженно думал Данил.

– ... Вот и дождалась тебя, дабы ты не сформировал неверного мнения обо мне. Просто накопело за последнее время: никто тебя не понимает, не слушает, толком узнать не хочет, а любить – и подавно. Вот и решила перебеситься, отвлечься, почувствовать себя в чужой шкуре, понять, чего хотят те, кто играет в отношения чисто ради секса. У таких ведь тоже есть аргументы, из-за которых они не желают связываться с настоящими чувствами. Вот ты и попался под руку.

– Ничего страшного. Забыли.

– Нет-нет. Забывать не нужно. После общения с тобой я почувствовала, что ты... не просто первый встречный. И я все говорила искренне.

Озеров-младший поймал себя на мысли, что чувства и желания Ани ему знакомы не понаслышке. Он ведь тоже не мог найти надежных партнеров и вторую половинку. Друзей имеется вагон, но вряд ли кто-то кроме Славика дружит с ним по-настоящему. Претенденток на сердце парня мало интересует его душа. Все больше обращают внимание на шикарный особняк, на деньги, которые ему доступны, на отцовский бизнес (потенциальное наследство). Анна не договорила, но ее наверняка тоже эксплуатировали не по назначению, толком и не помышляя узнать человека по-настоящему (просто-напросто наплевав на данный аспект).

– Ты прождала меня всю ночь?

– Видишь, как сильно я хотела объясниться. Эта сума-

шедшая ночь точно не могла кончиться разочарованием. Вокруг клуба и так никто не спал: веселье творилось еще то.

Автомобиль остановился на светофоре.

– Ты не представляешь, – произнес Данил, – как мне знакомо чувство ненужности.

– Мне казалось, что я одна на всем свете замораживаюсь по этому поводу.

– Дико стало жить в продажном мире, не правда ли? Все, что нам необходимо – это же не аномалия, а здоровые отношения. Как и должно быть.

– Согласна, – они переглянулись.

– Напомни, пожалуйста, чем я тебя зацепил?

– Ты бесстрашный, искренний, но слегка потерянный и... наверное, грустный.

– Денек выдался хлопотный.

– Нет, не из-за этого. В тебе есть загадка, Данил, причем непростая. Кому ж еще по силам просто взять и выйти свободно из клуба, в котором поработал СОБР?

– Да уж, в этом весь я. Ты тоже не такая, как все, Аня. Думаю, что слово «необыкновенная» здесь будет уместно. И в тебе тоже кроется загадка – еще покруче моей.

– У каждой загадки есть своя история.

– Раз так, в мою историю долго придется вникать. А сегодня, кажись, как раз тот день, когда я впервые за 17 лет в чем-то разобрался.

– Везет. Поделишься, как ты этого достиг?

– Только за попкорном заедем, – шутканул Даня.

– Я не боюсь сложностей. После их преодоления, как правило, наступает успокоение.

– Наверное, это и есть лекарство от моей болезни, что мы обсуждали.

– Рефлексия в правильном направлении – всего лишь один из способов.

– Я помню, – их беседа словно повторялась, – какие остальные два.

– Это всего лишь твои предположения. Я же предлагала альтернативу.

Данил решил спросить без смущения – напрямую:

– Ты хочешь вылечить меня?

– Напомню: ты сам признался, что болен.

– Думаю, мы оба поняли, как нужно вылечиться...

Аня и Даня потянулись друг к другу и слились в сладком поцелуе.

– Полегчало?

– Слегка, – ответил Данил.

– Тогда попробуем еще раз.

Поцелуи не заканчивались. Даже когда сзади нетерпеливо посигналили.

Вскоре машина Анны уже стояла у центральных ворот усадьбы Озеровых. Давненько девушка не ощущала себя такой счастливой и раскованной. Она не ошиблась в нем.

– Когда следующий сеанс? – спросил Даня, которому чув-

ственные поцелуи придали уверенности. Парню и девушке хотелось раствориться друг в друге: она способна понять его, а он готов разгадывать ее. Искренне, по-честному.

– Когда хочешь.

– Предлагаю завтра. В кино.

– Заметано. А в понедельник пересечемся в универе.

– Мы учимся в одном универе? Как я не замечал тебя прежде?

– Твои мозги просто не тем были заняты. Общими усилиями мы их вправим.

– Рассчитываю на успех.

– Я, кстати, на психфаке учусь.

И как Озеров раньше не догадался?

Когда ее машина скрылась за поворотом, Данил понял, что совершенно позабыл о главном – ему ведь предстоит увидеться с отцом, а после известных событий меж ними не существует никаких секретов. Молодой человек задержался у калитки и, массируя себе виски, пытался сообразить, что сейчас следует сказать и как себя вести.

Пока он стоял у ворот и не решался зайти на территорию, на улице появилась женщина. Тетка в поношенной куртке и драных джинсах плелась по дороге крайне неуверенно, шатаясь, поглядывая на высоченный забор у дома Озеровых, словно в поисках лазейки. Даня ее заметил – странная особа, насторожился он. Без головного убора, с прилизанными светлыми волосами, переходившими в конский хвост. Кост-

лявые кисти ничем не прикрыты, а одна рука и вовсе прячется в рукаве куртки практически полностью (подозрительно). Чем ближе гостья подбиралась к воротам, тем больше деталей ее внешности мог рассмотреть Данил: пропитое вытянутое лицо неестественно бледного оттенка и глаза, подведенные черным карандашом, выглядят зловеще, как и тонкие, почти бесцветные губы.

Однако за маской преждевременного старения и явных признаков алкогольной зависимости парень умудрился рассмотреть черты некогда молоденькой и жизнерадостной девушки, которую ему когда-то приходилось видеть. Не будь сегодняшнего сна, он бы никогда не узнал ее.

– Оксана? Это вы? – Данил изумленно вышел ей навстречу.

Женщина такого поворота событий явно не ожидала и застыла как вкопанная: согнулась и сощурилась, чтобы получше рассмотреть молодого человека.

– Данил?

– Тетя Оксана. Сколько лет, сколько зим.

Парень хотел подойти поближе, но тетка пугливо отстранилась.

– Убери с морды свою напускную улыбку, мальчик. Ты точно не рад меня видеть.

Озеров остановился:

– В таком случае куда путь держите? – он ощущал недружелюбный настрой и угрозу, что исходят от нее.

– Тебя не касается, – она захотела обойти Даню, не отрывая взгляда от ворот.

– Вы бродите рядом с моим домом и что-то неумело скрываете. Так что меня это тоже касается.

– Не мешай мне.

Оксана направилась прямо на Даню – замахнулась, но силенок не хватило. Данил увернулся от выпада и в ответ легонько ударил ее по запястью. Из рукава куртки на снег вылетел кухонный нож. Дамочка разъярилась сильнее обычного, мигом подняла оружие возмездия и наставила его на пацана.

– Ах ты, паршивец! – будто змея зашипела неуравновешенная Оксана.

– Когда же вы успели стать полоумной? – Данил всю готовился обороняться.

– Отца своего зови. Хочу говорить с ним. А предупредишь его об опасности, заколю, понял?! – нервно перебирала пальцами по рукоятке ножа она.

– Я похож на дурачка? Я знаю, что вы задумали.

– Не умничай!

– Вы пройдете внутрь только через мой труп. Хотите убить отца? Сначала убейте меня.

– Кончай геройствовать, мальчик. Ты ни в чем не виноват. А вот твой папаша – плохой человек. Пусти меня внутрь. И жди наследства.

– Не несите пургу, тетушка. Плевал я на наследство. Он

мой отец, – Озеров закрывал калитку собой. – Режьте меня – по-другому не пройдет. Готовы взять двойной грех на душу?

Оксана задумалась.

– Лучше отдайте мне нож и идите с миром. Живите, как и жили.

– Не могу... – визитершу затрясло. – Не могу я так жить больше... пока мой жених мертв, а Озеров жив... Твой отец виноват в его смерти. Сколько лет я хотела отомстить... Мне уже покойники чудятся, мальчик. Ты меня так просто не остановишь.

– Гриша сам виновен в своей смерти.

– Ты помнишь, как его зовут? Удивительно... Как бы здорово мы с ним жили... Я ждала ребенка... А моего жениха похоронили... в закрытом гробу...

– А вы виноваты в том, что не смирились с утратой, а позволили себе опуститься, сломаться, собственную жизнь разрушить, замкнуть ее на одном человеке, которого уже нет, – от былой красоты тети Оксаны не осталось и следа.

– Что ты мелишь, пацан?! Ты не знал меня. Ты не знал Гришу. Ты был мелким, когда...

– Я помню тот день, – выдал Озеров, не спуская с нее глаз. – Каждую его минуту. Помню момент его смерти. Это несчастный случай...

– Врешь! – еле сдерживала плач женщина.

– ...Я могу повторить, что говорил дядя Гриша, когда де-

лал вам предложение. Слово в слово.

Она отрицательно качала головой, ибо не могла поверить.

– Гриша сам так управил собой, что пошел проверить фейерверки и что согласился на предложение убить для моего отца. За свой выбор он поплатился жизнью. Я не думаю, что он хотел бы, чтоб вы совершили его же ошибку. Тем более из мести. Он любил вас.

Оксана разревелась и упала на колени. Дане стало искренне жаль женщину, которая со смертью жениха потеряла смысл жизни и так и не смогла оправиться. Он присел на корточки перед безутешной вдовой и аккуратно выудил нож из ее слабых замерзших пальцев.

– Отпустите его, – прошептал Озеров, приобняв женщину.

– Не могу... Не получается...

– Я тоже чувствую ваши страдания, уж поверьте. События того дня вновь и вновь будут возвращаться ко мне, к каждому из нас. У нас у всех своя боль...

– Я хочу отправиться к нему. Я все еще люблю его... Не могу без него...

– И он тоже вас любит. Но всему свое время, Оксана. Вы должны вновь поверить в себя – у вас должны найтись дела на нашей брэнной земле.

С трудом успокоив тетю Оксану, Данил посадил ее в такси и отправил восвояси. «Это вообще когда-нибудь закончится?» – спросил он, взглянув куда-то вдаль. Парнишка на

своей шкуре убедился, по какой причине его семья прекратила общаться с этой полоумной. Вроде бы отец с матерью предлагали Оксане щедрую помощь, но та просто-напросто ее отвергала.

Злополучный нож Данил припрятал и взглянул на входную дверь коттеджа. Наверняка дома мама; там же и отец. Как много Данил за последние месяцы узнал о последнем. Тем не менее он ни секунды не раздумывал над тем, чтобы защитить родных от обезумевшей вдовы. Как же он соскучился по родителям, будто не видел их целую вечность. Одновременно он как огня боялся объяснения с ними, однако все же поднялся на крыльцо и отворил входную дверь.

– Привет, сынок. Ты что-то припозднился, – произнесла из кухни мама.

В гостиной у камина сидел Владимир Аполлонович. В первые секунды он показался Дане суровым, даже озлобленным. И неспроста. Он только сейчас смог взять себя в руки после новости о потере Артура. Мужчина толком и не успел переключиться на мысли о сыне, с которым предстоит по-мужски обсудить все произошедшее.

Когда Озеров-старший увидел, как парень робко появился в прихожей, сразу же решил наплевать на бизнес и прочие дела, ибо его сын спустился в ад, в котором его папаша варится с середины 1990-х годов. Мальчик жив и здоров, а это самое главное. Мужик вскочил с кресла и спешно пошел к Данилу, желая его обнять. Он не встречал Даню таким вот

образом с самого детства. Парню даже показалось, что батя бежит к нему, чтобы отмутузить. Сколько ж студент успел наворотить, правда? Отныне Владимир Аполлонович намеревался общаться с наследником на равных, не притворствовать нисколько. Сын не посрамил отца, не опозорил фамилию.

Объятия отца стали неожиданностью для Дани, но он все равно ответил ему взаимностью. Отец и сын – ближе никого не будет.

– Все хорошо, папа? – невероятно много вложено в этот вопрос.

– Все хорошо, сынок, – невероятно много вложено в этот ответ.

Мама нарадоваться не могла, любуясь объятиями ее мужчин. «Она ничего не знает», – понял Данил. Глаза бати согласились с его догадкой – это только между отцом и сыном. Ох уж эти семейные тайны. Сколько ж их сокрыто здесь? Однако еще одну тайну Даня создавать не желал.

– Как отдохнули? – спросила его мама.

– Честно? – как на духу ответил Данил. – Я впервые в жизни нажрался в хлам, мам... И понял одно: в этом нет ничего хорошего.

Если же объединить последующие выводы, соображения и воспоминания мужской половины семейства Озеровых, то родился бы следующий текст: «Процесс по делу Олега, хозяина зловещего клуба «Хамелеон» и главаря одноимен-

ной преступной сети, был длительным и громким. При этом он достоин попадания во все учебники по юриспруденции, криминалистике и даже истории. Олегу ожидаемо впаляли пожизненное заключение без права на условно-досрочное освобождение. Без него банда, конечно же, лишилась влияния и прожила недолго. Его ближайший сподвижник Артур бесследно исчез из рук людей Озерова-старшего. Владимир Аполлонович так и не успел притворить в жизнь руками Арчи собственные планы относительно конкурирующей группировки. Винно-водочный король Челябинска предполагал, что в исчезновении правой руки Олега замешаны органы госбезопасности (удалось раскопать лишь одну фамилию – Хромов, кто бы это ни был). Не обошлось и без содействия серого кардинала Валерия Бережного, что еще долго бегал от возмездия. Позже Артур сделался полумифической фигурой и некоторое время работал на правоохранительные органы в качестве подставного лица в игре за передел криминального мира Челябинска. На него неоднократно покушались, хотя некоторые и утверждали, что лично видели данную личность мертвой. Есть версия, что Артуру удалось бежать от новых покровителей, что ради выгоды готовы были распродать его по кусочкам. Сейчас ходят слухи, что Арчи окопался в высших властных эшелонах одного из субъектов Российской Федерации (даже где-то на Урале) – конечно же, неофициально. Способностями парень одарен: приткий интеллект, подвешенный язык, харизма. Лизу, по словам Озе-

рова-старшего, в неизвестном направлении увезли два молодых гаишника. Кое-где мелькала информация, что девушка попала в программу защиты свидетелей, будучи беременной. О ее дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Одно известно точно: более вышеперечисленные лица и их последователи семейство Озеровых не беспокоили».

«На «Меридиане»»

– «Мечел» еще неделю раком будет ходить после сегодняшней мясорубки, зуб даю.

– Ага, чуть не выбили твой зуб, Бреча.

– Да плевать. Одно я знаю наверняка: «Магнитка» – чемпион!!!

– МАГ-НИТ-КА! МАГ-НИТ-КА! МАГ-НИТ-КА! – стали скандировать хоккеисты в автобусе.

Степанчук и я изумленно обернулись, хотя чему, собственно, удивляться. Победные эмоции тяжело держать в себе.

– Я оказался прав, Виталий Николаевич. Победа за нами, – самодовольно произнес я. – Я ведь говорил, что беспокоиться по пустякам не стоит: игроки в порядке, просто встали пораньше, размялись с утра, собрались с мыслями и выиграли.

– Не все прошло идеально.

– Реванш достойный. Парни заслужили небольшой побряжки....

– И этого ты хочешь от меня за победу в нашем споре? Ничего для себя, а все для этих оборванцев?

– ...И дополнительный выходной.

– Еще чего? Не жирно будет?! Не забывайся: я и за тебя отвечаю.

– По-моему, цена достойная.

– Или это очередная часть какой-то твоей многоходовочки?

– Вы догадливы, – решил схитрить я. – Если все получится, поражения сведутся к минимуму. Подробности пока не буду раскрывать.

Тренер нагнулся к водителю автобуса, чтобы узнать, где поблизости можно набить брюхо. Автобус остановился у кафе-столовой по автодороге «Меридиан», на выезде из Челябинска.

– Уверен, что в этой забегаловке никто не отравится? – спросил коуч.

– Уверен.

– Мы ненадолго. Меня уже порядком достал этот город, – засобирился на выход тренер и обратился ко мне. – А ты следи за всеми.

– А вы куда?

– Через дорогу. Там вроде ресторанчик поприличнее.

Степанчук выскользнул из автобуса одним из первых. Вот, значит, как он тут за всех отвечает.

– Парни, – объявил я, – 20-30 минут на ужин. Выходим. И в автобус не тащим ничего.

– Мы тут не траванемся? – продублировал мысль тренера Абдуллин.

– А кто тогда ночью весь «Макдак» обожрал? – предъявил вратарю Кошкарский.

– Я бы родных сейчас продал за бургер, – признался Брандобреев.

– За победу можно и разочек простить нарушение режима питания и разнообразить его фаст-фудом, – произнес я.

– Думаю, – вмешался водитель автобуса, доставая свой контейнер с едой, – они фаст-фуд периодически разбавляют правильным питанием.

– И в такой еде есть необходимые питательные калории. В тренажерке мы все сжигаем, – произнес Павлик.

– На все оправдание найдешь, хитрец.

Выходя из автобуса, я решил спросить у Митяева следующее:

– Арсен, вот все хорошо прошло. Гол, передача. Но зачем ты на стартовом вбрасывании при судьях замесил хоккеиста «Мечела». Объяснишь?

– Тема! Есть кинуть?

– Сеня, я вообще-то ответа жду, – напомнил о себе я.

– Нормальный такой гол вышел, – похлопал Митяева по спине Кошкарский. – У Арсенюка из «Металлурга-95» подсмотрел?

– Он задал мне некорректный вопрос, который оскорбляет мою маму, – ответил мне Арсений.

– Даже так? И какой же?

– Не наши ли матери в том году стучали по стеклам и отвлекали их вратаря во время игры.

– Кто им посоветовал такое?

– Какая разница? Сработало же. Мы выиграли в тот раз.

– И все-таки?

– Не знаю, – с хитрой улыбкой отмахнулся Арсений. – Без понятия.

– Арс, – подлетел к нам Костицын, – а правда, что твоя мама с Вячеславом Фетисовым знакома?

– И да, и нет.

– Так не бывает.

– Поверь мне, бывает.

Хоккеисты толпой повалили в кафешку.

– Петь, а ты чего жрать не идешь?

– Я не голоден.

– Да просто посидеть.

– Кушайте. Время идет.

Я не заметил, как позади меня остался один хоккеист.

– Петя, – бас Бречкина ни с чем не перепутать. Я испуганно обернулся.

– Чего тебе, Леша? Ты должен стоять первым в той очереди.

Неужели у этого зверя есть совесть? Возвращение медальона явно его тронуло. По лицу видно: виноват и кается. Конечно, мировоззрение меняется, думал Бречкин, когда тебе в рыло пушкой тычут.

– Я насчет вчерашнего...

– Пустяки. Забыли.

– У нас с тобой с самого начала не задалось. Я хотел...

извиниться. Я был не прав.

Я не поверил своим ушам.

– Это хорошие слова. Запомни их.

– Отдельная благодарность за медальон. Он бесценен для меня.

– Не за что. Береги его.

– Конечно, – ему стало невмоготу вещать столь пряным голосочком. – Блять, сука, ты же чокнутый. Как ты это делаешь? Я же думал, что посеял его... окончательно и бесповоротно, – Бречкин впервые сказал мне что-то доброе с настоящей улыбкой, хоть и с применением крепких словечек.

– Все мы разные, Леха. Такие, какие есть. У каждого свои фишки. Но я хочу дать тебе совет на будущее: никогда не путай энергию с настоящей силой. Сила сейчас была, а энергия выплеснулась через край вчера.

– Я учту. Спасибо.

Алексей направился в кафе вслед за товарищами. Внутри хоккеисты уже сделали заказы и заняли большинство сидячих мест.

– Просыпаюсь я, значит, от оглушительного храпа. Глаза открываю – Кошкарский.

– Вы вместе спали?

– Я не храплю, эй!

– Думаю: значит, я в общеаге. Где был, что делал – не зги не помню. Помню было весело и хорошо. Кошелек нет, всюду бутылки, на шее засосы – значит, было очень хорошо.

– Ну вы отождгли, конечно, – с белой завистью поглощал салат Коротков.

– Кому расскажешь – не поверят.

– Лучше пока никому не рассказывать.

– Но это, однозначно, самое безумное, что с нами когда-либо происходило. До сих пор в себя прийти не могу.

– А как же случай в поезде? – припомнил Гайтанов. – На границе с Казахстаном, помните?

– И там тоже, как ни странно, все на алкашке было завязано. Как мы вчера еще до комы не допились? – говорил капитан. – Хотя некоторые были близки.

– А Петькина речь тронула нашего капитана, – шепнул Мухину Шабашкин.

– Один прекрасный вечер не стоит потери здоровья.

– Говори за себя, Андроид. Тебе все равно никто не поверит. Хоккеисты ведут исключительно здоровый образ жизни, – парировал Брадобреев.

– Мы вчера ящик алкоголя выжрали.

– Разве это не здорово?! – от Пашкиного каламбура все дружно заржали.

– Ничего. Вот все уляжется, вы мозгами пораскинете и до вас дойдет. Гарантирую, – Андрюха принялся за еду.

– Если ты про вред, то на разминке лично из меня все лишнее вышло, – признался Мухин.

– Каким это образом вышло? – кашлянул Кошкарский.

– То есть тебя... кхе-кхе... не за столом будет сказано, –

Патрушев сделал жест, напоминающий рефлекторное извержение содержимого желудка через рот. – Что-то я не видел.

– Я пару раз отлучался. Чувствую себя превосходно, – не стеснялся Мухин.

– Сука, я же с тобой делился водой из своей бутылки. Тьфу!

– Шпаком поделишься?

– Теперь нет.

– Надо завязывать бухать, – отрезал Смурин. Так или иначе, все в те дни поймали себя на этой мысли.

– Предложи еще трахаться только по любви. Какая ж без этого жизнь?

– Обыкновенная.

– Серая и скучная, Серега, – констатировал Абдуллин.

– Будто это вас напугало.

– Соглашусь с Серегой. Мне вот ночью тако-о-е снилось, – заявил Богатырев.

– И не только тебе, – Глыба с Коротковым покосились на Филиппова.

– Всем приснилось всякое, – добавил Митяев.

– Мне приснилось, – продолжил Богатырев, – как у меня мозги из носа вытекли и печень отсохла.

– Это точно был сон? – со смехом спросил Зеленцов.

– Так, в следующий раз для вот этой трезвой компании покупаем сок и детское шампанское. Чтоб уж совсем не выбивались из коллектива, – внес предложение Соловьев.

– Если мы все-таки соберемся такое повторить, – предложил Чибриков, – надо приковывать друг друга наручника-ми, чтоб сильно никуда не разбредаться. А по клубам, бабам, тачкам... и вообще в город – сугубо трезвыми.

– Так неинтересно.

– А как быть с сортиром, гениальный ты наш?

– А бабы тебе чего сделали, Богдан?

– Я вот другое понял: есть на свете яйца подороже творе-ний Фаберже. Это свои собственные.

– Интересно, как там Даня? – все глянули на ночных ски-тальцев, но те проигнорировали вопрос. – Защитник-то вро-де был неплохой.

– А по мне, он посредственный защ. Языком много чесал.

– И не пьет вдобавок.

– Идея у пацана была бредовая, конечно. Но после вче-рашнего, кажется, нет ничего невозможного.

В зале появился Леша Бречкин и подлетел к одноклубни-кам.

– Только представьте, мужики, – настойчиво вещал Бреч-кин, обращаясь в первую очередь к своим коллегам по побе-гу, – как Елизаров рисковал, когда мы спокойно дрыхли?

– Рисковал тем, что боролся с соблазном не сдать нас ко-учу? – отреагировал вечно категоричный Патрушев. – Или это как-то связано с вашей ночной прогулкой?

– Просто поверь на слово, Сашок.

– Разве это не доказательство того, что он достоин быть

частью нашей команды? – поставил вопрос ребром Леха.

– Бля, я сплю?

– Вот и невозможное. И откуда? Ни с небес, ни из-под земли. Из уст Бречкина, что еще вчера...

– Ушам своим не верю.

– А чего не ты об этом вещаешь, Арс?

– Не думал, что вы такие тугие и до сих пор не пришли к такому простому выводу, – заговорил серьезно Арсений Митяев. – Елизаров уже сделал достаточно. Вам лишь кажется, что он только мешает, что-то бредовое придумывает, ведет себя по-идиотски и докучает. Но включите уже мозги, вспомните его план, его действия. Вспомните игры, тренировки. Гляньте свою статистику. Все сразу встанет на свои места.

– Говоришь так, будто он за нас и тренируется, и играет.

– Нет. Но он подтолкнул нас вперед, заставил взглянуть на себя со стороны, доказал и показал, что мы способны на большее. Стоит только выйти из зоны комфорта и умерить эгоизм.

– И ты нам твердишь об эгоизме, Арс...

– А два месяца назад, парни, – завершил мысль Митяев, – у нас бы и общего разговора толком не состоялось. Каждый ведь сам за себя, да? Смак в том, что так было... Было, слышите? И этот человек сейчас один там, на улице. Хорош болтать, – Арсен поднялся с места. – Кто со мной?

Хоккеисты переглянулись.

По автодороге «Меридиан», южным воротам Челябинска, туда-сюда бегают машины. Я стоял у автобуса и наблюдал за этим непрерывным движением. Пытался трезво поразмыслить о прошедшей ночи. Да, опять.

Звякнул колокольчик на входной двери кафешки. Я обернулся и обомлел: передо мной в полном составе выстроилась хоккейная команда «Магнитка-95».

«Доигрался... Сейчас будут бить», – подумал я.

– Петь, – выступил Митяев, – от лица команды – всех без исключения – хотел поблагодарить тебя за все, что ты сделал для нас сегодня...

– Это что, розыгрыш? – не поверил я.

– ...И за все, что ты сделал для нас прежде. И за все, что еще обязательно сделаешь...

Нет, точно не розыгрыш. Бесконечное количество раз я представлял сей момент – уже не верил, что он наступит.

– Ребята...

– Но методы у тебя, конечно, атас полный.

– Помогают ведь.

– Ты должен знать еще кое-что, – добавил Кошкарский. –

Ничего так не сплочает хоккеистов, как три вещи...

– Пьянка, драка и групповуха, – продолжил Брадобреев.

Прописная истина, подумал я, глядя на пацанов. Где подвох? Разве не банального признания своих заслуг я ждал все это время?

– Нежданчик. Конкретный.

– Только в обморок не рухни.

– Еще чего, – я не мог подобрать нужных слов, отчего действительно можно в обморок свалиться. – Ни в коем случае. А вы умудрились заметный след оставить в этом городе...

– Еще мягко сказано.

– ...Как и я, благодаря вам. Это же... психологическая травма на всю жизнь, – с иронией вещал я.

– Ты тоже не подарок. Но тебе ведь это нравится, – произнес Арсений. Остальные согласились.

– Хм, не то слово. Но все во благо – это основная цель. Хм, если б вас всех к чертовой бабушке разогнали, кем бы я командовал? Все просто.

– А если серьезно? Ты вот нас строжишь, поучаешь, херачишь постоянно на чем свет стоит, а тут взял и из безвыходной ситуации вытащил.

– Несвойственный мне приступ гуманизма.

– Петь, – обратился ко мне Арсений Митяев, – хотя бы минуту не придуривайся и ответь нормально.

– Нормально? – задумался я, опустив голову. Что означает это «нормально»? Кто ж я на самом деле? Запутался в конец.

– Мы давно обо всем догадались. Старая фишка, – произнес Малкин. – Ты создал нам общего врага, чтобы мы все сплотились против него. И место этого врага занял ты сам.

– Может, да. А может, и нет, – вилял я. – Выходит, вы все знаете, все поняли. Следовательно, надобности во мне отныне нет.

– Если бы надобность отпала, мы бы сейчас в таком дерьме плавали, что представить сложно, – высказался Бречкин. Многим до сих пор не по себе от таких слов из уст неуравновешенного и беспринципного Леши.

– Вы спросили, парни, почему я пошел на такой риск? – решил ответить я. – Потому что так правильно. Потому что по-пацански это. Потому что в настоящей, сплоченной, непобедимой команде, которую мы строим, такой жест – в порядке вещей. А я, скорее, человек из другого мира. Мира, что я хотел перенести в нашу действительность. Может, даже навязать вам. Мира, что уже давно в прошлом. Мира, в котором люди еще имеют хоть каплю чести и достоинства. Ни в коем случае не безразличия. Мира, в котором люди способны даже в ущерб самому себе выручить другого человека и ничего при этом не попросить взамен. Думаю, это самый главный урок, который я хотел бы донести до каждого из вас. Чтобы вы стали не только отличными хоккеистами, но и достойными людьми.

– Не убавить, не прибавить.

– Не судите меня строго, пацаны. Это от чистого сердца. Я никогда не был троллем и предателем. Я за дело, когда оно благородное и правильное.

– Мы это поняли.

– Тебе бы в следователи.

– Нет, детей учить.

– Лучше уж в мэрии сидеть.

– Погодите. Мы еще с вами не закончили. Рано расслабились.

– Надо же, захочешь тебя забыть – ни хуя не выйдет, – усмехнулся Смури.

– Вот стану тренером или спортивным директором – вот тогда держитесь у меня, – с улыбкой погрозил пальцем я.

Все пожимали мне руки, обнимали, хлопали по спине и плечам. Теперь уж точно: искренне, по-свойски, без притворства, заслуженно. Эх, сколько ж я пережил, чтоб приблизить этот момент. Остается надеяться, что в следующий раз они хорошенько подумают, прежде чем идти наперекор режиму. Никто и предположить не мог, что рядовой выезд перевернет парадигму моих отношений с хоккеистами. И не только – я и сам кардинально изменился (да и много кто еще). А вот в какую сторону, время покажет.

– Спасибо, мужики. Не представляете, как это важно для меня.

– Если что, обращайся сразу же. Поможем всегда. Каждый из нас.

– Идите есть. Поназаказывали всего – остынет же. А дальше нас с вами ждут великие дела, – я отправил всех доедать заказанное в кафе. Рад был несказанно.

Такую сцену явно не одобрит Виталий Николаевич. Подумает, что я переметнулся, сговорился с хоккерами и буду теперь его дискредитировать. Я не предполагал, что Степанчук все видел издали. Такое никак не входило в его пла-

ны. У него теперь два пути: жестоко приструнить меня либо просто выгнать. Во время обратной дороги он обязательно поразмыслит над этим.

После ужина до отправления оставалась парочка свободных минут. Хоккеисты дружно стояли своими компаниями и болтали.

– Гляди, чего продали, – Брადобреев тихонечко подошел к Митяеву и показал бутылки пива. Павлик традиционно прятал под полами куртки.

– Спрячь сейчас же. Ты неисправим, дурик, – оглянулся Митяев.

– Самое то в дорогу.

– А сиги младенцам там тоже продают?

– Могу спросить. А тебе зачем?

– Отличный пас ты сегодня выдал Митяеву, Пашка, – от моих слов откуда-то сзади Брადобреев чуть не выронил заветные бутылки. – Повезло же оказаться в нужном месте и в нужное время.

– Хорошему игроку всегда везет, – заверил Павлик и решил тихонечко перенести купленное в автобус.

Поодаль Иван Пирогов подошел к загруженному мыслями Никите Зеленцову:

– Пашка тут прикупил кое-чего. Поэтому, как поедем, я подсяду к тебе, наскребу немного пивка и чипсов. А ты расскажешь мне все, что тебя гложет.

– Но...

– И не отнекивайся.

– На то уйдет вечность, Ваня.

– Поездка только началась, – заверил друга Пирогов.

– Отлично сегодня стоял, Пирожок! – крикнули киперу сзади.

Митяев тем временем развернулся ко мне, раскинув руки:

– Братишка, ты сегодня всех порвал.

– Нет, твой сокрушительный удар этой речью был посильнее, – ответил я.

– Ну это же правда.

– Не спорю. Идейным вдохновителем выступил, конечно же, ты...

Сеня кивнул.

– ...А еще мне известно, что именно ты – главный организатор всей ночной свистопляски.

– А ты умный сукин сын, Елизаров.

– Поражаюсь, как ты не заметил этого ранее. Так вот: не будь ты моим другом, вы бы не жрали сейчас картошку фри.

– Я уже и поблагодарил, и извинился.

– Но понял ли ты смысл? А остальные его поняли?

Митяев замешкался с ответом.

– Знаешь, Сеня, что светит, но не греет? Пять лет строга-ча.

– Смеешься? Мы на столько не набрали. Ты же все разрулил. Что, нас даже искать не станут?

– Думаю, что нет. А если и хватятся, то мы уже будем

далеко отсюда. Вы ввязались в опасную игру, в которой куча всяких фигурантов, отчего у ментов сейчас есть дела поважнее. Знаешь, иногда нам кажется, что мы вершим историю и мир вращается вокруг нас. Но на самом деле мы всего лишь песчинки в бескрайней пустыне случайностей и совпадений. Так же и здесь: органы замучаются распутывать клубок, что образовался прошлой ночью – уйдут месяцы, чтобы разобраться.

Арсений улыбнулся и легонечко ударил меня в грудь:

– Типа хорошо то, что хорошо кончается? Мы еще и выиграли после такой бурной ночи. Что же нам еще по силам?

– Лучше не проверять, – насторожился я.

«Видимо, у «Мечела» была пьянка похуже, – прикинул я. – Хотя куда еще хуже?»

– То, что вы сделали, нехорошо. Даже аморально.

– Ты просто не умеешь расслабляться.

– Арс, мы же это с тобой уже обсуждали.

– Душнила!

– А вот, что я тебе скажу: вся проблема нашего мира в том, что он наказывает за ошибки вместо того, чтоб награждать за блестящие достижения. Однажды любая ошибка может стать фатальной. А если вдруг ты...

– Стоп! Завязывай. Рот на замок. Опять эта твоя забота?

– Мне просто хочется, чтобы ты достиг успеха. Разве не к этому ты стремишься с самого детства?

Митяеву внезапно вспомнился сон-воспоминание. Зима.

Воскресенье. Каток. Отец. Форвард решил отшутиться:

– Получился ведь занятный выезд, согласишься? О таком в твоих учебниках не пишут. Учение – свет, а жизнь дороже.

«Дневник свой, что ли, почитать? Хотя нет, с меня достаточно сумасшедших историй», – я сжал в руках ежедневник, глядя на неугомонного нарушителя спокойствия. Что мне еще нужно сказать в школе, чтобы ему вместо двоек в журнал дали задание (еще какой-нибудь конспектик написать).

– Все спросить хотел. Что у тебя в этой книжечке?

– Это мой дневник.

– Школьный, что ли?

– Нет, личный.

– И ты туда типа все фиксируешь?

– Ага. Чувствую, что его явно не хватит для событий последних дней.

Что бы случилось, если б я не попал на этот выезд?

– Ума не приложу, как тебе вообще интересно возиться со всем этим?

– Не возись я со всем этим так искусно, я не стал бы отличником, старостой класса, не попал бы в хоккейную школу и не успевал бы помогать тебе с учебой. Тебе, кстати, нужно многое сделать к понедельнику.

– А я не пойду в школу.

– Почему?

– Скажу, что... у меня тренировки весь день. А тетрадки

через тебя передам.

Я неодобрительно фыркнул.

– Знаешь, Петь, чего тебе реально необходимо?

– Ну-ка, излей на меня свою мудрость. Подожди, надо за что-нибудь зацепиться, дабы меня не сдуло потоками твоей гениальности.

– Сарказм – это не твое.

– Разве? Если ты сейчас скажешь про приключения, то больше не нужно, спасибо.

– Тебе девушка нужна. Тогда ты и бросишь весь свой ненужный хлам.

– Если б не ненужный хлам... – вновь хотел переубедить друга я.

– Ничего не хочу слышать.

– Где же мне найти подходящую? Наверное, она должна быть такой же повернутой, как и я.

– Необязательно.

– С моей удачливостью я ее не то что в постель... в кресло затащить не смогу.

– Это тоже делать необязательно... в первое время. Ты просто не пробовал. Ты вообще с девчонками не об учебе когда-нибудь разговаривал? Могу научить.

– О-о, где ты и где я?

– Дело не в мускулах.

– Ага, кто бы говорил. А надо ли вообще?

– Надо.

– Надо ехать, – я решил слиться с неудобного разговора.

– Ни один нормальный пацан твоего возраста не напросится в хоккейную школу, чтобы устроить в ней переворот, который ты учинил. Ты ненормальный.

– И хорошо! Нормальный не пошел бы на такое. А мне вот хочется. Нормальный послал бы все, что случилось ночью, в жопу и отправился спать. Нормальный не стал бы помогать двоечнику лучше, чем самому себе. Нормальный...

– Хорош, Петя.

– Отношения – это, конечно, прикольно, Арс. Но тебя когда-нибудь перебивал учитель, чтобы сказать, что у тебя пятерка?

Арсений, услышав мой аргумент, разочарованно покачал головой.

– После историй с вашими девчонками, в которые я нелепциприятно угодил, мне как-то неохота заплывать в эту заводь вновь.

– Учти, мы еще вернемся к этому вопросу.

– Ты придешь в школу в понедельник, – уверенно бросил я.

– Нет, я буду спать дома.

– Хотя бы на три урока.

– Ты прям как моя мама.

Я спешно побрел к автобусу.

– Ты обещал мне все рассказать о прошлой ночи, – напомнил Арсений мне вслед.

– Расскажу, – я остановился и пронзительно взглянул на 17-го номера «Магнитки-95». – Я сейчас вдруг понял кое-что... Отныне путь в Челябинск мне заказан.

г. Магнитогорск

г. Челябинск

с. Абзаково

с. Ассы

Март-июль 2020 года;

март 2021 года – май 2022 года

ПОСВЯЩЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

Книгу, которую Вы держите в руках, хотел бы в первую очередь посвятить всем хоккеистам, нынешним и бывшим. Вы достойны уважения!

Также книга посвящается всем, кто прямо или косвенно связан с хоккеем: тренерам, техническому персоналу, болельщикам и родителям спортсменов в особенности.

И, конечно же, двум прекрасным городам: Челябинску и Магнитогорску. И их хоккейным школам: «Трактору» и «Металлургу».

P.S. Странно получилось. Начинал сочинять книгу о хоккее на 100 страничек, а она в итоге получилась об алкоголе и обо всем, что он делает с людьми. И о случайностях, обстоятельствах и превратностях судьбы, которые наполняют нашу жизнь. Куда ж без них?

Выражаю особую благодарность:

1. Дмитрию Арсенюку – моему другу, профессиональному хоккеисту, благодаря которому я когда-то открыл с совершенно иной стороны такой замечательный вид спорта, как хоккей с шайбой, а также его родителям – Дмитрию Вале-

рьевичу и Марине Анатольевне, которые без стеснения поделились интересными и забавными историями;

2. Анне Малашта и Маргарите Максutowой – моим коллегам по работе в администрации города Магнитогорска, которые были точны в замечаниях и оценках черновиков этой книги и которые мотивировали меня сочинять, несмотря ни на что;

3. Артему Кириевскому – моему другу, который не позволяет мне расслабиться по жизни (в хорошем смысле).

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

**Состав хоккейной команды «Магнитка-95» (по ам-
плуа):**

Виталий Николаевич Степанчук, тренер

Петр Елизаров, рассказчик, учащийся десятого класса, ас-
систент тренера, друг Арсения Митяева

Артем Абдуллин, вратарь

Иван Пирогов, вратарь

Александр Патрушев, нападающий

Алексей Бречкин, нападающий, основной тафгай коман-
ды

Анатолий Костицын, нападающий

Антон Малкин, нападающий

Арсений Митяев, нападающий, негласный лидер коман-
ды, друг и одноклассник Петра Елизарова

Артур Гайтанов, нападающий

Богдан Чибриков, нападающий

Дмитрий Коротков, нападающий

Илья Вольский, нападающий (в списке травмированных)

Павел Брадобреев, нападающий

Сергей Богатырев, нападающий

Сергей Смурин, нападающий

Сергей Соловьев, нападающий
Степан Кошкарский, нападающий

Андрей Волчин, защитник, капитан команды
Антон Филиппов, защитник
Владимир Шабашкин, защитник
Денис Акмальдинов, защитник
Никита Глыба, защитник
Никита Зеленцов, защитник
Никита Зленко, защитник
Павел Мухин, защитник

Иные персонажи романа (по алфавиту):

Айзик Соломонович, хозяин заправки, дядя Давида
Алексей, заправщик, друг и одноклассник Артура
Алина Вильде, девушка Степана Кошкарского
Амира, студентка колледжа, подруга Светланы
Андрей, студент колледжа, работник скупки металлолома, сын Михаила Григорьевича и Варвары Петровны, парень Виктории, злейший враг Глеба
Анна, студентка, новая знакомая Данила Озерова
Антонина, пенсионерка, мать Игоря, хозяйка Бусинки
Арина, девушка Никиты Зеленцова
Артур (Арчи), сутенер, правая рука Олега Валентиновича, жених Татьяны Строймиловой, любовник Елизаветы
Бусинка (Буся), потерявшийся той-терьер Антонины

Вадим, студент колледжа, владелец «Копейки», знакомый Марка и Галиба, враг Глеба

Валерий Александрович Барзило, капитан ППС, напарник Виталия

Валерий Бережной, влиятельный политический деятель, брат Ивана Бережного

Варвара Петровна, кассир автовокзала, уборщица, супруга Михаила Григорьевича, мать Андрея, страдающая алкогольной зависимостью

Виктор Борисович Меркурьев, полковник, начальник челябинского УМВД, боевой друг Владимира Аполлоновича Озерова, знакомый Валерия Бережного и Тиграна Хасановича

Виктор, безработный, брат Глеба, парень Светланы

Виктория, студентка колледжа, девушка Андрея, бывшая девушка Глеба и Давида

Виталий, сержант-стажер ППС, напарник Валерия Александровича Барзило, парень Натальи

Владимир Аполлонович Озеров, криминальный авторитет, владелец городской сети алкомаркетов, отец Данила Озерова, конкурент Олега Валентиновича и Артура

Вячеслав, студент колледжа, бармен в клубе «Хамелеон», друг Данила Озерова

Галиб, студент колледжа, друг Марка, знакомый Вадима

Галина Степановна, администратор гостиницы в общежитии колледжа

Герасимов (Гек), сотрудник частного охранного предприятия, знакомый Валерия Александровича Барзило

Глеб, студент колледжа, малолетний преступник, предводитель местной шпаны, брат Виктора, бывший парень Виктории, враг Андрея и Вадима

Гордей, помощник и телохранитель Тиграна Хасановича

Григорий, жених Оксаны, друг Владимира Аполлоновича

Гульназ, домработница в особняке Озеровых, знакомая Михаила Григорьевича

Давид, студент колледжа, заправщик, племянник Айзика Соломоновича, бывший парень Виктории, знакомый Ярослава

Данил Озеров, студент, сын Владимира Аполлоновича Озерова, знакомый хоккеистов из команды «Магнитка-95», друг Вячеслава

Дарья Лопушанская, супруга Игоря Лопушанского

Елена, студентка, гостья Данила Озерова

Елизавета, бывшая элитная проститутка, любовница Олега Валентиновича и Артура, соперница Татьяны Строймиловой

Иван Бережной (Василий Иванов), администратор клуба «Хамелеон», брат Валерия Бережного

Игорь Лопушанский, авантюрист, владелец «BMW X5», муж Дарьи Лопушанской

Игорь, сержант ДПС, напарник Ярослава, сын Антонины

Илья Александрович, адвокат, медиатор, председатель

челябинского клуба любителей ретроавтомобилей, друг Михаила и Льва

Карен, телохранитель Олега Валентиновича

Косяк, студент колледжа, наркодилер, друг Глеба и Серого

Лев, системный администратор, программист, член челябинского клуба любителей ретроавтомобилей, друг Ильи Александровича и Михаила

Марк, студент колледжа, друг Галиба, знакомый Вадима

Марья Константиновна, заведующая архивом Тракторозаводского райотдела полиции

Марья Степановна, пенсионерка, соседка Андрея, Михаила Григорьевича и Варвары Петровны

Михаил Григорьевич, слесарь, супруг Варвары Петровны, отец Андрея, страдающий алкогольной зависимостью

Михаил, механик, член челябинского клуба любителей ретроавтомобилей, друг Ильи Александровича и Льва

Наталья Михайловна, инвалид-колясочник, супруга Равиля, мать Руслана

Наталья, начальник службы безопасности клуба «Хамелеон», девушка Виталия

Никита, оперативный дежурный Тракторозаводского райотдела полиции

Николай, бывший военный, правая рука Владимира Аполлоновича Озерова

Новиков, подполковник, начальник челябинской ДПС

ГИБДД

Оксана, уборщица в сетевом продовольственном магазине, невеста Григория

Олег Валентинович, криминальный авторитет, владелец клуба «Хамелеон», начальник Артура, любовник Елизаветы, злейший враг Владимира Аполлоновича Озерова

Павел, знакомый Владимира Аполлоновича Озерова, отец Полины

Полина, детская любовь Данила Озерова

Равиль, работник ЧМК, супруг Натальи Михайловны, отец Руслана

Роман, таксист, шизофреник, kleптоман, сторонник различных теорий заговора

Руслан, студент колледжа, сын Равиля и Натальи Михайловны, знакомый Рыжего и Глеба

Рыжий, малолетний преступник, сподвижник Глеба, знакомый Руслана

Светлана, студентка колледжа, девушка Виктора, подруга Амиры

Серый, студент колледжа, друг Глеба и Косяка

Татьяна Строймилова, бывшая элитная проститутка, невеста Артура, соперница Елизаветы

Тигран Хасанович, хозяин скупки металлолома, начальник Андрея и Гордея, знакомый Валерия Бережного и Виктора Борисовича Меркурьева

Хромов, таинственный сотрудник ФСБ, предположитель-

но замешанный в исчезновении Артура

Цыган, сторож челябинского ДОСААФ, вор со стажем

Чукин (Чук), сотрудник частного охранного предприятия, знакомый Валерия Александровича Барзило

Ярослав, сержант ДПС, напарник Игоря

Персонажи романа, чьи имена не раскрываются:

Вахтер общежития колледжа

Водитель автобуса хоккейной команды «Магнитка-95»

Врач приемного отделения одной из больниц Челябинска, знакомый Андрея

Девушка-оператор заправки на автодороге «Меридиан», на которой работает Алексей

Девушка-оператор службы заказа такси, с которой общается Роман

Жена Льва, с которой общаются Илья Александрович и Михаил

Заместитель Натальи, начальника службы безопасности клуба «Хамелеон»

Игрок хоккейной команды «Молот», по вине которого получил травму Илья Вольский

Командир СОБРа, майор

Мать Данила Озерова, жена Владимира Аполлоновича Озерова, наниматель Гульназ

Мать Татьяны Строймиловой, пенсионерка

Менеджер заправки на автодороге «Меридиан», на кото-

рой работает Алексей

Напарник Николая, знакомый Владимира Аполлоновича Озерова

Наркодилер, который общается с Русланом в туалете клуба «Хамелеон»

Отец Игоря, пенсионер, бывший работник правоохранительных органов

Помощник Виктора Борисовича Меркурьева, лейтенант, клиент Елизаветы

Помощница следователя по особо важным делам Следственного комитета Челябинской области

Следователь по особо важным делам Следственного комитета Челябинской области

Фантом (Голос, Человек), автор

Фельдшер в ледовом дворце «Мечел»

Прочие незначительные персонажи романа или их группы:

Security в клубе «Хамелеон», группа молодых людей

Дети на загородном выезде летом 1999 года

Игроки прочих хоккейных команд

Местная малолетняя шпана под предводительством Глеба

Налетчики, избившие Виктора, что привело к его встрече со Светланой

Отряды СОБРа на скупке металлолома и в клубе «Хамелеон»

Привокзальный бомбила, который подвозит Андрея и
Викторию

Толпа гостей клуба «Хамелеон», разновозрастная публика

Фельдшеры скорой помощи (помоложе и постарше), прибывшие на вызов на улицу Орджоникидзе

Челябинское высшее общество, в которое жаждет попасть
Игорь Лопушанский